

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

**Известия
Юго-Западного
государственного
университета
Серия: Экономика. Социология. Менеджмент
Научный журнал**

Том 11 № 3 / 2021

**Proceedings
of the Southwest
State University
Series: Economics, Sociology and Management
Scientific Journal**

Vol. 11 № 3 / 2021

**Известия Юго-Западного
государственного университета.
Серия: Экономика. Социология. Менеджмент**

**(Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta.
Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment)**

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследований в таких отраслях, как экономические, философские и социологические науки.

Основными разделами журнала являются:

- тренды мировой и национальной экономики;
- модернизация и инновационно-технологическое развитие экономики;
- управление в социально-экономических системах;
- экономическая политика и механизмы ее реализации;
- государство и бизнес на пути цифровой трансформации;
- актуальные проблемы развития региональных социально-экономических систем;
- экономика и организация деятельности предприятий, отраслей, комплексов;
- приоритеты развития маркетинговой и логистической деятельности;
- социально-экономическое прогнозирование и моделирование;
- институциональные факторы развития экономических систем;
- проблемы и перспективы развития финансового сектора;
- трудовые ресурсы и образование;
- социально-экономические проблемы современного общества;
- философские исследования природы, общества, человека;
- научные исследования молодых ученых.

В журнале публикуются оригинальные работы (ранее не опубликованные), в том числе обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители общественности, бизнеса и органов власти.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU. Журнал индексируется в международной базе данных Ulrichsweb (Ulrich's Periodicals Directory).

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Экономические науки: 08.00.01; 08.00.05; 08.00.10; 08.00.13, 08.00.14.

Философские науки: 09.00.03; 09.00.08; 09.00.11, 09.00.13.

Социологические науки: 22.00.03; 22.00.04; 22.00.06, 22.00.08.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Емельянов Сергей Геннадьевич, д-р техн. наук, профессор, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, ректор, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Вертакова Юлия Владимировна, д-р экон. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамов Александр Петрович, д-р социол. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Асеева Ирина Александровна, д-р филос. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Бабкин Александр Васильевич, д-р экон. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия)

Беспарточный Борис Дмитриевич, д-р социол. наук, профессор, Курский филиал Финуниверситета при Правительстве РФ (Курск, Россия)

Бодрунов Сергей Дмитриевич, д-р экон. наук, профессор, Институт нового индустриального развития им. С. Ю. Витте (Санкт-Петербург, Россия)

Буданов Владимир Григорьевич, д-р филос. наук, доцент, Институт философии РАН (Москва, Россия)

Галенко Валентин Павлович, д-р экон. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург, Россия)

Герасимова Ирина Алексеевна, д-р филос. наук, профессор, Институт философии РАН (Москва, Россия)

Гребенщикова Елена Георгиевна, д-р филос. наук, Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия)

Давыдов Владимир Михайлович, д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН, Институт Латинской Америки РАН (Москва, Россия)

Зотов Виталий Владимирович, д-р социол. наук, профессор, Московский физико-технический институт (национально-исследовательский университет) (Москва, Россия)

Мкртчян Вардан Суренович, д-р техн. наук, профессор, Университет управления, информационной науки и технологии (Сидней, Австралия)

Минакова Ирина Вячеславна, д-р экон. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Плотников Владимир Александрович, д-р экон. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург, Россия)

Подгорный Борис Борисович, д-р социол. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Полянин Андрей Витальевич, д-р экон. наук, профессор, Среднерусский институт управления (Орел, Россия)

Преображенский Борис Георгиевич, д-р экон. наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Воронеж, Россия)

Рисин Игорь Ефимович, д-р экон. наук, профессор, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)

Харламов Андрей Викторович, д-р экон. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург, Россия)

Учредитель и издатель:

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Адрес учредителя, издателя и редакции

305040, г.Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Телефон: (4712) 22-25-26,

Факс: (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ПИ №ФС77-44617 от 15.04.2011).

ISSN 2223-1552 (Print)

Сайт журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieconom/>

© Юго-Западный государственный университет, 2021

Материалы журнала доступны под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Типография:

Полиграфический центр
Юго-Западного государственного
университета, 305040, г. Курск,
ул. 50 лет Октября, 94

Подписка и распространение:

журнал распространяется
по подписке.

Подписной индекс журнала 44284
в объединенном каталоге
«Пресса России».

Периодичность: один раз в два месяца

Свободная цена.

Оригинал-макет подготовлен А. Е. Серебряковой

Подписано в печать 30.06.2021. Формат 60х84/8.

Дата выхода в свет 09.07.2021.

Бумага офсетная. Усл.печ.л. 34,0.

Тираж 1000 экз. Заказ 31.

16+

Proceedings of the Southwest State University Series: economics, Sociology and Management

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication is to publicly present to the scientific community the scientific results of fundamental, applied, problem-oriented scientific research in industries such as economic, philosophical and sociological sciences.

The main sections of the journal are:

- trends of the world and national economy;
- modernisation and innovative technological development of economy;
- management in socio-economic systems;
- economic policy and mechanisms of its realization;
- the government and business on the path of the digital transformation;
- actual problems of regional socio-economic systems development;
- economics and organization of enterprises, industries, complexes;
- development priorities of marketing and logistics activities;
- socio-economic forecasting and modelling;
- institutional factors of economic systems development;
- problems and prospects of the financial sector development;
- human resources and education;
- socio-economic problems of modern society;
- philosophical study of nature, society and human;
- scientific researches of young scientists.

The journal publishes original works (previously unpublished), including review articles, reviews, and discussions relevant to the subject of the publication.

Target audience: scientists, faculty of educational institutions, expert community, young scientists, graduate students, interested representatives of the public, business and government.

The magazine adheres to an open access policy. Full-text versions of articles are available on the website of the journal, the scientific electronic library eLIBRARY.RU. The journal is indexed in the international database Ulrichsweb (Ulrich's Periodicals Directory).

The journal is included in the list of leading scientific journals and publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Ministry of Education and Science, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Doctor of Science, Candidate of Science (Ph.D) in the following scientific specialties should be published:

Economic sciences: 08.00.01; 08.00.05; 08.00.10; 08.00.13, 08.00.14.

Philosophical sciences: 09.00.03; 09.00.08; 09.00.11, 09.00.13.

Sociological sciences: 22.00.03; 22.00.04; 22.00.06, 22.00.08.

EDITOR-IN-CHIEF

Sergey G. Yemelyanov, Doctor of Engineering Sciences, Professor, a Holder of the Russian Government Prize in the Field of Science and Engineering, Rector of the Southwest State University (Russia, Kursk)

DEPUTY EDITOR

Yuliya V. Vertakova, Doctor of Economic Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Aleksandr P. Abramov, Doctor of Sociology, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Irina A. Aseyeva, Doctor of Philosophy, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Babkin, Doctor of Economics, Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russia)

Boris D. Bespartochny, Doctor of Sociology, Professor, Kursk branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Kursk, Russia)

Sergei D. Bodrunov, Doctor of Economics, Professor, Institute for New Industrial Development S. Yu. Witte (St. Petersburg, Russia)

Vladimir G. Budanov, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Vladimir M. Davydov, Doctor of Economics, Professor, Correspondent member of Russian Academy of Sciences, Institute of Latin America RAS (Moscow, Russia)

Irina A. Gerasimova, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Valentin P. Galenko, Doctor of Economics, Professor, St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russia)

Elena G. Grebenshchikova, Doctor of Philosophy, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of S (Moscow, Russia)

Andrei V. Kharlamov, Doctor of Economics, Professor, St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russia)

Vardan S. Mkrttchain, Doctor of Engineering, Professor, HHH University (North Ryde, Australia)

Irina V. Minakova, Doctor of Economics, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Vladimir A. Plotnikov, Doctor of Economics, Professor, St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russia)

Boris B. Podgorny, Doctor of Sociology, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Andrei V. Polyanin, Doctor of Economics, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Orel, Russia)

Boris G. Preobrazhensky, Doctor of Economics, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Voronezh, Russia)

Igor E. Risin, Doctor of Economics, Professor, Voronezh State University (Voronezh, Russia)

Vitalij V. Zotov, Doctor of Sociology, Professor, Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University) (Moscow, Russia)

Founder and Publisher :
“Southwest State University”

**Official address of the Founder, Publisher
and Editoriat Office:**

305040, Russia, Kursk, ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Phone: (+74712) 22-25-26,

Fax: (+74712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:

The Federal Supervising Authority in the Field
of Communication, Information Technology and Mass media
(PI №FS77-44617 of 15.04.2011).

ISSN 2223-1552 (Print)

Web-site: <https://swsu.ru/izvestiya/serieconom/>

© Southwest State University, 2021

Publications are available in accordance with
the Creative Commons Attribution 4.0 License

Printing office:

Printing Center
of the Southwest State University,
305040, Russia, Kursk,
ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Subscription and distribution:

the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44284 in the General
Catalogue “Pressa Rossii”

Frequency: once in two months

Free-of-control price.

Original lay-out design: A. E. Serebryakova

Sent to the printer 30.06.2021. Format 60x84/8.

Release date 09.07.2021.

Offset paper. Printer's sheets: 34,0.

Circulation 1000 copies. Order 31.

16+

СОДЕРЖАНИЕ

ТРЕНДЫ МИРОВОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ	10
Оригинальные статьи	
Экономические кризисы XXI века: специфика, тенденции, последствия	10
<i>Бессонова Е. А., Свеженцева К. И.</i>	
Нефтегазовый комплекс России как гарант энергетической безопасности страны в условиях пандемии	22
<i>Кузьмина В. М.</i>	
Новые перспективы экспорта российского мяса на рынок Китая	32
<i>Федотова Г. В., Куразова Д. А.</i>	
ГОСУДАРСТВО И БИЗНЕС НА ПУТИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ	44
Оригинальные статьи	
Современное состояние цифровой экономики в России и перспективы ее развития	44
<i>Шманёв С. В.</i>	
Развитие «умных деревень» как инструментальной концепции организационно-экономического управления сельскими территориями в условиях цифровизации экономики	53
<i>Полушкина О. О., Кузнецов И. А.</i>	
Эволюция категории «методология исследования инновационной деятельности» в цифросетевой экономике	63
<i>Овчинникова Т. И., Булгакова И. Н.</i>	
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ	78
Оригинальные статьи	
Оценка эффективности органов внешнего финансового контроля в региональном аспекте	78
<i>Кулагина Н. А., Плотников В. А.</i>	
Оценка доли малых инновационных предприятий в российских регионах	91
<i>Пиньковецкая Ю. С.</i>	
Оценка основных показателей, характеризующих качество жизни населения региона	100
<i>Хаустова Т. В., Соклаков А. А., Черкашина Т. А., Дроздов В. И.</i>	
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ	115
Оригинальные статьи	
Циркулярная экономика как движущая сила устойчивого развития хозяйствующих субъектов	115
<i>Сотникова О. А., Жидко Е. А., Алферов М. М.</i>	
Автоматизация оценки эколого-экономического ущерба от техногенных пожаров	125
<i>Кирильчук И. О., Беседин А. В., Иорданова А. В.</i>	
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОГО СЕКТОРА	138
Оригинальные статьи	
О перспективах фонда национального благосостояния	138
<i>Шманёв С. В., Татарников А. А.</i>	
Перспективы развития платёжных услуг российских банков в условиях цифровизации экономики	147
<i>Обухова А. С., Казаренкова Н. П.</i>	
ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ И ОБРАЗОВАНИЕ	159
Оригинальные статьи	
Проблемы обеспечения прогрессивной динамики развития человеческого капитала в условиях цифровизации	159
<i>Мищенко А. В., Колмыкова Т. С.</i>	

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА.....	170
Оригинальные статьи	
Субъективные границы и солидарность современного российского рабочего класса.....	170
<i>Гаврилюк Т. В., Гаврилюк В. В.</i>	
Социально-политическая активность молодежи: от доверия власти к сотрудничеству.....	186
<i>Чернов А. С.</i>	
Формирование профессиональных навыков в контексте цифровизации экономики	195
<i>Килимова Л. В., Фролова А. С.</i>	
ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДЫ, ОБЩЕСТВА, ЧЕЛОВЕКА	208
Оригинальные статьи	
Аксиологическая составляющая покупок образовательных услуг	208
<i>Волохова Н. В.</i>	
Еще к истолкованию «децизионизма К. Шмитта»	216
<i>Мальцев К. Г., Мальцева А. В.</i>	
Влияние СМИ на формирование социокультурных ценностей семьи.....	230
<i>Коблева З. Х.</i>	
НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ.....	241
Оригинальные статьи	
Актуальные вопросы региональной цифровой трансформации экономики.....	241
<i>Приходченко О. С., Пияльцев А. И.</i>	
Оценка инвестиционной активности регионов ЦФО.....	252
<i>Колесник М. К.</i>	
Профиль угроз экономической безопасности региона: алгоритм составления и цели практического применения.....	262
<i>Носкин С. А.</i>	
Методический инструментарий формирования ключевых компетенций при управлении государственными закупками	271
<i>Орлюк А. В.</i>	
Удаленная работа офисов в условиях пандемии: опыт Китая	281
<i>Дин Шуи</i>	
К сведению авторов	292

CONTENT

TRENDS OF THE WORLD AND NATIONAL ECONOMY.....	10
Original article	
Economic Crises of the 21 Century: Specifics, Trends, Consequences	10
<i>Elena A. Bessonova, Karina I. Svezhentseva</i>	
The Oil and Gas Complex of Russia as a Guarantor of the Country's Energy Security in a Pandemic.....	22
<i>Violetta M. Kuzmina</i>	
New Prospects for the Export of Russian Meat to the Chinese Market	32
<i>Gilian V. Fedotova, Diana A. Kurazova</i>	
THE GOVERNMENT AND BUSINESS ON THE PATH OF THE DIGITAL TRANSFORMATION.....	44
Original article	
The Current State of Digital Economy in Russia and the Prospects of its Development.....	44
<i>Sergey V. Shmanev</i>	
Development of "Smart Villages" as a Toolkit of the Concept of Organizational and Economic Management of rural Areas in the Context of Digitalization of the Economy.....	53
<i>Olga O. Polushkina, Igor A. Kuznetsov</i>	
Evolution of the Category "Methodology of Innovation Research" in the Digital Network Economy	63
<i>Tatyana I. Ovchinnikova, Irina N. Bulgakova</i>	
ACTUAL PROBLEMS OF REGIONAL SOCIO- ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT	78
Original article	
Assessment of the Effectiveness of External Financial Control Bodies in the Regional Aspect.....	78
<i>Natalia A. Kulagina, Vitaly A. Plotnikov</i>	
Assessment of the Share of Small Innovative Enterprises in Russian Regions.....	91
<i>Yuliia S. Pinkovetskaia</i>	
Assessment of the Main Indicators Characterizing the Quality of Life of the Population of the Region.....	100
<i>Tatiana V. Khaustova, Andrey A. Soklakov, Tatiana A. Cherkashina, Vladimir I. Drozdov</i>	
INSTITUTIONAL FACTORS OF ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT	115
Original article	
Circular Economy as a Driver of Sustainable Development of Economic Entities	115
<i>Olga A. Sotnikova, Elena A. Zhidko, Michael M. Alferov</i>	
Automation of the Assessment of Environmental and Economic Damages from Man-Made Fires	125
<i>Iraida O. Kirilchuk, Andrey V. Besedin, Anastasia V. Iordanova</i>	
PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE FINANCIAL SECTOR DEVELOPMENT.....	138
Original article	
About Prospects of the National Wealth Fund	138
<i>Sergey V. Shmanev, Artyom A. Tatarnikov</i>	
Prospects for the Development of Banking Payment Services in Russia During the Digitalization of the Economy.....	147
<i>Anna S. Obukhova, Natalya P. Kazarenkova</i>	
HUMAN RESOURCES AND EDUCATION.....	159
Original article	
Problems of Ensuring the Progressive Dynamics of Human Capital Development in the Context of Digitalization	159
<i>Anna V. Mishchenko, Tatyana S. Kolmykova</i>	

SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS OF MODERN SOCIETY	170
Original article	
Subjective Boundaries and Solidarity of the Modern Russian Working Class.....	170
<i>Tatiana V. Gavriluk, Vera V. Gavriluk</i>	
Socio-Political Activity of Youth: from the Trust of the Authorities to Cooperation.....	186
<i>Alexander S. Chernov</i>	
Distance Learning in the Context of the Digital Economy	195
<i>Lyudmila V. Kilimova, Anastasia S. Frolova</i>	
PHILOSOPHICAL STUDY OF NATURE, SOCIETY AND HUMAN	208
Original article	
Axiological Component of Purchased Educational Services.....	208
<i>Natalia V. Volokhova</i>	
More to the Interpretation of "K. Schmitt's Decisionism"	216
<i>Konstantin G. Maltsev, Anna V. Maltseva</i>	
The Influence of the Media on the Formation of Socio-Cultural Values of the Family.....	230
<i>Zurek Kh. Kobleva</i>	
SCIENTIFIC RESEARCHES OF YOUNG SCIENTISTS.....	241
Original article	
Topical Issues of Regional Digital Transformation of the Economy	241
<i>Olga S. Prihodchenko, Alexander I. Piatcev</i>	
Assessment of Investment Activity in the Central Federal District Regions	252
<i>Marina K. Kolesnik</i>	
Economic Security Threat Profile Region: Compilation Algorithm and Goals Practical Application	262
<i>Sergey A. Noskin</i>	
Methodological Tools for the Formation of Key Competencies in Public Procurement Management.....	271
<i>Aleksandr V. Orlyuk</i>	
Remote Work of Offices in a Pandemic: the Experience of China.....	281
<i>Ding Shui</i>	
Information for Authors	292

Оригинальная статья / Original article

УДК 339.9

Экономические кризисы XXI века: специфика, тенденции, последствия

Е. А. Бессонова¹ ✉, К. И. Свеженцева¹

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: Bessonowa_new@mail.ru

Резюме

Актуальность. Глобализация экономики приводит к взаимозависимости экономик отдельных стран, как друг от друга, так и от общих объективных факторов. Важным аспектом эффективного взаимодействия экономических систем государств является прогнозирование и анализ экономических спадов и кризисов. Стимулирование экономики – задача, которую необходимо решать в связи с началом мировой пандемии и, как следствие, возникновения нового экономического кризиса. Кризис, который мир переживает в настоящий момент, является самым крупным со времен «Великой рецессии» 2008 года, поэтому необходимо рассмотреть особенности этих двух экономических кризисов, а также их последствия.

Цель – провести сравнительный анализ и тенденции экономических кризисов начала XXI века.

Задачи: рассмотреть причины и последствия мирового финансового кризиса 2008 года и кризиса 2020 года; провести анализ основных макроэкономических показателей международной торговли; проанализировать положение России в кризисных экономических условиях.

Методология. При изучении данной темы были использованы: метод статистической оценки проблемы, метод теоретического анализа источников исследуемой проблемы, иллюстративно-графический метод, сравнительный метод.

Результаты. Проведение сравнительного анализа двух самых крупных кризисов XXI века показало, что несмотря на разные причины, лежащие в основании кризисов 2008 и 2020 годов, последствия, которые они вызывают имеют одинаковые «симптомы», однако их масштаб и скорость распространения зависят от скорости и рациональности принятых государственных мер. Так, в 2020 году удалось избежать высоких скачков уровня безработицы, несмотря на низкий спад мировой торговли.

Вывод. Перспективы выхода из мирового пандемического кризиса 2020 года показывают, что темпы, с которыми государства всего мира справляются с последствиями пандемии, достаточно высоки. При этом приоритетными задачами в кризисных условиях для государства являются стабилизация внутреннего спроса на национальном рынке и стимулирование мировой торговли. Хотя особенности двух самых крупных кризисов XXI века различны, меры, принятые государствами в мире, работают также достаточно эффективно, но необходимо оптимизировать бюджеты и затраты, чтобы решить проблемы, которые вызваны пандемией в сфере здравоохранения и социальной сфере.

Ключевые слова: мировой финансовый кризис; пандемия; рецессия; экономическое развитие; безработица.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Финансирование: Статья выполнена в рамках государственного задания Юго-Западного государственного университета, код проекта 0851-2020-0034.

© Бессонова Е. А., Свеженцева К. И., 2021

Для цитирования: Бессонова Е. А., Свеженцева К. И. Экономические кризисы XXI века: специфика, тенденции, последствия // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 3. С. 10–21.

Поступила в редакцию 14.04.2021

Принята к публикации 19.05.2021

Опубликована 30.06.2021

Economic Crises of the 21 Century: Specifics, Trends, Consequences

Elena A. Bessonova¹ ✉, Karina I. Svezhentseva¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: Bessonowa_new@mail.ru

Abstract

Relevance. The development of world trade has become the highest priority for each state, so an important task today is to predict and analyze economic downturns and crises. Today, stimulating the economy is a very important task in connection with the beginning of the global pandemic, and because of the emergence of a new economic crisis. The crisis that the world is experiencing now is the largest since the "Great Recession" of 2008, so it is necessary to consider the features of these two economic crises, as well as their consequences.

The purpose is to conduct a comparative analysis of the 2008 crisis and the pandemic crisis.

Objectives: to consider the causes and consequences of the global financial crisis of 2008 and the crisis of 2020; to analyze the main macroeconomic indicators of international trade; to analyze the situation of Russia in the crisis economic conditions.

Methodology. In the study of this theme were used: the method of statistical estimation problems, the method of theoretical analysis of the sources of research problem, graphical method, the comparative method.

Results. A comparative analysis of the two largest crises of the twenty-first century showed that despite the different causes underlying the crises of 2008 and 2020, the consequences that they cause have the same "symptoms", but their scale and speed of spread depend on the speed and rationality of the government measures taken. Thus, in 2020, it was possible to avoid high jumps in the unemployment rate, despite the low decline in world trade.

Conclusion. The prospects for overcoming the global pandemic crisis in 2020 show that the pace at which states around the world are coping with the consequences of the pandemic is quite high. At the same time, the priority tasks in the crisis conditions for the state are the stabilization of domestic demand on the national market and the promotion of world trade. At least two major crises of the XXI century the various measures taken by States in the world, are also quite effective, but it is necessary to optimize budgets and costs to solve the problems that caused the pandemic in the field of health and social services.

Keywords: global financial crisis; pandemic; recession; economic development; unemployment.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Funding: The article was completed as part of the state assignment of Southwest State University, project code 0851-2020-0034.

For citation: Bessonova E. A., Svezhentseva K. I. Economic Crises of the 21 Century: Specifics, Trends, Consequences. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2021; 11(3): 10–21. (In Russ.)

Received 14.04.2021

Accepted 19.05.2021

Published 30.06.2021

Введение

На сегодняшний день понятия «кризис», «антикризисная политика» принимают большое значение не только для

русской, но и для мировой экономики. Условия, сложившиеся в период пандемии COVID-19, имели неожиданный характер и, как следствие, требовали при-

нения оперативных мер со стороны государств. Однако нельзя утверждать, что мировой кризис 2020 г. представляет собой явление, основными причинами которого являются исключительно экономические факторы. Появление новой коронавирусной инфекции явилось основным фактором, определило специфику современного экономического кризиса и потребовало от государств всего мира перестроить экономику для адаптации к сложившимся условиям.

Проявления кризиса в первой четверти XXI века явились насущными вопросами для всего экономического сообщества. Их причинами стали торговые войны между США и Китаем, увеличение протекционизма в национальных экономиках, а также политические проблемы, связанные с выходом Великобритании из Европейского союза. Однако ни один из вышеперечисленных факторов не явился ключевым в резком ускорении кризисных процессов в 2020 г. [1]

Мировой опыт показывает, что период кризиса – это циклическое явление, и возникновение каждого нового спада в экономике знаменуется какими-то общими симптомами. Многие экономисты затрагивали вопрос о причинах кризиса, пытались систематизировать факторы и последствия кризиса. Так, в работе Дж. М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» кризис рассматривается как явление, которое сопровождается дисбалансом в структуре совокупного спроса, вызванное «недопотреблением» населения, вызванное снижением доходов и безработицей. И устранение такого явления возможно только при помощи государственного вмешательства [2].

Кризис 2008 г. ярко продемонстрировал большую роль государства в процессе выхода из кризиса и стимулировании мировой торговли и производства в условиях спада цен на сырьевые ресурсы. Например, в США государственные органы приняли решение о частичной национализации банковских и финансо-

вых учреждений, а также внедрение «плана спасения экономики», в результате которого было выделено 250 млрд долл. на стабилизацию финансовой системы [2].

В России основными приоритетами в осуществлении антикризисных мер, изложенных в Программе антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 год, а впоследствии и в документах «Основные направления антикризисных действий Правительства Российской Федерации на 2010 г.» и «План по реализации основных направлений антикризисных действий и политики модернизации российской экономики Правительства Российской Федерации на 2010 г.», являются социальная помощь населению, развитие промышленного и производственного комплекса и стимулирование внутреннего спроса [2; 3; 4]. В совокупности на устранение последствий и развитие экономики в России было выделено более 1 трлн рублей.

Опыт мирового финансового кризиса 2008–2010 гг. на примере США и России показывает необходимость строгого государственного вмешательства в ликвидацию последствий кризиса. Что касается финансового кризиса 2020 г., то здесь необходимо не только стимулирование внутреннего положения в стране, но международное сотрудничество государств, потому что появление нового смертельного вирусного заболевания пошатнуло не только экономику, но вызвало ряд других проблем, к которым относятся демографические проблемы, проблемы бедности и социального неравенства [5].

Материалы и методы

При изучении данной темы были использованы: метод статистической оценки проблемы, метод теоретического анализа источников исследуемой проблемы, иллюстративно-графический метод, сравнительный метод.

Информационной базой для данного исследования послужили материалы

научных экономических журналов, статистические данные Российской Федерации, Международного валютного фонда, Международной организации труда и ОПЕК.

Результаты и их обсуждение

Начало нового финансового кризиса в мире влечет за собой ряд существенных последствий не только в экономической сфере, но и в социальной. Конкретно мировой кризис 2020 г., который свое начало берет от неэкономического фактора, а именно от распространения смертельного вируса в глобальном масштабе, требует особого внимания в проработке решений и мер, которые позволят ликвидировать последствия в кратчайшие сроки с оптимальными затратами. Так для достижения такого результата необходимо обратиться к мировому опыту, сравнить кризис 2008–2010 гг. с нынешним, чтобы понять причины, симптомы и природу пандемического кризиса.

Так как проблема экономического спада широко распространена не только в России, но и в других странах, ее в свое время освещали многие отечественные и зарубежные экономисты. Например, известный английский экономист Дж. М. Кейнс считал, что кризис проявляется в дисбалансе совокупного спроса, восстановить который можно только при большом государственном вмешательстве. По мнению Кейнса, немаловажным считается психологический фактор, т. е. возникновение кризиса связано с сомнениями инвесторов в ожидаемой доходности [2].

Основатель русской научной школы в области экономических кризисов М. И. Туган-Барановский выдвинул теорию о том, что главной причиной кризиса является «перенакопление» капитала, т. е. рост производства средств производства опережает рост предметов потребления [6]. Мнение американского экономиста и русского расходятся в определении причин кризиса. Можно сказать, что их мне-

ния в каком-то роде противоположные. Так, причина Дж. М. Кейнса заключается в «недопотреблении» населения, а по мнению М. И. Туган-Барановского, наоборот, в переполнении рынка активами. Тем не менее, несмотря на расхождение мнений о причинах кризиса, можно выделить основные особенности, которые относятся к кризисному положению в определенной стране или в мире:

- образование своеобразного «пузыря», который считается основой кризиса. Финансовый «пузырь» – это резкое увеличение рыночной стоимости актива над фундаментальной. Такой пузырь может иметь разную природу – инвестиционный, ипотечный, биржевой [7]. В случае кризиса 2008 г. финансовый «пузырь» образовался и «лопнул» на рынке недвижимости. В России образование финансового «пузыря» случилось на рынке биткоинов в 2017–2018 гг. [8];

- падение фондового рынка. На сегодняшний день в связи с вирусом COVID-19 зафиксирован самый большой спад на фондовом рынке со времен «Великой рецессии» 2008 г., выход из которой составил 365 дней;

- резкое изменение цен на сырье;
- положительная динамика банкротства и снижение объемов производства;
- увеличение уровня безработицы, снижение реальных доходов населения, рост социальной напряженности, вызванной СМИ.

Так, вышеперечисленные симптомы являются признаками появления кризиса. Рассмотрим проявление этих симптомов с использованием статистических данных России и зарубежья.

Возникновение кризиса, как правило, оказывает сильное влияние на международную торговлю, усложняются связи между странами из-за дисбаланса спроса и предложения, что ведет к снижению темпов экономики. Темпы роста ВВП имеют тенденцию к снижению в 2008–2010 гг. и в 2019–2020 гг., что говорит о спаде в мировой торговле. Так, во всем

мире ВВП достиг отрицательного прироста в 2009 и 2019 гг., который составляет $-0,1\%$ и $-3,5\%$ соответственно. Спад в 2019 г. намного больше, чем в период «Великой рецессии» 2008 г., что говорит о том, что нынешний кризис намного шире и глобальнее и затрагивает практически все сферы экономики. Среди стран с развитой экономикой, европейских стран и развивающихся самым большим уровнем ВВП обладают страны с развивающейся и переходной экономикой, самые низкие показатели принадлежат

странам в Еврозоне. По оценке Международного валютного фонда, в 2020 г. произошёл самый низкий спад в мировой экономике со времен 2008 г. Тем не менее прогнозы на 2021 и 2022 гг. достаточно оптимистичные. Выход на положительные темпы роста займет намного меньше времени, чем в 2008 г., а с изобретением вакцины от COVID-19, по мнению МВФ, темпы роста мирового ВВП догонят прежние показатели [9]. Более наглядно динамика мирового ВВП представлена на рисунке 1.

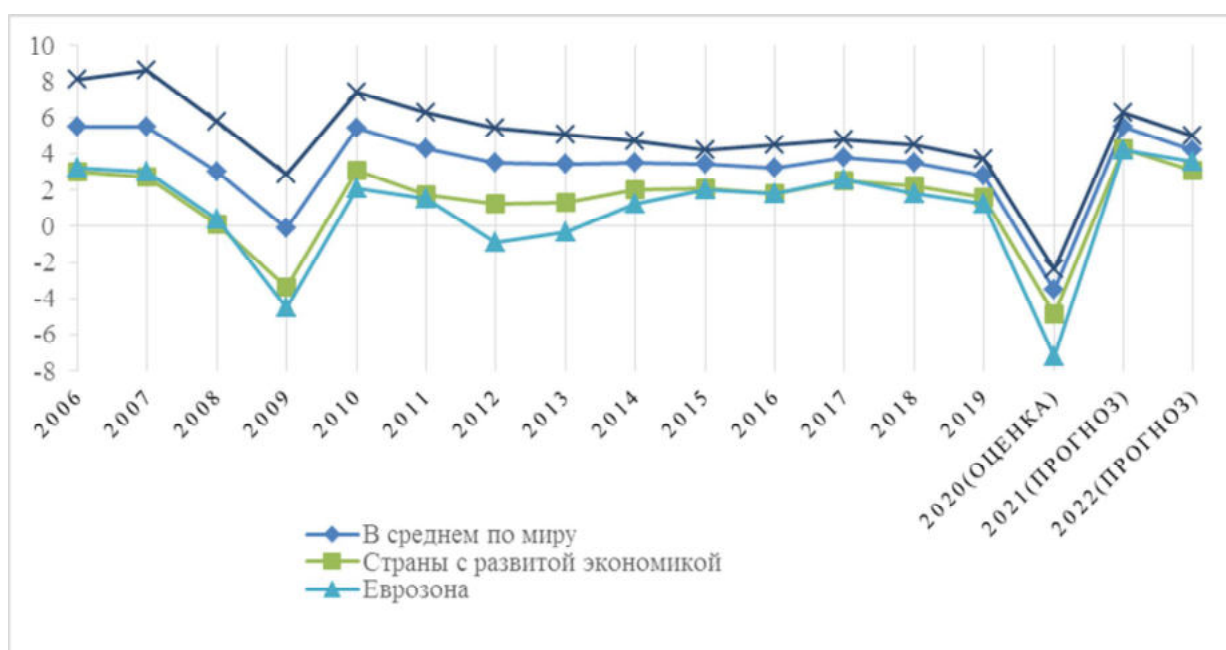

Рис. 1. Темпы роста мирового ВВП по регионам за 2006-2019 гг. и прогнозные значения на 2020–2022 гг. [10]

Пандемия коронавируса оказала серьезное влияние на международную торговлю. Так, по статистическим данным Федеральной таможенной службы России (табл. 1), видно, что по всем группам стран наблюдается спад как экспорта, так и импорта, причем темпы роста экспорта значительно ниже импорта. Самый большой спад наблюдается в торговле со странами ЕС и ЕАЭС. Спад экспорта российской продукции в мире составил больше 20%, при этом импорт снизился всего лишь на 5,3% [7].

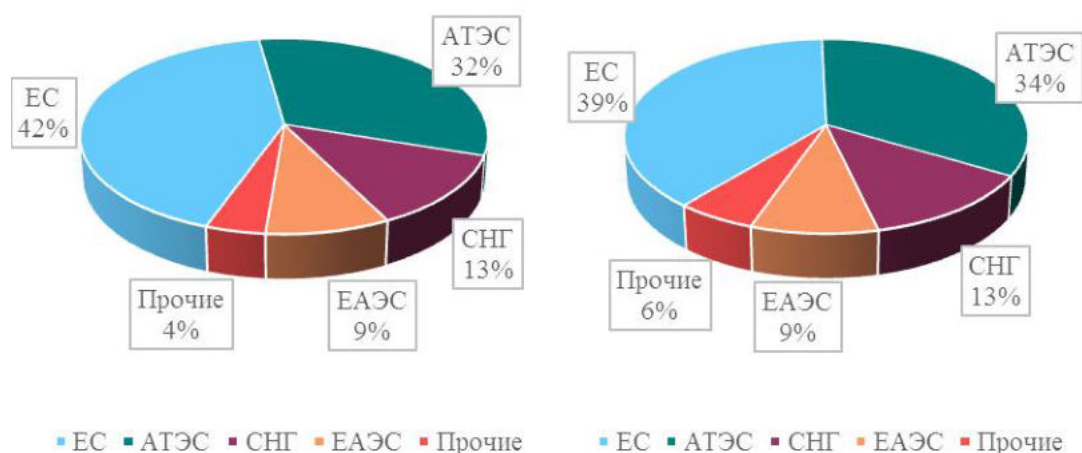
Несмотря на спад товарооборота России с другими странами, структура

оборота остается прежней, как показано на рисунке 2. Незначительные изменения наблюдаются только в торговле со странами ЕС и АТЭС, а именно уменьшение доли стран Европейского союза и увеличение доли стран АТЭС.

Такая ситуация в структуре товарооборота обусловлена снижением спроса на сырьевые и минеральные ресурсы, вызванным не только пандемией COVID-19, но и введением санкций. Чтобы избежать дальнейшего спада цен на нефть, Россия со странами ОПЕК+ вводит дополнительные соглашения по сокращению добычи нефти.

Таблица 1. Внешняя торговля России по основным странам и группам стран, млн долл. США [7]

Группы стран	2019 г.			2020 г.			Темпы роста, %		
	оборот	экспорт	импорт	оборот	экспорт	импорт	оборот	экспорт	импорт
ЕС	278195,2	189531,8	88663,4	218807,2	136672	82135,2	78,7	72,1	92,6
АТЭС	212724,4	111752,8	100971,7	192084,5	93885,1	98199,4	90,3	84	97,3
СНГ	81414,3	53955,5	27458,8	73412,4	48547,1	24865,3	90,2	90	90,6
ЕАЭС	58361,6	38362,3	19999,2	51606,5	33101,8	18504,8	88,4	86,3	92,5
Прочие	28371	19578,2	8792,8	28642,3	20276,6	8365,7	101	103,6	95,1
Весь Мир	668816,2	424467,7	244348,5	567823,3	336393,8	231429,5	84,9	79,3	94,7

Рис. 2. Доля стран в обороте России за 2019 и 2020 гг. [11]

На рисунке 3 наглядно представлена динамика цен на нефть марок BRENT, WTI и российской марки URALS. Нефть BRENT считается эталоном и задает цены на всем рынке. Как показано на графике, цены имеют скачкообразную тенденцию.

Однако в период мирового финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг. и кризиса 2019–2021 гг., вызванного пандемией, цены имеют самые низкие показатели. В 2008 г. цены на нефть BRENT достигли своего исторического максимума и составили 143,95 долл. за баррель. Начало «Великой рецессии» 2008 г. привело к обвалу цен до 33,73 долл. Только в середине 2009 г. цена на BRENT начала медленно расти. В среднем в 2009 г. она составила 61,74 долл. за баррель. Однако спад цен на нефть 2019 г. гораздо больше. К апрелю 2020 г. цена нефти марки BRENT опусти-

лась до 27 долл. за баррель, а цены североамериканской марки WTI опустились ниже 13 долл. за баррель. В связи со сложившейся ситуацией странам ОПЕК+ и России пришлось прекратить ценовые войны на нефтяном рынке и прийти к компромиссу в вопросе о сокращении добычи нефти, т. к. на рынке в условиях пандемии сложилась уникальная ситуация – спад как спроса, так и предложения [10]. Для дальнейшей стабилизации государственного бюджета в Российской Федерации эффективным решением является то, что цены на нефть рационально держать на уровне выше рыночных, что позволит продолжать реализацию национальных проектов и поддерживать социальную и здравоохранительную сферы [12].

Сокращение ВВП и падение цен на сырьевые ресурсы напрямую связано с

увеличением уровня безработицы. По данным Международной организации труда (МОТ), на рисунке 4 показана динамика уровня безработицы в странах с

низкими доходами, с доходами ниже среднего, с доходами выше среднего и с высоким уровнем дохода.

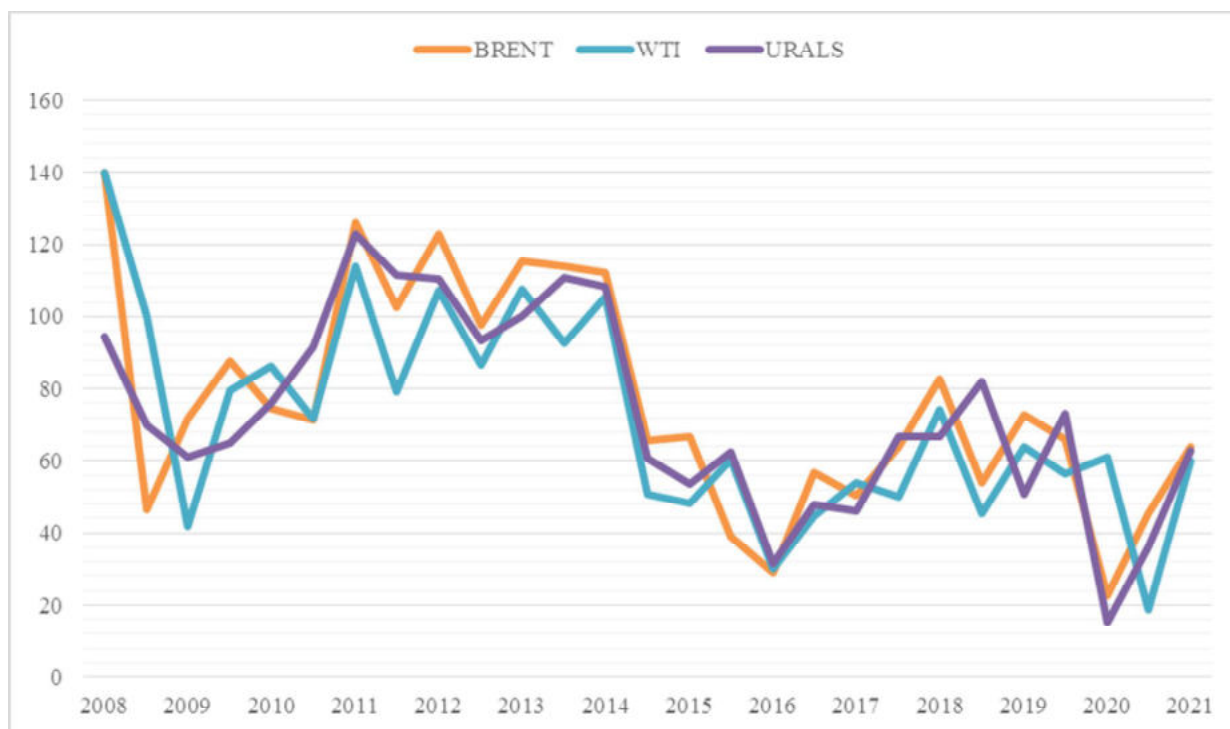

Рис. 3. Динамика цен на нефть за период 2008–2021 гг. [13]

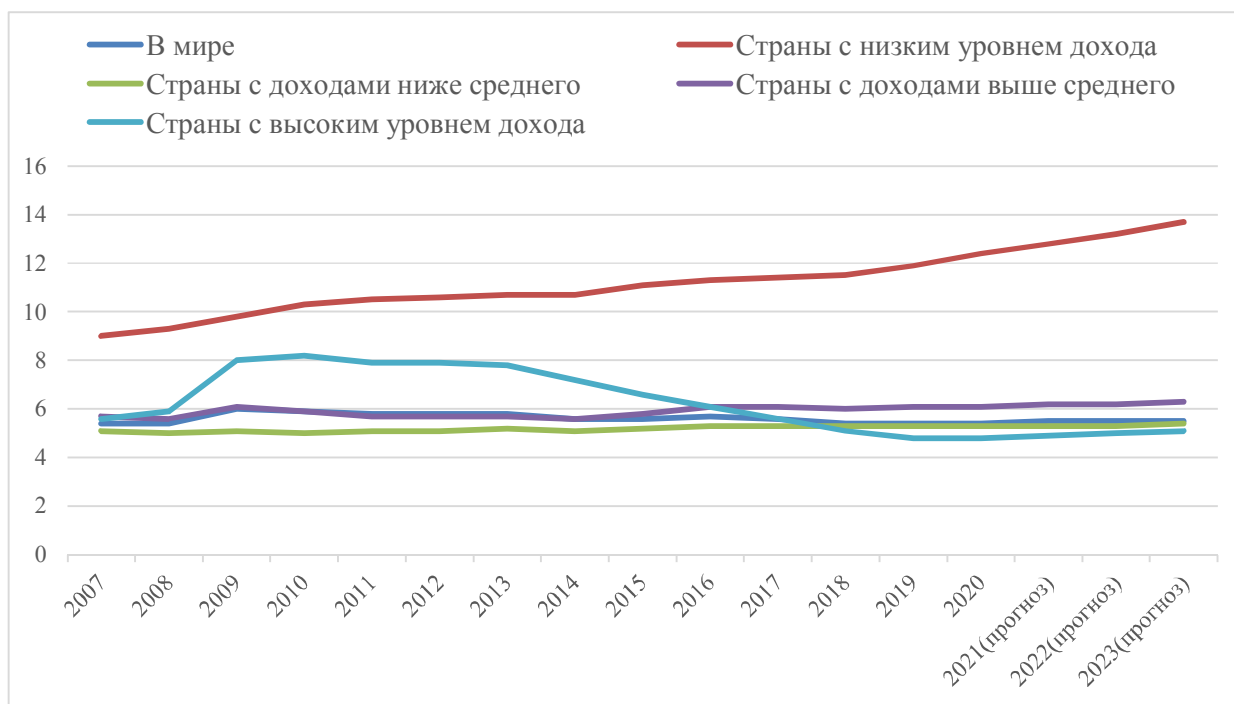

Рис. 4. Уровень безработицы в 2008–2020 гг. и прогноз на 2021–2023 гг. в мире и в группах стран по уровню дохода [14]

Составленный график показывает, что мировой финансовый кризис 2008 г. больше всего повлиял на безработицу в странах с низким уровнем дохода и странах с высоким уровнем дохода. Остальные группы стран придерживаются общемирового уровня безработицы, который составляет 5-6% на всем анализируемом периоде. В странах с низким уровнем дохода самые большие показатели составляют 10–11% в период кризиса 2008–2010 гг. и 12-13% в период пандемии. Страны с высоким уровнем дохода, наоборот, эффективно справляются с ростом безработицы: если в 2008 г. данная группа стран показывала самые высокие значения, то в период пандемии COVID-19 им удалось добиться довольно низкого уровня, который составляет 4-5%.

Основными направлениями стимулирования экономики и безработицы являются: расширение государственного гарантирования кредитов, субсидирование кредитов, отсрочка и/или снижение налоговых и страховых платежей во время пандемического кризиса. Все это эффективно применялось и в период кризиса 2008 г. Другой набор мер, который также применялся в прошлый кризис, направлен на поддержку платежеспособности предприятий и максимальное сохранение числа занятых через субсидирование зарплат и неполной занятости [15]. Сферы экономической деятельности, которые сильнее всего пострадали от пандемии и сопутствующих ей ограничительных мер, отличаются от тех, что пострадали в период «Великой рецессии» [16]. В 2008 г. больше всего пострадали финансовый сектор, сектор недвижимости и строительство. Что касается кризиса 2020 г., то наиболее пострадавшими отраслями стали сферы туризма, гостиничного и ресторанного сервиса, розничной торговли, бытовых услуг населению, спорта, культуры и развлечений.

Осложнения в условиях кризиса обусловлены такими факторами, как: противоречия во внешней политике, конфликты во взаимоотношениях различных

стран, а также внутренние факторы, которые возникают на почве социальных волнений внутри государства. Так, в 2008 г. осложнениями для России стали конфликты с Абхазией и Южной Осетией, обострение отношений с Великобританией. В Украине произошел коллапс «оранжевой» идеи (разногласия в политической верхушке), с США случился ипотечный кризис, который и стал основной причиной мирового кризиса, а также прошли выборы Президента [17]. Что касается кризиса 2020 г., то к основным осложняющим факторам можно отнести торговые войны между США и Китаем, увеличение протекционизма в национальных экономиках, а также политические проблемы, связанные с выходом Великобритании из Европейского союза.

Проведенный анализ макроэкономических показателей позволил составить сравнительную характеристику мирового финансового кризиса 2008 г. и пандемического кризиса 2020 г., чтобы сопоставить масштаб кризисов и меры борьбы с экономическими последствиями. Так, в таблице 2 содержатся сравнительные характеристики двух анализируемых кризисов, которые произошли в первой четверти XXI в. с оценкой масштаба проблем, которые были вызваны экономическими спадами.

Эффективная антикризисная государственная политика очень важна в период экономического спада, т. к. в период кризиса страдают доходы населения и растет уровень безработицы. Для государства стоит приоритетная задача – помощь населению и поддержка предпринимательства. Так, на примере США и России в таблице 2 названы решения, которые были приняты в 2008 и 2020 гг., основным из которых является регулирование ключевой банковской ставки [14]. Если в 2008 г. на стабилизацию экономики было выделено в США 250 млрд долл., а в России более 1 трлн руб., то в 2020 г. поддержка экономики и населения в период пандемии коронавируса в США оценена в 2658,3 млрд долл., а в России – больше 6 трлн руб. [19]

Таблица 2. Сравнительная характеристика «Великой рецессии» и «Пандемического кризиса»

Признак	Мировой финансово-экономический кризис 2008–2010 гг.	Пандемический кризис 2020 г.
Причины	Ипотечный пузырь на рынке недвижимости	Пандемия COVID-19, а также неудачные переговоры ОПЕК+ на фоне вируса
Цены на нефть	Нефть подешевела на 69% за 6 месяцев	Нефть подешевела на 63% за 3 месяца
Курс рубля к доллару	Курс рубля по отношению к доллару неоднократно падал в период 2008–2009 гг., за 8 месяцев доллар вырос на 25% (с 29,39 до 36,43 рубля)	Курс рубля по отношению к доллару быстро падал в течение 4 месяцев, в 2020 г. с января по апрель доллар вырос на 17% (с 63,24 до 73,90 рубля)
Уровень ВВП	Мировая торговля сократилась не более чем на 1%, больше всего спад наблюдался в странах Европы (в среднем 4%)	Общий спад мирового ВВП составил 3,5%. Тенденции такие же, как и в период 2008–2010 гг., однако процент спада больше. В Еврозоне спад приблизительно 6,5%, а в странах с развитой экономикой ВВП снизился на 5,5%
Приоритетные меры в борьбе с кризисом на примере России и США	США: – контроль за банковской деятельностью и денежными потоками, страхование депозитов; – запрет коммерческим банкам работать с ценными бумагами (это право получали специализированные финансовые организации); – отмена золотой привязки доллара. Россия: – регулирование кредитной активности банков, снижение ключевой ставки; – активизация внутреннего спроса на российском рынке, наращивание промышленного потенциала, снятие барьеров для предпринимательской деятельности; – стимулирование инноваций и структурной перестройки экономики	США: «Задача – предотвратить мировую рецессию»: – радикальные меры по смягчению денежно-кредитных условий в США (снижение ключевой ставки на целый процентный пункт) и стимулированию экономики; – активная скупка ценных бумаг на рынке с целью увеличения активов Федеральной резервной системы США; – помощь населению, выделение средств на здравоохранение и поддержка малого предпринимательства. Россия: – стимулирование денежно-кредитной политики, снижение ключевой ставки, смягчение монетарной политики; – сохранение сравнительно высоких цен на нефть; – повышение гибкости на рынке труда, активная социальная политика
Период рецессии	365 дней	Начало – март 2020 г. Конец, по мнению разных аналитиков, может наступить либо через несколько месяцев, либо затянуться на несколько лет

Таким образом, если сравнивать два самых крупных кризиса XXI в., то можно сказать, что государства принимают одинаковый набор мер в целях решить экономические проблемы в стране в обоих случаях, отличаются они только масштаб-

ностью применения, а также весомой долей затрат на сферу здравоохранения и социальную сферу. Большую роль во время пандемического кризиса сыграли цифровые технологии, которые помогли сократить ущерб во многих сферах экономики.

Выводы

Проанализировав различные аспекты проблемы «мировых кризисов», можно сделать следующие выводы:

1. Главное отличие мирового финансового кризиса 2008 г. от пандемического кризиса 2020 г. – это причина. Основная причина кризиса 2008 г. – это ипотечный пузырь на рынке недвижимости в США, а кризиса 2020 г. – неэкономический фактор, т. е. пандемия COVID-19.

2. Основные особенности пандемического кризиса – это дисбаланс как совокупного спроса, так и совокупного предложения и большая роль цифровых технологий.

3. Периоды кризисов имеют различную продолжительность. Если выход из рецессии в 2008 г. составил почти год, то в 2020 г. данный период носит неопределенный характер. Единственная определенность в том, что пандемический кри-

зис не менее масштабен, чем кризис 2008 г. Последствия кризиса 2008 г. многие страны устраняли вплоть до 2015 г. Кризис 2020 г. имеет всесторонний характер, и как скоро мир сможет оправиться от всех последствий, можно только предполагать, т. к. в первую очередь перед всеми странами стоит задача разработки эффективного лечения от смертельного вируса и от эффективности вакцины.

4. Цены на нефть падают более чем на 60% в обоих анализируемых кризисах.

5. В России, несмотря на сильный дисбаланс импорта и экспорта, сохраняются доли в обороте различных групп стран. Однако сильно страдает спрос на российскую продукцию, особенно на сырьевые ресурсы, экспорт снизился более чем на 20%.

6. В период пандемии усиливается взаимосвязь и взаимопомощь различных стран в решении проблем сферы здравоохранения.

Список литературы

1. Портанский А. П., Судакова Ю. М., Ларионов А. В. Предпосылки мирового экономического кризиса и его начало весной 2020 г. в связи с пандемией COVID-19 // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15, № 2. С. 191–212. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-02-09>.
2. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гелиос АРВ, 2020. 358 с.
3. Основные направления антикризисных действий Правительства Российской Федерации на 2010 год: [одоблено на заседании Правительства РФ, протокол от 30.12.2009 N 42]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9581 (дата обращения: 12.03.2021).
4. Программа антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 год: [утв. Правительством РФ 19.06.2009]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_85941/ (дата обращения: 12.03.2021).
5. Шеремет А. Н. Пандемия неравенства. Социально-экономические аспекты и последствия COVID-19 // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2020. № 4. С. 136–141.
6. Мельник М. С. Теория экономических кризисов М. И. Туган-Барановского и современность // Социально-политические науки. 2013. № 4. С. 19–25.
7. Портной М. А. В США усиливаются ожидания финансового кризиса // Россия и Америка в XXI веке. 2019. № 2. <https://doi.org/10.18254/s207054760006012-0-1>.
8. Коновалова М. Е., Кузьмина О. Ю. Инновационная модель ранней идентификации фондовых пузырей // Экономика и управление инновациями. 2019. Т. 4, № 11. С. 57–66.
9. Информация о социально-экономическом положении России. 2020 год: январь–декабрь 2020 г. / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50800> (дата обращения: 12.03.2021).
10. World Economic Outlook Update, January 2021: Policy Support and Vaccines Expected to Lift Activity. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/01/26/2021-world-economic-outlook-update> (дата обращения: 12.03.2021).

11. Данные по таможенной статистике внешней торговли Российской Федерации в разрезах товаров, стран, временных периодов. URL: <https://customs.gov.ru/statistic> (дата обращения: 12.03.2021).
12. План по реализации основных направлений антикризисных действий и политики модернизации российской экономики Правительства РФ на 2010 год: [утв. Правительством РФ 02.03.2010]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98787/ (дата обращения: 12.03.2021).
13. ОПЕК: офиц. сайт. URL: <http://www.opec.org> (дата обращения: 12.03.2021).
14. World Employment and Social Outlook – Trends 2020. URL: <https://www.ilo.org/global/publications/lang--en/index.htm> (дата обращения: 12.03.2021).
15. Covid-19 и международная практика поддержки экономики и населения / общ. ред. О. В. Синявской; Институт социальной политики НИУ ВШЭ. URL: https://isp.hse.ru/covid_ip (дата обращения: 12.03.2021).
16. Кругликова Е. В. Совершенствование институтов регулирования банковского сектора в современных посткризисных условиях: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2019. 24 с.
17. Никонова А. А. Системные уроки для постпандемического мира // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 223, № 3. С. 143–153.
18. Плюйко А. Ю. Трансформация экономической политики Европейского союза в результате кризиса 2008–2011 гг.: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2018. 26 с.
19. TradingView: офиц. сайт. URL: <https://ru.tradingview.com/> (дата обращения: 12.03.2021).

References

1. Portanskiy A. P., Sudakova Yu. M., Larionov A. V. Predposylki mirovogo ekonomicheskogo krizisa i yego nachalo vesnoy 2020 g. v svyazi s pandemiyei COVID-19 [Prerequisites of the world economic crisis and its beginning in the spring of 2020 in connection with the COVID-19 pandemic]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy = Bulletin of International Organizations*, 2020, vol. 15, no. 2, pp. 191–212. <http://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-02-09>.
2. Keyns Dzh. M. Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg [General theory of employment, interest and money]. Moscow, Gelios ARV Publ., 2020. 358 p.
3. Osnovnyye napravleniya antikrizisnykh deystviy Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii na 2010 god [The main directions of anti-crisis actions of the Government of the Russian Federation for 2010]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9581 (accessed 12.03.2021).
4. Programma antikrizisnykh mer Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii na 2009 god [Program of anti-crisis measures of the Government of the Russian Federation for 2009]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_85941/. (accessed 12.03.2021)
5. Sheremet A. N. Pandemiya neravenstva. Sotsial'no-ekonomicheskiye aspekty i posledstviya COVID-19 [The inequality pandemic. Socio-economic aspects and consequences of COVID-19]. *Meditsina. Sotsiologiya. Filosofiya. Prikladnyye issledovaniya = Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research*, 2020, no. 4, pp. 136–141.
6. Mel'nik M. S. Teoriya ekonomicheskikh krizisov M. I. Tugan-Baranovskogo i sovremennost' [Theory of economic crises of M. I. Tugan-Baranovsky and modernity]. *Sotsial'no-politicheskiye nauki = Socio-political sciences*, 2013, no. 4, pp. 19–25.
7. Portnoy M. A. V SSHA usilivayutsya ozhidaniya finansovogo krizisa [In the USA, the expectations of the financial crisis are growing stronger]. *Rossiya i Amerika v XXI veke = Russia and America in the XXI century*, 2019, no. 2. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760006012-0-1>. (accessed 12.03.2021)
8. Konovalova M. Ye., Kuz'mina O. Yu. Innovatsionnaya model' ranneyi identifikatsii fondovykh puzyrey [Innovative model of early identification of stock bubbles]. *Ekonomika i upravleniye innovatsiyami = Economics and Innovation Management*, vol. 4, no. 11, pp. 57–66.
9. Informatsiya o sotsial'no-ekonomicheskom polozhenii Rossii - 2020 god: yanvar'-dekabr' 2020 g. Available at: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50800>. (accessed 12.03.2021)

10. World Economic Outlook Update, January 2021: Policy Support and Vaccines Expected to Lift Activity. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/01/26/2021-world-economic-outlook-update>. (accessed 12.03.2021)
11. Dannyye po tamozhennoy statistike vneshney torgovli Rossiyskoy Federatsii v razrezakh tovarov, stran, vremennykh periodov [Data on customs statistics of foreign trade of the Russian Federation in the context of goods, countries, and time periods]. Available at: <https://customs.gov.ru/statistic>. (accessed 12.03.2021)
12. Plan po realizatsii osnovnykh napravleniy antikrizisnykh deystviy i politiki modernizatsii Rossiyskoy ekonomiki Pravitel'stva RF na 2010 god [The plan for the implementation of the main directions of anti-crisis actions and the policy of modernization of the Russian economy of the Government of the Russian Federation for 2010]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98787/. (accessed 12.03.2021)
13. OPEK: [ofic. site]. Available at: www.opec.org. (accessed 12.03.2021)
14. World Employment and Social Outlook - Trends 2020. Available at: <https://www.ilo.org/global/publications/lang--en/index.htm>. (accessed 12.03.2021)
15. Covid-19 i mezhdunarodnaya praktika podderzhki ekonomiki i naseleniya [Covid-19 and the international practice of supporting the economy and the public]. Available at: https://isp.hse.ru/covid_ip. (accessed 12.03.2021)
16. Kruglikova Ye. V. Sovershenstvovaniye institutov regulirovaniya bankovskogo sektora v sovremennykh postkrizisnykh usloviyakh. Avtoref. diss. kand. ekon. nauk [Improving the institutions of regulation of the banking sector in modern post-crisis conditions. Cand. econ. sci. abstract diss.]. Moscow, 2019. 24 p.
17. Nikonova A. A. Sistemnyye uroki dlya postpandemicheskogo mira [System lessons for the post-pandemic world]. *Nauchnyye Trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, 2020, vol. 223, no. 3, pp. 143–153.
18. Plyuyko A. Yu. Transformatsiya ekonomicheskoy politiki Yevropeyskogo soyuza v rezul'tate krizisa 2008-2011 gg. Avtoref. diss. kand. ekon. nauk [Transformation of the economic policy of the European Union as a result of the crisis of 2008-2011. Cand. econ. sci. abstract diss.]. Moscow, 2018. 26 p.
19. Trading View: [ofic. site]. Available at: <https://ru.tradingview.com/>. (accessed 12.03.2021)

Информация об авторах / Information about the Authors

Бессонова Елена Анатольевна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики, управления и аудита, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: Bessonowa_new@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-3884-5725

Свеженцева Карина Игоревна, студент кафедры экономики, управления и аудита, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: svezhentseva_k@mail.ru

Elena A. Bessonova, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Economics, Management and Audit, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: Bessonowa_new@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-3884-5725

Karina I. Svezhentseva, Student of the Department of Economics, Management and Audit, Southwest state University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: svezhentseva_k@mail.ru

УДК 339

Нефтегазовый комплекс России как гарант энергетической безопасности страны в условиях пандемии

В. М. Кузьмина¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kuzmina-violetta@yandex.ru

Резюме

Актуальность данного исследования заключается в том, что современный рынок нефти характеризуется нестабильностью и высокой конкуренцией. Истощение нефтяных месторождений, износ оборудования для добычи нефти, нестабильность цен и политические конфликты негативно влияют на позиции России на мировом энергетическом рынке.

Новые экономические условия 2021 года связаны со снижением спроса на нефть и продукцию из нее, высокой импортозависимостью, консервацией скважин для выполнения сделки в рамках ОПЕК++, что приведет к падению рынка на 3–10%.

Цель – провести сравнительный анализ российских нефтегазовых компаний на региональном и мировом уровнях в условиях пандемии.

Задачи: дать общую характеристику мировому нефтегазовому рынку в условиях пандемии; охарактеризовать позиции финансово-промышленных групп нефтегазового сектора экономики в период пандемии 2020 года; рассмотреть прогнозирование аналитиков и экспертов нефтегазового сектора для России с учетом мировых тенденций.

Методология. Исходными материалами стали статистические данные Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, Минэкономразвития России, Аналитического центра при Правительстве РФ, мировые рейтинговые отчеты.

Результаты. Пандемия и самоизоляция 2020 года привела к снижению интенсивности глобальных цепей поставок, отразившихся на российских компаниях в нефтегазовой сфере. Российский нефтегазовый сектор потерял 50–60% выручки от экспорта углеводородов, более 50% своей капитализации. На поддержку отрасли Минпромторг России выделит 35 млрд руб. до 2024 года.

Выводы. Российские нефтегазовые компании сегодня функционируют в условиях негативного демпфера, сжатия внутреннего рынка, сокращения крек-спредов и ограничения на рост добычи, поэтому для них актуально следующее: поиск новых рынков сбыта (например, Азия); применение инновационных технологий для сохранения рентабельности добычи нефти и газа за счет освоения бажена и ачимовки; разработка малых месторождений и месторождений с трудноизвлекаемыми запасами.

Ключевые слова: нефтегазовый комплекс; Российская Федерация; конкурентоспособность; пандемия; инновационные технологии; энергетическая безопасность.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Кузьмина В. М. Нефтегазовый комплекс России как гарант энергетической безопасности страны в условиях пандемии // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 3. С. 22–31.

Поступила в редакцию 04.04.2021

Принята к публикации 13.05.2021

Опубликована 30.06.2021

The Oil and Gas Complex of Russia as a Guarantor of the Country's Energy Security in a Pandemic

Violetta M. Kuzmina¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: kuzmina-violetta@yandex.ru

Abstract

The relevance of this study lies in the fact that the modern oil market is characterized by instability and high competition. Depletion of oil fields, deterioration of equipment for oil production, price volatility and political conflicts negatively affect Russia's position in the global energy market.

The new economic conditions in 2021 are associated with a decrease in demand for oil and products from it, high dependence on imports, and the suspension of wells to complete a deal under OPEC ++, which will lead to a market drop by 3-10%.

The purpose is to conduct a comparative analysis of Russian oil and gas companies at the regional and global levels in a pandemic.

Objectives: give a general description of the global oil and gas market in a pandemic; to characterize the positions of financial and industrial groups in the oil and gas sector of the economy during the 2020 pandemic; consider the forecasting of analysts and experts in the oil and gas sector for Russia, taking into account global trends.

Methodology. The initial materials were statistical data from the Center for Macroeconomic Analysis and Short-Term Forecasting, the Ministry of Economic Development of Russia, the Analytical Center under the Government of the Russian Federation, and world rating reports.

Results. The pandemic and self-isolation of 2020 has led to a decrease in the intensity of global supply chains, affecting Russian VNGs, TNCs and IOCs in the oil and gas sector. The Russian oil and gas sector has lost 50-60% of its proceeds from hydrocarbon exports, more than 50% of its capitalization. The Ministry of Industry and Trade of Russia will allocate 35 billion rubles to support the industry. until 2024.

Conclusions. Russian VNG, TNK and IOC today operate in conditions of a negative damper, contraction of the domestic market, reduction of crack spreads and restrictions on production growth, so the following is relevant for them: for VNG - search for new sales markets (for example, Asia); for TNK - the use of innovative technologies to maintain the profitability of oil and gas production through the development of Bazhen and Achimovka; for IOCs - development of small deposits and deposits with hard-to-recover reserves.

Keywords: oil and gas complex; competitiveness; pandemic; innovative technologies; energy security.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Kuzmina V. M. The Oil and Gas Complex of Russia as a Guarantor of the Country's Energy Security in a Pandemic. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(3): 22–31. (In Russ.)

Received 04.04.2021

Accepted 13.05.2021

Published 30.06.2021

Введение

Во второй половине 2020 г. на мировом нефтяном и газовом рынке развернулась жесткая конкурентная борьба, связанная с изменением ценовой политики на данный вид товара. «Ценовая война» была обусловлена целым рядом факторов, среди которых изменение места и роли США на нефтяном рынке за послед-

ние десятилетия (страна стала в 2019 г. нетто-экспортером энергоносителей в целом). Данное изменение статуса США закономерно повлекло значительное снижение поставок энергоносителей в страну из Саудовской Аравии, Венесуэлы, Мексики. Одновременно эту нишу в импорте энергоносителей заняли Китай и Индия. Одновременное увеличение до-

бычи и поставок нефти со стороны Ирака явилось показателем того, что Саудовская Аравия к 2020 г. оказалась не в состоянии исполнять роль стабилизирующего производителя энергоресурсов.

Нефтегазовый комплекс традиционно выступает гарантом энергетической безопасности страны. Наиболее мощные российские ФНГ («Лукойл», Татнефть, «Сибур Холдинг»), ТНК («Газпром», «Роснефть») и МНК (Sibir Energy PLC, West Siberian Resources) функционируют в нефтегазовом комплексе. Новые экономические условия 2021 г. связаны со снижением спроса на нефть и продукцию из нее, высокой импортозависимостью, консервацией скважин для выполнения сделки в рамках ОПЕК++, что приведет к падению рынка на 3–10%. Вся эта ситуация на рынке энергоресурсов отразилась и на российских ФНГ, ТНК и МНК. Для усиления позиций России в нефтегазовой сфере руководство страны сделало ставку на высокотехнологичное и инновационное развитие сферы энергоресурсов.

Объем публикаций, посвященных рынку нефтегазовой продукции достаточно велик. Зарубежные исследователи, в первую очередь, указывают на проблему, которая обострилась в период пандемии: это изменение динамики потребляемых нефтяных и газовых ресурсов. Во-первых, четко обозначилась тенденция изменения места развивающихся стран в структуре энергопотребления за счет нефти и газа. Эта идея прослеживается в исследовании Andrea Gatto, который проанализировал индикаторы мирового развития Всемирного банка (WDI), The Freedom House на примере 37 нефтедобывающих развивающихся стран и стран с переходной экономикой за период с 1989 по 2019 гг. [1]

Во-вторых, трансформация глобальной энергетической системы ставит критические вопросы для многих крупнейших стран-производителей нефти и газа. Международная политика в области климата и достижения в области низкоугле-

родных технологий действительно могут оказывать устойчивое давление на модели развития, которые в значительной степени зависят от доходов от углеводородов. Данную тенденцию отмечает Simone Tagliapietra для стран Ближнего Востока и Северной Африки [2].

В-третьих, наблюдается шоковое состояние на мировом рынке нефти [3]. Zekeriya Yildirim и Arif Arifli доказали, что отрицательный шок цен на нефть ухудшает торговый баланс, вызывает обесценивание валюты, увеличивает инфляцию и снижает экономическую активность [4]. Sławomir Śmiech, Monika Papież, Michał Rubaszek, Małgorzata Snarska показали в исследовании [5], что шоки неопределенности цен на нефть приводят к стойкому падению промышленного производства, которое неоднородно по своей глубине во всех анализируемых странах. Эта реакция будет продолжительной только в случае развивающихся стран, Мексики и России.

Аналогичное исследование провели российские и греческие специалисты (Svetlana Balashova и Apostolos Serletis) и доказали, что шоки цен на нефть оказали положительное и статистически значимое влияние практически на все виды экономической деятельности в России [6].

В-четвертых, в современных условиях обострилась борьба между МНК и ННК на нефтегазовом рынке. Европа и Северная Америка являются наиболее активными регионами трансграничных слияний и поглощений в нефтегазовой сфере. К наиболее активным участникам относятся США и Канада в Северной Америке, а также Соединенное Королевство, Нидерланды, Франция, Швейцария и Россия в Европе [7].

В-пятых, современный прогноз развития мировых и национальных компаний в нефтегазовой сфере свидетельствует о необходимости перехода к политике энергоэффективности на мировом и национальном уровнях [8]. Исследователи (M. U. Longxin, J. I. Zhifeng) говорят о

необходимости постоянно разрабатывать традиционные наземные методы разведки нефти и газа для зарубежных разведок и поддерживать их на передовом международном уровне [9].

Таким образом, анализ литературы позволил не только обозначить современные тенденции на нефтегазовом мировом рынке, но и выяснить, что деятельность российских нефтегазовых компаний слабо представлена в исследованиях зарубежных специалистов.

Материалы и методы

Исходными материалами стали статистические данные Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, Минэкономразвития России, Аналитического центра при Правительстве РФ, мировые рейтинговые отчеты. Вторичные источники данных представлены данными Всемирного банка за 2019 г. [10], Программа Евростат-ОЭСР ГЧП [11], база данных CPIA [12].

Использовались стандартные методы статистической обработки данных с последующим их аналитическим обоснованием.

Результаты и их обсуждение

Российский нефтегазовый сектор представлен различными крупными финансово-промышленными группами и малыми нефтяными группами, каждая из которых имеет свою динамику развития под влиянием мировых и региональных тенденций в данной сфере энергопотребления.

Ежегодно в Российской Федерации добывается около 550 млн т нефти и сразу же почти половина добываемой нефти перерабатывается. Россия уверенно держится на ведущем втором месте по показателям добычи нефти после Саудовской Аравии. Такому положению во многом способствовала санкционная политика США против Ирана и Венесуэлы, что повлекло за собой увеличение поставок

сырой нефти только за январь – ноябрь 2019 г. на 3,8%. Такие данные приводит Федеральная таможенная служба РФ. Начиная с 2018 г. ТЭК России демонстрировал положительную производственно-экспортную динамику. В 2018 г. Россия поставила на экспорт 260,2 млн т сырой нефти, что являлось на 2,9%, или 7,4 млн т, больше в сравнении с 2017 г.

Основными покупателями энергии из России являются такие страны, как: Нидерланды, Китай, Германия, Южная Корея, Польша, Япония, Италия, Беларусь, Турция, Финляндия. По данным Минэкономразвития РФ, Турция демонстрировала рост импорта нефти из России. Так, за 2019 г. в сравнении с аналогичным периодом 2018 г. экспорт сырой нефти РФ в Турцию вырос в 4,5 раза, поскольку ряд турецких производств в сфере нефтепереработки сменили ориентацию с западных поставок на российское сырье [13].

На рисунке 1 мы видим отчетливую динамику общего роста экспорта сырой нефти (как в натуральном выражении (млн т), так и в процентном выражении) после кризиса 2014 г.

Если мы выделим приоритетные направления поставок российской нефти, то получим следующую картину: наибольший прирост в поставках нефти дают Турция (+6 млн т в 2019 г. в сравнении с 2018 г.), Нидерланды (+4 млн т), Китай (+2,7 млн т). Европейские государства показали отрицательный прирост экспорта нефти со стороны РФ: Германия (–4,6 млн т), Польша (–4,4 млн т), Финляндия (–0,3 млн т), Белоруссия (–0,2 млн т) [14].

Среди отечественных экспортеров нефти выгодно выделяется ОАО «Лукойл», которая добывает 2,2% мировой нефти. На долю этой компании в России приходится 16,6% всей добычи нефти [15]. На долю ОАО «Татнефть» приходится 8% всей добычи нефти в России и 80% – в Татарстане.

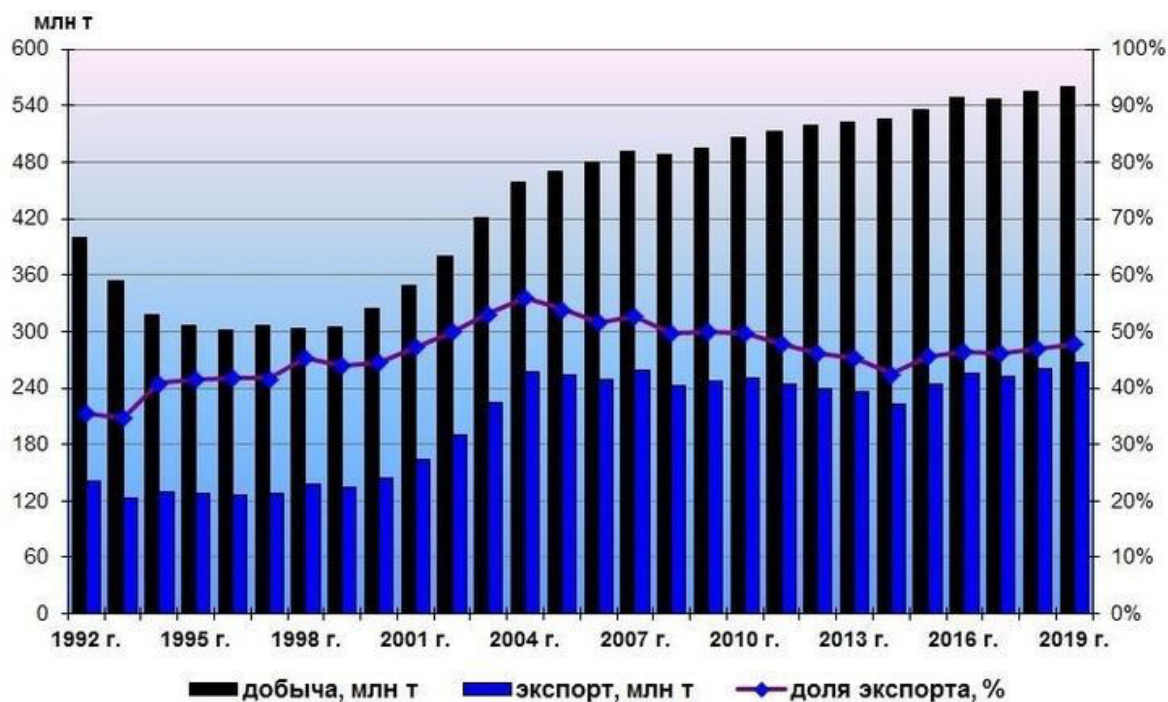

Рис. 1. Добыча и экспорт нефти России [14]

Менее известным, но не менее значимым в газо- и нефтедобывающей отрасли России является «Сибур Холдинг». Один из крупнейших российских холдингов, контролирующих 96% нефтегазоперерабатывающей промышленности, — это группа компаний ТАИФ.

Помимо крупных компаний, значимое место в добыче и производстве газо- и нефтепродуктов занимают малые нефтяные компании. Их насчитывают около 160, но все вместе они разрабатывают и добывают нефть на 160 месторождениях в 23 регионах РФ [16]. Это известные компании: Sibir Energy PLC, Urals Energy, PLCООО «Северное сияние», Lundin Petroleum и др. Географически эти компании базируются на территории Башкортостана, Татарстана.

Для мировых тенденций в нефтегазовой сфере характерна реакция на кризисы, изменения цены на баррель нефти, спад производства на протяжении отдельных лет за период с 2008 по 2019 г. Российские компании демонстрировали иную тенденцию. А. Бондарь (А. Bondar, 2019) в своем исследовании [17] отмеча-

ет, что Россия укрепила свои позиции на мировом рынке нефти. Но Р. Иванов считает, что не все так оптимистично для нашей страны, считая, что Россия далека от лидирующих позиций на мировом нефтяном рынке [18].

В качестве примера можно привести данные российского фондового рынка. Так, котировки нефтегазовых компаний в России имели положительную динамику и в целом подорожали в период с 2016 по 2020 г. в 2-3 раза. Принятые международные соглашения в рамках ОПЕК+ и ОПЕК++ о снижении объемов добычи нефти помогли российским нефтегазовым компаниям стабильно удерживаться на мировом и региональных рынках. Но парадоксальным оказался факт влияния пандемии на нефтегазовый сектор России. В 2020 г. произошел откат к объемам добычи и продажи нефти 2017–2018 гг. Потери нефтегазового сектора составили 50–60% выручки от экспорта углеводородов и более 50% своей капитализации [19].

Эксперты приводят данные о потерях в сфере капитализации: свыше 5 трлн

рублей, или около 70 млрд. Если мы сравним котировки выше 75 долл. за баррель в апреле 2019 г., то в 2020 г. они опускались ниже 16 долл. год спустя по причине падения потребления энергоресурсов [20]. Роснефть в первом полугодии 2020 г. имела убыток в 113 млрд рублей, Лукойл – убыток в 64,7 млрд рублей, чистая прибыль Газпрома упала в 25 раз, снизившись до 33 млрд рублей. Эксперты считают, что 2020 г. был худшим годом для российского нефтегазового сектора.

Новые технологии и коммуникационные возможности, помимо прочего, меняют место работника на производстве, в том числе и на нефте- и газодобывающем. Внедрение информационных технологий приводит к сокращению участия человека в производственных процессах, а по факту мы получаем квалифицированных сотрудников, занимающихся дистанционным наблюдением и настройкой параметров. В свою очередь, разработка мобильных приложений позволяет говорить о будущих изменениях в самом принципе принятия решений: основную роль будет играть мнение не одного специалиста, а многопрофильного экспертного сообщества.

Несмотря на определенный прогресс российских компаний по внедрению новых технологий в добычу и производство нефти и газа, в целом отечественные нефте- и газодобывающие отрасли не владеют полноценными платформами для совместного сотрудничества с другими мировыми компаниями с применением новейших IT-технологий, но определенные сдвиги в данном направлении есть. Так, «Газпромнефть» создала Центр компетенций, в него входят геологи, разработчики, сейсмологи из Научно-технического центра, корпоративного центра и его дочерних компаний [19].

Впервые на базе данного Центра стали работать на платформе GeoMate (информационная система, разработанная с участием экспертов НТЦ «Газпромнефть» и IT-специалистов компании).

Однако сегодня «Газпромнефть» только начинает осваивать все возможности современных информационных технологий.

Аналитики ВТБ Капитал дали оценку по снижению EBITDA крупнейших российских нефтяных компаний в 2021 г. до 39 млрд долл., хотя ранее их прогноз в январе 2020 г. колебался в рамках 66 млрд долл. С ними согласны аналитики Инвестбанка, считающие, что в результате снижения цен за баррель нефти российский нефтяной сектор потеряет 24 млрд долл. EBITDA в 2020 г. и 12 млрд долл. в 2021 г.

Нельзя также забывать и об убытках от сужения крэк-спредов на нефтепродукты в Европе. По этому показателю эксперты ВТБ Капитал оценивают убытки российских нефтяных компаний в 2 млрд долл. EBITDA в 2020 г. и 4 млрд долл. в 2021 г. Международное рейтинговое агентство Moody's выражает надежду на стабилизацию цен за баррель нефти, которая приведет к остановке убыточной деятельности российского нефтегазового комплекса [20].

Цены на газ показывали отрицательную динамику уже с ноября 2019 г., в марте 2020 г. кубометр газа подешевел почти вдвое с 0,29 до 0,15 долл. Эксперты МЭА считают, что планируемое недопотребление газа в 2020 г. составило 150 млрд кубометров, т. е. 4% мировой добычи. Ранее таких показателей никогда не было зафиксировано для данной отрасли. Аналитики Минэнерго РФ ожидают восстановления мирового спроса на газ в ближайшее время [19].

Несмотря на негативные мировые тенденции для российских нефтегазовых компаний доля импорта в данной сфере остается высокой, особенно в сфере инновационных технологий, нашедших применение при работе с трудноизвлекаемыми запасами, гидроразрывами пластов и непосредственно добычи на шельфе.

Несмотря на подписанный договор с ОПЕК+ останавливать добычу нефти и газа никто не собирается, да это и невоз-

можно, но с чем согласны и эксперты, и владельцы компаний – необходимость в модернизации отрасли. Следует больше внимания уделять разработке малых месторождений и месторождений с трудно-извлекаемыми запасами, что в итоге может принести значимую прибыль: до 30–35 млрд рублей и более 100 млн т добытой нефти [16].

Под модернизацией отрасли эксперты понимают внедрение информационных технологий и автоматизацию процессов нефтепереработки, использование математических моделей для прогнозирования показателей качества нефте- и газодобычи исключительно на основе лабораторных испытаний и показателей.

Соответствующими областями в этой сфере являются: создание моделей и проведение экспериментальных исследований процессов, происходящих в природной среде; разработка программного обеспечения для обработки и интерпретации геологических и геофизических данных и т. д. Эти разработки помогут в получении виртуальных образов производственных объектов, что ускорит процесс создания новых видов оборудования, проектирования и строительства.

В нефтегазовую отрасль проникли инновационные технологии, которые затронули сферы и производства, и продажи энергоносителей. Аналитики доказали необходимость применения мониторинговых технологий как скважинного оборудования, так и наземных инфраструктурных объектов. Возможность наблюдения за результатами мониторинга в реальном времени позволяет своевременно реагировать на всевозможные технологические изменения, которые могут повлечь за собой аварии, сбои.

Нефте- и газодобывающие отрасли сегодня поставили перед собой задачу технологического прорыва, связанного с внедрением технологий повышения производительности за счет 3D/4D геомеханического и физико-химического моделирования. Среди крупных компаний,

таких как «Роснефть», в целевой стратегии на 2022 г. указано, что для достижения поставленных целей по повышению производительности необходимо применять цифровые технологии и новые промышленные стандарты. Для того чтобы лучше ориентироваться в данном проблемном поле, «Роснефть» подписала соглашение с General Electric о намерениях по созданию предприятия, внедряющего новые технологии оптимизации, сбора, обработки и анализа данных.

Выводы

Конец 2019 и начало 2020 г. оказались одними из сложных для нефтегазовой отрасли Российской Федерации. Снижение добычи нефти на 8% выглядело практически катастрофичным за последние восемь лет. Все это происходило на фоне ухудшившейся ситуации на мировом рынке газа, аналогично снизилась добыча газа на 8%. К сожалению, экспорт энергоресурсов по проекту «Сила Сибири» в Китай также отстает от запланированных показателей.

Улучшившаяся экологическая ситуация в ряде регионов мира из-за пандемии стимулирует процесс электромобилизации. Для ТНК нетто-импортеров нефти Евросоюза, Японии, Кореи это потенциальный источник экономического роста. Европейские мейджоры – BP, Equinor, Shell, Total – поставили цели декарбонизации, превращаясь из нефтегазовых в диверсифицированные энергетические компании.

Российские компании сегодня находятся в достаточно затруднительном положении, которое, с одной стороны, обусловлено необходимостью поиска новых месторождений и новых способов переработки сырья для достижения более конкурентоспособного статуса; с другой стороны, компании должны понимать дальнейшие направления своего развития, связанного с внедрением новых цифровых технологий.

Российским нефтяным и газовым компаниям необходимо обратиться к опыту зарубежных компаний. Крупнейшие нефтегазовые компании активно приобретают стартапы в области искусственного интеллекта. Например, GE и Statoil совместно инвестировали в Ambyint. Saudi Aramco инвестировала в Earth Science Analytics – стартап, занимающийся разработкой следующего поколения программного обеспечения искусственного интеллекта для нефтегазовой науки. BP инвестировала в Belmont Technology – стартап, стремящийся расширить возможности компании в области искусственного интеллекта и цифровых технологий в ее разведочном оффшорном бизнесе. Shell, Saudi Aramco и Chevron совместно инвестировали в стартап Маана в области искусственного интеллекта, который в партнерстве с Microsoft

использовал свою платформу облачных вычислений Azure.

Таким образом, нефтегазовые компании Российской Федерации должны, с одной стороны, переосмыслить стратегии сотрудничества и взаимодействия с университетами, с другой стороны – перейти в производстве к экосистемному подходу. Что касается энергетического сектора, то с помощью инновационных технологий можно достичь высокоэффективного, энергоэффективного, ресурсосберегающего и геоэкологического производства. Данная политика влечет за собой поиск новых нефтегазовых месторождений, что впоследствии приведет к увеличению коэффициента извлечения запасов, найдет отражение в глубине переработки сырья, закономерно приведет к снижению потерь не только при добыче, но и транспортировке.

Список литературы

1. Gatto A. An extensive data set on energy, economy, environmental pollution and institutional quality in the petroleum-reliant developing and transition economies // *Data in Brief Available online*. 2021. 17 January. URL: <https://sciencedirect.com/science/article/pii/S2352340921000500#tbl0001> (дата обращения: 24.12.2020).
2. Tagliapietra S. The impact of the global energy transition on MENA oil and gas producers // *Energy Strategy Reviews*. 2019. Vol. 26. P. 100397. <https://doi.org/10.1016/j.esr.2019.100397>.
3. Alotaibi M. N. Crude oil price and private sector of Saudi Arabia: Do globalization and financial development matter? New evidence from combined cointegration test // *Resources Policy*. 2020. Vol. 69, is. 10. P. 1–15. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2020.101774>.
4. Yildirim Z., Arifli A. Oil price shocks, exchange rate and macroeconomic fluctuations in a small oil-exporting economy // *Energy*. 2021. Vol. 219, no. 2. P. 119527. <https://doi.org/10.1016/j.energy.2020.119527>.
5. The role of oil price uncertainty shocks on oil-exporting countries / S. Śmiech, M. Papież, M. Rubaszek, M. Snarska // *Energy Economics*. 2021. Vol. 93, no. 12. P. 1050208. <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2020.105028>.
6. Balashova S., Serletis A. Oil prices shocks and the Russian economy // *Journal of Economic Asymmetries*. 2020. Vol. 21. <https://doi.org/10.1016/j.jeca.2019.e00148>.
7. GuoY., Yang Y., Wang C. Global energy networks: Geographies of mergers and acquisitions of worldwide oil companies // *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2021. Vol. 139. <https://doi.org/10.1016/j.rser.2020.110698>.
8. Recalde M. Y. Which aspects may prevent the development of energy service companies? The impact of barriers and country-specific conditions in different regions // *Energy Services Fundamentals and Financing. Energy Services and Management*. Academii Press, 2021. P. 293–315. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-820592-1.00013-0>.
9. Longxin M. U., Zhifeng J. I. Technological progress and development directions of PetroChina overseas oil and gas exploration // *Petroleum Exploration and Development*. 2019. Vol. 46, no. 6. P. 1088–1099. [https://doi.org/10.1016/S1876-3804\(19\)60265-X](https://doi.org/10.1016/S1876-3804(19)60265-X).

10. Показатели мирового развития. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 25.12.2020)
11. Программа Евростат-ОЭСР ГЧП 2021. URL: <https://www.worldbank.org/en/programs/icp> (дата обращения: 26.03.2021).
12. База данных CPIA 2021. URL: <https://datacatalog.worldbank.org/dataset/country-policy-and-institutional-assessment> (дата обращения: 26.03.2021).
13. U.S. sanctions help Russia boost oil exports in 2019 // *Forbes*. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.forbes.ru%2Fnewsroom%2Fbiznes%2F391643-sankcii-ssha-pomogli-rossii-uvelichit-eksport-nefti-v-2019-godu> (дата обращения: 26.03.2021).
14. Export results of the Russian fuel and energy sector in 2019: records for oil, gas, coal. URL: <https://sdelanounas.ru/blogs/130385/> (дата обращения: 28.03.2021).
15. Finansovo promyshlennye grupy 2021. URL: <https://www.investentrussia.ru/finansovo-promyshlennye-grupy/> (дата обращения: 27.03.2021).
16. Дылевская А. И., Авилова В. В. Усиление роли малых нефтяных компаний в Российской Федерации // Вестник Казанского технического университета. 2014. Т. 17, № 17. С. 184–186.
17. Bondar A. Due to US sanctions, Europe began to actively buy expensive Russian oil // *European News*. URL: <https://replyua.net/europe/143005-iz-za-sankciy-ssha-evropa-nachala-aktivno-pokupat-doroguyu-rossiyskuyu-neft.html> (дата обращения: 28.03.2021).
18. Ivanov R. Three scenarios of the development of the world energy industry until 2050 – experts // *365 Info*. URL: <https://365info.kz/2017/06/tri-stsenariya-razvitiya-mirovoj-energetiki-do-2050-goda-eksperty> (дата обращения: 25.03.2021).
19. Пятёрка ведущих нефтегазовых компаний России. URL: <https://oilcapital.ru/article/general/30-06-2020/pyaterka-veduschih-neftegazovyh-kompaniy-rossii> (дата обращения: 28.03.2021).
20. To drill or not to drill. URL: <https://www.finam.ru/analysis/forecasts/to-drill-or-not-to-drill-rossiyskiy-neftegaz-v-2020-godu-20201111-16390/> (дата обращения: 26.03.2021).

References

1. Gatto A. An extensive data set on energy, economy, environmental pollution and institutional quality in the petroleum-reliant developing and transition economies. *Data in Brief Available online*, 2021, January 17. Available at: <https://sciencedirect.com/science/article/pii/S2352340921000500#tbl0001>. (accessed 24.12.2020)
2. Tagliapietra S. The impact of the global energy transition on MENA oil and gas producer. *Energy Strategy Reviews*, 2019, vol. 26, p. 100397. <https://doi.org/10.1016/j.esr.2019.100397>.
3. Alotaibi M. N. Crude oil price and private sector of Saudi Arabia: Do globalization and financial development matter? New evidence from combined cointegration test. *Resources Policy*, 2020, vol. 69, is. 10, pp. 1–15. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2020.101774>.
4. Yildirim Z., Arifli A. Oil price shocks, exchange rate and macroeconomic fluctuations in a small oil-exporting economy. *Energy*, 2021, vol. 219, no. 2, p. 119527. <https://doi.org/10.1016/j.energy.2020.119527>.
5. Śmiech S., Papież M., Rubaszek M., Snarska M. The role of oil price uncertainty shocks on oil-exporting countries. *Energy Economics*, 2021, vol. 93, no. 12, p. 1050208. <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2020.105028>.
6. Balashova S., Serletis A. Oil prices shocks and the Russian economy. *Journal of Economic Asymmetries*, 2020, vol. 21. <https://doi.org/10.1016/j.jeca.2019.e00148>.
7. Guo Y., Yang Y., Wang C. Global energy networks: Geographies of mergers and acquisitions of worldwide oil companies. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 2021, vol. 139, <https://doi.org/10.1016/j.rser.2020.110698>.
8. Recalde M. Y. Which aspects may prevent the development of energy service companies? The impact of barriers and country-specific conditions in different regions. *Energy Services Fundamentals and Financing. Energy Services and Management*. Academii Press, 2021, pp. 293–315. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-820592-1.00013-0>.

9. Longxin M. U., Zhifeng J. I. Technological progress and development directions of PetroChina overseas oil and gas exploration. *Petroleum Exploration and Development*, 2019, vol. 46, no. 6, pp. 1088–1099. [https://doi.org/10.1016/S1876-3804\(19\)60265-X](https://doi.org/10.1016/S1876-3804(19)60265-X).
10. World Development Indicators. Available at: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>. (accessed 25.03.2021)
11. Eurostat-OECD PPP Program 2021. Available at: <https://www.worldbank.org/en/programs/icp>. (accessed 26.03.2021)
12. Database CPIA 2021 Available at: <https://datacatalog.worldbank.org/dataset/country-policy-and-institutional-assessment>. (accessed 26.03.2021)
13. U.S. sanctions help Russia boost oil exports in 2019. *Forbes*. Available at: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.forbes.ru%2Fnewsroom%2Fbiznes%2F391643-sankcii-ssha-pomogli-rossii-uvlechit-eksport-nefti-v-2019-godu>. (accessed 26.03.2021)
14. Export results of the Russian fuel and energy sector in 2019: records for oil, gas, coal. Available at: <https://sdelanounas.ru/blogs/130385/>. (accessed 28.03.2021)
15. Finansovo promyshlennye grupy 2021. Available at: <https://www.investmentrussia.ru/finansovo-promyshlennye-grupy/>. (accessed 27.03.2021)
16. Dylevskaya A. I., Avilova V. V. Usilenie roli malykh neftnykh kompanii v Rossiiskoi Federatsii [Strengthening the role of small oil companies in the Russian Federation]. *Vestnik Kazanskogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of the Kazan Technical University*, 2014, vol. 17, no. 17, pp. 184–186.
17. Bondar A. Due to US sanctions, Europe began to actively buy expensive Russian oil. *European News*. Available at: <https://replyua.net/europe/143005-iz-za-sankciy-ssha-evropa-nachala-aktivno-pokupat-doroguyu-rossiyskuyu-neft.html>. (accessed 28.03.2021)
18. Ivanov R. hree scenarios of the development of the world energy industry until 2050 – experts. 365 Info. Available at: <https://365info.kz/2017/06/tri-stsenariya-razvitiya-mirovoj-energetiki-do-2050-goda-eksperty>. (accessed 25.03.2021)
19. Five of the leading oil and gas companies in Russia. Available at: <https://oilcapital.ru/article/general/30-06-2020/pyaterka-veduschih-neftegazovyh-kompaniy-rossii>. (accessed 28.03.2021)
20. To drill or not to drill. Available at: <https://www.finam.ru/analysis/forecasts/to-drill-or-not-to-drill-rossiyskiy-neftegaz-v-2020-godu-20201111-16390/>. (accessed 26.03.2021)

Информация об авторе / Information about the Author

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и государственного управления, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: kuzmina-violetta@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1867-7330

Violetta M. Kuzmina, Candidate of Historical Science, Associate Professor of the Department of International Relations and Public Administration, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: kuzmina-violetta@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1867-7330

УДК 339.14

Новые перспективы экспорта российского мяса на рынок Китая

Г. В. Федотова¹ ✉, Д. А. Куразова²

¹ Поволжский научно-исследовательский институт производства и переработки мясомолочной продукции
ул. Рокоссовского 6, г. Волгоград 400131, Российская Федерация

² Чеченский государственный университет
ул. А. Шерипова 32, г. Грозный 364024, Российская Федерация

✉ e-mail: g_evgeeva@mail.ru

Резюме

Актуальность. Специфика современного состояния мясного рынка в Китае во многом определяется, как и подавляющее большинство производственно-потребительских отношений в мировых социально-экономических процессах, действующими организационными ограничениями, направленными на предотвращение распространения заболеваемости COVID-19. Вместе с этим экономико-организационный механизм Государственного совета республики, направленный на обеспечение профилактики и расширению контроля над пандемией, предусматривает реализацию плана полноцепочного, замкнутого, отслеживаемого регулируемого ввозимыми продуктами питания.

Цель заключается в оценке потенциала внутреннего мясного рынка КНР для перспективы расширения экспортных возможностей российского АПК.

Задачи. В статье были поставлены и последовательно решены следующие задачи: исследовать объемы китайского мясного рынка и оценить прогнозы для наращивания экспорта российской продукции животноводства в КНР.

Методология. В данной работе использованы методы нормативно-правового анализа и оценки современной ситуации, методы графического и статистического анализа, методы аналогии и логического анализа.

Результаты. Проведенный в работе анализ динамики наращивания экспорта в Китай со стороны международных производителей мясной продукции определяет новые направления развития российского животноводства в свете двусторонних соглашений о поставках мяса на рынок КНР.

Выводы. Российская животноводческая отрасль АПК продолжает наращивать свои темпы производства на протяжении последних лет. Обеспечение внутренних потребностей в мясной продукции диктует выходы на международные рынки и поиск перспектив для возможных поставок за рубеж. В этой связи наличие достаточно емкого рынка Китая открывает новые перспективы для отечественных производителей.

Ключевые слова: рынок мяса; мясная продукция; экспорт; импорт; животноводство; агропромышленный комплекс.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках реализации гранта Российского научного фонда 21-16-00025 «Новые подходы в разработке и обосновании принципов, методов и алгоритмов производства продукции животноводства без использования кормовых антибиотиков».

Для цитирования: Федотова Г. В., Куразова Д. А. Новые перспективы экспорта российского мяса на рынок Китая // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 3. С. 32–43.

Поступила в редакцию 14.04.2021

Принята к публикации 18.05.2021

Опубликована 30.06.2021

© Федотова Г. В., Куразова Д. А., 2021

New Prospects for the Export of Russian Meat to the Chinese Market

Gilian V. Fedotova¹ ✉, Diana A. Kurazova²

¹ Volga Region Research Institute of Manufacture and Processing of Meat-And-Milk Production
6 Rokosovskogo str., Volgograd 400131, Russian Federation

² Chechen State University
32 A. Sheripova str., Grozny 364024, Russian Federation

✉ e-mail: g_evgeeva@mail.ru

Abstract

Relevance. The specifics of the current state of the meat market in China is largely determined, as is the vast majority of production and consumer relations in the global socio-economic processes, by the existing organizational restrictions aimed at preventing the spread of the incidence of COVID-19. At the same time, the economic and organizational mechanism of the State Council of the Republic, aimed at ensuring prevention and expanding control over the pandemic, provides for the implementation of a fully chain, closed, tracked, regulated by imported food plan.

The purpose of writing the work is to assess the potential of the domestic meat market of the PRC for the prospect of expanding the export opportunities of the Russian agro-industrial complex.

Objectives. In the article, the following tasks were set and consistently solved: to study the volumes of the Chinese meat market and evaluate forecasts for increasing the export of Russian livestock products to the PRC.

Methodology. This work uses methods of regulatory analysis and assessment of the current situation, methods of graphical and statistical analysis, methods of analogy and logical analysis.

Results. The analysis of the dynamics of the increase in exports to China by international meat producers, carried out in this work, determines new directions for the development of Russian animal husbandry in the light of bilateral agreements on the supply of meat to the PRC market.

Conclusions. The Russian livestock sector of the agro-industrial complex continues to increase its production rates over the past years. Meeting domestic needs for meat products dictates entering international markets and looking for prospects for possible supplies abroad. In this regard, the presence of a sufficiently capacious Chinese market opens up new prospects for domestic manufacturers.

Keywords: meat market; meat products; export; import; animal husbandry; agro-industrial complex.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Funding: The study was carried out within the framework of the Russian Science Foundation grant 21-16-00025 "New approaches in the development and justification of principles, methods and algorithms for the production of livestock products without the use of feed antibiotics".

For citation: Fedotova G. V., Kurazova D. A. New Prospects for the Export of Russian Meat to the Chinese Market. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(3): 32–43. (In Russ.)

Received 14.04.2021

Accepted 18.05.2021

Published 30.06.2021

Введение

Современные тенденции наращивания производства животноводческой отрасли российского АПК были продиктованы требованиями Доктрины продовольственной безопасности России, согласно которой страна должна была выйти на полную самообеспеченность внутренней потребности продукцией отраслей АПК. По мере насыщения внутреннего

рынка страны появляется необходимость выхода на мировые рынки и увеличение объемов для экспорта российской сельскохозяйственной продукции. С этой позиции необходимо изучать возможности и перспективы наиболее приближенных территориально емких продовольственных рынков, таких как Китай.

Китай – это крупнейший в мире производитель, потребитель и импортер мя-

са. Согласно отраслевому профилю объемом закупок мяса на китайском мясном рынке увеличился со среднегодовым темпом роста 2,4% в период с 2014 по 2018 г., достигнув уровня общего дохода в 209 млрд долл. в 2018 г.

Крупнейшими розничными продавцами мяса в Китае являются следующие компании:

1. Shuanghui Group (ныне WH Group) – крупнейшая мясоперерабатывающая компания в Китае, которая производит как высокотемпературные, так и низкотемпературные мясные продукты, свежее и замороженное мясо. Это была первая мясоперерабатывающая компания, основанная в 1994 г. Основная специализация компании состоит в забое и переработке свинины, а продажи свежемороженого мяса позволяют получать более 30% от общей выручки компании. В последние годы в ответ на растущий спрос на рынке компания расширила ассортимент по сектору «говядина» и «мясо птицы».

2. Yurun Group Limited – один из крупнейших производителей мясной продукции в материковом Китае.

В 2019 г. на китайском рынке было сосредоточено около 28% мирового предложения мяса, на долю которого приходится 73% рыночной стоимости мяса в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В данном случае ежемесячный импорт мясной продукции в Китай достиг 1 млрд долл. США. Крупнейшим поставщиком мяса выступает Бразилия, вместе с этим импорт из стран ЕС, таких, например, как Нидерланды, Испания и Германия, также растет. Таким образом, на 2019 г. Китай импортировал мясопродукты из 16 стран. При недостаточном внутреннем производстве мяса в 2021 г. в Китае будет поддерживаться импорт мясопродуктов.

Одним из ключевых компонентов рынка мяса в Китае являются внешние и внутренние поставки свинины и курятины. В данном случае усматривается сни-

жение потребления первого из указанных видов мяса с повышением спроса на курятину. Но вместе с этим посредством эффективной государственной поддержки, реализуемой с 2019 г., поголовье свиней стремительно восстанавливается при расширении функционирования свиноферм. Данная отрасль мясного производства направлена на компенсацию внутриэкономических потерь в связи с распространением чумы свиней. Таким образом, к ноябрю 2019 г. поголовье поросят увеличилось на 51%, стадо свиней в стране выросло до 260 млн голов. Основными факторами данного роста стали расширение численности продуктивных свиноматок, а также применение успешных технологий их осеменения [1; 2].

При выявленных положительных моментах увеличения производства свинины общий уровень цен на данный вид мяса остается достаточно высоким по причине превышения внутреннего спроса над реальным выпуском. Это стало причиной расширения объема импорта свиноводческой продукции в 2020 г. По данным Министерства сельского хозяйства РФ, ввоз свинины за 10 месяцев 2020 г. составил 3,62 млн т, что на 126,2% больше по сравнению с аналогичным показателем в 2019 г. В частности, только за октябрь указанного года внешние закупки Китая составили 330 тыс. т свиноводческой продукции, что ниже объема за сентябрь на 13,2%, и по сравнению с цифрой за октябрь больше на 80,4%.

Материалы и методы

В статье исходными материалами при рассмотрении проблематики глобализации и интеграции российского мясного рынка в постпандемических реалиях послужили данные о статистике и динамике экспорта российской животноводческой продукции на мировые рынки за последние несколько лет. Изученные материалы были дополнены официальными

отчетными релизами и публикациями в открытых источниках и динамике развития российско-китайских взаимоотношений на продовольственном рынке. В связи с чем основной текст статьи основан на научно-практическом обзорном материале, который был систематизирован и обработан для выстраивания общей логики статьи.

В процессе проведенного исследования рынков России и Китая был использован обширный методический инструментарий обработки обзорного материала и его экономической интерпретации с учетом последних изменений в российско-китайских отношениях.

В качестве метода исследования использован структурно-функциональный анализ при рассмотрении специфики международных отношений России с другими странами и определения места России на международном продовольственном рынке в условиях распространения COVID-19. Применяются системный и ситуационный подходы при выявлении особенностей сложившихся проблем в условиях пандемии с определением соответствующих оптимальных средств их устранения.

В этой связи проведен всесторонний анализ функционирования сельхозпроизводителей России по установлению и регулированию процессов производства мяса и его поставок на рынки Китая, а также имеющихся ресурсов в деятельности органов экспортного контроля. Данное регулирование направлено на увеличение экономического потенциала и благосостояния национальной экономической системы и устойчивости отраслей АПК, которые в период пандемии зарекомендовали себя в качестве одних из устойчивых отраслей народного хозяйства.

Проблемы укрепления национальной продовольственной безопасности в различные периоды экономического развития страны были рассмотрены в работах многих отечественных экономистов: Э. Н. Крылатых [3], Н. Шагайда и

В. Узун [4], V. A. Plotnikov et. al. [5], И. Ф. Горлов и др. [6; 7; 8], Г. В. Федотова и Э. М. Федотова [9]. Поиском новых способов и технологий наращивания отечественного животноводства занимались ученые научной школы академика РАН И. Ф. Горлова. Многие аспекты данного вопроса были освещены в следующих трудах [8; 6].

Несмотря на наличие определенных достижений в данном направлении остаются многие вопросы, которые требуют нового научного поиска. Для формирования новых подходов необходимо комплексно исследовать данную проблематику и развивать механизмы успешного взаимодействия между производителями из разных стран.

Результаты и их обсуждение

На протяжении 2020 г. цены на свинину в Китае оставались на высоком уровне, но тем не менее планомерно снижались посредством реализации государственно-административных мер стабилизации поставок. Примером одной из указанных мер стал выпуск на рынок замороженной свинины из государственного резерва. В результате к декабрю стоимость свинины в полутушах снизилась до 44,03 юань/кг (6,8 долл./кг), что, в свою очередь, выступает фактором снижения доходов ряда государств от импорта данного вида мяса. Указанными поставщиками среди международных субъектов мясного рынка стали поставщики, представленные на рисунке 1.

Представленные на рисунке 1 импортеры свинины должны продолжать искать дополнительные рынки для поставок и расширения диверсификации рисков снижения закупок после полного восстановления свиноводства в Китае.

В 2021 г. в Китае планируется дальнейшее расширение мощностей по выпуску мяса птицы и восстановление объема производства свинины.

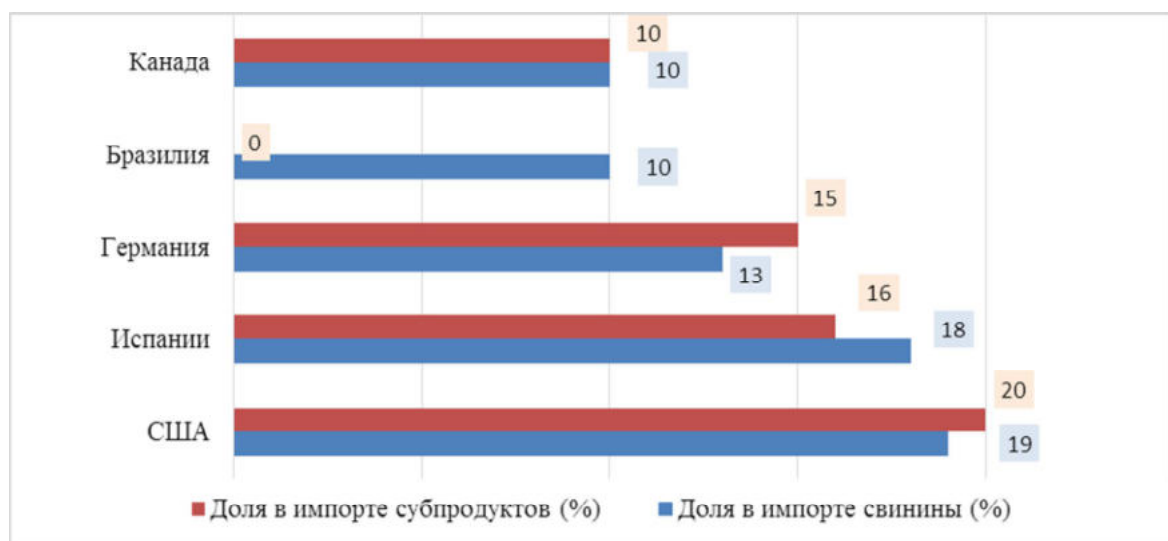

Рис. 1. Международные импортеры свинины в Китай в 2020 г. [1]

Учитывая размер рынка и растущий средний класс, спрос на китайскую свинину в настоящее время оказывает влияние на мировую свиноводческую отрасль. При этом отмечался рост уровня потребления китайской свинины на протяжении десятилетий, а сегодня, благодаря беспрецедентному экономическому росту Китая, страна превратилась в глобальный центр покупательной способности данного продукта [10]. Поскольку китайский рынок насчитывает почти 1,4 млрд жителей, посредством действия официальных норм и требований в сфере торговли и рекламных брендов китайские потребители уделяют повышенное внимание соблюдению строгих стандартов безопасности пищевых продуктов, качеству свинины, которые должны иметь импортируемые мясные товары. Одним из ключевых стимулирующих факторов активности на китайском рынке мяса является достаточно высокий спрос на качественную свинину, который превышает уровень внутреннего предложения со стороны китайских производителей. Это существенно расширяет возможности для иностранных поставщиков мяса, которые смогут предлагать экологически чистое мясо и продукты из говядины (или телятины) высшего качества, чтобы удовле-

творить более изысканные вкусы китайских потребителей.

Структура импорта курятины в Китай в 2020 г. разделилась следующим образом: 34% приходится на куриные лапы, 31% – на тушку и 28% – на крылья, что соответствует китайским вкусам и кулинарным традициям. Остальная куриная продукция в импорте составляет всего 7% [11]. С точки зрения функционирования различных субъектов внутреннего рынка по продажам мяса бройлера в 2019 г. спрос со стороны оптовых рынков, супермаркетов и предприятий общественного питания снизился, в то время как со стороны онлайн-магазинов увеличился. Общий уровень потребности в мясе птицы со стороны китайской пищевой промышленности оказался ниже, чем ожидалось [12; 13].

Необходимо отметить, что главным поставщиком мяса бройлера в КНР является Бразилия, которая экспортировала за 10 месяцев 2020 г. в Китай 581,2 тыс. т данного вида мяса, что составляет 47% от общего импорта. Объем ввоза из США достиг 290,6 тыс. т, а это около 23,5% от поставок курицы в страну в целом. В то время как Россия за январь - октябрь 2020 г. отправила в КНР 120 тыс. т мяса бройлера.

Китай продолжает оставаться крупнейшим рынком мяса крупного рогатого скота в Азии (общий объем потребления 7,5 млн т), на его долю приходится 35% от общего объема. Кроме того, Китай является крупнейшим производителем мяса крупного рогатого скота в Азиатско-Тихоокеанском регионе (общий объем производства 6,5 млн т), на его долю приходится 34% от общего объема производства. Более того, производство говядины в Китае превысило показатели производства второго по величине производителя – Индии (2,6 млн т) в два раза.

Этому способствовало сохранение стабильности в разведении крупного рогатого скота в течение последнего десятилетия, в то время как в остальных странах-производителях зафиксированы следующие среднегодовые темпы роста производства: в Индии прирост составил 0,6% в год, а в Пакистане – 3,4%. В 2019 г. основными импортерами мяса крупного рогатого скота на мировом рынке, на которые пришлось 63% общего импорта, были: Китай (1,1 млн т), Япония (617 тыс. т), Южная Корея (444 тыс. т), Гонконг (365 тыс. т).

На данный момент, среди прочего, основные поставки говядины в Китай осуществляют: Австралия, Новая Зеландия, Канада, США. Такое разнообразие поставщиков мяса свидетельствует о том, что Китай стремится всячески сократить свою зависимость от какого-либо одного поставщика путем предоставления входа на свой рынок значительному числу стран [9; 14]. Так, по внешним закупкам говядины к концу 2019 г. Китай импортировал говядину из 26 стран по сравнению с 2014 г. В относительно небольшой, но развивающейся сфере – торговле охлажденной говядиной – Китай увеличил количество одобренных стран до 10 в 2019 г., по сравнению с одной (Австралией) в 2015 г. В том же году ежемесячный импорт мясных продуктов в Китай достиг 1 млрд долл. США, при этом Бразилия была ведущим поставщиком мяса, тогда

как импорт из стран ЕС, включая Нидерланды, Испанию и Германию, рос быстрее всего.

Анализируя внешние поставки российского мяса, необходимо отметить, что крупнейшим покупателем является Китай, доля закупок которого составляет 37%. В феврале 2019 г. начались китайские закупки мяса птицы, а по итогам этого года они выросли в 1,8 раза – до 265 млн долл. В 2020 г. китайский рынок открылся и для российских производителей мяса крупного рогатого скота, в результате чего отгруженный объем составил 8,7 тыс. т на 48 млн долл. – более половины всего российского экспорта говядины.

Экспорт российского мяса птицы в Китай в 2020 г. составил 160,4 млн долл., и таким образом, на долю Китая в настоящее время приходится 67% всех экспортных поставок этой продукции из России. Этому способствуют меры государственной поддержки, в частности со стороны Министерства сельского хозяйства, которые заключаются в льготном кредитовании и частичном возмещении затрат на сертификацию сельскохозяйственной продукции на внешних рынках.

В 2020 г. Китай стал главным направлением сбыта для отечественной птицеводческой продукции, но по экспорту свинины данный рынок пока недоступен для России, что выступает негативным фактором для дальнейшего расширения российского свиноводства. Тем самым производство свинины в России продолжает увеличиваться, и рынок достиг 100% внутреннего насыщения, поэтому китайский рынок в данном отношении необходим для сбыта свинины. Этому может способствовать то, что вследствие распространения в стране африканской чумы свиней поголовье свиней в КНР сократилось на 44%, достигнув своего минимума в феврале 2020 г. 194 млн животных.

В отношении расширения активности на рынке Китая для российских произво-

дителей необходимо выявить направления в потреблении определенных разновидностей мяса и мясных продуктов с концентрацией внимания на данной рыночной нише [3; 6]. В частности, можно сконцентрироваться на поставках различных составных частей куриных тушек, которые пользуются у китайских потребителей особым спросом (отдельные части крыльев, очищенные лапы).

За первую половину 2020 г. Китай импортировал 79,9 тыс. т российского мяса. Указанный рост российского экспорта произошел за счет увеличения по-

ставок мяса птицы. К этому добавился и тот факт, что отечественным производителям было разрешено поставлять в Китай замороженную говядину, хотя роль экспорта в этом сегменте рынка пока не так высока.

Экспорт из России в Китай товаров из группы «Мясо и пищевые мясные субпродукты» за период с февраля 2020 г. по апрель 2020 г. составил 77,3 млн долл. США общим весом 42 тыс. т. Следует проследить динамику стоимости экспорта российского мяса в Китай за 5-летний период (рис. 2).

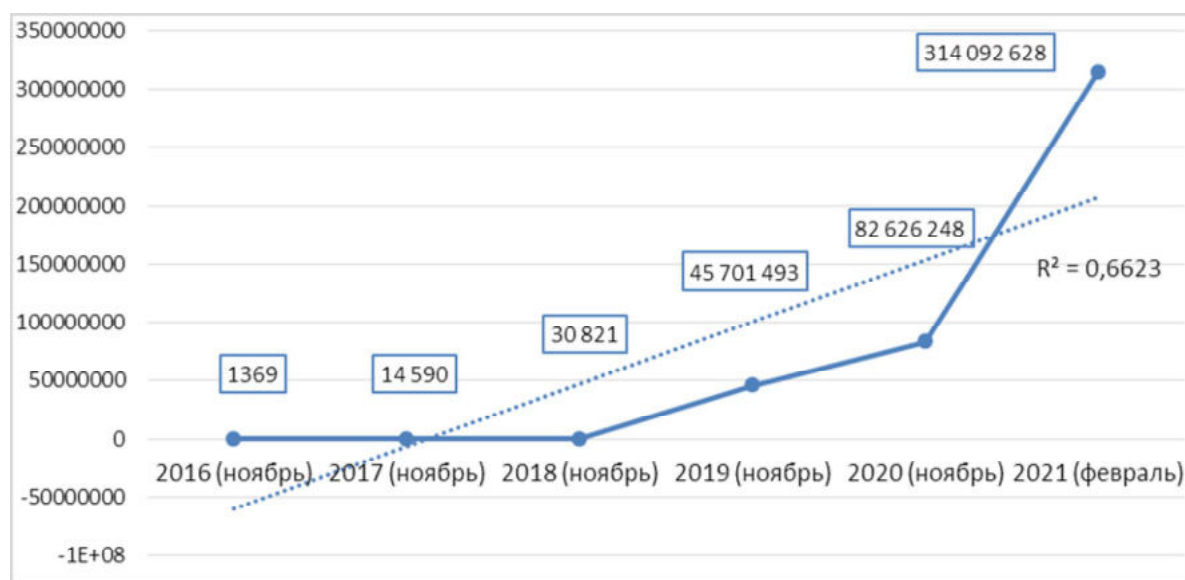

Рис. 2. Динамика и прогноз экспорта российского мяса в Китай [1], долл. США

Согласно представленному графику динамики экспорта мяса видим, что его темпы растут на протяжении 6 лет. В феврале 2021 г. экспорт резко возрос на 26%. Представленный линейный прогноз российского экспорта демонстрирует дальнейший рост поставок в будущие периоды с достоверностью 0,6623.

Растущий рынок Китая демонстрирует высокий спрос на все категории мясных продуктов. Несмотря на то, что объем импорта всех видов и категорий мясных продуктов увеличился, из-за различных ограничений доступа к рынкам, факторов внутреннего предложения и спроса наибольший прирост объемов наблюдался в говя-

дине и свинине, за которыми следовали мясо птицы и овец (рис. 3).

Оценка динамики по различным категориям мясных продуктов на рынке Китая доказывает высокий спрос на растущем рынке страны. В целом рынок за 2019 г. вырос на 46% по сравнению с 2018 г. Наибольший рост продемонстрировал сегмент «Свинина», что открывает новые перспективы для российской свиноводческой отрасли. Кроме этого выросли объемы импорта по таким сегментам, как «Говядина» – на 60% и «Птица и мясные субпродукты» – на 58%. Рост потребности на рынке КНР открывает новые возможности для российского животноводства.

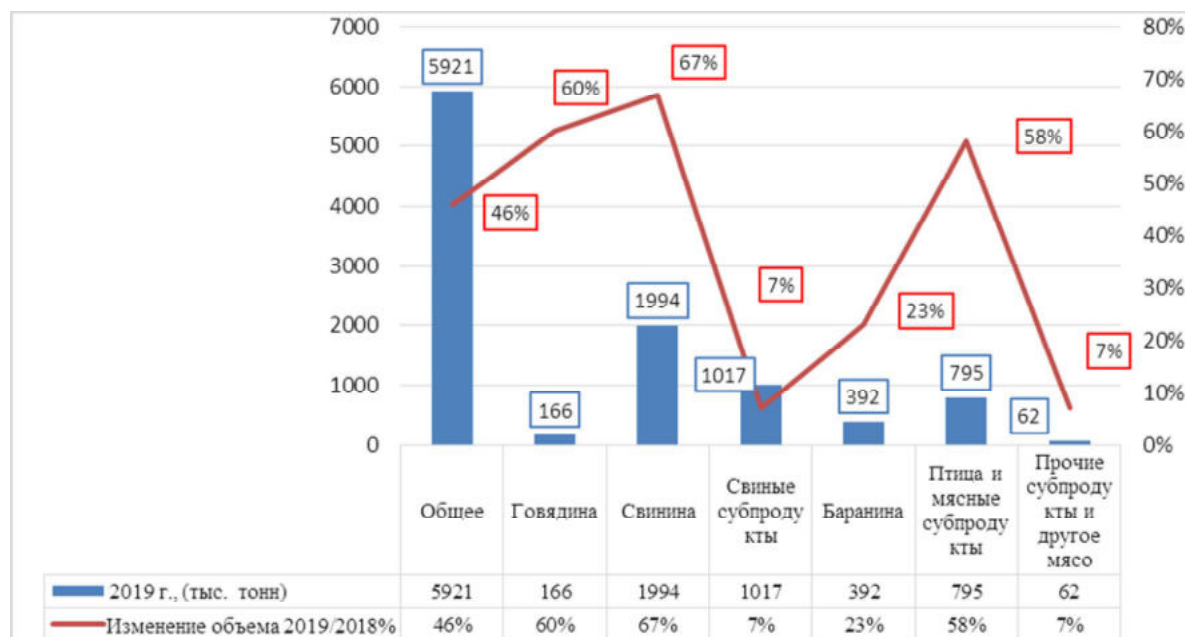

Рис. 3. Импорт мяса и субпродуктов в Китай (за исключением Гонконга) [13]

Вместе с этим в червертом квартале 2019 г. возникла повышенная волатильность рынка Китая, что было вызвано рядом сопутствующих экономико-организационных препятствий, таких как:

- задержка платежей по транспортировке мясных продуктов;
- пересмотр или отмена контрактов поставки;
- снижение уровня цен.

При этом отмечено, что импорт красного мяса демонстрирует сезонное падение во время и сразу после первого месяца китайского лунного Нового года. Таким образом, рекордный объем импорта мяса в Китай в 2019 г. привел к тому, что многие ключевые поставщики вышли

на этот нестабильный рынок, который несет в себе определенный уровень риска. Этот риск, в частности, присутствует в отношении поставок говядины из Аргентины и Уругвая, которые в определенной степени зависят от закупок со стороны Китая, на долю которого приходится 76% и 70% экспорта обеих стран соответственно. Поставки бразильской говядины в Китай превышают 50% экспорта, если включить Гонконг. Рассматривая общую картину экспорта говядины в отношении участия на китайском рынке, следует подчеркнуть, что 90% таких закупок приходится на такие страны, как Бразилия, Австралия, Уругвай, Новая Зеландия, Аргентина (табл.).

Таблица. Основные импортеры и их доля в общем объеме экспорта говядины в Китай [10], %

Страна	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Аргентина	31	35	46	57	76
Уругвай	45	47	53	56	70
Новая Зеландия	50	47	21	27	8
Бразилия	9	15	18	24	32
Австралия	11	9	11	14	24

Содержание таблицы свидетельствует, что Китай стал основным экспортером

говядины Австралии в 2019 г., увеличив свою долю в австралийском экспорте с

14% в 2018 г. до 24% в 2019 г. Австралия менее зависима от поставок в Китай, чем другие ключевые поставщики. Тем самым Австралия как экспортер достигла благоприятных условий доступа к различным азиатским рынкам, что имеет решающее значение для роста отрасли и способности снижать существующие торговые риски.

Такие факторы, как закрытие границ и падение потребительского спроса в результате распространения коронавируса, не смогли нарушить планов по экспорту мяса, и российские производители получили благоприятные возможности для увеличения объемов вывоза мясной продукции при соответствующем повышении доходов [6].

Предварительные оценки динамики российских поставок свинины в Китай в 2021 г. будут достигать 300 тыс. т, что превысит объемы закупок основного экспортера российской свинины – Вьетнама. По итогам 2020 г. Китай закупил почти 38% всего мясного экспорта России, что в 3,9 раз больше объемов 2019 г., в том числе выросли поставки птицы – до 71%, свинины – в 2,4 раза, говядины – в 2,9 раз. КНР только в 2020 г. закупила более 5000 тонн российской говядины на сумму 25 млн долл. Необходимо еще подчеркнуть, что, помимо мяса птицы, в КНР экспортируются субпродукты, которые не очень востребованы в других странах.

Таким образом, можно отметить, что формируется и развивается новый рынок российского экспорта мясных продуктов. Указанный рост стал возможен благодаря положительной динамике поставок в Китай, рынок которого открылся для российских сельхозпроизводителей в конце 2018 г. и занимает лидирующие позиции по закупкам и потреблению мяса. В частности, за январь-сентябрь 2019 г. экспорт мяса птицы в Китай увеличился в 4,2 раза до 113 тыс. т стоимостью 208 млн долл.

Примером данного лидерства является покупка Китаем российской говядины.

Сегодня на рынок КНР приходится уже более половины объема всех отгрузок. За 9 месяцев 2019 г. в КНР экспортировано более 5 тыс. т российской говядины стоимостью 25 млн долл.

Говядину Россия в Китай никогда не поставляла и устранение различных препятствий по данным поставкам продолжалось около семи лет. В отношении производства и внешних продаж российской говядины следует подчеркнуть, что в России производство говядины стагнирует, что подтверждается отсутствием роста в 2019 г. по сравнению с 2018 г., и составило около 1,62 млн т в убойном весе [3]. Импорт составил 370 тыс. т, а экспорт – 9 тыс. т. Основные покупатели российской говядины – Вьетнам, Белоруссия, Казахстан и др.

Для российских производителей поставки говядины являются дополнительной возможностью расширения своего экспорта с увеличением рентабельности разведения крупного рогатого скота за счет продажи отдельных частей туш животных по более привлекательной цене. Этому способствует то, что Китай активно наращивает закупки говядины по всему миру. На китайском рынке может быть востребовано как недорогое бескостное мясо, так и премиальная говядина.

Качественными отличиями, и в определенной степени конкурентными преимуществами, российского мяса по отношению к мясной продукции других стран могут быть следующие признаки [7]:

1) по цвету – мясо животных, выращенных в других странах с помощью гормональных средств, обладает неестественно ярким красным цветом;

2) по салу – иностранное мясо, как правило, внешне монолитное, в нем нет прослоек сала;

3) по запаху – мясо животных, выращенных на искусственных добавках, не пахнет молоком. Кроме того, в нем почти нет крови.

Процесс производства мяса в России в 2020 г. из-за ограничений деловой активности в связи с распространением COVID-19 замедлился, что отмечалось в апреле. В частности, замедлилось производство свинины в живом весе, а объемы выпуска говядины и мяса птицы снизились. В мае 2020 г. темпы производства животноводческой продукции стали восстанавливаться. Данная ситуация сложилась по причине того, что производство мяса реагирует на кризисные явления в экономике с лагом от 3 месяцев до года. Это связано с длительностью цикла производства, а также ограниченными возможностями компаний по оперативной коррекции планов производства в ответ на изменения спроса [7; 8]. В условиях замедления динамики потребления из-за снижения реальных доходов населения и его деловой активности цены на различные виды товаров могут снижаться, что окажет давление на рентабельность компаний [4]. Дополнительным негативным фактором для спроса на мясные продукты стало ограничение работы сферы общественного питания в большинстве стран мира.

Выводы

Таким образом, поставки российского мяса имеют ряд перспектив расширяться в дальнейшем, что обеспечивает дополнительные условия для стабильной деятельности ряда российских производителей мясной продукции. Так, еще в январе 2018 г. был опубликован список из 23 российских предприятий (среди этих предприятий следует отметить «Мираторг», «Черкизово», «Приосколье», ГАП «Ресурс», «Белгранкорм», «Агрокомплекс» им. Н. И. Ткачева, «Дамате» и др.), специализирующиеся на выпуске мяса птицы, которым КНР дала право поставок продукции на свою территорию. В начале 2018 г. состоялась первая отгрузка объемом 54 т морским транспортом. Пандемия внесла некоторые сложности в развитие торговых взаимоотношений, но тем не менее с начала 2021 г. поставки возобновились. Данные положительные моменты во внешнеэкономической активности по экспорту российского мяса являются основой для расширения взаимовыгодного партнерства России и Китая в сфере агропромышленного производства.

Список литературы

1. Рынок мяса в Китае: свинина уступает дорогу росту говядины. URL: <https://daxueconsulting.com/meat-market-in-china/> (дата обращения: 30.03.2021).
2. Китайские импортеры свинины способствуют импорту свинины в Китай. URL: <https://www.mla.com.au/prices-markets/market-news/2020/strong-finish-to-2019-for-china-imports-but-short-term-disruption-expected/> (дата обращения: 30.03.2021).
3. Крылатых Э. Н. Аграрные аспекты присоединения России к ВТО // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2012. № 5. С. 1–3.
4. Шагайда Н., Узун В. Продовольственная безопасность: проблемы оценки // Вопросы экономики. 2015. № 5. С. 63–78.
5. Harmonization of strategic planning indicators of territories' socioeconomic growth / V. A. Plotnikov, G. V. Fedotova, E. G. Popkova, A. A. Kastyrina // Regional and Sectoral Economic Studies. 2015. Vol. 15-2. P. 105–114.
6. Горлов И. Ф., Мосолова Н. И., Суркова С. А. Основные направления по разработке аграрно-пищевых технологий // Аграрно-пищевые инновации. 2019. № 2 (6). С. 7–8.
7. Когнитивный подход к исследованию проблем продовольственной безопасности: монография / И. Ф. Горлов, Г. В. Федотова, С. П. Сазонов, В. Н. Сергеев, Ю. А. Юлдашбаев. Волгоград: Изд-во Волгоград. ин-та управления – филиала РАНХиГС, 2018. 168 с.

8. Новые подходы в разработке эффективных технологий производства животноводческого сырья и повышение биологической ценности получаемой из него продукции / И. Ф. Горлов, М. И. Сложенкина, Е. Ю. Злобина, С. Л. Тихонов // *Индустрия питания*. 2017. № 3 (4). С. 30–34.
9. Федотова Г. В., Федотова Э. М. Agriculture 4.0 в рамках пандемии COVID-2019 // *Последствия и вызовы пандемии коронавируса для технологического и социально-экономического развития общества : сборник трудов III Международной научно-практической конференции* / под общ. ред. С. В. Шкиотова, В. А. Гордеева. Ярославль: Ярослав. гос. техн. ун-т, 2020. С. 117–123.
10. Дефицит мяса свинины новой волны Китая – импортеры свинины в Китай. URL: <https://www.dccchina.org/news/chinas-new-wave-pork-meat-deficiency-pork-importers-in-china/> (дата обращения: 30.03.2021).
11. Китайские импортеры говяжьих продуктов – китайский рынок говядины. URL: <https://www.dccchina.org/news/chinese-importers-for-beef-products-chinas-beef-market/> (дата обращения: 30.03.2021).
12. Основные моменты китайского мясного рынка в 2020 году – экспорт мяса в Китай. URL: <https://www.dccchina.org/news/chinese-meat-market-highlights-2020-meat-exports-to-china/> (дата обращения: 30.03.2021).
13. Перспективы мясного вывоза в Китай. Потенциал российского экспорта в КНР составляет более 300 тыс. т. URL: <https://meatinfo.ru/news/perspektivi-myasnogo-vivoza-v-kitay-potentsial-417318> (дата обращения: 30.03.2021).
14. Экспорт мяса птицы в Китай в 2020 году. URL: <https://www.akm.ru/eng/news/poultry-meat-exports-to-china-increased-7-times-to-160-4-million-in-2020/> (дата обращения: 30.03.2021).

References

1. Rynok myasa v Kitae: svinina ustupaet dorogu rostu govyadiny [The meat market in China: pork is giving way to the rise of beef]. Available at: <https://daxueconsulting.com/meat-market-in-china/>. (accessed 30.03.2021)
2. Kitaiskie importery svininy sposobstvuyut importu svininy v Kitai [Chinese pork importers promote pork imports to China]. Available at: <https://www.mla.com.au/prices-markets/market-news/2020/strong-finish-to-2019-for-china-imports-but-short-term-disruption-expected/>. (accessed 30.03.2021)
3. Krylatykh E. N. Agrarnye aspekty prisoedineniya Rossii k VTO [Agrarian aspects of Russia's accession to the WTO]. *Ekonomika sel'skokhozyaistvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatii = Economy of agricultural and processing enterprises*, 2012, no. 5, pp. 1-3.
4. Shagaida N., Uzun V. Prodovol'stvennaya bezopasnost': problemy otsenki [Food security: assessment problems]. *Voprosy ekonomiki = Problems of Economics*, 2015, no. 5, pp. 63–78.
5. Plotnikov V. A., Fedotova G. V., Popkova E. G., Kastyrina A. A. Harmonization of strategic planning indicators of territories' socioeconomic growth. *Regional and Sectoral Economic Studies*, 2015, vol. 15-2, pp. 105–114.
6. Gorlov I. F., Mosolova N. I., Surkova S. A. Osnovnye napravleniya po razrabotke agrarno-pishchevykh tekhnologii [The main directions for the development of agricultural and food technologies]. *Agrarno-pishchevye innovatsii = Agricultural and food innovations*, 2019, no. 2 (6), pp. 7–8.
7. Gorlov I. F., Fedotova G. V., Sazonov S. P., Sergeev V. N., Yuldashbaev Yu. A. Kognitivnyi podkhod k issledovaniyu problem prodovol'stvennoi bezopasnosti [Cognitive approach to the study of food security problems]. Volgograd, Volgograd Institute of Management - branch of RANEPa Publ., 2018. 168 p.
8. Gorlov I. F., Slozhenkina M. I., Zlobin E. Yu., Tikhonov S. L. Novye podkhody v razrabotke effektivnykh tekhnologii proizvodstva zhivotnovodcheskogo syr'ya i povysenie biologicheskoi tsennosti, poluchaemoi iz nego produktsii [New approaches in the development of effective technologies for the production of livestock raw materials and increasing the biological value of products obtained from it]. *Industriya pitaniya = Food Industry*, 2017, no. 3 (4), pp. 30–34.

9. Fedotova G. V., Fedotova E. M. [Agriculture 4.0 in the framework of the COVID-2019 pandemic]. *Posledstviya i vyzovy pandemii koronavirusa dlya tekhnologicheskogo i sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya obshchestva. Sbornik trudov III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Consequences and challenges of the coronavirus pandemic for the technological and socio-economic development of society. Collection of articles III International scientific-practical conference]; ed. by S. V. Shkiotov, V. A. Gordeev. Yaroslavl, Yaroslavl St. Techn. Univ. Publ., 2020, pp. 117–123. (In Russ.)
10. Defitsit myasa svininy novoi volny Kitaya – importery svininy v Kitai [Deficit of pork meat of the new wave of China - pork importers to China]. Available at: <https://www.dccchina.org/news/chinas-new-wave-pork-meat-deficiency-pork-importers-in-china/>. (accessed 30.03.2021)
11. Kitaiskie importery govyazh'ikh produktov – kitaiskii rynek govyadiny [Chinese importers of beef products - Chinese beef market]. Available at: <https://www.dccchina.org/news/chinese-importers-for-beef-products-chinas-beef-market/>. (accessed 30.03.2021)
12. Osnovnye momenty kitaiskogo myasnogo rynka v 2020 godu – eksport myasa v Kitai [Highlights of the Chinese meat market in 2020 - meat exports to China]. Available at: <https://www.dccchina.org/news/chinese-meat-market-highlights-2020-meat-exports-to-china/>. (accessed 30.03.2021)
13. Perspektivy myasnogo vyvoza v Kitai. Potentsial rossiiskogo eksporta v KNR sostavlyayet bolee 300 tys. t [Prospects for export of meat to China. The potential of Russian exports to China is more than 300 thousand tons]. Available at: <https://meatinfo.ru/news/perspektivi-myasnogo-vivoza-v-kitay-potentsial-417318>. (accessed 30.03.2021)
14. Eksport myasa ptitsy v Kitai v 2020 godu [Export of poultry meat to China in 2020]. Available at: <https://www.akm.ru/eng/news/poultry-meat-exports-to-china-increased-7-times-to-160-4-million-in-2020/>. (accessed 30.03.2021)

Информация об авторах / Information about the Authors

Федотова Гилян Васильевна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Поволжский НИИ производства и переработки мясомолочной продукции, г. Волгоград, Российская Федерация,
e-mail: g_evgeeva@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2066-8628
Researcher ID: N-8708-2015

Gilian V. Fedotova, Doctor of Economic Sciences, Chief Researcher, Povolzhsky Research Institute of Production and Processing of Meat and Dairy Products, Volgograd, Russian Federation,
e-mail: g_evgeeva@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2066-8628
Researcher ID: N-8708-2015

Куразова Диана Алдамовна, старший преподаватель кафедры учета, анализа и аудита в цифровой экономике, Чеченский государственный университет, г. Грозный, Российская Федерация,
e-mail: kurazova.diana@mail.ru

Diana A. Kurazova, Senior Lecturer of the Department of Accounting, Analysis and Auditing in the Digital Economy, Chechen State University, Grozny, Russian Federation,
e-mail: kurazova.diana@mail.ru

ГОСУДАРСТВО И БИЗНЕС НА ПУТИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

THE GOVERNMENT AND BUSINESS ON THE PATH OF THE DIGITAL TRANSFORMATION

Оригинальная статья / Original article

УДК 330.1

Современное состояние цифровой экономики в России и перспективы ее развития

С. В. Шманёв¹ ✉

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Ленинградский проспект 49, г. Москва 125993, Российская Федерация

✉ e-mail: shmanev_s_v@mail.ru)

Резюме

Актуальность. Мировая экономика находится в точке бифуркации, а следовательно, путь дальнейшего развития всей цивилизации не определен. Многие политики говорят о кардинальных изменениях, которые должны произойти с существующей моделью развития общества. С определенной уверенностью можно сказать только то, что если цивилизация выйдет из череды усиливающихся кризисов, противоречий и локальных войн, которые могут перерасти в глобальные столкновения противоречий властвующих элит, то в результате глобальных трансформаций мы вступим в новую технологическую эпоху, в которой цифровые технологии будут играть основную роль. Это вызовет необходимость фундаментального пересмотра многих общечеловеческих ценностей нашей цивилизации и систем хозяйствования.

Целью проведенного исследования была прогнозная оценка эффективности управляющих воздействий в условиях вызовов и угроз для развития национальной безопасности России на базе формирования объективных представлений о возможностях и проблемах реализации в стране политики цифровизации.

Задачи: рассмотреть процесс цифровизации в нашей стране; проанализировать мировой опыт и предложить перспективные пути решения сложившихся негативных тенденций.

Методология. При исследовании были использованы методы структурного и системного анализа, методы статистического анализа и основы теории управления.

Результаты. Началом нового этапа развития цивилизации, цифровизации жизнедеятельности принято считать 2015 год, когда профессор К. Шваб, выступая на Давосском форуме, сказал о вступлении в четвертую промышленную революцию, которая характеризуется конвергенцией трех технологий: физической, цифровой и биологической. Предоставляемые ими новые возможности для общества потребуют совершенно иного подхода к обучению и нового уровня знаний, это вызовет в начале коренных изменений в экономике значительный рост уровня безработицы, а следовательно, будет являться источником социальной напряженности.

Выводы. Информационно-телекоммуникационные технологии кардинально меняют нашу жизнь и вместе с тем порождают новые угрозы национальной безопасности, да и всей системы глобализации информационного пространства. Только грамотное использование возможностей позволит нашему государству не только своевременно провести внедрение цифровых технологий в жизнь, но и занять достойное место в современном мире.

Ключевые слова: цифровизация; политика; управление; промышленность; инновации; эффективность; система; риски.

© Шманёв С. В., 2021

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Шманёв С. В. Современное состояние цифровой экономики в России и перспективы ее развития // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 3. С. 44–52.

Поступила в редакцию 12.04.2021

Принята к публикации 12.05.2021

Опубликована 30.06.2021

The Current State of Digital Economy in Russia and the Prospects of its Development

Sergey V. Shmanev¹ ✉

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation
49 Leningradsky Prospekt, Moscow 125993, Russian Federation

✉ e-mail: shmanev_s_v@mail.ru

Abstract

Relevances. The world economy is at a point of bifurcation, and, therefore, the path of further development of the entire civilization is not defined. Many politicians talk about cardinal changes that should replace the existing model of the development of society. We can only say with some certainty that if civilization emerges from a series of intensifying crises, contradictions, and local wars that can develop into global clashes of contradictions between the ruling elites, then as a result of global transformations we will enter a new technological era in which digital technologies will play the main role. This will cause the need for a fundamental revision of many common human values of our civilization and economic systems.

The purpose of the study was the predictive assessment of the control actions' effectiveness in the face of challenges and threats to the development of Russia's national security based on the formation of objective ideas about the possibilities and problems of implementing the digitalization policy in the country.

Objectives: consider the digitalization process in our country; analyze world experience and propose promising ways to solve the existing negative trends.

Methodology. The research used methods of structural and system analysis, methods of statistical analysis, and the foundations of management theory.

Results. The beginning of a new stage in the development of civilization, the digitalization of life, is considered to be from 2015, when Professor K. Schwab, speaking at the Davos Forum, said about the beginning of the fourth industrial revolution, which is characterized by the convergence of three technologies: physical, digital, and biological. These are new opportunities for society, but since digitalization requires a completely new approach to learning and a new level of knowledge, this will cause a significant increase in the unemployment rate at the beginning of fundamental changes in the economy, and, therefore, will be a source of social tension.

Conclusions. Information and telecommunication technologies are fundamentally changing our lives and, at the same time, have generated new threats to national security, and the entire system of globalization of the information space. Only competent use of opportunities will allow our state not only to timely implement digital technologies in life, but also to take a worthy place in the modern world.

Keywords: digitalization; politics; management; industry; innovation; efficiency; system; risks.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declare no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Shmanev S. V. The Current State of Digital Economy in Russia and the Prospects of its Development. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(3): 44–52. (In Russ.)

Received 12.04.2021

Accepted 12.05.2021

Published 30.06.2021

Введение

Руководство страны и научное сообщество понимают, что без инновационных технологий во всех отраслях экономики, без внедрения в производственные процессы цифровых технологий мы рискуем выпасть на периферию развития мирового сообщества и остаться страной – донором ресурсов. Цифровизация и другие инновационные технологии – это не просто дань модным тенденциям, это, прежде всего, развитие прикладной и фундаментальной науки, высокообразованные и высококвалифицированные кадры, новые конкурентоспособные товары, национальная безопасность страны и, в конце концов, высокий уровень благосостояния.

В настоящее время цифровизация все активнее проникает во все сферы жизни, но особенно интенсивно делаются попытки внедрения ее в промышленность. Как сказал И. И. Шувалов (первый заместитель председателя Правительства Российской Федерации) на парламентских слушаниях 20 февраля 2018 г., успешная цифровизация промышленности является залогом интенсивного экономического роста российской экономики. Новые цифровые возможности станут базой для высоких темпов экономического роста и новой структуры экономики. Не случайно в обиходе появился новый термин Industry 4.0, обозначающий такой уровень автоматизации предприятий всех отраслей и развития информационно-логических систем, при котором обеспечивается высокая их конкурентоспособность, как на внутреннем, так и на внешних рынках [1; 2; 3].

Но насколько обоснованы ставки развития отечественной экономики и роста ВВП за счет повышения производительности труда при внедрении цифровых технологий? Обратимся к анализу динамики производительности труда и капитала в США. Исследования показали, что только с 1958 по 1968 г. этот показатель изменялся с темпом в 2,5% в

год. Этот период был связан с внедрением в производство конвейерных технологий, с бурным развитием химической промышленности, за счет развития химии (получение композиционных материалов) и автомобилестроения. Затем этот показатель стал падать: с 2010 по 2017 г. темпы роста упали в 10 раз, примерно до 0,22% в год. При этом ускоренное внедрение в промышленности компьютеров не дало значительных результатов в развитии производительности труда, о чем писал нобелевский лауреат Р. Соллоу [4].

Материалы и методы

Для России стало привычным оглядываться на запад и определять свои цели и задачи, постоянно соизмеряя их с США и Европой. Казалось бы, это логично: страны капиталистического мира являются не только нашими партнерами, но и конкурентами в борьбе за рынки сбыта продукции и услуг. И знание мировых тенденций экономического развития позволяет нам быть в тренде событий, что было особенно важно в условиях глобализации. Но пандемия, разразившаяся в 2019 г., заставила признать даже самых ярых сторонников глобализации, что до окончания карантина еще очень далеко, а система глобализации, выстраиваемая под руководством и контролем США, которая совсем недавно казалась вполне устойчивой, рухнула [5].

Если теперь беспристрастно посмотреть назад на прошедшие 30 лет перестройки и ускоренной ломки социалистической системы в России под руководством либералов, то увидим, что больших успехов в формировании новой системы хозяйствования мы так и не добились, в то время как Китай и Вьетнам, да и ряд других стран продолжают развиваться по социалистическому пути и добились серьезных успехов, соединив социалистические и капиталистические элементы хозяйствования. Да и капиталистическая рыночная система претерпе-

ла существенные изменения, взяв на вооружение лучшие достижения СССР: стратегическое планирование, государственный контроль над рядом объектов инфраструктуры, финансирование науки, образования и здравоохранения. И это понятно: ведь если говорить о внедрении инновационных технологий в сферу услуг, а главное – в производственный процесс, то это возможно только при развитой системе образования, здравоохранения, при достаточном финансировании науки [4; 6]. В России же вот уже 30 лет не прекращается череда нескончаемых реформ в этих сферах, проводимых постоянно обновляющимся составом руководителей соответствующих министерств и ведомств, успешно разрушающих то, что было создано в СССР.

Главная причина неэффективности социально-экономической политики, уязвимости России от мирового кризиса и санкций, инициированных США, – это открытость нашей финансовой системы и подчиненность денежно-кредитной политики интересам международных валютных спекулянтов. В результате проводимой политики многие российские предприятия оказались в руках западных компаний, которые либо выжимают из предприятий максимальную прибыль (как это происходит с предприятиями химической промышленности и цветной металлургией), либо используют для контроля российского рынка (как это произошло с пищевой промышленностью), либо просто уничтожают конкурентов (как это произошло с машиностроением). Так, ущерб от деятельности ЦБ, выполняющего рекомендации МВФ, например, в 2018 г. составил около 25 трлн рублей.

Результаты и их обсуждение

Различие социальных целей и ориентиров российской экономической политики и политики запада ярко проявилось в последнее десятилетие.

Так, с кризисом мировой экономики и разразившейся в 2019 г. пандемией на западе были приняты серьезные меры социальной и экономической поддержки: более тысячи стран оказали социальную поддержку своим гражданам, а более 200 – еще и серьезную экономическую. По утверждению О. Синявской, объем государственной помощи предприятиям и населению, оказанной в 2020 г. за рубежом, составил в некоторых странах до 30% ВВП [7]. В России глава министерства финансов РФ Антон Силуанов, глава Банка России Эльвира Набиуллина, глава Сбербанка Герман Греф, комментируя идею прямой раздачи денег населению, сказали, что в условиях кризиса это самая крайняя мера, и в России она сейчас неактуальна, Россия не может себе позволить раздавать деньги своим гражданам, как это делают в некоторых странах Запада в качестве меры поддержки в условиях пандемии и вызванного ею экономического кризиса. И это в ситуации, когда 38,9% денег россияне тратят на еду, притом что зарплата большинства граждан РФ не превышала в 2019 г. 23,5% (данные Росстата). Согласно опросу Сбербанка, доля респондентов, у которых вообще отсутствуют сбережения, выросла до 43% против 41% годом ранее [8].

Так уж повелось в России, что во всех сферах деятельности мы в качестве прототипа используем программы, разработанные за рубежом. Программа цифровизации экономики, утвержденная Правительством России в 2017 г., не стала исключением. Она рассчитана до 2025 г., и в ней, как и в программе, разработанной на западе, практически не затронуты проблемы, связанные с необходимостью реформирования (цифровизации) реального сектора экономики. В обоих документах речь идет только о решении технологических проблем. Много стали говорить про цифровые системы как экосистемы, способные рационально, точнее оптимально, использовать природные ресурсы. Но программы создаются людьми

(ИТ-специалистами), большинство из которых малосведущи в производственных процессах, химии, физике, биологии и т. д.

И здесь опять присутствует человеческий фактор, который довольно часто сводит на нет все благие намерения и действительно важные идеи и проекты. И получается, что для разработки необходимых цифровых технологий нужно создавать коллективы, в которых главную роль играют не ИТ-специалисты, выступающие как технический персонал, а специалисты в различных областях науки и техники; на создание таких коллективов нужно время, новые форматы совместной работы, а следовательно, и немалые финансовые вложения. После этого можно говорить о внедрении цифровых технологий в промышленность.

Появилось много научных и научно-популярных материалов, в которых доказывается необходимость цифровизации экономики. В них утверждается, что в так называемой «традиционной экономике» ресурсы распределяются и используются неэффективно, что и породило неравенство, и практически все блага цивилизации (97%) принадлежат 1% самых богатых жителей Земли. А вот цифровизация способна устранить эту несправедливость путем вывода из цепочки добавленной стоимости человека, тем самым ставя его над производством, автоматически переводя его в ранг наблюдателя и контролера. Правда, никто не уточняет, как это повлияет на сложившееся неравенство и кто конкретно будет исполнять функции арбитра [4; 7; 9]. Все мы одновременно? Сразу возникает множество вопросов. А мы все готовы к этому? Мы обладаем необходимым образованием и достаточной квалификацией? Сколько средств и времени нужно для переквалификации работающего в настоящее время населения страны? И каков будет принцип распределения доходов: от каждого по способности – каждому по труду, тогда о каком равенстве может быть речь? Если всем по ровну, то где же справедливое распреде-

ление, и зачем тогда утомлять себя напряженной учебой, потом интенсивной работой для приобретения необходимых навыков? К сожалению, на эти вопросы пока никто вразумительных ответов не дал.

Тем не менее в России намечен курс на ускоренное внедрение цифровых технологий как в экономике, так и в социальной сфере. Насколько известно, такие грандиозные задачи в настоящее время реализуются в очень немногих экономически развитых странах, и то не в тех масштабах, как им бы хотелось. Причин несколько.

Во-первых, нужно создать необходимые условия: соответствующая законодательная база (об этом сказали 21% опрошенных руководителей бизнеса), эффективно функционирующая финансовая система, поддерживающая развитие бизнеса, науки, образования, стратегия развития должны формироваться исходя из возможностей и условий, в которых мы сейчас находимся.

Во-вторых, нужен мониторинг возможностей бизнеса, социальной сферы и населения страны к цифровой трансформации.

Развитие новых информационно-коммуникационных технологий, способствующих формированию и развитию новых способов производства, вызывает необходимость разработать принципиально новые правила игры и затрагивает все отрасли народного хозяйства. Принято считать, что цифровизация является основой для структурной трансформации российской экономики и условием экономического развития страны, поэтому ключевым фактором экономической деятельности в условиях цифровизации экономики становятся электронные технологии, предполагающие переработку и хранение больших массивов данных, что является условием эффективности управления производством товаров и услуг.

Вместе с тем необходимо рассмотреть действительное состояние уровня цифровизации российской экономики,

выявить возможные проблемы на пути реорганизации промышленности и оценить роль России в общемировой тенденции глобализации [7; 10].

Ряд политиков и экономистов считают, что главная проблема медленной трансформации отечественной промышленности заключается в низкой инновационной активности промышленных предприятий и, как следствие, незаинтересованности отечественного производителя во внедрении цифровых технологий на производстве.

Мы в значительной степени отстаем от западных стран уровнем автоматизации, роботизации и цифровизации промышленных предприятий, особенно это заметно в обрабатывающих отраслях. Россия по уровню роботизации отстала от европейских стран на целое поколение, и в ближайшие годы кардинальные изменения маловероятны. Особенно провальным является машиностроение, в котором импорт оборудования составляет более 92%. Что же касается вопроса цифровизации, то импорт ИТ-технологий давно превысил безопасный уровень и практически 88% любой деятельности в России связаны с зарубежными программами [6].

В связи с таким положением дел следует учитывать при построении новой экономической политики, что Россия включается в гонку ускоренной цифровизации в условиях не только отставания в технологическом развитии от передовых западных стран, но и в условиях технологической зависимости от них. Проведенные исследования показали, что собственных действительно инновационных технологий у нас недостаточно. Так, в 2018 г. лишь 11% всех разработанных технологий можно назвать принципиально новыми (из них только 8,1% относятся к информационным), поэтому мы являемся устойчивым импортером зарубежных технологий и комплектующих. По оценке отечественных экспертов, Россия в 2018 г. больше всего импортировала: из

Китая – 605 млн долл., затем Тайваня – 327,8 млн долл. и Малайзии – 268,4 млн долл. Всего в 2018 г. мы импортировали электронных элементов на сумму 2,4 млрд долл., в 2019 г. – на сумму 643,3 млрд долл. Общий объем российского рынка микроэлектроники составляет 8% от мирового [2; 6; 11].

Крупный бизнес в России в силу сложившихся условий и тенденций привык надеяться на государственные субсидии на разработку и внедрение новых технологий в производство, дополнительные налоговые послабления или льготные кредиты (об этом говорят 43% опрошенных). И это понятно, т. к. российская экономика характеризуется относительно невысокой монетизацией и высокими ставками кредитования, что в условиях проводимой ЦБ и Минфином политики таргетирования инфляции не позволяет предприятиям осуществлять серьезные инвестиционные программы по реорганизации производственных процессов, тем более что свыше 80% всех цифровых программ и мобильных операционных систем поставляют западные компании: Apple, Google и Microsoft. Эти компании контролируют 95% российского рынка, а это уже проблема национальной безопасности. Если к ним добавить еще Amazon, Facebook и несколько китайских компаний, то в совокупности это более 98% мирового рынка ИТ-технологий. Учитывая валютный курс рубля к доллару и евро, одной из основных причин низкой цифровизации российских предприятий бизнесмены видят высокую стоимость проектов по цифровой трансформации.

В-третьих, необходим постоянный рост потребности населения в цифровых технологиях и повышение компьютерной грамотности, и речь идет не о пользователях социальных сетей. С этим у нас дела обстоят вполне обнадеживающе: так, по официальным данным в России более 76,4% являются пользователями интернета (этот показатель выше в Японии –

94%, Великобритании – 94,8%, Южной Кореи – 92,7%, Германии и США – 87,9%) [7; 12].

Исследования показали, что 34% опрошенных руководителей указали в качестве причины низкой цифровизации отечественных организаций низкий уровень компьютерной квалификации и владения навыками работы в цифровых сервисах.

Еще академик А. П. Ершов говорил, что наступит время, когда навыки программиста и соответствующий образ мышления станут привычным стилем жизни большинства жителей земли, эта профессия прочно войдет во все сферы хозяйствования, поэтому нужно уделять этому внимание уже в школьных программах. К сожалению, компьютерные технологии развиваются в настоящее время в несколько ином направлении: компьютеры и компьютерные программы подстроились под наши способности и потребности, которые не предусматривают серьезного изучения и освоения компьютерной грамотности [4; 7]. Такая ситуация повышает риски цифровой колонизации отечественной экономики.

Идея цифровизации промышленности в России захватила умы не только политиков, бизнесменов и большинства населения страны, но и часть научного сообщества, которое положительно восприняло утверждение стандартов цифровой промышленности, направленных на обеспечение необходимых условий для ускоренного внедрения цифровых технологий на предприятиях, разработанных комитетом «Кибер-физические системы» под патронажем Минпромторга РФ.

Форсированное внедрение цифровых технологий в России привело, прежде всего, к распространению преступлений в сфере цифровой информации: например, 3 октября 2019 г. в СМИ появились сведения, подтвержденные руководством Сбербанка, о хищении информации, в которой содержатся персональные и фи-

нансовые данные не менее чем о 5000 клиентах.

Так, в апреле этого года была выставлена на продажу база данных более ста тысяч граждан России, которые обратились в банк «Дом.РФ» для получения кредита, причем продается полная информация о заемщике, включая паспортные данные, номер телефона, почтовый адрес, место работы, должность, уровень дохода и т. д.

К сожалению, это не единичные случаи: согласно данным InfoWatch, в России только за 2020 г. произошел рост утечки информации только в финансовом секторе экономики на 36,5%. Среди крупных банков в черный список попали Альфа-банк, Россельхозбанк, банк ВТБ.

Опасность намеченной тенденции связана не только с масштабами противоправных действий, но и с ростом их числа. И несмотря на то, что эта проблема обсуждается на разных уровнях государственной системы, тем не менее она остается серьезным вызовом всему обществу: с использованием информационно-коммуникационных технологий преступники ежегодно подвергают риску миллионы граждан, сотни организаций, а также органы власти [3; 6; 13]. Ведь противоправные действия, связанные с использованием современных информационных технологий, в период становления и развития в России цифровой экономики могут вызвать нарушение работы АСУ (автоматизированных систем управления), контролирующих и регулирующих работу сложных технологических процессов в различных отраслях промышленности, энергетике, транспорте и т. д. Это может как привести к серьезному ущербу государству, так и нанести непоправимый вред людям.

В связи с этим реальность такова, что информационно-телекоммуникационные технологии кардинально меняют нашу жизнь к лучшему и вместе с тем создают новые угрозы национальной безопасности, да и всей системе глобализа-

ции информационного пространства [1]. Это ставит перед обществом новые важные задачи – разработка новой законодательной базы информационной безопасности и формирование новой государственной политики [5].

Выводы

Подводя итог выше изложенному, можно сказать, что цифровизация экономики, развитие отечественных цифровых технологий должны стать основной концепцией развития России, ее стратегической задачей. Цифровизация экономики предполагает кардинальное изменение социально-экономических отношений в

системе государство – общество – наука – образование – бизнес. Это позволит, во-первых, провести цифровизацию стратегически важных отраслей; во-вторых, обеспечит новый уровень доверия и понимания между государством и обществом; в-третьих, в целях обеспечения национальной безопасности цифровизацию отечественной экономики необходимо проводить на базе российских ИТ-компаний, работающих на отечественных цифровых технологиях и программах; в-четвертых, такой подход позволит войти России в число передовых стран мира, а следовательно, обеспечит лидерство на глобальных мировых рынках.

Список литературы

1. Скруг В. С. Трансформация промышленности в цифровой экономике // Креативная экономика. 2018. Т. 12, № 7. С. 943–952.
2. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/38738/> (дата обращения: 02.04.2021).
3. О системе управления реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: постановление Правительства РФ от 28.08.2017 №1030. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_223702 (дата обращения: 02.04.2021).
4. Иванов В. В., Малинецкий Г. Г. Цифровая экономика: мифы, реальность, перспектива. М.: Рос. акад. наук, 2017. 63 с.
5. Ревенко Н. С. Цифровая экономика США в эпоху информационной глобализации: актуальные тенденции // США и Канада: экономика, политика, культура. 2017. № 8(572). С. 78–100.
6. Шманев С. В. Цифровая экономика в России: мифы, реальность, перспективы (синергетический подход) // Вестник ОрелГИЭТ. 2019. № 1 (47). С. 133–136.
7. Глазьев С. Ю. За горизонтом конца истории: монография. М.: Проспект, 2021. 415 с.
8. Сбербанк зафиксировал резкое сокращение сбережений и рост долгов россиян. URL: https://finance.rambler.ru/money/42491742/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 02.04.2021).
9. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: «Э», 2017. 208 с.
10. Алиев В. М., Соловых Н. Н. Цифровая экономика поставила нас перед необходимостью решения проблемы обеспечения цифрового суверенитета // Безопасность бизнеса. 2018. № 3. С. 18–22.
11. Чжан Д. Современное состояние цифровой экономики в Китае и перспективы сотрудничества между Китаем и Россией в области цифровой экономики // Власть. 2017. Т. 25, № 9. С. 37–43.
12. Digital Agenda 2014-2017 / The Federal Government. Munchen, 2014. 40 p. URL: <https://rio.jrc.ec.europa.eu/en/file/7571/download?token=4oAD5Lpo> (дата обращения: 02.04.2021).
13. Фекулин Р. Р., Арюков А. К. Преступления в сфере цифровой информации: понятия и виды // BAIKAL RESEARCH JOURNAL. 2019. Т. 10, № 3. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2019.10\(3\).17](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2019.10(3).17)

References

1. Skrug V. S. Transformatsiya promyshlennosti v tsifrovoi ekonomike [Industry transformation in the digital economy]. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*, 2018, vol. 12, no. 7, pp. 943–952.
2. Ministerstvo tsifrovogo razvitiya, svyazi i massovykh kommunikatsii Rossiiskoi Federatsii [Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation]. Available at: <https://digital.gov.ru/ru/events/38738/>. (accessed 02.04.2021)
3. O sisteme upravleniya realizatsii programmy "Tsifrovaya ekonomika Rossiiskoi Federatsii". Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 28.08.2017 №1030 [On the management system for the implementation of the program "Digital Economy of the Russian Federation. Decree of the Government of the Russian Federation dated August 28, 2017 No. 1030]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_223702. (accessed 02.04.2021)
4. Ivanov V. V., Malinetskiy G. G. Tsifrovaya ekonomika: mify, real'nost', perspektiva [Digital economy: myths, reality, perspective]. Moscow, Russian Academy of Sciences Publ., 2017. 63 p.
5. Revenko N. S. Tsifrovaya ekonomika SShA v epokhu informatsionnoi globalizatsii: aktual'nye tendentsii [Digital economy of the United States in the era of information globalization: current trends]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura = USA and Canada: economics, politics, culture*, 2017, no. 8 (572), pp. 78–100.
6. Shmanev S. V. Tsifrovaya ekonomika v Rossii: mify, real'nost', perspektivy (sinergeticheskii podkhod) [Digital economy in Russia: myths, reality, prospects (synergetic approach)]. *Vestnik OrelGIET = Bulletin OrelGIET*, 2019, no. 1 (47), pp. 133–136.
7. Glazyev S. Yu. Za gorizontom kontsa istorii [Beyond the Horizon of the End of History]. Moscow, Prospect Publ., 2021, 415 p.
8. Sberbank zafiksiroval rezkoe sokrashchenie sberezhnii i rost dolgov rossiyan [Sberbank recorded sharp reduction of savings and growth of debts]. Available at: https://finance.rambler.ru/money/42491742/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink. (accessed 02.04.2021)
9. Schwab K. Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya [The fourth industrial revolution]. Moscow, "E" Publ., 2017, 208 p.
10. Aliev V. M., Solovykh N. N. Tsifrovaya ekonomika postavila nas pered neobkhodimost'yu resheniya problemy obespecheniya tsifrovogo suvereniteta [The digital economy has put us before the need to solve the problem of ensuring digital sovereignty]. *Bezopasnost' biznesa = Business security*, 2018, no. 3, pp. 18–22.
11. Zhang D. Sovremennoe sostoyanie tsifrovoi ekonomiki v Kitae i perspektivy sotrudnichestva mezhdu Kitae i Rossiei v oblasti tsifrovoi ekonomiki [The current state of the digital economy in China and the prospects for cooperation between China and Russia in the field of digital economy]. *Vlast' = Power*, 2017, vol. 25, no. 9, pp. 37–43.
12. Digital Agenda 2014-2017 / The Federal Government. Munchen, 2014. 40 p. Available at: <https://rio.jrc.ec.europa.eu/en/file/7571/download?Token=4oAD5Lpo>. (accessed 02.04.2021)
13. Fekulin R. R., Aryukov A. K. Prestupleniya v sfere tsifrovoy informatsii: ponyatiya i vidy [Crimes in the field of digital information: concepts and types]. *BAIKAL RESEARCH JOURNAL*, 2019, vol. 10, no. 3. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2019.10\(3\).17](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2019.10(3).17)

Информация об авторе / Information about the Author

Шманёв Сергей Владимирович, доктор экономических наук, профессор департамента экономической теории, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: shmanev_s_v@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1243-5100
Researcher ID: A-5585-2016

Sergey V. Shmanev, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, e-mail: shmanev_s_v@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1243-5100
Researcher ID: A-5585-2016

УДК 338.24

Развитие «умных деревень» как инструментальной концепции организационно-экономического управления сельскими территориями в условиях цифровизации экономики

О. О. Полушкина¹, И. А. Кузнецов¹ ✉

¹ Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина
ул. Интернациональная 33, г. Тамбов 392000, Российская Федерация

✉ e-mail: igkuz73@mail.ru

Резюме

Актуальность. Применение концепции «умных деревень» в региональном организационно-экономическом управлении сельскими территориями с использованием цифровых технологий и местных ресурсов, подкрепленных наращиванием социального и человеческого капитала, развитием сети сотрудничества и построением местных инновационных систем, позволит повысить конкурентоспособность сельских территорий, экономический рост, улучшить условия жизни и функционирование экономики за счет более активного освоения технических и социальных инноваций и разнонаправленного, внутреннего и внешнего межрегионального сотрудничества.

Цель – исследование, формирование и обоснование концепции «умных деревень», а также цели, механизмы реализации, направления развития и компонентов региональной политики по развитию сельских территорий.

Задачи: раскрытие понятийного аппарата, обоснование специфических особенностей концепции «умных деревень» как инструмента регионального организационно-экономического управления сельскими территориями в условиях цифровизации экономики, изучение механизмов реализации и направлений развития.

Методология. Исследование базируется на общенаучных методах эмпирического исследования (наблюдение, измерение, эксперимент), анализа и синтеза, аналогии, систематизации, а также на разработке теоретических и практических рекомендаций по внедрению в региональные программы развития сельских территорий концепции развития «умных деревень».

Результаты. Общие цели и средства устойчивого развития сельских территорий в регионе могут быть достигнуты разными способами. Одной из перспективных форм, способствующих процессу устойчивого развития сельских территорий, является концепция «умной деревни», а также внедрение умных специализаций регионов и локальных систем. Идея сочетает в себе необходимость основывать развитие на эндогенных ресурсах, инициируемых снизу вверх, с необходимостью поддержания и развития внешних связей и извлечения выгоды из экзогенного инновационного потенциала.

Выводы. Авторами сделан вывод, что развитие «умных деревень» на основе цифровых технологий и инноваций будет способствовать повышению качества жизни сельских жителей, повышению качества предоставления государственных услуг, рациональному использованию ресурсов.

Ключевые слова: регион; территория; село; концепция; устойчивое развитие; умная деревня; инновации.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Полушкина О. О., Кузнецов И. А. Развитие «умных деревень» как инструментальной концепции организационно-экономического управления сельскими территориями в условиях цифровизации экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 3. С. 53–62.

Поступила в редакцию 14.04.2021

Принята к публикации 13.05.2021

Опубликована 30.06.2021

Development of "Smart Villages" as a Toolkit of the Concept of Organizational and Economic Management of rural Areas in the Context of Digitalization of the Economy

Olga O. Polushkina¹, Igor A. Kuznetsov¹ ✉

¹ Derzhavin Tambov State University
33 International str., Tambov 392000, Russian Federation
✉ e-mail: igkuz73@mail.ru

Abstract

Relevance. The application of the concept of "smart villages" in regional organizational and economic management of rural areas using digital technologies and local resources, supported by building up social and human capital, developing a network of cooperation and building local innovation systems, will increase the competitiveness of rural areas, economic growth, and improve living conditions and the functioning of the economy through more active development of technical and social innovation and multidirectional, internal and external interregional cooperation.

Purpose - research, formation and substantiation of the concept of "smart villages", as well as goals, implementation mechanisms, development directions and components of regional policy for the development of rural areas.

Objectives: disclosure of the conceptual apparatus, substantiation of the specific features of the concept of "smart villages" as a tool for regional organizational and economic management of rural areas in the context of digitalization of the economy, study of implementation mechanisms and development directions.

Methodology. The study is based on general scientific methods of empirical research (observation, measurement, experiment), analysis and synthesis, analogy, systematization, as well as the development of theoretical and practical recommendations for the introduction of the concept of development of "smart villages" into regional programs for the development of rural areas.

Results. The common goals and means of sustainable development of rural areas in the region can be achieved in different ways. One of the promising forms contributing to the process of sustainable development of rural areas is the concept of "smart village", as well as the introduction of smart specializations of regions and local systems. The idea combines the need to base development on bottom-up endogenous resources with the need to maintain and develop external relationships and capitalize on exogenous innovation potential.

Conclusions. The authors concluded that the development of "smart villages" based on digital technologies and innovations will contribute to improving the quality of life of rural residents, improving the quality of public services, and rational use of resources.

Keywords: region; territory; village; concept; sustainable development; smart village; innovation.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Polushkina O. O., Kuznetsov I. A. Development of "Smart Villages" as a Toolkit of the Concept of Organizational and Economic Management of rural Areas in the Context of Digitalization of the Economy. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(3): 53–62. (In Russ.)

Received 14.04.2021

Accepted 13.05.2021

Published 30.06.2021

Введение

За двадцать лет устойчивость развития стала основной парадигмой программ и стратегий развития сельских территорий, сформулированных учеными, международными организациями, правитель-

ством, а также региональными и муниципальными государственными органами. Его суть остается неизменной: обеспечить постоянное улучшение качества жизни современного и будущих поколений путем установления рациональных пропорций между различными видами

капитала: экономическим, социальным и природным капиталом. Эта идея относится к таким сельским районам и местным (региональным) сообществам, которые намерены основывать свое развитие на собственных силах и ресурсах. В умной деревне традиционные, а также новые сети и услуги укрепляются с помощью цифровых технологий, инноваций в области ИКТ (информационно-телекоммуникационных технологий) и более эффективного использования знаний, что приносит пользу сельскому населению, фермерам и предпринимателям.

Несмотря на значительный прогресс и развитие экономическая и социальная инфраструктура сельских территорий все еще менее развита, чем в городах. Они также не могут конкурировать с крупными городами по уровню доходов и качеству условий жизни, которые они обеспечивают. Сельская местность также является местом, где чаще встречаются различные проблемы и формы социальной патологии. С другой стороны, они выполняют некоторые другие жизненно важные роли, касающиеся экономики и общества в целом, более широко, чем другие области.

Материалы и методы

Исследование базируется на общенаучных методах эмпирического исследования (наблюдение, измерение, эксперимент), анализа и синтеза, аналогии, систематизации, а также разработке теоретических и практических рекомендаций по внедрению в региональные программы развития сельских территорий концепции развития «умных деревень».

Результаты и их обсуждение

Став многофункциональными зонами, сельские районы должны ускорить свой рост, чтобы ограничить неравенство в развитии и внести вклад в общий социально-экономический прогресс страны. Их естественный, эндогенный потен-

циал роста может быть усилен процессами реструктуризации и возрождения путем разработки более совершенной политики и реализации стратегий местного развития.

Концепция «умной деревни», признанная важным способом достижения устойчивости сельских районов, основана на двух других концепциях, которые возникли ранее: теории «умных городов» и «восходящего развития» [1].

Концепция умной деревни относится к сельским территориям, которые построили свою стратегию развития на своих существующих активах и сильных сторонах, а также за счет использования некоторых новых возможностей, связанных с новыми цифровыми технологиями, сетями и услугами, которые поддерживают более эффективное использование знаний и инновационных решений для граждан, бизнеса и общества. Умные деревни используют инновационные решения для повышения своей устойчивости, используя местные сильные стороны и возможности [2].

Концепция умной деревни предполагает, что социальная активность и технический прогресс, если они будут успешно интегрированы с другими инициативами по развитию сельских районов, могут создать новые возможности для увеличения доходов, улучшения предложения услуг и привести к укреплению местного сообщества в целом, что, в свою очередь, приведет к улучшению качества жизни. Когда дело доходит до производства, умная деревня может означать инвестиции в инфраструктуру, умелое управление, внедрение новых технологий и умную специализацию с учетом местных условий производства и рынков сбыта.

По словам М. Вуйчика, наиболее «...важными направлениями развития умной деревни являются:

– государственные услуги, удовлетворяющие потребности жителей, такие как образование, здравоохранение, безопасность, жилье и т. д.;

- управление территорией общины и совместное управление, включая участие общества в принятии мер и решений, касающихся их софинансирования;

- творчество местных сообществ, особенно в поиске инновационных решений для решения возникающих социальных и экономических проблем;

- технологические инновации, касающиеся улучшения социального сотрудничества и роста предпринимательства;

- развитие связи, особенно современных средств связи, включая сети Интернет;

- защита окружающей среды и развитие новых форм использования природного потенциала для общества, включая возрастающее значение альтернативных источников энергии» [3].

Пока что знания и навыки, необходимые для формулирования программы и принятия концепций умной деревни, не получили должного развития. Осуществление теоретических предпосылок самой концепции путем преобразования их в последовательную программу исследования или реализации является одной из трудностей. Проведение исследований потенциала интеллектуального роста применительно к сельским районам оправдано не только необходимостью формулирования планов и стратегий развития местных систем, но также подчеркивает роль сельских местных систем в формировании региональной и национальной политики [4].

Концепция «умная деревня» не должна восприниматься, интерпретироваться или пропагандироваться как еще один слой официальных, всеобъемлющих территориальных стратегических документов, поэтому вместо того, чтобы применять комплексный подход, необходимо начинать с малого и сосредоточиться на ключевых возможностях или проблемах, которые мотивируют местных жителей. Важно избегать любого рода умножения политических инструментов, которые могут создать путаницу среди сельских об-

щин. Концепция «умная деревня» является инструментом организационно-экономического развития местных инициатив и реагирования на них [5].

С другой стороны, концепция «умных деревень» выходит за рамки изолированных действий отдельных местных субъектов и вместо этого направлена на то, чтобы позволить сообществу совместно осуществлять комплексные пакеты действий, ориентированных на будущее, которые отвечают их долгосрочным вызовам и возможностям. Это требует выхода за рамки отдельных грантов и мер по местному развитию для создания инструментария поддержки, который позволяет местным жителям тестировать и внедрять новые решения. Успех таких инициатив «снизу вверх» предполагает создание платформ для двустороннего диалога между всеми участниками процесса, особенно активизация организационно-экономических процессов как на муниципальном, так и на региональном уровне власти [6].

В то время как первоначальная идея стратегий умных деревень может начинаться на уровне небольшой деревни или деревушки, их успех часто зависит от сотрудничества с другими близлежащими деревнями, поселками и городами.

Сфера применения стратегий «умных деревень» может быть интегративно очень широкой и подразумевать различные формы организационных объединений.

Как правило, существующие инициативы «умных деревень» сосредоточены на одном или нескольких более широких аспектах и условиях развития сельских районов, где для достижения реальных изменений требуются совместные, а не индивидуальные действия.

В зависимости от местных условий и мотивации эти инициативы могут отдавать приоритет экономическим, социальным или экологическим вопросам – или их комбинации.

В основе концепции лежат «социальные инновации», которые позволяют побуждать сельское население к мобили-

зации и принятию мер по решению традиционных проблем, таких как качество сельских услуг (например, здравоохранение, образование) и управление природными ресурсами (например, качество питьевой воды).

Социальные инновации имеют множество определений, но в контексте умных деревень «их можно рассматривать как перестройку социальных практик в ответ на социальные вызовы, которая направлена на улучшение результатов в отношении благосостояния общества и обязательно включает в себя вовлечение субъектов гражданского общества» [7]. Или, проще говоря, ставить на первое место местных жителей и их потребности, предлагая творческие решения сложных социальных проблем.

Во многих странах цифровые инновации также лежат в основе стратегий «умных деревень». Эти подходы рассматривают основные цели стратегий «умных деревень» как использование возможностей цифровой трансформации сельских территорий и преодоление критических пробелов в инфраструктуре, цифровых навыках и применении цифровых инноваций к сельским услугам. Однако есть и другие примеры социальных инноваций в сельских районах, которые не являются цифровыми, и даже когда стратегия «умной деревни» действительно вращается вокруг цифровых инноваций, люди всегда находятся в центре внимания [8].

Что касается масштаба концепции «умных деревень», то тут стоит отметить, что наиболее эффективной она будет на уровне муниципалитетов или группы муниципалитетов. Для применения концепции на национальном и региональном уровнях необходимо разработать несколько простых критериев, которые помогут определить соответствующую стратегию «умной деревни». Ключевые компоненты концепции «умная деревня» могут включать в себя:

1. Кооперацию активной группы местных граждан, которые будут управ-

лять общим процессом развития территории. Такие инициативы могут исходить от гражданского общества, местных органов власти или даже частного сектора, но их всегда следует проверять на предмет того, являются ли они законными, открытыми и инклюзивными.

2. Определение целей развития сельской территории и задач, решение которых связано с одной или несколькими ключевыми проблемами. Концепция должна отражать соответствующие имеющиеся технологические, экономические и социальные возможности.

3. Разработанная стратегия «умной деревни» должна быть предназначена для поиска новых или альтернативных решений основных проблем и возможностей в конкретном контексте местного населения. Это может включать применение цифровых технологий, новые формы возобновляемых источников энергии, социальные инновации в предоставлении услуг в сельских районах, укрепление связей между городами и сельскими районами, поддержку новых производственно-сбытовых цепочек или другие вопросы, которые актуальны в местном контексте.

4. Определение финансирования мероприятий в рамках концепции, которое может включать: «мягкие» инвестиции (консультации, обучение, исследования, технико-экономические обоснования и технические исследования); небольшие материальные инвестиции; получение доходов от принадлежащих сельской территории активов, финансирование государством.

5. Разработку дорожной карты по реализации запланированных мероприятий, которая должна включать в себя:

- четкое объяснение последовательности действий и мероприятий, предложенных концепцией;
- определение участия сельского населения в реализации дорожной карты;
- оценку затрат на реализацию мероприятий;

– определение, как и кем будут контролироваться результаты реализации дорожной карты [9; 10; 11].

Хотя концепция «умных деревень» охватывает различные виды деятельности и цели, обычно наблюдается улучшение местной инфраструктуры в качестве ключевого драйвера. В этом контексте финансирование и долгосрочная экономическая устойчивость являются ключевым элементом любого такого процесса.

На сегодняшний момент концепция «умных деревень» получила широкое распространение и поддержку со стороны государства в странах Евросоюза, Индии и Нигерии. Интерес к идее «умной деревни» в последнее время проявляется и в России, где предпринимается попытка распространить этот опыт в рамках программы по развитию цифровой экономики, направленной на устранение цифрового неравенства территорий [12; 13].

В России основной акцент в распространении «умных деревень» делается на развитии в сельских territori-

ях сферы услуг и инфраструктуры с помощью цифровых и информационно-телекоммуникационных технологий. Развитие в России умных деревень предоставит населению возможность получать весь спектр социальных услуг, а также даст возможность компаниям нанимать квалифицированных специалистов из отдаленных районов без переезда в город, что позволит уменьшить миграцию работающего населения в города [4; 15].

На примере сельских территорий Тамбовской области можно проследить тенденцию внедрения цифровых технологий в сферу услуг и инфраструктуру. Главной задачей цифровизации является развитие на территории сельских районов сети «Интернет». Тамбовская область занимает 38 место в рейтинге информатизации регионов, 32 место в рейтинге использования электронных государственных услуг. На рисунке 1 представлены данные использования населением интернет-технологий в сельских районах региона.

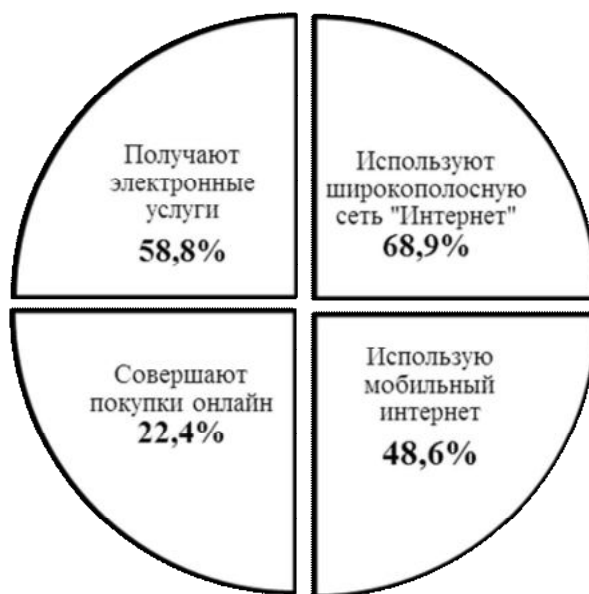

Рис. 1. Показатели использования сети «Интернет» в сельских районах Тамбовской области

Начиная с 2015 г. в сельских районах области проложено 1362 км оптоволокну и установлены точки wi-fi в 221 населенном пункте.

Развитие интернет-технологий позволило сельским жителям получить доступ к электронным государственным и муниципальным услугам. Если раньше

получить услугу можно было, придя в государственный орган, то сейчас огромный перечень услуг можно получить через сайт государственных услуг и забрать уже готовые документы в офисе МФЦ (многофункциональный центр).

Развитие сети МФЦ в регионе также является важной основой применения концепции «умных деревень» в развитии сельских территорий. На сегодняшний день в сельских районах Тамбовской области открыто 17 отделений МФЦ, в которых функционируют 70 офисов, обеспечивая около 1 млн человек доступом к государственным услугам.

Цифровые технологии обладают потенциалом революционизировать сельский сектор, помогая людям работать более точно, эффективно и устойчиво и адаптировать свою жизнь, сохраняя при

этом культуру, религию и общественную жизнь. Концепция умной деревни представляет собой способ, при котором сельское население проявляет инициативу, чтобы найти практические решения проблем, с которыми они сталкиваются, и максимально использовать современные технологии. Цифровые решения открывают множество таких новых возможностей (например, в области электронного здравоохранения, онлайн-образования, мобильности, местного производства энергии), но «умные» также подразумевают поиск пути к процветанию и устойчивости [16].

Таким образом, концепция умной деревни основана на нескольких основополагающих принципах, представленных на рисунке 2.

Рис. 2. Принципы работы концепции «умной деревни»

Стратегия «умной деревни» – это межотраслевая инициатива с участием многих заинтересованных сторон, которая демонстрирует, как экономически эффективно ускорить достижение целей в области устойчивого развития в сельских районах с помощью модели интегрированной

технологической платформы развития. С использованием этой модели органы власти могут добиться повышения эффективности, безопасности и результативности системы государственных услуг при одновременном снижении затрат, повышении прозрачности и надлежащего управления.

Выводы

Общие цели и средства устойчивого развития сельских территорий могут быть достигнуты разными способами. Одной из перспективных форм, способствующих процессу устойчивого развития сельских территорий, является концепция «умных деревень», а также внедрение умных специализаций регионов и локальных систем. Развитие «умных де-

ревень» на основе цифровых технологий и инноваций будет способствовать повышению качества жизни сельских жителей, повышению качества предоставления государственных услуг, рациональному использованию ресурсов, а также откроет новые возможности для сельских производственно-сбытовых цепочек с точки зрения продуктов и улучшенных процессов.

Список литературы

1. Сабина А. Л. Модели и методы формирования условий регионального развития территорий в парадигме «умный город»: монография. Тула: Изд-во ТулГУ, 2019. 234 с.
2. Бойкова М., Ильина И., Салазкин М. «Умная» модель развития как ответ на возникающие вызовы для городов // ФОРСАЙТ. 2016. Т. 10, № 3. С. 65–75.
3. Wójcik M. Inteligentny rozwój obszarów wiejskich (smart razvitie rural areas): koncepcja, wymery, Metody. Lodz, Poland: Global Point. 2018. P. 7–13.
4. Hogan P., Crețu C., Bulc V. EU Action for Smart Villages. 2016. URL: https://ec.europa.eu/agriculture/sites/agriculture/files/rural-development-2014-2020/looking-ahead/rur-dev-smallvillages_en.pdf (дата обращения: 20.03.2021).
5. Himanshu Raj. Smart Cities or Smart Villages? Can smart villages be a solution for climate change effects in developing nations? URL: https://www.researchgate.net/post/Smart_Cities_or_Smart_villages_Can_smart_villages_be_a_solution_for_Climate_change_effects_in_developi_nations (дата обращения: 20.03.2021).
6. IAS4Sure Notes, Smart Villages: We need smart villages more than smart cities, 2016. URL: <http://www.ias4sure.com/ias4surenotes/smart-villages-we-need-smartvillages-more-than-smart-cities> (дата обращения: 20.03.2021).
7. Adamowicz M., Zwolińska-Ligaj M. New concept for rural development in the strategies and policies of the European Union // Econ. Reg. Stud. 2018. Vol. 11. P. 7–31.
8. Adamowicz M., Zwolińska-Ligaj M. The “smart village” as a way to achieve sustainable development in rural areas of Poland // Sustainability. 2020. Vol. 12. P. 6503. <https://doi.org/10.3390/su12166503>.
9. Зотов В. Б. «Умный город»: Методология построения системы // Муниципальная академия. 2019. № 3. С. 3–11.
10. European Network for Rural Development. Smart villages: revitalising rural services // EU Rural Review. 2018. No. 26.
11. Tsarchopoulos, Komninos N., Kakderi C. Accelerating the uptake of Smart City applications through cloud computing // Journal of Social, Behavioral, Educational, Economic, Business and Industrial Engineering. 2017. Vol. 11, no. 1, pp. 129–138.
12. Соколов Н. Н., Туровский А. А., Чергейко Г. М. Стратегия управления «умным городом» и «умной деревней» в условиях глобальной цифровизации // Муниципальная академия. 2021. № 1. С. 86–91. https://doi.org/10.52176/2304831X_2021_01_86.
13. Умная деревня в стратегиях цифровых трансформаций / В. К. Сарьян, В. К. Левашов, Р. В. Мещеряков [и др.] // Вторые декабрьские социально-политические чтения "Как живешь, Россия?". Российское социальное государство и гражданское общество в 2020 году: реализация национальных проектов в условиях постпандемической реальности: материалы научно-практической конференции / отв. ред. О. П. Новоженкина. М.: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2020. С. 99–106.

14. Бондаренко Л. В. Развитие сельских территорий России: оценки, мнения, ожидания // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 76–82.
15. Проект умной деревни (поселка) арктических регионов России / В. К. Сарьян, В. К. Левашов, Р. В. Мещеряков, А. А. Русаков, Е. В. Саломатина, О. В. Гребняк // Человеческий потенциал арктического региона: культура, наука, образование: монография. М.: Изд. центр РГУ нефти и газа (НИУ) им. И. М. Губкина, 2021. С. 93–102.
16. Зайцев И. А., Бражниченко Д. В. Развитие инновационного потенциала деревни за счет проекта «умной деревни» в России и за рубежом в контексте геополитических вызовов в аграрной сфере // Актуальные аспекты институциональной экономики: эволюция взглядов и геополитические вызовы: материалы III Международной научно-практической конференции. Краснодар: Российское энергетическое агентство, 2019. С. 173–177.

References

1. Sabinina A. L. Modeli i metody formirovaniya uslovii regional'nogo razvitiya territorii v paradigme "umnyi gorod" [Models and methods of formation of conditions for regional development of territories in the "smart city" paradigm]. Tula, Tula St. Univ. Publ., 2019. 234 p.
2. Boykova M., Ilyina I., Salazkin M. "Umnaya" model' razvitiya kak otvet na vznikayushchie vyzovy dlya gorodov ["Smart" model of development as a response to emerging challenges for cities]. *FORSAIT = FORESIGHT*, 2016, vol. 10, no. 3, pp. 65–75.
3. Wójcik M. Inteligentny rozwoju obszarów wiejskich (smart razvitie rural areas): koncepcja, wymery, Metody. Lodz, Poland, Global Point, 2018, pp. 7–13.
4. Hogan P., Crețu C., Bulc V., EU Action for Smart Villages. 2016. Available at: https://ec.europa.eu/agriculture/sites/agriculture/files/rural-development-2014-2020/looking-ahead/rurdev-smallvillages_en.pdf (accessed 20.03.2021).
5. Himanshu Raj. Smart Cities or Smart Villages? Can smart villages be a solution for climate change effects in developing nations? Available at: https://www.researchgate.net/post/Smart_Cities_or_Smart_villages_Can_smart_villages_be_a_solution_for_Climate_change_effects_in_developing_nations (accessed 20.03.2021).
6. IAS4Sure Notes, Smart Villages: We need smart villages more than smart cities, 2016. Available at: <http://www.ias4sure.com/ias4surenotes/smart-villages-we-need-smartvillages-more-than-smart-cities> (accessed 20.03.2021).
7. Adamowicz M., Zwolińska-Ligaj M. New concept for rural development in the strategies and policies of the European Union. *Econ. Reg. Stud.*, 2018, vol. 11, pp. 7–31.
8. Adamowicz M., Zwolińska-Ligaj M. The "smart village" as a way to achieve sustainable development in rural areas of Poland. *Sustainability*, 2020, vol. 12, pp. 6503. <https://doi.org/10.3390/su12166503>.
9. Zotov V. B. "Umnyi gorod": Metodologiya postroeniya sistemy ["Smart city": Methodology for building a system]. *Munitsipal'naya akademiya = Municipal Academy*, 2019, no. 3, pp. 3–11.
10. European Network for Rural Development. Smart villages: revitalizing rural services. *EU Rural Review*, 2018, no. 26.
11. Tsarchopoulos, Komninos N., Kakderi C. Accelerating the uptake of Smart City applications through cloud computing. *International Journal of Social, Behavioral, Educational, Economic, Business and Industrial Engineering*, 2017, vol. 11, no. 1, pp. 129–138.
12. Sokolov N. N., Turovsky A. A., Chergeiko G. M. Strategiya upravleniya "umnym gorodom" i "umnoi derevnei" v usloviyakh global'noi tsifrovizatsii [Management strategy for "smart city" and "smart village" in the context of global digitalization]. *Munitsipal'naya akademiya = Municipal Academy*, 2021, no. 1, pp. 86–91. https://doi.org/10.52176/2304831X_2021_01_86.
13. Saryan V. K., Levashov V. K., Meshcheryakov R. V., eds. [Smart village in digital transformation strategies]. *Vtorye dekabr'skie sotsial'no-politicheskie chteniya "Kak zhivesh', Rossiya?". Rossiiskoe sotsial'noe gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo v 2020 godu: realizatsiya natsional'nykh proektov v usloviyakh postpandemicheskoi real'nosti. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Se-

cond December socio-political readings "How are you living, Russia?" The Russian social state and civil society in 2020: the implementation of national projects in a post-pandemic reality. Materials of a scientific-practical conference]; ed. by O. P. Novozhenin. Moscow, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, 2020, pp. 99–06.

14. Bondarenko L. V. Razvitie sel'skikh territorii Rossii: otsenki, mneniya, ozhidaniya [Development of rural territories of Russia: assessments, opinions, expectations]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = *Sociological studies*, 2016, no. 3, pp. 76–82.

15. Saryan V. K., Levashov V. K., Meshcheryakov R. V., eds. Proekt umnoi derevni (poselka) arkticheskikh regionov Rossii [Project of a smart village (settlement) of the Arctic regions of Russia]. *Che-lovecheskii potentsial arkticheskogo regiona: kul'tura, nauka, obrazovanie* [Human potential of the Arctic region: culture, science, education]. Moscow, Russian St. Univ. of oil and Gas (NRU) named after I. M. Gubkina Publ., 2021, pp. 93–102.

16. Zaitsev I. A., Brazhnichenko D. V. [Development of the innovation potential of the village through the project of "smart village" in Russia and abroad in the context of geopolitical challenges in the agrarian sector]. *Aktual'nye aspekty institutsional'noi ekonomiki: evolyutsiya vzglyadov i geopoliticheskie vyzovy. Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Actual aspects of the institutional economy: evolution of views and geopolitical challenges. Proceedings of the III International scientific and practical conference]. Krasnodar, Russian Energy Agency" of the Ministry of Energy of Russia, 2019, pp. 173–177.

Информация об авторах / Information about the Authors

Полушкина Ольга Олеговна, аспирант кафедры политической экономики и современных бизнес-процессов, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, e-mail: tafi10@yandex.ru, SPIN 3129-8875, Author ID: 1001681

Olga O. Polushkina, Post-Graduate Student of the Department of Political Economy and Modern Business Processes, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, e-mail: tafi10@yandex.ru, SPIN 3129-8875, Author ID: 1001681

Кузнецов Игорь Анатольевич, доктор экономических наук, профессор кафедры сервиса, туризма и торгового дела, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, e-mail: igkuz73@mail.ru, SPIN 3644-7882, Author ID: 626752

Igor A. Kuznetsov, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Service, Tourism and Trade, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, e-mail: igkuz73@mail.ru, SPIN 3644-7882, Author ID: 626752

УДК 33

Эволюция категории «методология исследования инновационной деятельности» в цифросетевой экономике

Т. И. Овчинникова¹, И. Н. Булгакова² ✉

¹ Воронежский государственный университет инженерных технологий
проспект Революции 19, г. Воронеж 394036, Российская Федерация

² Воронежский государственный университет
Университетская площадь 1, г. Воронеж 394018, Российская Федерация

✉ e-mail: Bulgakova-I-N@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Динамика развития экономики предполагает ее сложный, синергетический характер. В условиях цифровой трансформации методические поиски в экономике, являясь стержнем, объединяются с социальными, психологическими, территориальными, биологическими и другими научными исканиями, отражающими сетевой плюрализм, которые требуют дальнейших исследований.

Цель данной научной работы – обосновать рациональность системного подхода в экономике с отражением общих положений и особенностей инновационной деятельности.

Задачи: рассмотреть категорию «методология исследования в экономике», обоснованное обеспечением инновационной деятельности и взаимосвязями с другими науками (философией, социальных научных дисциплин).

Методология. Проблемы экономического развития, решение которых влечет качественные и количественные изменения в социальной сфере, являются предметом нашего исследования. Своеобразие авторского подхода к методологии инновационных систем определено широкой дивергенцией экономических результатов, когда проблемы отклонений в экономическом развитии рассматриваются с разных сторон: классической и неоклассической школ.

Результаты. Проведен анализ подходов к методологии экономических исследований (исторически обусловленных форм организации научно-исследовательской деятельности, фундаментальных мировоззренческих установок, определяющих системно организованные исследовательские программы и другие). Рассмотрены особенности развития сложных и простых систем в экономике, предложена система методологии с учетом инновационной деятельности и особенностей развития цифросетевой экономики в РФ. Авторами представлена сложная система сетевой структуры с учетом особенностей методологии инновационной деятельности как наиболее ценных результатов не только в научной, но и в теоретической деятельности с использованием логического интеллектуального аппарата, позволяющего различными способами хозяйствования переходить к практике.

Выводы. Предложено рассматривать структуру современной экономической инновационной методологии, базируясь на науке об эволюции экономического анализа, которая, в свою очередь, формирует иной инструментальный аппарат

Ключевые слова: методология; система; инновации; сетевые связи; цифросетевая экономика.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Овчинникова Т. И., Булгакова И. Н. Эволюция категории «методология исследования инновационной деятельности» в цифросетевой экономике // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 3. С. 63–77.

Поступила в редакцию 02.04.2021

Принята к публикации 18.05.2021

Опубликована 30.06.2021

Evolution of the Category "Methodology of Innovation Research" in the Digital Network Economy

Tatyana I. Ovchinnikova¹, Irina N. Bulgakova² ✉

¹ Voronezh State University of Engineering Technologies
19 Revolution Avenue, Voronezh 394036, Russian Federation

² Voronezh State University
1 University Square, Voronezh 394018, Russian Federation

✉ e-mail: Bulgakova-I-N@yandex.ru

Abstract

Relevance. The dynamics of economic development presupposes its complex, synergistic nature. In the context of digital transformation, methodological searches in the economy, being the core, are combined with social, psychological, territorial, biological and other scientific searches that reflect network pluralism, which require further research.

The purpose of this scientific work is to justify the rationality of the system approach in the economy, reflecting the general provisions and features of innovation.

Objectives. Consider the category of "methodology of research in economics", based on the provision of innovative activities and relationships with other sciences (philosophy, social scientific disciplines).

Methodology. The problems of economic development, the solution of which entails qualitative and quantitative changes in the social sphere, are the subject of our research. The originality of the author's approach to the methodology of innovative systems is determined by the wide divergence of economic results, when the problems of deviations in economic development are considered from different sides: classical and neoclassical schools.

Results. The analysis of approaches to the methodology of economic research (historically determined forms of organization of research activities, fundamental ideological attitudes that determine systemically organized research programs, and others) is carried out. The features of the development of complex and simple systems in the economy are considered, a system of methodology is proposed, taking into account innovation activities and the features of the development of the digital network economy in the Russian Federation. The authors present a complex system of network structure, taking into account the peculiarities of the methodology of innovation activity as the most valuable results not only in scientific, but also in theoretical activities, using a logical intellectual apparatus that allows various ways of managing to move to practice.

Conclusions. It is proposed to consider the structure of modern economic innovation methodology, based on the science of the evolution of economic analysis, which in turn forms a different instrumental apparatus

Keywords: methodology; system; innovation; network communications; digital network economy.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Ovchinnikova T. I., Bulgakova I. N. Evolution of the Category "Methodology of Innovation Research" in the Digital Network Economy. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(3): 63–77. (In Russ.)

Received 02.04.2021

Accepted 18.05.2021

Published 30.06.2021

Введение

В различных научных школах и исследованиях к содержанию методологии относят не только теорию о методах экономики (как форму познания), но и основополагающие законы, принципы, организационные формы деятельности хозяйствующих субъектов. Там, где человеческий разум формировал систему постула-

тов, основанных на логике знаний, учитывающих научные (общественно-философские) подходы к распределению общественного богатства, предметом методологии считались фундаментальные принципы экономики и нормы общества.

Выделение экономической науки из состава философии большинство ученых связывает с выходом в свет труда

А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» [1]. Первые в XV–XVIII вв. совокупность экономических взглядов была определена А. Смитом как «меркантилизм». Ведущими представителями меркантилизма считаются В. Стаффорд, А. де Монкретьен, А. Серра, Т. Ман и др. [2], которые являются первыми авторами методологии экономики, исследующими общественное богатство, как они понимали – запас в государстве драгоценных металлов.

Изучение трудов Ф. Кене, Ж.-К. Гурне, Д. де Немура, М. де ла Ривьера, А. Р. Ж. Тюрбо убеждает «в идентичности формулировки предмета экономической науки как науки об общественном богатстве» [3] и степени популяризации роли государства и торговли. Как считают исследователи, «Методология выделялась из структуры общей философии, ее основателями были К. Поппер, Т. Кун, П. Файерабенд, И. Лакатош» [4].

Анализ научно-исследовательской литературы выявляет различные трактовки категории «методология»:

1) исторически обусловленные формы организации научно-исследовательской деятельности [5];

2) фундаментальные мировоззренческие установки, определяющие системно организованные исследовательские программы [6];

3) научно-исследовательский аппарат, который может возникнуть лишь на базе отечественных научных наработок, авторы которых неизмеримо лучше знают изучаемый объект [6].

Если известные философы: Платон, Г. В. Ф. Гегель, В. Оккам, Ф. Бэкон, Д. Юм, И. Ньютон, А. Смит, Дж. Милль – большое внимание уделяли описанию и объяснению принципов научного исследования, то функции методологии экономики как науки другие авторы [4; 7] рассматривали не только как описание гипотетических концепций и изучение социально-экономических возможностей развития, но и выделяли из них:

– описание концепций, на основе которых формируются ведущие научные теории;

– исследование и объяснение выбора принципов, методов, инструментов системы экономических теоретических обоснований;

– изучение экономико-социальных научных гипотез.

Исследователи XIX и XX вв. определяли методологию как раздел науки, занимающийся проблемами научного познания, способами суждений и методами их обоснования [4]. Представители австрийского маржинализма (К. Менгер) и немецкой школы (Г. Шмоллер) позволили в дальнейшем Дж. Кейнсу и А. Маршаллу сочетать методологические принципы и функции экономической науки [8]. В дальнейшем становится приемлемым высказывание М. Блауга о том, что «экономическая теория является механизмом анализа, который следует использовать в совокупности с детальным изучением факторов искажения...» [9].

Таким образом, можно говорить об изменениях концептуальных и теоретических положений исследования хозяйственных структур, т. е. о перемене парадигмы экономической науки: от изучения богатства народов до исследования особенностей экономического становления стран посредством развития инструментов, техники, методов и форм.

Материалы и методы

Однако (согласимся с мнением К. Мануйера) динамика развития экономики предполагает ее сложность, синергетический характер [10]. «Методологические поиски в экономической науке объединяются с социальными исканиями. Сетевой признак – "системный плюрализм" – в методологии признает множественность типов рациональности и разнообразие методов исследования», – пишет С. А. Лебедев [11], что нашло подтверждение в работах [12; 13; 14]. «Со-

временная экономическая теория в условиях глобализации не имеет надлежащего методологического инструментария анализа соответствующих закономерностей». Возникает необходимость выделения закономерностей (как общих поло-

жений в рыночной современной экономике, учитывающих сетевые ценности), и особенностей сложных систем, определяющих положения инновационной деятельности в сложной методологии экономических учений (рис. 1).

СЛОЖНЫЕ СИСТЕМЫ	ПРОСТЫЕ СИСТЕМЫ
Наличие потенциала экономического гомеостаза (саморазвития)	Простые целостные системы не содержат потенциала саморазвития
Неупорядоченность систем	Простые системы, как правило, упорядочены
Специфика неопределенных (переходных) систем	Отсутствие способности функционировать в период неопределенности
Механизмы бифуркации и хаоса	Конструктивный потенциал
Наличие диссипативных систем	Ограниченность действия диссипативности
Вероятностный подход в развитии	Развитие предприятий по законам детерминизма

Рис. 1. Особенности развития сложных и простых систем

Если простые системы, являясь формами научного знания, создающего целостное представление об относительно устойчивых закономерностях и существенных связях в системе функционирования фактов реальной действительности, определяются через детерминанты современной методологии науки, то сложные системы характеризуются позитивистским и нормативным подходами. Позитивистский подход в методологии экономической науки заключается в описании существующих структур, логики организации методов и инструментов исследования сил экономической системы общества. Нормативный подход предусматривает объяснение выбора способов построения теорий и оценки релевантно-

сти обоснования их концептуальных положений [4].

Изучение инновационных достижений как сложных системных объектов на уровне общеметодологических основ, помимо антонимического (позитивного и нормативного) подхода, исследуется в совокупности социально-экономических, технических, информационных и других достижений в обществе и рассматривается с точки зрения классической и неоклассической школ.

Сторонники классической школы считают, что идеи прогресса и практическая хозяйственная деятельность являются критериями истины, т. е. постулируя прикладной характер знаний; методологической основой выдвигают причинно-следственные методы, экономическая ме-

тодология при этом рассматривается как простая детерминистская система. Однако этот подход в неоиндустриальную эпоху не смог вывести отдельные страны (в том числе Российскую Федерацию) из состояния технологической отсталости и обосновать современные положения инновационной системы.

Второй подход (неоклассический) базируется на идее качественного развития способа производства, использующего цифровую и технотронную индустриализацию (цифросетевая экономика), используя методы, характеризующие процессы от детерминации – к неопределенности, от единства – к множественности, от тотальности – к самоорганизации. Главная особенность движения классического подхода к неоиндустриальному (или неоклассическому) – это отсутствие твердых оснований, когда «...научные теории никогда не могут дать полного и определенного описания реальности... приблизительность оказывается более точной» (рис. 2) [15].

Характерная особенность методологии инновационной деятельности – это ценные результаты в научной и теоретической деятельности, необходимые для использования логического интеллектуального аппарата во всей совокупности научных теорий о способах хозяйствования (доказательств и опровержений), которые дают возможность перейти от понятий и суждений к умозаключениям, выводам и практике внедрения на рынок новейших разработок.

Учение или теория об инновационной деятельности как форма научного знания, создающая целостное представление об относительно устойчивых закономерностях и существенных связях в системе функционирования фактов реальной действительности и определении роли инноваций в теоретическом фундаменте экономической эффектив-

ности, рассматривается нами расширенно – при развитии сетевых ценностей. Методология инновационной деятельности включает, опираясь на «собственное духовное, философское и историко-эмпирическое наследие, выработку оригинальных и адекватных практическим потребностям страны особенных и специфических теоретических систем, не говоря уже об универсальных и глобально общезначимых теориях» [6]. Истоки, принципы, перспективы, основанные на фактах и объясняющие поиск самоопределения социально-экономического функционирования хозяйствующих структур, актуальны в развитии методологии инновационной деятельности. Интерпретация фактов, связанных с взаимодействием объектов, обоснованием и выявлением отношений и законов, обладающих способностью объяснять самобытную рефлексию по поводу относящихся к экономике научных идей, является предметом методологии инновационной деятельности. Гносеологический аспект определения методологии базируется на утверждении Платона о том, что факты, неоднократно подтвержденные практикой, обосновывают системы научного познания. Отличие методологии инновационной деятельности заключается в том, что интеллектуальный креатив, определяющий главную ценность инновационной деятельности, является ее активатором.

Факты реальной действительности подразделяются на: объективные и субъективные. Объективные не зависят от воли индивидов, а следовательно, законы их действия носят статистический характер и могут быть четко сформулированы и точно определены. Так, природные факты реальной действительности наука может объяснить, идентифицируя суждения в системе объективных законов.

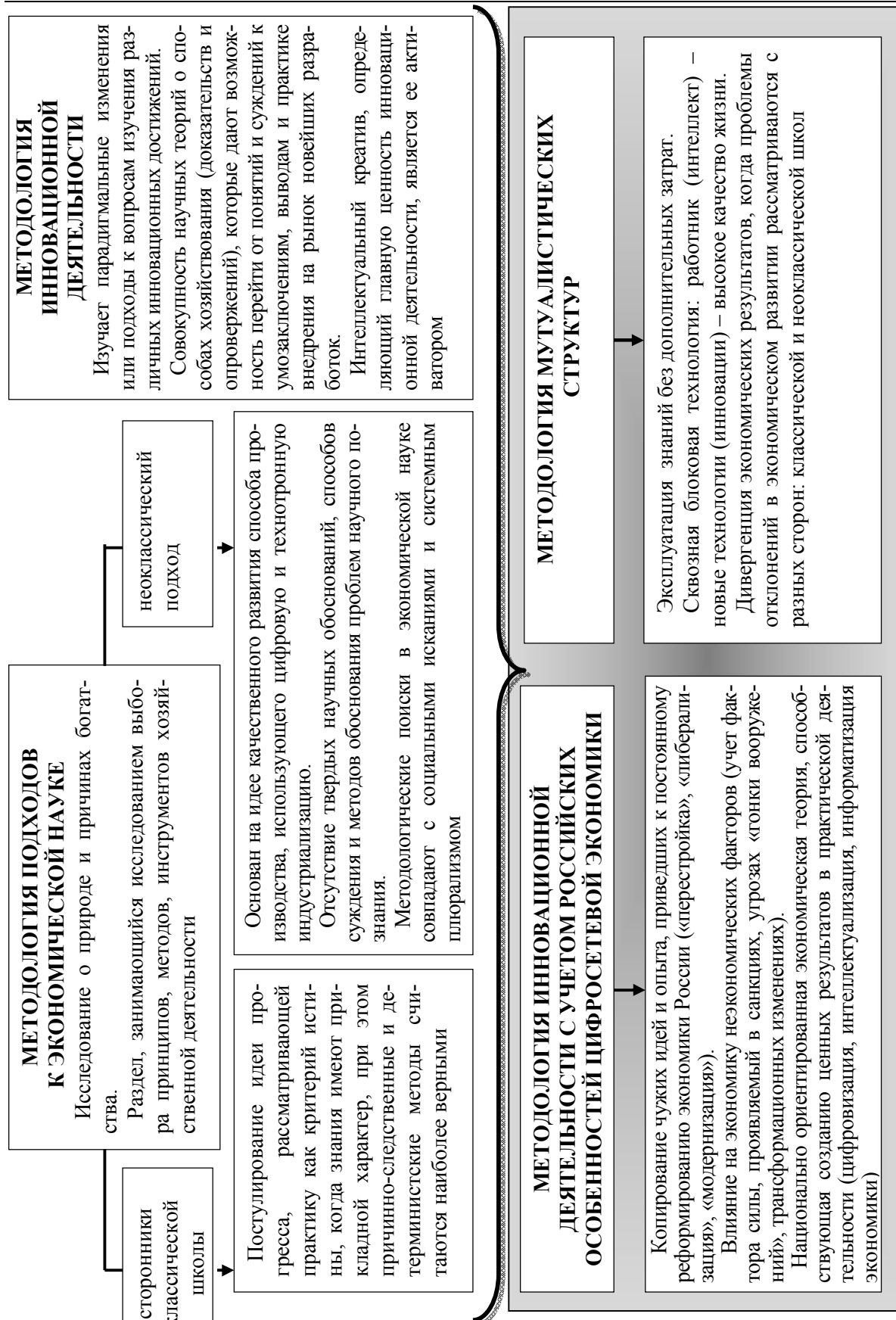

Рис. 2. Система методологии с учетом инновационной деятельности и особенностей экономики в РФ

Субъективные факты, напротив, достаточно произвольны и в немалой степени детерминированы особенностями новаторско-психологического характера того, чья деятельность отличается новизной. В отношении субъективных фактов наука осуществляет поиск закономерностей, благодаря которым можно объяснить связи между этими фактами в определенных, заранее очерченных рамках. Это означает, что формулирование и объяснение субъективных закономерностей, неоднократно проявленное, позволяет выработать методологический подход к инновационной деятельности [4].

В любой сфере научно-экономической деятельности возникает проблема выбора методологии исследования, т. е. возникает закономерный вопрос: под каким углом зрения рассматривать факты, связанные с общественным богатством; методология инновационной деятельности дает ответ на вопрос: как связаны имманентные функции с объективными позициями новаторского поведения, являются ли они источниками приумножения богатства. Ответ на этот вопрос обосновывает объект исследования разных сфер инновационной системы.

Методологическое обновление понятия инновационной деятельности в экономической теории связано с необходимостью качественного изменения подходов, принципов и содержания современной неоиндустриальной парадигмы развития, которая во многом определена закономерностями функционирования мутуалистических структур (от слова мутуализм – взаимный, когда каждый их участников приносит другому пользу и не может развиваться в отрыве друг от друга). Новые формы экономического симбиоза получили освещение в исследованиях И. В. Петрищевой, В. Н. Парахиной, В. И. Перова, Ю. М. Стасовского, В. Козика, Ю. Сидорова [16; 17; 18]. Инновационная деятельность мутуалистических структур в последнее время, в отличие от

комменсализма (один питается остатками другого) и протокооперации (совместная жизнь выгодна, но не обязательна), характеризуется принципами симбиотических отношений: наукоемкостью, цифровизацией и техникоемкостью при необходимом функционировании сетевых ценностей, главной из которых является удовлетворение потребителя, использование общих государственных законов, общих источников различных ресурсов, в том числе финансов, воды, энергии, информации, транспортных расходов и т. д.

Результаты и их обсуждение

К системам, построенным на подлинно симбиотических формах взаимодействия, применим принцип суперпозиции, согласно которому решение частных проблем ведет к решению общей задачи. Симбиотические связи (мутуализм как одна из форм) не только базируются на «сотрудничестве» (т. е. опираются на экономическое взаимодействие, построенное на балансе выгод и затрат), но и приносят положительный эмергентный эффект; «...величина эффекта от совместной деятельности больше, чем сумма экономических эффектов предприятий, действующих врозь» [19]. Важно отметить, что по условиям мутуализма не действует принцип суперпозиции, согласно которому решение частных задач ведет к решению общей задачи. Не действует также принцип редукционизма, в соответствии с которым свойства системы легко выяснить, если известны свойства элементов, из которых она состоит. Так, мутуалистические особенности экономической деятельности проявляются в обосновании пандемии при рассмотрении взаимодействия различных научно-медицинских школ и производстве антивирусной вакцины. «Примером мутуализма могут быть нефтеперерабатывающие предприятия, электростанции, заводы по выпуску удобрений и пласти-

ковых панелей, цементное производство и мощная фармацевтическая компания», – пишут В. Козик, Ю. Сидоров [17].

В отличие от развития сложных систем выделим качественные особенности мутуалистических структур (рис. 3).

КАЧЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ МУТУАЛИСТИЧЕСКИХ СТРУКТУР	
→ КОММУТИРОВАНИЕ	Связь между двумя или более вовлеченными партнерами является обязательной. Каждый партнер нуждается в существовании другого для своего развития
→ ТРАНСАКЦИИ	Территориальные образования, где совместно используются ресурсы
→ КООПЕРАЦИЯ	Многовидовое сообщество организаций, действующих при наличии административного, отраслевого, регионального, странового ценноза
→ КОНКУРЕНЦИЯ	Добровольность, взаимовыгодные связи разной силы (сильные, средние, слабые)
→ КОНТАКТИРОВАНИЕ	Совместное использование социальных, природных, технических ресурсов и экономических ниш
→ СИММЕТРИЯ	Сетевая кооперация (networking)
→ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИННОВАЦИЙ И ИНФОРМАЦИИ	Эксплуатация знаний и закон увеличения возвратов без инфляции

Рис. 3. Особенности мутуалистических структур

Если в развитии рыночных форм в инновационной деятельности эффективным фактором производства считался закон увеличения возврата инвестиций на первых порах, а в дальнейшем интенсификация этого фактора имела следствием уменьшение отдачи от вложенного капитала, то в «новой экономике» мутуалистические формы отношений основаны на эксплуатации знаний и на законе увеличения возвратов без инфляции. К примеру, доходы от использования удобрений сначала повышают урожайность, но в дальнейшем снижается эффективность

инвестиций на единицу затрат (закон уменьшения возвратов). Знания без границ в эпоху информатизации и цифровой трансформации не нуждаются в увеличении затрат материальных, энергетических, трудовых ресурсов. Наоборот, ресурсные потоки уменьшаются, и новая экономика должна функционировать в безинфляционном режиме» [20].

Неоиндустриальная парадигма включает экономическую синергетику, обобщающую направления рыночных изменений в хозяйственной деятельности страны; важнейшие из них – это законы

машинозамещения труда и закон вертикальной интеграции, которые уже в середине XX в. были отражены в решении задач реиндустриализации Российской Федерации (они прописаны в стратегии «Новый курс России» еще в 1992 г. [21]), когда впервые масштабная реиндустриализация проявилась в форме постановки задач высокотехнологичной модернизации отечественной экономики с обоснованием взаимосвязи прогрессивных тенденций и факторов воспроизводства. При этом отсталость индустриальной базы проявилась в низком уровне производительности труда, обусловленном отставанием научно-технического и технологического потенциала. Предполагалось, что экономическая отсталость страны будет преодолена именно во взаимоувязке технического прогресса и вертикальной интеграции экономики России (этот закон был открыт в 1980-е г. [22]). Однако процесс реиндустриализации доказал свою несостоятельность в том виде, в котором он предлагался, поскольку машинные средства и высокопроизводительные рабочие места могли быть использованы лишь в экспортно-сырьевом придалке вертикально ориентированных (транснациональных) компаний, остальная экономика отражала тенденцию отставания, как по производственным, так и по социальным стандартам.

Эволюция решения проблем развития методологии инновационной деятельности отечественной экономики произошла в 90-е годы XX века. Методологические поиски в экономической науке совпадают с социальными исканиями, а системный плюрализм предлагает множество типов рациональности, т. е. разнообразные методы исследований и решений. Главной в направлении инновационного развития значится проблема неоиндустриализации, обосновывающая экономические особенности становления человека в обществе как меры всех вещей, «свободного от отчуждения» [23].

Если сторонники классического подхода предлагают воспроизводство, т. е. качественное развитие производительных сил и производственных отношений, связанное с электрификацией, автоматизацией крупных производств, о чем свидетельствует практика XX в., то сторонники неоиндустриализации предлагают интеграцию процессов цифровой трансформации в автоматизированные и технически оснащенные производства (о чем ученые и практики «заговорили» в XXI в.). Электрофицированная, автоматизированная, оснащенная компьютерными технологиями деятельность является инновационной по своей сути. Информационный, машинный и другие виды труда – это также инновации или прогресс в экономике.

Содержательный аспект инновационной деятельности заключается в сквозной блоковой технологии, или триединой формуле: работник (интеллект) – новые технологии (инновации) – высокое качество жизни.

Методология инновационных систем позволяет понять пределы применения новаций и выстроить связь с другими отраслями знаний. Общие свойства сложных систем (а инновационная система является сложной) – это «множество разнообразных объектов, структурно взаимосвязанных, функционально взаимозависимых и взаимодействующих между собой...» [24].

Проблемы экономического развития, решение которых влечет качественные и количественные изменения в социальной сфере, являются предметом нашего исследования. Своеобразие авторского подхода к методологии инновационных систем, нашего отражения еще в предыдущем [25] исследовании, определено широкой дивергенцией экономических результатов, когда проблемы отклонений в экономическом развитии рассматриваются с разных сторон: классической и неоклассической школ. Так, в [25] отмечено, что «...международные орга-

низации и ведущие зарубежные ученые [26; 27; 28] рассматривают проблемы социально-экономического развития, сопоставляя с пороговыми значениями показатели: ВВП, инфляции, уровень безработицы, социальное расслоение общества, при этом используется принцип классической школы – зависимость от прошлого: «...поэтому она (экономика) развивается под влиянием не импульсов к равновесию, а ранее сложившихся норм, организационных структур и технологий, и разные системы движутся по "расходящимся траекториям". Однако на мезо- и макроуровнях пока не найдено полного практического подтверждения этому "экономическому фатализму"» [29].

Отечественные ученые констатируют наличие связи методологии исследований (в том числе инновационных) между государственным устройством и изменениями в социально-экономическом развитии [25; 30; 31]. Однако ограниченность подхода подтверждается, в первую очередь, «нарастанием проблем, связанных с использованием в качестве индикатора экономического развития показателя инновационной деятельности» [25; 32].

Как правило, зарубежные страны классифицируются по степени внедрения инноваций, при этом признаками инноваций является распределение стран на аграрные, индустриальные и постиндустриальные, констатация (учет) модернизации и технико-технологических новшеств «...позволяет четко определить структуру мира по степени инновационного развития и разработать программу преодоления разрыва в его уровнях».

Недостатком данного методологического подхода является односторонняя направленность развития инноваций без учета остальных рыночных и институциональных механизмов, когда связь инновационных изменений с социально-техническими, организационными, региональными, институциональными последствиями остается вне системы.

Возникновение методологической школы инновационного развития в России обосновано социально-мировоззренческим и идеологическим аспектами. Комплекс взаимосвязанных факторов когнитивного, креативного, социально-экономического, информационного характера обоснован спецификой национальных интересов России [25; 33] (добавим, как отрицательных, так и положительных).

Первая особенность, как указывает Д. Земляков, заключается в том, что позднесоветские экономические реформы имеют особенность ставить под сомнение «убедительно объяснять и достоверно прогнозировать состояние и развитие процессов российской реальной действительности» [6; 25], т. е. импортирование неоклассической школы имеет свойства неадекватности ее применения в экономике, поэтому возникали течения: «перестройки», «либерализации», «стабилизации», «модернизации», которые «не только не выводят страну из экономического кризиса, а превращают таковой в перманентный» [25; 33]. Практические рекомендации делались на основе западной неоклассической теории; они формировались и адаптировались без учета российских особенностей, поэтому «эти рецепты по большей части "не работают" или "работают отрицательно" (разрушительно, а значит, примененная теория преимущественно неадекватна и непригодна» [6; 25].

Для примера приведем трансформационные изменения, связанные с переходом общества от командно-административного к рыночному этапу (причем «скоростным методом»). Известно, что в теории экономики выделяют большие, средние и малые трансформационные циклы, когда переходные процессы растянуты на длительные периоды. Так, процесс первичного накопления капитала осуществлялся в странах Европы с XVI до XIX в. Думаем, что постсоциалистические трансформации также могут быть

столь же длительными, поскольку хозяйственная командно-административная система отличается от рыночных механизмов хозяйствования не только институциональными, но и особыми рыночными преобразованиями, которые характеризуют экономическую инновационность, включая социальные, информационные, личностные и другие нововведения.

Вторая особенность – влияние неэкономических факторов на экономическую доктрину. Эта особенность вытекает из следующих неэкономических характеристик: фактор силы, развитие отечественной науки, природно-географический характер и др.

Влияние фактора силы, когда под действием американской политики силы многие страны Европы наложили запрет на экспорт необходимых для экономики России технологий, ресурсов, комплектующих, тем самым создавая напряжение не только на политическом поле, но и в экономике. Нарушен основополагающий принцип Кейнса, когда разрушение равновесия производства и потребления происходит не в результате действия рыночной модели, а в результате «неэкономических» действий администрации США.

Постоянное противопоставление в политической, культурной, социальной областях и вызванное появлением «фактора силы», создает условия для «гонки вооружений» и диспропорций в народном хозяйстве.

Следующая особенность – развитие отечественной научной школы. Объективная обусловленность необходимости развития методологии инновационного развития в российской экономике связана не только с вышеназванными факторами, но и с науковедческими выводами российской научной школы и обоснованием развития гносеологического признака отечественной социально-философской мысли, идентифицируемой с факторами: образование, традиции, историко-мен-

тальный, природно-географический характер [25; 34].

На основе различных подходов (указанных выше) в понятии «методология инновационной деятельности» выделим элементы, нуждающиеся в необходимости идентификации функционирования инноваций.

1. Наличие единого мировоззренческого подхода, на базе которого формируются программы и выделяются признаки инновационного развития.

2. Структурированность инновационных исследований с выделением концепции, инструментов и методов, когда понятие «инновационная деятельность» выделяется как специализированный предмет науки и ставятся задачи диагностического и аналитического характера.

3. Выделение отдельных направлений инновационной деятельности с определением проблем.

4. «Функционирующие институты и инфраструктура возникновения и воспроизводства научных коллективов» [6; 25].

5. Социально-экономическая среда, выявляющая и обосновывающая признаки рыночных агентов и институциональных органов, способствующих развитию инновационной деятельности.

Как считает Д. Земляков, «...при наличии всех перечисленных признаков научная школа может полноценно существовать, хотя "вес" разных элементов, их вклад в формирование школ различны» [6; 25].

Выводы

Проведенный анализ генезиса понятия «методологии экономической науки» позволяет сделать ряд фундаментальных выводов:

1. Выделение экономической теории как формы научного знания, которая формирует целостное представление об относительно устойчивых закономерностях и существенных связях в экономической системе общества, из рамок общей фило-

софии произошло вследствие четкого разграничения тех фактов реальной экономической действительности, которые составляют предмет исследования.

2. Генезис научного восприятия фактов реальной экономической действительности проходил под влиянием утверждения принципа неопределенности, что в конечном счете позволило утвердить сетевой характер инновационной деятельности и решить ряд важней-

ших, а вместе с тем и самых противоречивых проблем прикладного и социального разделов экономической теории.

3. Структура современной экономической инновационной методологии, базируясь на науке об эволюции экономического анализа, должна формировать иной инструментальный аппарат (от философии «богатство народов» до сферы сетевизации, цифровой трансформации и отсутствия жестких принципов).

Список литературы

1. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2020. 1056 с.
2. Блауг М. 100 великих экономистов до Кейнса / пер. с англ. А. Ю. Михайлова; под ред. А. А. Фофонова. СПб.: Экономическая школа, 2008. 352 с.
3. Кенэ Ф., Тюрго А. Р. Ж., Дюпон де Немур П.-С. Физиократы. Избранные экономические произведения. М.: Эксмо, 2008. 1201 с.
4. Беляева Г. В., Овчинникова Т. И. Концептуальные основы системы инвестиционной деятельности предприятий с учетом накопленного научного потенциала. Воронеж: Воронеж. гос. техн. акад., 2008. 156 с.
5. История экономических учений / под ред. В. С. Автономова. М.: ИНФРА-М, 2002. 784 с.
6. Земляков Д. Проблема идентификации российской экономической школы: гносеолого-методологический аспект // Российский экономический журнал. 2014. № 3. С. 56–60.
7. Ананьин О. И. Структура экономико-теоретического знания. Методологический анализ. М.: Наука, 2005. 244 с.
8. Лебедев К. Н. Метод Дж. Н. Кейнса в экономической теории Дж. М. Кейнса // Историко-экономические исследования. 2017. Т. 18, № 2. С. 257–275.
9. Блауг М. Методология экономической науки, или как экономисты объясняют / пер. с англ. [Ю. В. Автономова]. М.: Вопросы экономики, 2004. 416 с.
10. Майнуер К. Сложность бросает нам вызов в XXI веке. Будущее России в зеркале синергетики. М.: URSS, 2006. 223 с.
11. Лебедев С. А. Научный метод: история и теория: монография. М.: Проспект, 2018. 441 с.
12. Булгакова И. Н. Теоретико-методологические аспекты исследования структурно-динамических параметров региональных интегрированных структур в промышленности. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2017. 232 с.
13. Структурно-комплементарный подход к формированию инновационных региональных преимуществ в условиях глобализации / Т. И. Овчинникова, И. Н. Булгакова, А. И. Хорев, Г. В. Беляева // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 7 (97), ч. 3. С. 131–141.
14. Булгакова И. Н., Борщевская Е. П., Овчинникова Т. И. Механизмы интеллектуализации финансирования инновационной деятельности // Высшая школа: научные исследования: материалы межвузовского научного конгресса. М.: Инфинити, 2020. С. 7–14.
15. Капра Ф. Уроки мудрости. М.: Изд-во Трансперсонального института, 1996. 318 с.
16. Петрищева И. В. Синергетический эффект при взаимодействии предприятий малого и крупного бизнеса // Инновационное образование и экономика. 2009. № 4. С. 87–89.
17. Козик В., Сидоров Ю. Экономический симбиоз и новые формы индустриальных объединений // Экономика Украины. 2011. № 10. С. 88–95.
18. Перов В. И., Парахина В. Н. Принципы симбиоза – новые современные принципы развития социально-экономических систем // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2008. № 3 (22). С. 18–20.

19. Маренный М. А. Методы финансового анализа кооперационных взаимодействий малых промышленных предприятий // Аудит и финансовый анализ. 2001. № 3. С. 27–53.
20. Райсс М. Границы «безграницных» предприятий: перспективы сетевых организаций // Проблемы теории и практики управления. 1997. № 1. С. 92–97.
21. Новый курс России / под ред. С. С. Губанова. М.: Палей, 1993. 15 с.
22. Губанов С. Перспектива – переход к государственно-корпоративной экономике // Экономист. 1998. № 6. С. 70–83.
23. Губанов С. Неоиндустриальная парадигма развития: краткое обобщение // Экономист. 2017. № 11. С. 22–39.
24. Згуровский М. З., Панкратова Н. Д. Системный анализ. Проблемы. Методология. Приложения. Киев: Наукова думка, 2011. 743 с.
25. Овчинникова Т. И., Булгакова И. Н. Генезис методологии инновационной социально-экономической деятельности: теоретические аспекты управления // Национальная ассоциация ученых (НАУ). 2021. № 65, ч. 4. С. 16–18. <https://doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2021.4.65.401>.
26. Бернанке Ф. Экономикс. Экспресс-курс. СПб.: Питер, 2012. 720 с.
27. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2009. 310 с.
28. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
29. Нестеренко А. О чем не сказал Баумоль; вклад XX столетия в философию экономической деятельности // Вопросы экономики. 2001. № 7. С. 4–17.
30. Бабаев Б., Водомеров Н., Гордеев В., Корняков В. К поискам формулы развития России // Экономист. 2008. № 12. С. 23–26.
31. Грандберг З. Неоиндустриальная парадигма и закон вертикальной интеграции // Экономист. 2009. № 1. С. 38–41.
32. Выход из кризиса: отказ от сырьевой модели. Новая индустриализация / А. Д. Голубович, А. Б. Идрисов, В. Л. Иноземцев, Б. Ю. Титов, М. М. Шпигель // Металлургия машиностроения. 2010. № 6. С. 2–11.
33. Лексин В. Россия до, во время и после глобального кризиса // Российский экономический журнал. 2009. № 7/8. С. 3–34.
34. Рязанов В. Русская школа экономической мысли: универсально-всеобщее и национально-особенное // История мысли. Русская мыслительная традиция (альманах). 2013. Вып. 6. 345 с.

References

1. Smit A. Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov [Research on the nature and causes of the wealth of nations]. Moscow, Eksmo Publ., 2020. 1056 p.
2. Blaug M. 100 velikikh ekonomistov do Keinsa [100 great economists before Keynes]; ed. by A. A. Fofonov. St. Petersburg, Ekonomicheskaya shkola Publ., 2008. 352 p.
3. Kene F., Tyurgo A. R. Zh., Dyupon de Nemur P.-S. Fiziokraty. Izbrannyye ekonomicheskie proizvedeniya [Physiocrats. Selected economic works]. Moscow, Eksmo Publ., 2008. 1201 p.
4. Belyaeva G. V., Ovchinnikova T. I. Kontseptual'nye osnovy sistemy investitsionnoi deyatel'nosti predpriyatii s uchetom nakoplennoogo nauchnogo potentsiala [Conceptual foundations of the system of investment activity of enterprises taking into account the accumulated scientific potential]. Voronezh, Voronezh. St. Eng. Acad. Publ., 2008. 156 p.
5. Istoriya ekonomicheskikh uchenii [History of economic studies]; ed. by V. S. Avtonomov. Moscow, INFRA-M Publ., 2002. 784 p.
6. Zemlyakov D. Problema identifikatsii rossiiskoi ekonomicheskoi shkoly: gnoseologo-metodologicheskii aspekt [The Problem of Identification of the Russian Economic School: Epistemological and Methodological aspect]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal = Russian Economic Journal*, 2014, no. 3, pp. 56–60.

7. Ananin O. I. Struktura ekonomiko-teoreticheskogo znaniya. Metodologicheskii analiz [The structure of economic and theoretical knowledge. Methodological analysis]. Moscow, Nauka Publ., 2005. 244 p.
8. Lebedev K. N. Metod Dzh. N. Keinsa v ekonomicheskoi teorii Dzh. M. Keinsa [The J. N. Keynes method in the economic theory of J. M. Keynes]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Historical and economic research*, 2017, vol. 18, no. 2, pp. 257–275.
9. Blaug M. Metodologiya ekonomicheskoi nauki, ili kak ekonomisty ob"yasnyayut [Methodology of economic science]. Moscow, Voprosy ekonomiki Publ., 2004. 416 p.
10. Majnuer K. Slozhnost' brosaet nam vyzov v XXI veke. Budushchee Rossii v zerkale sinergetiki [Complexity challenges us in the XXI century. The future of Russia in the mirror of synergy]. Moscow, URSS Publ., 2006. 223 p.
11. Lebedev S. A. Nauchnyi metod: istoriya i teoriya [Scientific method: history and theory]. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 441 p.
12. Bulgakova I. N. Teoretiko-metodologicheskie aspekty issledovaniya strukturno-dinamicheskikh parametrov regional'nykh integrirrovannykh struktur v promyshlennosti [Theoretical and methodological aspects of the study of structural and dynamic parameters of regional integrated structures in industry]. Kursk, ZAO "Universitetskaya kniga", 2017. 232 p.
13. Ovchinnikova T. I., Bulgakova I. N., Horev A. I., Belyaeva G. V. Strukturno-komplementarnyi podkhod k formirovaniyu innovatsionnykh regional'nykh preimushchestv v usloviyakh globalizatsii [Structural and complementary approach to the formation of innovative regional advantages in the context of globalization]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*, 2020, no. 7 (97), pt. 3, pp. 131–141.
14. Bulgakova I. N., Borshhevskaya E. P., Ovchinnikova T. I. [Mechanisms of intellectualization of innovative activity financing]. *Vysshaya shkola: nauchnye issledovaniya. Materialy Mezhevuzovskogo nauchnogo kongressa* [Higher School: scientific research. Materials of the Interuniversity Scientific Congress]. Moscow, Infiniti Publ., 2020, pp. 7–14. (In Russ.)
15. Kapra F. Uroki mudrosti [Wisdom Lessons]. Moscow, Transpersonal'nyi institute Publ., 1996. 318 p.
16. Petrishheva I. V. Sinergeticheskii effekt pri vzaimodeistvii predpriyatii malogo i krupnogo biznesa [Synergy effect in the interaction of small and large businesses]. *Innovatsionnoe obrazovanie i ekonomika = Innovative education and economics*, 2009, no. 4, pp. 87–89.
17. Kozik V., Sidorov Yu. Ekonomicheskii simbioz i novye formy industrial'nykh ob"edinenii [Economic symbiosis and new forms of industrial associations]. *Ekonomika Ukrainy = Economy of Ukraine*, 2011, no. 10, pp. 88–95.
18. Perov V. I., Parahina V. N. Printsipy simbioza – novye sovremennye printsipy razvitiya sotsial'no-ekonomicheskikh sistem [Principles of symbiosis new modern principles of the development of socio-economic systems]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta = Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University*, 2008, no. 3 (22), pp. 18–20.
19. Marenniy M. A. Metody finansovogo analiza kooperatsionnykh vzaimodeistvii malykh promyshlennykh predpriyatii [Methods of financial analysis of cooperative interactions of small industrial enterprises]. *Audit i finansovyi analiz = Audit and financial analysis*, 2001, no. 3, pp. 27–53.
20. Rajss M. Granitsy "bezgranichnykh" predpriyatii: perspektivy setevykh organizatsii [The boundaries of "limitless" enterprises: prospects for network organizations]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya = Problems of management theory and practice*, 1997, no. 1, pp. 92–97.
21. Novyi kurs Rossii [The New Course of Russia]; ed. by S. S. Gubanov. Moscow, Paleya Publ., 1993. 15 p.
22. Gubanov S. Perspektiva – perekhod k gosudarstvenno-korporativnoi ekonomike [Perspective-transition to a state-corporate economy]. *Ekonomist = Economist*, 1998, no. 6, pp. 70–83.
23. Gubanov S. Neointustrial'naya paradigma razvitiya: kratkoe obobshchenie [The neo-industrial development paradigm: a brief summary]. *Ekonomist = Economist*, 2017, no. 11, pp. 22–39.
24. Zgurovskij M. Z., Pankratova N. D. Sistemnyi analiz. Problemy. Metodologiya. Prilozheniya [System analysis. Problems. Methodology. Applications]. Kiev, Naukova dumka Publ., 2011. 743 p.
25. Ovchinnikova T. I., Bulgakova I. N. Genezis metodologii innovatsionnoi sotsial'no-ekonomicheskoi deyatel'nosti: teoreticheskie aspekty upravleniya [The Genesis of the methodology of

innovative socio-economic activity: theoretical aspects of management]. *Nacional'naya asociatsiya uchenykh (NAU) = National Association of Scientists (NAS)*, 2021, no. 65, pt. 4, pp. 16–18. <https://doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2021.4.65.401>

26. Bernanke F. *Ekonomiks. Ekspress-kurs [Economy. Express course]*. St. Petersburg, Piter Publ., 2012. 720 p.

27. Kun T. *Struktura nauchnykh revolyutsii [The structure of scientific revolutions]*. Moscow, AST Publ., 2009. 310 p.

28. Nort D. *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki [Institutions, institutional changes and the functioning of the economy]*. Moscow, Fond ekonomicheskoy knigi "Nachala", 1997. 180 p.

29. Nesterenko A. O chem ne skazal Baumol'; vklad KhKh stoletiya v filosofiye ekonomicheskoi deyatel'nosti [What Baumol did not say; the contribution of the twentieth century to the philosophy of economic activity]. *Voprosy ekonomiki = Economic issues*, 2001, no. 7, pp. 4–17.

30. Babaev B., Vodomerov N., Gordeev V., Korniyakov V. K poiskam formuly razvitiya Rossii [To search for a formula for the development of Russia]. *Ekonomist = Economist*, 2008, no. 12, pp. 23–26.

31. Grandberg Z. Neoundustrial'naya paradigma i zakon vertikal'noi integratsii [The neo-industrial paradigm and the law of vertical integration]. *Ekonomist = Economist*, 2009, no. 1, pp. 38–41.

32. Golubovich A. D., Idrisov A. B., Inozemcev V. L., Titov B. Yu., Shpigel M. M. Vykhod iz krizisa: otkaz ot syr'evoi modeli. Novaya industrializatsiya [Getting out of the crisis: abandoning the raw material model. New industrialization]. *Metallurgiya mashinostroeniya = Metallurgy of mechanical engineering*, 2010, no. 6, pp. 2–11.

33. Leksin V. Rossiya do, vo vremya i posle global'nogo krizisa [Russia before, during and after the global crisis]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal = Russian Economic Journal*, 2009, no. 7/8, pp. 3–34.

34. Ryazanov V. Russkaya shkola ekonomicheskoi mysli: universal'no-vseobshchee i natsional'no-osobennoe [Russian school of economic thought: universal-universal and national-special]. *Istoriya mysli. Russkaya myslitel'naya traditsiya (al'manakh) = The history of thought. Russian intellectual tradition (almanac)*, 2013, is. 6. 345 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Овчинникова Татьяна Ивановна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической безопасности и финансового мониторинга, Воронежский государственный университет инженерных технологий, г. Воронеж, Российская Федерация, e-mail: mih.goz@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1709-5352

Tatyana I. Ovchinnikova, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Economic Security and Financial Monitoring, Voronezh State University of Engineering Technologies, Voronezh, Russian Federation, e-mail: mih.goz@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1709-535

Булгакова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, доцент кафедры системного анализа и управления, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация, e-mail: Bulgakova-I-N@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1779-5877

Irina N. Bulgakova, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of System Analysis and Management, Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation, e-mail: Bulgakova-I-N@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1779-5877

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

ACTUAL PROBLEMS OF REGIONAL SOCIO- ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT

Оригинальная статья / Original article

УДК 332.14

Оценка эффективности органов внешнего финансового контроля в региональном аспекте

Н. А. Кулагина¹, В. А. Плотников¹✉

¹ Брянский государственный инженерно-технологический университет
проспект Станке Димитрова 3, г. Брянск 241037, Российская Федерация

✉ e-mail: v.a.plotnikov01@mail.ru

Резюме

Актуальность. Система государственных, независимых органов финансового контроля служит инструментом повышения эффективности, позволяет проверить эффективность и результативность бюджетных расходов. При этом одним из дискуссионных аспектов является комплексная оценка эффективности деятельности контрольно-счетных органов.

Цель данной статьи состоит в исследовании и систематизации основных методических подходов к разработке показателей для оценки параметров деятельности финансового контроля на уровне региона.

Задачи: проанализировать методические подходы к разработке показателей для оценки параметров деятельности финансового контроля; разработать количественную и качественную оценку эффективности.

Методология. Исследование базируется на общенаучных методах анализа, синтеза, систематизации, обработки данных, сравнения и обобщения.

Результаты. Предложена разработанная авторами балльно-рейтинговая система оценки эффективности деятельности контрольно-счетных органов. Разработаны пять критериев оценки эффективности в разрезе мероприятий, проводимых контрольными органами в соответствии с наделёнными полномочиями. Представлена апробация предлагаемого методического подхода к расчету коэффициента эффективности.

Выводы. Критерии эффективности, разработанные авторами, основываются на установленных полномочиях. Их оценка объективно отражает информацию о качестве реализации полномочий и позволяет определить динамику реализации полномочий. В отличие от других методик устанавливает показатели для оценки деятельности не только инспекторского состава КСО, но и лиц, обеспечивающих работу внутри органа контроля. Предложенная методика является универсальной для органов внешнего финансового контроля и не требует дополнительных финансовых затрат.

Ключевые слова: финансовый контроль; эффективность; критерий; индикатор; балльно-рейтинговый подход.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

© Кулагина Н. А., Плотников В. А., 2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2021; 11(3): 78–90

Для цитирования: Кулагина Н. А., Плотников В. А. Оценка эффективности органов внешнего финансового контроля в региональном аспекте // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 3. С. 78–90.

Поступила в редакцию 10.04.2021

Принята к публикации 08.05.2021

Опубликована 30.06.2021

Assessment of the Effectiveness of External Financial Control Bodies in the Regional Aspect

Natalia A. Kulagina¹, Vitaly A. Plotnikov¹ ✉

¹ Bryansk State University of Engineering and Technology
3 Stanke Dimitrov Avenue, Bryansk 241037, Russian Federation

✉ e-mail: v.a.plotnikov01@mail.ru

Abstract

Relevance. The system of state, independent financial control bodies serves as a tool for improving efficiency, allowing you to check the effectiveness and efficiency of budget expenditures. At the same time, one of the controversial aspects is a comprehensive assessment of the effectiveness of the control and accounting bodies.

The purpose of this article is to study and systematize the main methodological approaches to the development of indicators for assessing the parameters of financial control at the regional level.

Objectives: to analyze methodological approaches to the development of indicators for assessing the parameters of financial control activities; to develop a quantitative and qualitative assessment of effectiveness.

Methodology. The research is based on general scientific methods of analysis, synthesis, systematization, data processing, comparison and generalization.

Results. A score-rating system developed by the authors for evaluating the effectiveness of the activities of control and accounting bodies is proposed. Five criteria for evaluating the effectiveness of the activities carried out by the control bodies in accordance with their powers have been developed. The approbation of the proposed methodological approach to the calculation of the efficiency coefficient is presented.

Conclusions. The effectiveness criteria developed by the authors are based on the established powers. Their assessment objectively reflects information about the quality of the implementation of powers and allows you to determine the dynamics of the implementation of powers. Unlike other methods, it sets indicators for evaluating the activities of not only the CSR inspection staff, but also those who provide work within the control body. The proposed method is universal for external financial control bodies and does not require additional financial costs.

Keywords: financial control; efficiency; criterion; indicator; score-rating approach.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Kulagina N. A., Plotnikov V. A. Assessment of the Effectiveness of External Financial Control Bodies in the Regional Aspect. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(3): 78–90. (In Russ.)

Received 10.04.2021

Accepted 08.05.2021

Published 30.06.2021

Введение

Повышение эффективности органов государственной власти на федеральном и региональном уровнях является одной из приоритетных задач государства [1; 2; 3; 4]. С целью достижения высоких тем-

пов наращивания экономического (налогового) потенциала территорий и повышения уровня социально-экономического развития регионов Правительством РФ в 2018 г. разработаны меры по реализации государственной политики в сфере оцен-

ки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ [5]. В последующем 2019 и 2021 гг. Президентом РФ приняты указы с установленными критериями, позволяющие оценить эффективность деятельности высших должностных лиц и деятельности органов исполнительной власти регионов [6; 7]. В свою очередь на региональном уровне приняты нормативные акты, регулирующие порядок оценки эффективности и результативности деятельности органов власти.

При этом нормативные документы, определяющие методику расчета оценки деятельности органов внешнего финансового контроля, отсутствуют. Причины могут быть как внешние (различная бюджетная обеспеченность субъектов РФ, приоритеты экономической региональной политики, долговая нагрузка), так и внутренние причины (техническая обеспеченность органов внешнего финансового контроля, количество сотрудников, осуществляющих контроль, квалификация и компетентность сотрудников и т. д.).

Органы, осуществляющие внешний финансовый контроль, имеют огромное значение в современной экономической действительности и осуществляют важную «контрольную» функцию финансов. Финансовый контроль служит инструментом повышения эффективности бюджетных расходов и сбалансированности бюджетов всех уровней, что позволяет обеспечить эффективное функционирование национальной и региональных финансовых систем и способствовать успешному решению стоящих перед государством и его субъектами проблем. Система государственных, независимых органов финансового контроля позволяет проверить эффективность и результативность бюджетных расходов. При этом одним из дискуссионных аспектов является комплексная оценка эффективности деятельности контрольно-счетных органов (далее – КСО).

Для того чтобы обосновать критерии оценки, необходимо прежде всего обратить внимание на нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность КСО на уровне региональных хозяйственных систем.

Материалы и методы

Правовое регулирование организации деятельности региональных контрольно-счетных палат закреплено в законе № 6-ФЗ и в законах субъектов РФ. КСО образуется представительным органом региона и подотчетна ему [8]. Например, Контрольно-счетная палата Брянской области ежегодно до 20 февраля года, следующего за отчетным, представляет в Брянскую областную Думу отчет о своей деятельности, который рассматривается депутатами законодательного органа и принимает решение принять к сведению отчет или нет. Фактически данная процедура определяет эффективность или ее отсутствие в деятельности КСО.

Некоторые региональные органы внешнего финансового контроля устанавливают внутренние критерии оценки эффективности своих сотрудников, обобщенный анализ которых позволяет определить общую эффективность организации деятельности, но это лишь единичные случаи.

Сложность определения критерия оценки эффективности органов внешнего финансового контроля обусловлена многогранностью деятельности при реализации установленных полномочий. Одним из полномочий КСО является экспертиза региональных законопроектов и нормативно-правовых актов. Рассмотрим динамику проведенных экспертиз проектов законов на примере Брянской области. Количество проведенных экспертиз зависит от количества принимаемых законов и правовых актов представительным органом. На рисунке 1 отражено количество проведенных Контрольно-счетной палатой Брянской области экспертиз законов и иных нормативных правовых актов Брянской области в 2017 - 2019 гг. [9].

Рис. 1. Количество проведенных Контрольно-счетной палатой Брянской области экспертиз законов и иных нормативных правовых актов Брянской области в 2017 - 2019 гг. [9]

При анализе данных рисунка 1 можно установить, что количество экспертных заключений соответствует количеству представленных в представительный орган проектов законов и иных нормативных правовых актов. Также очевидно, что ежегодное проведение экспертиз находится в одном количественном диапазоне с небольшим отклонением. Количество предложений, направленных по итогам проведенных экспертиз, снижается в 2,9 раза за исследуемый период, что свидетельствует о росте качества внесенных проектов законов и иных нормативных правовых актов. При этом трудно ответить, что повлияло на рост качества – эффективность КСО или эффективность организации работы органов, направляющих проекты? Нами были систематизированы основные методические подходы к разработке показателей для оценки параметров деятельности финансового контроля на уровне региона (рис. 2).

Результаты и их обсуждение

Анализируя данные подходы, можно сделать вывод, что предложенные авторами критерии эффективности деятельности основаны на соотношении полученных конечных результатов к затратам на содержание КСО. Подход к формированию критериев, основывающихся на соотношении объема средств, возмещенных в бюджет, и объема затрат органа

контроля, неприменим. Это обусловлено следующими причинами.

Во-первых, эффективность финансового контроля неверно сопоставлять с общеэкономической категорией эффективности. При оценке эффективности финансового контроля как основы необходимо оценивать именно саму деятельность, а не средства, направленные на осуществление деятельности. Иными словами, под эффективностью внешнего финансового контроля нужно понимать выполнение конкретных функций и задач органом контроля.

Во-вторых, КСО регионов являются органами государственной власти и не преследуют цель при осуществлении своей деятельности, получении финансовой прибыли. Кроме того, КСО не являются администраторами доходов бюджетов.

В-третьих, более 90 процентов расходов органов финансового контроля занимают расходы на выплату заработной платы с начислениями.

В-четвертых, при выявлении КСО нарушений при осуществлении государственных закупок главными распорядителями орган финансового контроля направляет материалы в ФАС или орган государственной власти, наделенный полномочиями по составлению и рассмотрению административных материалов и привлечению юридических лиц к ответственности в виде штрафа. Орган

финансового контроля не наделен полномочиями по составлению административных материалов в рамках реализации

закона № 44-ФЗ, следовательно, орган контроля организует работу по выявлению нарушений в сфере закупок [12].

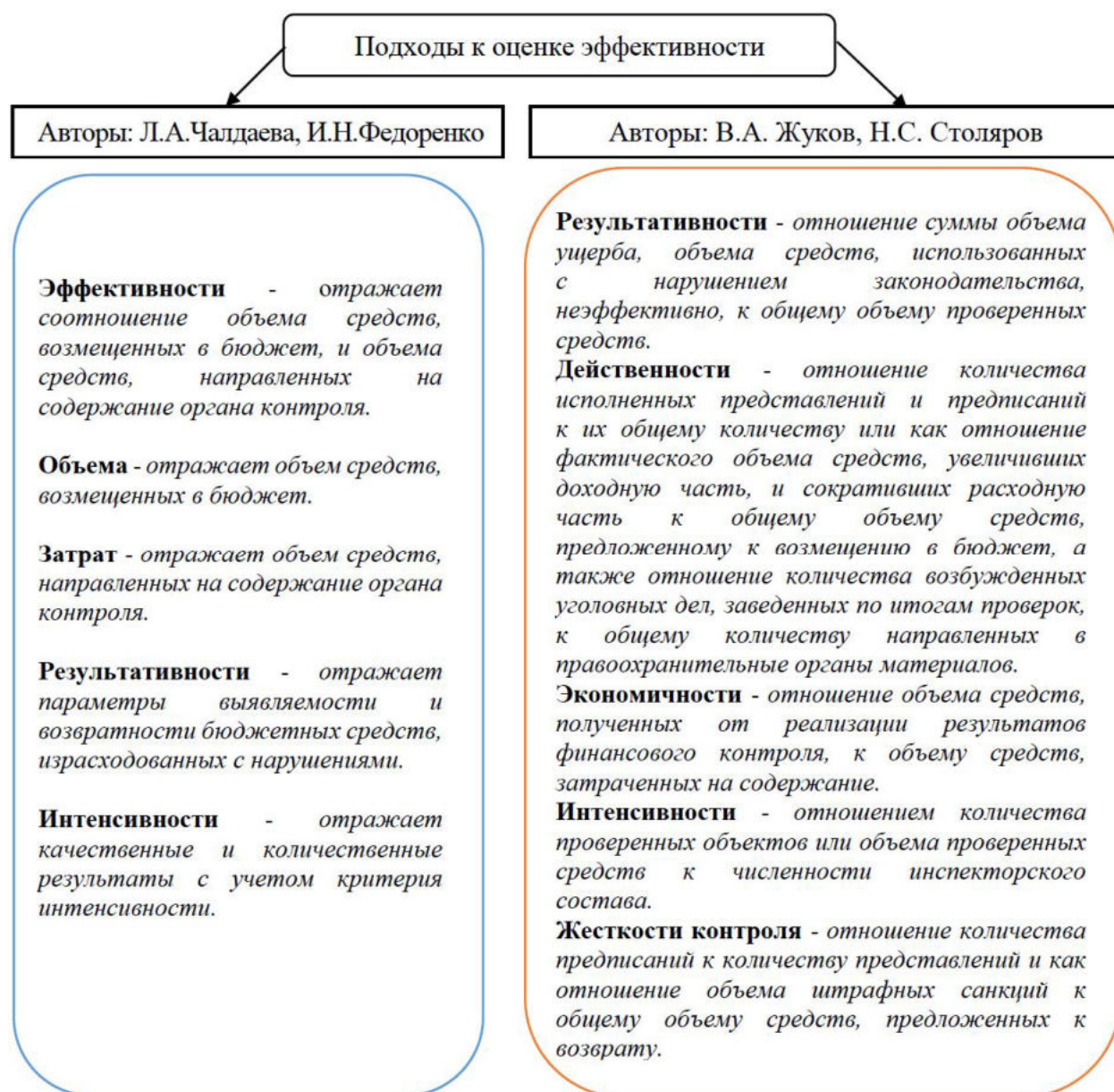

Рис. 2. Основные методические подходы к разработке показателей для оценки параметров деятельности финансового контроля [10; 11]

В-пятых, не все нарушения имеют стоимостную оценку (несоблюдение порядка составления и ведения сводной бюджетной росписи и др), соответственно, возмещать в бюджет будет нечего, но выявление нарушений, не имеющих стоимостной оценки, является очень важным для бюджетного процесса, так как оказы-

вает положительное воздействие на исполнительскую дисциплину.

Кроме того, критерий интенсивности, предложенный В. А. Жуковым и Н. С. Столяровым, нельзя назвать объективным, например, Контрольно-счетная палата проводит экспертизу исполнения закона о бюджете за 2021 г. три раза в те-

кущем году с учетом объема средств на плановый период 2022 и 2023 гг., один раз экспертизу исполнения бюджета за предшествующий 2020 г. и экспертизу законопроекта о бюджете на 2022 г. и плановый период 2023 и 2024 гг. Таким образом, общий объем проверенных средств может превышать размер годового бюджета в несколько раз и не будет отражать реальную картину.

КСО являются более стратегическими органами, чем контрольными, только 3 из 12 полномочий определены как контрольные. Остальные полномочия устанавливают проведение анализа бюджетного процесса, экономической и финансовой экспертиз законопроектов, оценки эффективности предоставления налоговых и иных льгот, бюджетных кредитов, внешней проверки годового отчета об исполнении бюджета и др.

Для более объективного определения эффективности деятельности КСО авторами разработаны следующие критерии в разрезе мероприятий, проводимых контрольными органами в соответствии с наделёнными полномочиями:

1. Критерии показателей эффективности реализации контрольных мероприятий – к данной группе считаем необходимым отнести все контрольные мероприятия, установленные планом работы. Обязательные условия контрольных мероприятий, относящихся к данной группе, – это выход инспекторов на объекты контроля и проверка первичных документов. Именно выход на объект контроля позволяет отличить некоторые контрольные мероприятия от внешних проверок. В плане деятельности КСО Курской области на 2021 г. внешние проверки годовых отчетов об исполнении бюджетов муниципальных образований региона с высокой дотационностью определены как контрольные мероприятия, при этом задачи, решаемые КСО в ходе контрольных мероприятий и внешних проверок, различны [13].

2. Критерии показателей эффективности экспертно-аналитических мероприятий (далее – ЭАМ) – к данной группе считаем возможным отнести мониторинг региональных проектов, анализ состояния долговой нагрузки, целесообразность и эффективность государственных (региональных) программ, внешние проверки годовых отчетов об исполнении бюджетов муниципальных образований региона с высокой дотационностью, то есть все мероприятия, целью которых является выявление проблемных мест в отдельных экономических сферах деятельности при исполнении бюджета.

3. Критерии показателей эффективности аудита государственных закупок – считаем возможным выделить данную группу обособленно от других, так как полномочие по обязательному проведению аудита в сфере закупок закреплено за КСО законом 44-ФЗ. К данной группе относим проведение проверок, анализа и оценки информации о законности, целесообразности, своевременности, эффективности и результативности затрат на закупки при планировании, заключении и исполнении контрактов.

4. Критерии показателей эффективности подготовки заключений на законопроекты – включают в себя подготовку законопроектов, принимаемых региональным законодательным органом (закон о бюджете, о внесении изменений в закон о бюджете, об исполнении бюджета и иные законы).

5. Критерии показателей эффективности обеспечения деятельности КСО – относим в группу нормативное, материальное и техническое обеспечение, проведение обучающих мероприятий, повышение квалификации сотрудников.

Авторами разработана система индикаторов для каждого отдельного критерия, на основе которых будет дана балльно-рейтинговая оценка эффективности деятельности КСО. В таблице 1 представлена система индикаторов.

Таблица 1. Индикаторы оценки эффективности деятельности контрольно-счетных органов, балл

Критерии	Индикаторы (показатели)	Выполнено	Не выполнено
Критерии показателей эффективности реализации контрольных мероприятий (максимальное количество – 10 баллов)	Отношение количества проведённых контрольных мероприятий к общему количеству, установленных планом работы	1	0
	Общий объем проверенных средств в ходе контрольных мероприятий составляет не менее 10 % от общего объёма средств, предусмотренных законом о бюджете	1	0
	Отсутствие письменных, обоснованных разногласий от объекта контроля	1	0
	Не менее 3 контрольных мероприятия в год на каждого инспектора, осуществляющего контрольные мероприятия	1	0
	Отношение объема выявленных неправомерно предоставленных средств к объему возмещенных в бюджет	1	0
	Отношение количества исполненных представлений и предписаний к общему количеству направленных в адрес объектов контроля	1	0
	Отношение количества лиц, привлеченных к дисциплинарной ответственности, к общему количеству лиц, на которых направлены материалы их работодателю (руководителю)	1	0
	Отношение количества лиц, привлеченных к уголовной и административной ответственности, к общему количеству лиц, на которых направлены материалы в правоохранительные органы	1	0
	Отсутствие отменённых судами актов контрольного органа в отношении объектов контроля	1	0
Критерии показателей эффективности ЭАМ (максимальное количество – 10 баллов)	Проведение контрольных мероприятий в установленные сроки без их увеличения	1	0
	Отношение количества проведённых ЭАМ к общему количеству, установленных планом работы	1	0
	Проведение ЭАМ, направленных на оценку экономического потенциала региона	1	0
	Проведение ЭАМ, направленных на разработку мер повышения доходов и снижения долговой нагрузки	1	0
	Проведение мониторинга региональных проектов	1	0
	Проведение внешних проверок годовых отчетов об исполнении бюджетов высокодотационных муниципальных образований региона	1	0
	Отношение количества исполненных представлений и предписаний к общему количеству направленных в адрес объектов контроля	1	0
	Проведение не менее 50 % от общего количества ЭАМ, направленных на оценку социально-экономических сфер	1	0
	Отношение количества реализованных органами государственной власти предложений по результатам оценки социально-экономического состояния региона к общему количеству направленных предложений	1	0

Окончание табл. 1

Критерии	Индикаторы (показатели)	Выполнено	Не выполнено
	Не менее 3 объектов контроля ЭАМ в год на каждого инспектора, осуществляющего контрольные мероприятия	1	0
	Проведение ЭАМ в установленные сроки без их увеличения	1	0
Критерии показателей эффективности аудита государственных закупок (максимальное количество – 5 баллов)	Общий объем проверенных средств, предусмотренный на осуществление закупок объектом контроля, в ходе проведения аудита составляет не менее 80 % от общего объема средств	1	0
	Количество проверенных контрактов на стадии исполнения не менее 40 % от общего числа контрактов	1	0
	Количество проверенных исполненных контрактов не менее 60 % от общего числа контрактов	1	0
	Отношение количества лиц, привлеченных к административной ответственности, к общему количеству лиц, на которых направлены материалы в ФАС и иные органы, наделённые полномочиями по привлечению к административной ответственности	1	0
	Отношение количества лиц, привлеченных к дисциплинарной ответственности, к общему количеству лиц, на которых направлены материалы их работодателю (руководителю)	1	0
Критерии показателей эффективности подготовки заключений на законопроект (максимальное количество – 5 баллов)	Выполнение всех установленных законодательством и соответствующими стандартами процедур подготовки, проведения и оформления заключений на проекты законов	1	0
	Подготовка заключения на проекты бюджета и на отчёт об исполнении бюджета	1	0
	Отношение количества предложений, принятых к рассмотрению, к общему количеству отраженных в заключениях	1	0
	Подготовка аналитических справок на заседание комитетов законодательного органа региона	1	0
	Участие в рабочих группах при рассмотрении проектов законов	1	0
Критерии показателей эффективности обеспечения деятельности КСО (максимальное количество – 5 баллов)	Количество оборудованных рабочих мест соответствует количеству сотрудников	1	0
	Наличие 100 %-ных аттестованных рабочих мест	1	0
	Проведение специализированных образовательных семинаров для 100 %-го инспекторского состава	1	0
	Повышение квалификации не менее чем для 30 % сотрудников один раз в год	1	0
	Отсутствие коррупционных факторов и привлечения сотрудников к уголовной, административной и дисциплинарной ответственности	1	0

Предложенные вышеуказанные критерии имеют как количественную, так и качественную оценку.

Объем проверенных средств не менее 10 % от общего объема средств, предусмотренный законом о бюджете,

выбран не случайно. Например, при бюджете региона на год в размере 80,0 млрд руб. необходимо провести проверку в отношении не менее 8,0 млрд руб., которая будет включать в себя не только проверку направления и расходования средств, но и полную проверку первичной документации, бухгалтерской отчетности, а также и контрольных обмеров строительных и ремонтных работ.

Объем проверенных средств в ходе проведения аудита составляет не менее 80% от общего объема средств, предусмотренного на осуществление закупок объектом контроля, и установлен для большего охвата сферы закупок и выявления более слабых точек в действующем законодательстве, регулирующем закупки.

Стандартом внешнего государственного финансового контроля установлено, что численность участников контрольного мероприятия на объекте должна быть не менее двух человек [14]. Таким образом, если на двух сотрудников будет приходиться одна проверка в два месяца с учетом выполняемых полномочий данными сотрудниками по проведению ЭАМ, подготовке заключений на законопроекты, прохождению обучающих семинаров, курсов повышения квалификации и т. д., то на одного сотрудника приходится одна проверка в один месяц, что, по нашему мнению, является оптимальным временем для тщательного проведения контроля первичной документации на объекте контроля. В соответствии с вышеизложенным расчетом установлено количество трех контрольных мероприятий на одного инспектора. Данный количественный показатель позволяет определить минимальную нагрузку на каждого сотрудника.

С целью исключения затягивания времени проведения мероприятий, а также для определения качества планирования предложен качественный показатель «Проведение контрольных мероприятий в установленные сроки без их увеличе-

ния». Учитывая то, что в обязанности КСО входит обязательное проведение ЭАМ по мониторингу региональных проектов и внешних проверок отчетов об исполнении бюджетов муниципальных образований региона с высокой дотационностью, показатель «Проведение не менее 50 % от общего количества ЭАМ, направленных на оценку социально-экономических сфер» установлен с целью ведения стратегической работы выявления слабых мест в социально-экономических сферах региона.

Показатель «Отношение количества реализованных органами государственной власти предложений по результатам оценки социально-экономического состояния региона к общему количеству направленных предложений» является прямым продолжением предыдущего показателя, предложен с идеей не превращать предложения ради самих предложений, а относиться к подготовке предложений с особой тщательностью. Проведение аттестации рабочих мест закреплено законодательно, поэтому установлен показатель «Наличие 100 % аттестованных рабочих мест», только при наличии созданных хороших условий работы можно ожидать качественного выполнения обязанностей от сотрудников.

Еще один важный показатель – «Проведение специализированных образовательных семинаров для 100 % инспекторского состава». Ежегодно подходы и методы выявления тех или иных нарушений меняются, чтобы идти в ногу со временем, есть необходимость обучаться новым методикам, освоение которых позволит с наименьшими затратами проводить более качественные проверки.

Методика расчета коэффициента эффективности на основе предложенных показателей определяется по формуле

$$KEf = \frac{(\sum P_o - P_{o_n})}{\sum P_o},$$

где KEf – коэффициент эффективности;

$\sum P_o$ – общее количество установленных показателей;

P_{o_n} – количество невыполненных показателей.

Вышеуказанная формула предназначена не только для расчета коэффициента общей эффективности деятельности, но и для расчета коэффициента эффективности отдельного критерия, что позволяет

выявить слабые места в деятельности КСО. Вместе с тем список показателей не является исчерпывающим, при закреплении новых полномочий за органами внешнего финансового контроля список показателей может дополняться.

После расчета коэффициента определение уровня эффективности деятельности осуществляется по таблице 2.

Таблица 2. Градация уровней эффективности деятельности контрольно-счетных органов

Значение коэффициента	Уровень эффективности деятельности
$Kef = 1$	Высокий
$1 > Kef \geq 0,8$	Стабильный
$0,8 > Kef \geq 0,6$	Средний
$0,6 > Kef \geq 0,5$	Низкий
$0,5 > Kef$	Неэффективный

Выводы

Предложенный балльно-рейтинговый подход к оценке эффективности работы органов контроля имеет ряд преимуществ перед предложенными авторами: Л. А. Чалдаевой, И. Н. Федоренко и В. А. Жуковым, Н. С. Столяровым. Критерии эффективности, разработанные авторами, основываются на установленных полномочиях. Их оценка объективно отражает информацию о качестве реализации полномочий и позволяет определить динамику реализации полномочий.

Балльно-рейтинговый подход обеспечивает прозрачность, так как данные для оценки предложенных показателей отражаются в ежегодных отчетах о деятельности КСО, которые являются информацией для открытого доступа, позволяет применить различные виды и формы текущего и промежуточного контроля выполнения показателей. Кроме

того, в отличие от других методик устанавливает показатели для оценки деятельности не только инспекторского состава КСО, но и лиц, обеспечивающих работу внутри органа контроля.

Предложенная методика является универсальной для органов внешнего финансового контроля и не требует дополнительных финансовых затрат. Применение данной методики возможно для всех контрольно-счетных органов, без учета различия количественного инспекторского состава и объемов бюджетов регионов, в которых осуществляется деятельность КСО. Методика определения уровня эффективности деятельности КСО подходит как для внутреннего пользования органом финансового контроля для определения оценки своей деятельности, так и для законодательного органа государственной власти субъекта РФ, которому подотчетен КСО.

Список литературы

1. Вертакова Ю. В. Использование сетевого подхода для обеспечения устойчивости развития предпринимательских структур в условиях экономического кризиса // Инновационный Вестник Регион. 2009. № 2. С. 36-43.

2. Кулагина Н. А., Чепикова Е. М., Михеенко О. В. Инновационное управление развитием региональной экономики на основе цифровых коммуникаций (по материалам Брянской области) // Российский экономический интернет-журнал. 2018. № 4. С. 63.
3. Курбанов А. Х., Плотников В. А. Направления развития институционального регулирования государственных закупок // Известия Юго-Западного государственного университета. 2011. № 2 (35). С. 22-30.
4. Мальцева И. Ф., Крыжановская О. А., Ларионов Г. В. Обоснование механизма реализации государственной экономической политики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. № 4 (21). С. 24-31.
5. Об осуществлении мер по реализации государственной политики в сфере оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ и признании утратившими силу некоторых актов Правительства РФ: Постановление Правительства РФ от 19 апреля 2018 г. № 472 // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2018. № 18, ст. 2625.
6. Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов РФ и деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ: Указ Президента РФ от 25.04.2019 г. № 193 // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2019. № 17, ст. 2078.
7. Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов РФ и деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ: Указ Президента РФ от 4 апреля 2021 г. № 68 // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2021. № 6, ст. 966.
8. Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов РФ и муниципальных образований: федеральный закон от 07.02.2011 г. № 6-ФЗ: [принят Государственной думой Федерального собрания РФ 28 января 2011 г.: одобрен Советом Федерации Федерального собрания РФ 2 февраля 2011 г.] // Российская газета. 2011. 11 марта.
9. Отчеты о работе Контрольно-счетной палаты Брянской области за 2017, 2018, 2019 годы. URL: <https://kspbo.ru/deyatelnost/otchety-o-deyatelnosti> (дата обращения: 11.03.2021).
10. Чалдаева Л. А., Федоренко И. Н. Государственный финансовый контроль на региональном уровне: индикативный подход // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 6. С. 4-13.
11. Жуков В. А., Столяров Н. С. Методические основы аудита эффективности использования бюджетных средств и государственной собственности. URL: <http://ksp25.ru/files/001.doc> (дата обращения: 22.02.2021).
12. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ: [принят Государственной думой Федерального собрания РФ 22 марта 2013 г.: одобрен Советом Федерации Федерального собрания РФ 27 марта 2013 г.] // Российская газета. 2013. 12 апреля.
13. План деятельности Контрольно-счетной палаты Курской области на 2021 год. URL: <http://ksp46.ru/work/arrangements/> (дата обращения: 03.03.2021).
14. СВГФК 51 «Общие правила проведения контрольного мероприятия». URL: <http://www.kspbo.ru>doc/СВГФК 51.pdf> (дата обращения: 10.03.2021).

References

1. Vertakova Yu. V. Ispol'zovanie setevogo podkhoda dlya obespecheniya ustoichivosti razvitiya predprinimatel'skikh struktur v usloviyakh ekonomicheskogo krizisa [The use of a network approach to ensure the sustainability of the development of entrepreneurial structures in the context of the economic crisis]. *Innovatsionnyi Vestnik Region = Innovative Herald Region*, 2009, no. 2, pp. 36-43.
2. Kulagina N. A., Chepikova E. M., Mikheenko O. V. Innovatsionnoe upravlenie razvitiem regional'noi ekonomiki na osnove tsifrovyykh kommunikatsii (po materialam Bryanskoi oblasti) [Innovative management of the development of the regional economy based on digital communications (based on the materials of the Bryansk region)]. *Rossiiskii ekonomicheskii internet-zhurnal = Russian Economic Internet Journal*, 2018, no. 4, p. 63.

3. Kurbanov A. Kh., Plotnikov V. A. Napravleniya razvitiya institutsional'nogo regulirovaniya gosudarstvennykh zakupok [Directions of development of institutional regulation of public procurement]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Southwest State University*, 2011, no. 2 (35), pp. 22-30.

4. Maltseva I. F., Kryzhanovskaya O. A., Larionov G. V. Obosnovanie mekhanizma realizatsii gosudarstvennoi ekonomicheskoi politiki [Substantiation of the mechanism for the implementation of state economic policy]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2016, no. 4 (21), pp. 24-31.

5. Ob osushchestvlenii mer po realizatsii gosudarstvennoi politiki v sfere otsenki effektivnosti deyatelnosti organov ispolnitel'noi vlasti sub"ektov RF i priznanii utrativshimi silu nekotorykh aktov Pravitel'stva RF [On the implementation of measures for the implementation of state policy in the field of evaluating the effectiveness of the executive authorities of the subjects of the Russian Federation and the recognition as invalid of certain acts of the Government of the Russian Federation]. RF Resolution of the Government of April 19, 2018 № 472. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii = Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2018, no. 18, art. 2625.

6. Ob otsenke effektivnosti deyatelnosti vysshikh dolzhnostnykh lits (rukovoditelei vysshikh ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoi vlasti) sub"ektov RF i deyatelnosti organov ispolnitel'noi vlasti sub"ektov RF [On the assessment of the effectiveness of the activities of senior officials (heads of the highest executive bodies of state power) of the subjects of the Russian Federation and the activities of executive bodies of the subjects of the Russian Federation]. RF Decree of the President of April 25, 2019 № 193. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii = Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2019, no. 17, art. 2078.

7. Ob otsenke effektivnosti deyatelnosti vysshikh dolzhnostnykh lits (rukovoditelei vysshikh ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoi vlasti) sub"ektov RF i deyatelnosti organov ispolnitel'noi vlasti sub"ektov RF [On the evaluation of the effectiveness of the activities of the highest officials (heads of the highest executive bodies of state power) of the subjects of the Russian Federation and the activities of the executive bodies of the subjects of the Russian Federation]. RF Decree of the President of April 4, 2021 № 68. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii = Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2021, no. 6, art. 966.

8. Ob obshchikh printsipakh organizatsii i deyatelnosti kontrol'no-schetnykh organov sub"ektov RF i munitsipal'nykh obrazovaniy [On the general principles of the organization and activity of the control and accounting bodies of the subjects of the Russian Federation and municipalities]. RF Federal Law of February 07, 2011 № 6. *Rossiyskaya gazeta = Rossiyskaya Gazeta*, 2011, March 11.

9. Otchety o rabote Kontrol'no-schetnoi palaty Bryanskoi oblasti za 2017, 2018, 2019 gody [Reports on the work of the Control and Accounting Chamber of the Bryansk region for 2017, 2018, 2019]. Available at: <https://kspbo.ru/deyatelnost/otchety-o-deyatelnosti>. (accessed 11.03.2021)

10. Chaldaeva L. A., Fedorenko I. N. Gosudarstvennyi finansovyi kontrol' na regional'nom urovne: indikativnyi podkhod [State financial control at the regional level: an indicative approach]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional Economy: Theory and Practice*, 2016, no. 6, pp. 4-13.

11. Zhukov V. A., Stolyarov N. S. Metodicheskie osnovy audita effektivnosti ispol'zovaniya byudzhetykh sredstv i gosudarstvennoi sobstvennosti [Methodological bases of audit of efficiency of use of budgetary funds and state property]. Available at: <http://ksp25.ru/files/001.doc>. (accessed 22.02.2021)

12. O kontraktnoi sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd [On the contract system in the field of procurement of goods, works, and services for state and municipal needs]. RF Federal Law of April 05, 2013 № 44. *Rossiyskaya gazeta = Rossiyskaya Gazeta*, 2013, April 12.

13. Plan deyatelnosti Kontrol'no-schetnoi palaty Kurskoi oblasti na 2021 god [The activity plan of the Control and Accounting Chamber of the Kursk Region for 2021]. Available at: <http://ksp46.ru/work/arrangements/>. (accessed 03.03.2021)

14. SVGFK 51 "Obshchie pravila provedeniya kontrol'nogo meropriyatiya" [SVGFC 51 "General Rules for conducting a control event"]. Available at: [http://www.kspbo.ru>doc/CBGFK 51.pdf](http://www.kspbo.ru>doc/CBGFK_51.pdf). (accessed 10.03.2021)

Информация об авторах / Information about the Authors

Кулагина Наталья Александровна, доктор экономических наук, профессор, директор инженерно-экономического института, профессор кафедры государственного управления, экономической и информационной безопасности, Брянский государственный инженерно-технологический университет, г. Брянск, Российская Федерация, e-mail: kulaginana2013@yandex.ru, ORCID: 57207979501, Spin-код: 8555-4812

Плотников Виталий Анатольевич, аспирант кафедры государственного управления, экономической и информационной безопасности, Брянский государственный инженерно-технологический университет, г. Брянск, Российская Федерация, e-mail: v.a.plotnikov01@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8803-8078, Spin-код: 8119-9976

Natalia A. Kulagina, Doctor of the Economic Sciences, Professor, Director of the Institute of Engineering and Economics, Professor of the Department of Public Administration, Economic and Information Security, Bryansk State University of Engineering and Technology, Bryansk, Russian Federation, e-mail: kulaginana2013@yandex.ru, ORCID: 57207979501, Spin code: 8555-4812

Vitaly A. Plotnikov, Post-Graduate Student of the Department of Public Administration, Economic and Information Security, Bryansk State University of Engineering and Technology, Bryansk, Russian Federation, e-mail: v.a.plotnikov01@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8803-8078, Spin code: 8119-9976

УДК 332.05

Оценка доли малых инновационных предприятий в российских регионах

Ю. С. Пиньковецкая¹ ✉

¹ Ульяновский государственный университет
ул. Л. Толстого 42, г. Ульяновск 432000, Российская Федерация

✉ e-mail: judy54@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В настоящее время решается задача повышения инновационной активности малых предприятий в нашей стране. К инновациям относятся как выпуск новой или усовершенствованной продукции (товаров и услуг), которая существенно отличается от производимой ранее продукции, так и внедрение в предприятиях новых или более совершенных процессов производства, существенно отличающихся от тех, которые применялись ранее. Одной из главных целей государственных и муниципальных структур управления выступает обоснование и осуществление мер по привлечению к инновационной деятельности малых предприятий. Поэтому проблема изучения сложившегося уровня инновационной активности предприятий представляется в настоящее время актуальной.

Цель – оценка уровней использования инноваций на основе учета удельного веса предприятий, связанных с инновациями, в общем количестве малых предприятий, функционирующих в регионах России.

Задачи исследования заключались в построении функций нормального распределения, описывающих доли предприятий, связанных с инновациями по регионам.

Методология. В процессе исследования использовалось экономико-математическое моделирование на основе построения функций, описывающих плотность нормального распределения. В основе моделирования лежали официальные статистические данные за 2015, 2017 и 2019 годы по предприятиям, расположенным в регионах.

Результаты. Были исследованы показатели, описывающие удельные веса количества предприятий, связанных с инновациями, в общем количестве малых предприятий по регионам. Определены средние значения показателей, а также диапазоны, в которых находятся показатели для большинства регионов.

Выводы. Научная новизна и оригинальность проведенной работы включают следующие положения: инновационная активность малых предприятий была оценена с применением экономико-математических моделей; показано, что почти каждое двадцатое малое предприятие в России проявляло за рассматриваемый период определенную инновационную активность; показано, что значения удельных весов предприятий, связанных с инновациями, в общем количестве малых предприятий были существенно дифференцированы по регионам; выявлены регионы с максимальными и минимальными значениями удельных весов малых инновационных предприятий.

Ключевые слова: инновации; малые инновационные предприятия; регионы России; функции нормального распределения; оценка использования инноваций.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Пиньковецкая Ю. С. Оценка доли малых инновационных предприятий в российских регионах // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 3. С. 91–99.

Поступила в редакцию 15.03.2021

Принята к публикации 12.04.2021

Опубликована 30.06.2021

Assessment of the Share of Small Innovative Enterprises in Russian Regions

Yuliia S. Pinkovetskaia¹ ✉

¹ Ulyanovsk State University
42 L. Tolstogo str., Ulyanovsk 432000, Russian Federation

✉ e-mail: judy54@yandex.ru

Abstract

Relevance. Currently, the task of increasing the innovative activity of small enterprises in our country is being solved. Innovations include both the production of new or improved products (goods and services) that are significantly different from previously produced products, and the introduction of new or more advanced production processes in enterprises that are significantly different from those that were previously used. One of the main goals of public administration bodies is the development and implementation of measures that ensure effectiveness in the policy of expected field development of innovative activities of enterprises. Therefore, the problem of studying the current level of innovative activity of enterprises is currently relevant.

The purpose is assessment of the levels of innovation use based on accounting for the share of enterprises associated with innovation in the total number of small enterprises operating in the regions of Russia.

Objectives of the study were to construct normal distribution functions that describe the shares of enterprises associated with innovation by region.

Methodology. In the course of the study, economic and mathematical modeling was used based on the construction of functions describing the density of the normal distribution. The simulation was based on official statistics for 2015, 2017 and 2019 for enterprises located in the regions.

Results. Indicators describing the specific weights of the number of enterprises associated with innovation in the total number of small enterprises by region were studied. The average values of indicators, as well as the ranges of changes in indicators for most regions of Russia, are determined.

Conclusions. The findings of the research containing the scientific novelty and originality, are the following: it is proposed to use economic and mathematical models to evaluate the values of indicators that characterize the innovative activity of small enterprises; it is shown that almost every twentieth small enterprise in Russia showed a certain innovative activity during the period under review; it is shown that the values of the specific weights of small innovative enterprises in the total number of small enterprises was significantly differentiated by region; regions with the maximum and minimum values of the specific weights of small innovative enterprises were identified. The obtained research results have a certain theoretical and applied significance.

Keywords: innovations; small innovative enterprises; regions of Russia; functions of normal distribution; assessment of the use of innovations.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Pinkovetskaia Iu. S. Assessment of the Share of Small Innovative Enterprises in Russian Regions. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(3): 91–99. (In Russ.)

Received 15.03.2021

Accepted 12.04.2021

Published 30.06.2021

Введение

В России сформировались высокие ожидания роста инноваций в деятельности предприятий, в том числе малых. За счет внедрения инноваций предполагается как переход к производству новых товаров и услуг, так и освоение более эффективных технологических процессов и методов дея-

тельности предприятий. Так, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» предусматривается увеличение количества предприятий, внедривших технологические инновации, до 50% от их общего числа. Именно поэтому

проблема повышения инновационной активности представляется актуальной в современных экономических научных исследованиях. При этом представляется логичным развитие инноваций во всех регионах нашей страны.

Проблеме инновационной активности предприятий в России посвящен ряд научных публикаций. Рассмотрим наиболее интересные из них, которые были опубликованы в 2019-2020 гг. Краткая характеристика этих публикаций приведена в таблице 1.

Таблица 1. Научные публикации по инновационной активности предприятий

Авторы	Изучаемые проблемы	Период, годы	Объекты инноваций	Тип показателей
Петриков, 2019 [1]	Анализ направлений инновационной активности, приоритетных для отдельных регионов	2016-2017	Регионы Центрального федерального округа	Индексы
Подсолонко и др., 2019 [2]	Анализ трансфера инновационных технологий по видам экономической деятельности	2010-2016	Россия	Индексы
Архипова и др., 2019 [3]	Оценка объема произведенных инновационных товаров и оказанных услуг выполненными работ малым бизнесом	2016	Регионы России	Абсолютные
Журавлев, 2020 [4]	Оценка степени готовности регионального экономического комплекса к инновациям на основе регрессионного анализа	2007-2017	Регионы Центрального и Северо-Западного федеральных округов	Абсолютные
Белемаева и Калимуллин, 2020 [5]	Возрастание рыночной капитализации компании, в которой регулярно осуществлялись инновации	2001-2012	Одна компания	Абсолютные
Депутатова и Перельман, 2020 [6]	Анализ инновационных технологий и методов, обеспечивающих привлечение покупателей	2015-2018	Сектор торговли в России	Абсолютные
Ежов, 2020 [7]	Динамика изменения инновационной активности. Участие бизнеса в научных разработках. Барьеры, препятствующие развитию инноваций	2014-2018	Россия	Абсолютные, удельные
Кудрявцева, 2020 [8]	Институциональные аспекты государственной поддержки инноваций в производственных технологиях	2012-2015	Россия и зарубежные страны	Индексы
Липовка и Арнаутова, 2020 [9]	Инновационное развитие на основе информационных технологий	2015-2018	Гипермаркет	Абсолютные
Смирнова, 2020 [10]	Динамика изменения доли инновационных предприятий. Факторы, снижающие эффективность внедрения инноваций	2000-2014	Россия	Удельные

Примечание. Таблица 1 составлена автором на основе информации, приведенной в РИНЦ.

Исходя из информации, приведенной в таблице 1, можно констатировать, что проблема исследования региональной

инновационной активности является актуальной в нашей стране. Однако до настоящего времени сравнительному

анализу деятельности малых предприятий, осуществлявших технологические инновации по регионам страны, не уделялось необходимого внимания в научных публикациях. В тех же работах, где такой анализ имелся, сравнивались, как правило, абсолютные значения инновационной деятельности, что не всегда логично, поскольку регионы существенно отличаются по количеству субъектов экономической деятельности, численности населения, размерам и расположению. Учитывая это, представляется целесообразным проведение анализа региональной инновационной активности предприятий на основании оценки удельных показателей.

Цель исследования – оценка уровней использования инноваций на основе учета удельного веса предприятий, связанных с инновациями, в общем количестве малых предприятий, функционирующих в регионах России.

Материалы и методы

На сегодняшний день теоретические аспекты инновационной деятельности предприятий подробно представлены в документе [11]. При этом под инновациями понимаются как выпуск новой или усовершенствованной продукции (товаров и услуг), которые существенно отличаются от производимой ранее продукции, так и внедрение в предприятиях новых или более совершенных процессов производства, существенно отличающихся от тех, которые применялись ранее. Соответственно инновации могут быть двух видов. Первый вид инноваций включает более совершенные товары и услуги, а второй вид связан с изменениями в производственных процессах. Оба эти вида инноваций рассматривались в нашей статье. К инновациям, направленным на разработку новых или модернизацию сложившихся процессов производства, относятся следующие их подвиды:

- изменение технологий производства и создания новой продукции (товаров и услуг) в различных отраслях;

- изменение логистических, транспортных, распределительных операций, связанных со снабжением малых предприятий и реализацией готовой продукции;

- совершенствование технологии и организации информационных процессов;

- использование более эффективных методов ведения производственной деятельности, управления ею, включая вопросы учета и контроля;

- развитие взаимодействия предприятий с внешней средой;

- повышение эффективности кадровой политики;

- совершенствование методов и форм маркетинга и ценообразования.

Исследование включало три этапа. Первый этап был связан с формированием исходных эмпирических данных, описывающих удельные веса предприятий, связанных с инновациями, в общем количестве малых предприятий, функционирующих в регионах России. На втором этапе оценивалось распределение значений удельных инноваций по регионам страны. Третий этап заключался в сравнительном анализе, который позволил выявить такие регионы страны, которые характеризовались наименьшими и наибольшими значениями удельных инноваций.

В основе моделирования лежали официальные статистические данные за 2015, 2017 и 2019 годы по предприятиям, расположенным в 82 регионах России [12].

Для экономико-математического моделирования, используемого для оценки распределения значений удельных инноваций по регионам страны, применялась функция нормального распределения. В статье автора [13] представлен методический подход к разработке и использованию такой функции для расчета как средних значений показателей в рассматриваемых регионах, так и диапазонов их вариации.

Проведенное исследование включало проверку трех следующих гипотез:

– гипотеза 1 – средние значения показателей, характеризующих удельный вес предприятий, связанных с инновациями, в общем количестве малых предприятий не претерпели существенных изменений за период с 2017 по 2019 гг.;

– гипотеза 2 – значения удельных весов предприятий, связанных с инновациями, в общем количестве малых предприятий имеют значительные различия по разным регионам;

– гипотеза 3 – географическое положение регионов существенно не влияет на значения удельных весов предприятий, связанных с инновациями, в общем количестве малых предприятий.

Результаты и их обсуждение

В процессе экономико-математического моделирования на основе эмпирических данных были построены функции плотности нормального распределения (y), описывающие доли инновационных малых предприятий (x , %) за рассматриваемые три года. Эти функции представлены ниже:

– доли инновационных малых предприятий, связанных с инновациями, в общем количестве малых предприятий по регионам в 2015 г. (%):

$$y_1(x_1) = \frac{206,29}{3,01 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_1-4,54)^2}{2 \cdot 3,01^2 \cdot 3,01}}; \quad (1)$$

– доли инновационных предприятий, связанных с инновациями, в общем количестве малых предприятий по регионам в 2017 г. (%):

$$y_2(x_2) = \frac{206,28}{2,69 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_2-4,88)^2}{2 \cdot 2,69^2 \cdot 2,69}}; \quad (2)$$

– доли инновационных предприятий, связанных с инновациями, в общем количестве малых предприятий по регионам в 2019 г. (%):

$$y_3(x_3) = \frac{152,09}{2,77 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_3-5,50)^2}{2 \cdot 2,77^2 \cdot 2,77}}. \quad (3)$$

Проверка качества функций (1)-(3) на основе критериев Шапиро-Вилка, Пирсона и Колмогорова-Смирнова показала, что все эти функции хорошо аппроксимируют эмпирические данные.

Построенные функции позволили определить значения показателей, описывающие инновационную активность по малым предприятиям, расположенным в 82 субъектах страны. Эти показатели сведены в таблицу 2. В ее втором столбце представлены средние по этим субъектам значения. Диапазоны, в которых находятся значения показателей по большинству стран, продемонстрированы в третьем столбце (табл. 2).

Таблица 2. Значения показателей удельного веса инновационных малых предприятий

Наименование показателя	Средние величины	Значения по большинству регионов
Доли инновационных малых предприятий, связанных с инновациями, в общем количестве малых предприятий по регионам в 2015 г.	4,54	1,53-7,55
Доли инновационных предприятий, связанных с инновациями, в общем количестве малых предприятий по регионам в 2017 г.	4,88	2,19-7,57
Доли инновационных предприятий, связанных с инновациями, в общем количестве малых предприятий по регионам в 2019 г.	5,50	2,73-8,27

Примечание. Вычислено автором с использованием функций (1)-(3).

Данные таблицы 2 демонстрируют, что средние значения доли инновационных малых предприятий, связанных с ин-

новациями, в общем количестве малых предприятий, ведущих деятельность в регионах, находились в 2015-2019 гг. в

интервале от 4,54% до 5,50%, т. е. в среднем по рассматриваемым регионам только каждое пятое малое предприятие участвовало в инновационной деятельности. Необходимо отметить, что за указанный период существенных изменений как в средних величинах, так и в значениях, приведенных в столбце 3, не наблюдалось, т. е., первая гипотеза подтвердилась

Для проверки гипотезы 2 о дифференциации показателей по регионам был проведен анализ размаха вариации каждого из показателей, представленных в таблице 2. Индексы вариации по каждому из показателей приведены далее:

– доли инновационных малых предприятий, связанных с инновациями, в общем количестве малых предприятий по регионам в 2015 г. – 66%;

– доли инновационных предприятий, связанных с инновациями, в общем количестве малых предприятий по регионам в 2017 г. – 55%;

– доли инновационных предприятий, связанных с инновациями, в общем количестве малых предприятий по регионам в 2019 г. – 50%;

Значения индексов вариации показали наличие существенной дифференциации по регионам страны всех трех показателей. Следовательно, вторая гипотеза получила подтверждение.

На следующем этапе выявлялись регионы, в которых отмечались максимальные и минимальные значения каждого из показателей в 2019 г. При этом к максимальным и минимальным относятся значения, соответственно превышающие верхние границы диапазонов, продемонстрированных в третьем столбце таблицы 2, и меньшие нижних границ диапазонов. Итоги этого анализа приведены в таблице 3. Наряду с перечнями регионов в таблице 3 представлены также подразделения выявленных регионов по их географическому положению и удельные веса малых инновационных предприятий в регионах, которые приведены в скобках.

Таблица 3. Регионы с максимальными и минимальными значениями показателей

Наименование показателя	Максимальные значения	Минимальные значения
Доли инновационных предприятий, связанных с инновациями, в общем количестве малых предприятий по регионам в 2019 г.	Области: Курганская (8,5%), Воронежская (8,67%), Пензенская (8,87%), Вологодская (9,03%), Орловская (10,2%), Белгородская (10,53%), Липецкая (13,04%); республики: Марий Эл (9,35%), Крым (9,4%), Удмуртия (9,69%), Мордовия (10,17%); город Москва (11,03%); края: Красноярский (8,86%), Алтайский (13,2%). В Центральном федеральном округе расположены пять регионов, в Северо-Западном – один регион, в Приволжском – четыре региона, в Южном – один регион, в Сибирском – два региона	Области: Сахалинская (0,96%), Калининградская (1,57%), Амурская (2,27%), Тюменская (2,52%) и Тверская (2,65%); республики: Адыгея (1,41%), Карелия (1,59%), Северная Осетия (1,82%); края: Забайкальский (2,08%) и Ставропольский (2,18%). Расположены в Северо-Западном (два региона), Центральном (один регион), Северо-Кавказском (три региона), Сибирском (три региона), Уральском (один регион), Дальневосточном (три региона) федеральных округах

Примечание. Составлена автором с использованием данных таблицы 1 и официальной статистической информации [12].

В таблице 3 представлена информация по географическому положению регионов с максимальными (столбец 2) и

минимальными (столбец 3) значениями удельного веса малых инновационных предприятий в 2019 г. Итоги анализа,

приведенные в таблице 3, показали, что отсутствует связь между значениями показателей по регионам и их территориальным расположением не наблюдалось. Значит, третья гипотеза подтвердилась.

Необходимо отметить, что даже регионы с наибольшими удельными весами малых инновационных предприятий (город Москва, Липецкая область и Алтайский край) еще не достигли уровня, определенного в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204.

Выводы

Цель исследования, заключавшаяся в оценке уровней использования инноваций на основе учета удельного веса малых инновационных предприятий в общей численности малых предприятий по регионам России за 2015, 2017 и 2019 годы, была достигнута.

Итак:

1. Приведена методика оценки удельного веса предприятий, связанных с инновациями, в общем количестве малых предприятий по регионам России.

2. Проведено моделирование распределения показателей по данным за 2015, 2017, 2019 гг.

3. Доказано, что существенных изменений за рассмотренные годы значения удельного веса предприятий, связанных с

инновациями в общем количестве малых предприятий, не претерпели.

4. Показано, что почти каждое двадцатое малое предприятие в России проявляло за рассматриваемый период определенную инновационную активность.

5. Показано, что значения удельных весов предприятий, связанных с инновациями, в общем количестве малых предприятий были существенно дифференцированы по регионам.

6. Выявлены регионы с максимальными и минимальными значениями удельных весов предприятий, связанных с инновациями, в общем количестве малых предприятий.

7. Доказано отсутствие влияния территориального расположения регионов на минимальные и максимальные значения рассматриваемых показателей.

Итоги выполненной работы представляют научный интерес, поскольку могут применяться в методическом плане при проведении последующих исследований оценки удельного веса предприятий, связанных с инновациями, в общем количестве малых предприятий не только по регионам России, но и по муниципальным образованиям. Полученные новые знания представляют интерес и могут использоваться в образовательном процессе в университетах.

Список литературы

1. Петриков А. В. Особенности инновационного развития регионов Центрального федерального округа Российской Федерации // Экономика устойчивого развития. 2019. № 1 (37). С. 64-66.
2. Подсолонко В. А., Подсолонко Е. А., Слепокуров А. С. Управление инновациями и трансфером технологий для повышения эффективности экономики // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2019. № 2 (47). С. 136-151.
3. Архипова М. Ю., Сиротин В. П., Афонина В. Е. Моделирование инновационной активности малого и среднего бизнеса // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2019. № 5. С. 20-30.
4. Журавлев Д. М. Оценка технологической готовности региональной экономики к восприятию инноваций // Экономическое возрождение России. 2020. № 1 (63). С. 138-147.
5. Белемаева А. В., Калимуллин Д. М. Анализ значимости оценки инноваций в процессе увеличения капитализации предприятия // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 1-1 (59). С. 35-38.
6. Депутатова Е. Ю., Перельман М. А. Аспекты изучения потребительского поведения в условиях инноваций в ритейле // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 1-1 (59). С. 101-104.

7. Ежов А.Ю. Современные проблемы внедрения и управления инновациями в РФ // Инновации и инвестиции. 2020. № 2. С. 12-14.
8. Кудрявцева С. С. Технологическая готовность промышленности к открытым инновациям // Экономика в промышленности. 2020. Т. 13, № 1. С. 48-58.
9. Липовка Н. П., Арнаутова Е. А. Влияние инноваций на экономику предприятия // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: российский и зарубежный опыт. 2020. № 1 (26). С. 46-49.
10. Смирнова А. С. Инновации как основной инструмент повышения конкурентоспособности российских предпринимательских структур // Научно-практические исследования. 2020. № 1-3 (24). С. 237-243.
11. OECD/Eurostat, Oslo Manual 2018: Guidelines for Collecting, Reporting and Using Data on Innovation. 4th ed. Paris: OECD Publishing, 2018. 258 p.
12. Наука и инновации. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14477?print=1> (дата обращения: 15.02.2021).
13. Pinkovetskaia I., Slepova V. Estimation of Fixed Capital Investment in SMEs: the Existing Differentiation in the Russian Federation // Business Systems Research. 2018. N 9(1). P. 65-78.

References

1. Petrikov A. V. Osobennosti innovatsionnogo razvitiya regionov Tsentral'nogo federal'nogo okruga Rossiyskoy Federatsii [Features of innovative development of regions of the Central Federal District of the Russian Federation]. *Ekonomika ustoychivogo razvitiya = The Economy of Sustainable Development*, 2019, no. 1 (37), pp. 64-66.
2. Podsolonko V. A., Podsolonko Ye. A., Slepokurov A. S. Upravleniye innovatsiyami i transferom tekhnologiy dlya povysheniya effektivnosti ekonomiki [Management of innovations and technology transfer to improve the efficiency of the economy]. *Nauchnyy vestnik: finansy, banki, investitsii = Scientific Bulletin: Finance, Banks, Investments*, 2019, no. 2 (47), pp. 136-151.
3. Arkhipova M. Yu., Sirotin V. P., Afonina V. Ye. Modelirovaniye innovatsionnoy aktivnosti malogo i srednego biznesa [Modeling the innovation activity of small and medium-sized businesses]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii = Intelligence. Innovation. Investment*, 2019, no. 5, pp. 20-30.
4. Zhuravlev D. M. Otsenka tekhnologicheskoy gotovnosti regional'noy ekonomiki k vospriyatiyu innovatsiy [Assessment of the technological readiness of the regional economy for the perception of innovations]. *Ekonomicheskoye vrozhdeniye Rossii = Economic Revival of Russia*, 2020, no. 1 (63), pp. 138-147.
5. Belemayeva A. V., Kalimullin D. M. Analiz znachimosti otsenki innovatsiy v protsesse uvelicheniya kapitalizatsii predpriyatiya [Analysis of the importance of assessing innovations in the process of increasing the capitalization of an enterprise]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economics and Business: Theory and Practice*, 2020, no. 1-1 (59), pp. 35-38.
6. Deputatova Ye. Yu., Perel'man M. A. Aspekty izucheniya potrebitel'skogo povedeniya v usloviyakh innovatsiy v riteyle [Aspects of studying consumer behavior in the context of innovation in retail]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economics and Business: Theory and Practice*, 2020, no. 1-1 (59), pp. 101-104.
7. Yezhov A. Yu. Sovremennyye problemy vnedreniya i upravleniya innovatsiyami v RF [Modern problems of implementation and management of innovations in the Russian Federation]. *Innovatsii i investitsii = Innovation and Investment*, 2020, no. 2, pp. 12-14.
8. Kudryavtseva S. S. Tekhnologicheskaya gotovnost' promyshlennosti k otkrytym innovatsiyam [Technological readiness of industry for open innovation]. *Ekonomika v promyshlennosti = Economics in Industry*, 2020, vol. 13, no. 1, pp. 48-58.
9. Lipovka N. P., Arnautova Ye. A. Vliyaniye innovatsiy na ekonomiku predpriyatiya [Influence of innovations on the economy of the enterprise]. *Aktual'nyye problemy i perspektivy razvitiya ekonomiki: rossiyskiy i zarubezhnyy opyt = Actual Problems and Prospects of Economic Development: Russian and Foreign Experience*, 2020, no. 1 (26), pp. 46-49.

10. Smirnova A. S. Innovatsii kak osnovnoy instrument povysheniya konkurentosposobnosti rossiyskikh predprinimatel'skikh struktur [Innovation as the main tool for increasing the competitiveness of Russian entrepreneurial structures]. *Nauchno-prakticheskiye issledovaniya = Scientific and Practical Research*, 2020, no. 1-3 (24), pp. 237-243.
11. OECD/Eurostat, Oslo Manual 2018: Guidelines for Collecting, Reporting and Using Data on Innovation. 4th ed. Paris, OECD Publishing, 2018. 258 p.
12. Nauka i innovatsii [Science and innovations]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/14477?print=1>. (accessed 15.02.2021)
13. Pinkovetskaia I., Slepova V. Estimation of Fixed Capital Investment in SMEs: the Existing Differentiation in the Russian Federation. *Business Systems Research*, 2018, no. 9(1), pp. 65-78.

Информация об авторах / Information about the Authors

Пиньковецкая Юлия Семеновна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономического анализа и государственного управления, Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск, Российская Федерация,
e-mail: judy54@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-8224-9031,
Researcher ID: D-3051-2017

Yuliia S. Pin'kovetskaya, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic Analysis and State Management, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russian Federation,
e-mail: judy54@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-8224-9031,
Researcher ID: D-3051-2017

УДК 332.146

Оценка основных показателей, характеризующих качество жизни населения региона

Т. В. Хаустова¹ ✉, А. А. Соклаков², Т. А. Черкашина³, В. И. Дроздов⁴

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

² Курская академия государственной и муниципальной службы
ул. Станционная 9, г. Курск 305044, Российская Федерация

³ Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
Б. Садовая 69, г. Ростов-на-Дону 344002, Российская Федерация

⁴ Курский филиал Финансового университета при Правительстве РФ
ул. Ломоносова 3, г. Курск 305016, Российская Федерация

✉ e-mail: tinagub@mail.ru

Резюме

Актуальность. Основной целью развития социально-экономической системы в стране в целом и на региональном уровне является повышение уровня жизни населения. Также необходимо отметить, что качество жизни населения необходимо оценивать на основе объективной и достоверной информации, характеризующей социально-экономическое развитие России и ее регионов.

Выполнение задачи получения объективных данных об уровне качества жизни населения возможно на основе анализа основных показателей социально-экономического развития общества, которые позволяют провести комплексную диагностику уровня качества жизни населения, выявить тенденции и предложить обоснованные способы достижения цели повышения качества жизни населения и на региональном, и на федеральном уровнях.

Цель – выявление и оценка факторов, влияющих на показатели, характеризующие качество жизни населения в регионе.

Задачи: проанализировать теоретические основы управления социально-экономическими системами в целях повышения качества жизни населения; оценить влияние различных факторов на показатели, характеризующие качество жизни населения; предложить и обосновать мероприятия, направленные на обеспечение планомерного повышения качества жизни с учетом трансформации экономики и ее ориентации на удовлетворение социально-общественных потребностей населения.

Методология. Исследование основано на статистическом сборе и анализе информации о качестве жизни населения в Курской области и основных показателях социально-экономического развития региона.

Результаты: проведен анализ основных показателей качества жизни населения в Российской Федерации и в регионах Центрального федерального округа; определены уровень качества жизни населения в Курской области и резервы его повышения; установлены основные причины, которые не способствуют повышению качества жизни населения; обоснованы рекомендации по совершенствованию региональной системы управления качеством жизни населения.

Вывод. В процессе исследования было установлено, что в первую очередь необходимо создать условия для сохранения, воспроизводства и привлечения человеческого капитала путем создания благоприятных и комфортных условий жизни в регионе, увеличения продолжительности жизни и повышения реальных доходов населения, а также привлечения инвестиций в развитие малого и среднего предпринимательства.

Ключевые слова: качество жизни населения; региональная политика; социально-экономическая политика; региональное управление; Курская область.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

© Хаустова Т. В., Соклаков А. А., Черкашина Т. А., Дроздов В. И., 2021

Для цитирования: Оценка основных показателей, характеризующих качество жизни населения региона / Т. В. Хаустова, А. А. Соклаков, Т. А. Черкашина, В. И. Дроздов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 3. С. 100–114.

Поступила в редакцию 05.04.2021

Принята к публикации 02.05.2021

Опубликована 30.06.2021

Assessment of the Main Indicators Characterizing the Quality of Life of the Population of the Region

Tatiana V. Khaustova¹, Andrey A. Soklakov², Tatiana A. Cherkashina³,
Vladimir I. Drozdov⁴

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

² Kursk Academy of State and Municipal Service
9 Station st., Kursk 305044, Russian Federation

³ Rostov State Economic University (RINH)
69 B. Sadovaya, Rostov-on-Don 344002, Russian Federation

⁴ Kursk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation
3 Lomonosov st., Kursk 305016, Russian Federation

✉ e-mail: tinagub@mail.ru

Abstract

Relevance. The main goal of the development of the socio-economic system in the country as a whole and at the regional level is to improve the living standards of the population. It should also be noted that the quality of life of the population must be assessed on the basis of objective and reliable information characterizing the socio-economic development of Russia and its regions.

The task of obtaining objective data on the level of the population's quality of life is possible on the basis of an analysis of the main indicators of the socio-economic development of society, which make it possible to conduct a comprehensive diagnosis of the level of the population's quality of life, identify trends and propose reasonable ways to achieve the goal of improving the quality of life of the population both at the regional and federal levels.

The purpose – identification and assessment of factors affecting the indicators characterizing the quality of life of the population in the region.

Objectives: analyze the theoretical foundations of the management of socio-economic systems in order to improve the quality of life of the population; to assess the influence of various factors on indicators characterizing the quality of life of the population; to propose and substantiate measures aimed at ensuring a systematic improvement in the quality of life, taking into account the transformation of the economy and its orientation towards meeting the social and social needs of the population.

Methodology. The study is based on the statistical collection and analysis of information on the quality of life of the population in the Kursk region and the main indicators of the socio-economic development of the region.

Results: the analysis of the main indicators of the quality of life of the population in the Russian Federation and in the regions of the Central Federal District is carried out; the level of the quality of life of the population in the Kursk region and the reserves for its improvement have been determined; the main reasons that do not contribute to improving the quality of life of the population have been established; recommendations for improving the regional system for managing the quality of life of the population have been substantiated.

Conclusion. In the course of the study, it was found that, first of all, it is necessary to create conditions for the preservation, reproduction and attraction of human capital by creating favorable and comfortable living conditions in the region, increasing life expectancy and increasing real incomes of the population, as well as attracting investments in the development of small and medium-sized businesses.

Keywords: quality of life of the population; regional policy; socio-economic policy; regional administration; Kursk region.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication,

For citation: Khaustova T. V., Soklakov A. A., Cherkashina T. A., Drozdov V. I. Assessment of the Main Indicators Characterizing the Quality of life of the Population of the Region. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(3): 100–114. (In Russ.)

Received 05.04.2021

Accepted 02.05.2021

Published 30.06.2021

Введение

Механизм управления качеством жизни населения является основополагающим фактором, характеризующим уровень развития регионов и Российской Федерации в целом.

Повышение эффективности применяемых мер по управлению качеством жизни населения непосредственно связано с наличием объективной и достоверной информации об основных показателях социально-экономического развития территории и результатах принятых мер.

Для этого систему управления качеством жизни населения необходимо основывать на принципах системного подхода с целью придания ей свойств адаптивности и самоорганизации, в связи с чем такая система будет способна быстро приспосабливаться к меняющимся условиям посредством перегруппировки элементов, изменения их свойств и введения новых функций, необходимых для повышения ее эффективности [1; 2].

В связи с чем необходимо построить такую систему, которая будет сочетать интересы региональных властей, организаций и представителей социальной и культурной сфер. Основой такой системы должен стать многофакторный подход к оценке качества жизни населения. Выполнение этих задач возможно только на основе анализа социально-экономического развития территорий, который позволяет провести исследование основных факторов, влияющих на показатели качества жизни населения, выявить тенден-

цию их развития и выработать конкретные предложения для принятия управленческих решений.

Материалы и методы

Последние 9 лет универсальное рейтинговое агентство РИА «Рейтинг» анализирует качество жизни населения по 70 различным показателям, объединенным в 11 групп, по результатам которого каждому региону присваивается рейтинговый балл, и составляет рейтинг качества жизни в регионах Российской Федерации (далее – Рейтинг) [3; 4].

На основе результатов распределения регионов Российской Федерации по качеству жизни за 2012-2020 гг. и с учетом данных Федеральной службы государственной статистики по Курской области был проведен анализ основных факторов, влияющих на показатели качества жизни населения в субъектах Российской Федерации.

Результаты и их обсуждение

Проведенный анализ показал, что рейтинговые оценки регионов лидеров и регионов аутсайдеров отличаются, и такая тенденция сохраняется на протяжении нескольких лет, как минимум с 2012 г. (табл. 1), что свидетельствует не только о значительном разрыве в качественных показателях жизни населения, но и о наличии больших, при определенных условиях просто непреодолимых проблем в обеспечении достойного уровня и качества жизни населения в отдельных регионах [5; 6].

Таблица 1. Рейтинговая оценка регионов лидеров и аутсайдеров в 2012 и 2020 гг. [7]

Регион	Рейтинговая оценка в 2012 г.	Рейтинговая оценка в 2020 г.	Изменение оценки в 2020 г. по сравнению с 2012 г.
<i>Регионы лидеры</i>			
Москва	72,9	82,2	+ 9,3
Санкт-Петербург	68,6	80,6	+ 12
Московская область	60,6	76,1	+ 15,5
Республика Татарстан	58,4	66,6	+ 8,2
Белгородская область	53,4	64,8	+ 11,4
Краснодарский край	54,3	63,7	+ 9,4
Ленинградская область	46,7	61,6	+ 14,9
Воронежская область	49,1	61,0	+ 11,9
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	53,1	60,5	+ 7,4
Калининградская область	46,8	59,3	+ 12,5
<i>Регионы аутсайдеры</i>			
Республика Калмыкия	25,2	33,1	+ 7,9
Кабардино-Балкарская Республика	31,9	32,0	+ 0,1
Республика Ингушетия	20,0	31,5	+ 11,5
Курганская область	30,0	30,5	+ 0,5
Республика Алтай	27,9	29,4	+ 1,5
Республика Бурятия	31,2	28,9	- 2,3
Еврейская автономная область	30,7	28,2	- 2,5
Карачаево-Черкесская Республика	31,7	27,7	- 4
Забайкальский край	30,7	26,9	- 3,8
Республика Тыва	21,7	17,5	- 4,2

Как следует из таблицы 1, на протяжении последних девяти лет у регионов лидеров рейтинговая оценка растет, в то время как у последней пятерки регионов аутсайдеров она снижается, что приводит к еще большему разрыву показателей качества жизни населения в регионах России. Так, в 2012 г. рейтинговая оценка Москвы (1 место в Рейтинге – 2012) была выше рейтинговой оценки Республики Ингушетия (последнее место в Рейтинге – 2012) в 3,6 раза, а в 2020 г. разрыв между рейтинговой оценкой Москвы (1 место в Рейтинге – 2020) и рейтинговой оценкой Республики Тыва (последнее место в Рейтинге – 2020) составил 4,7 раза.

Многие регионы Центрального федерального округа (далее – ЦФО) стабильно занимают высокие места в анализируемом Рейтинге. Так, из 18 регионов ЦФО в десятку регионов лидеров всероссийского

Рейтинга по качеству жизни населения входит четыре региона: Москва, Московская, Белгородская и Воронежская области, и только 3 субъекта Российской Федерации занимают места ниже 42, к ним относятся Ивановская, Тверская и Костромская области (табл. 2).

Как следует из таблицы 2, в составе пятерки регионов ЦФО – лидеров Рейтинга изменения коснулись Калужской области, которая с 5 места в Рейтинге ЦФО – 2012 и с 11 места во всероссийском Рейтинге – 2012 переместилась на 8 и 21 места Рейтинга – 2020 соответственно, а Липецкая область, наоборот, с 7 места в Рейтинге ЦФО – 2012 и 14 места во всероссийском Рейтинге – 2012 переместилась на 5 и 12 места Рейтинга – 2020 соответственно.

Замыкающую пятерку Рейтинга ЦФО покинули 2 региона: Орловская область

(последнее 18 место в Рейтинге ЦФО – 2012) и Рязанская область (15 место в Рейтинге ЦФО – 2012). В то же время Тамбовская и Брянская области опустились в Рейтинге ЦФО с 11 и 13 места в 2012 г. на 14 и 15 места в 2020 г. соответственно.

В 2020 г. пять регионов улучшили свои позиции в Рейтинге ЦФО более

чем на два места в сравнении с 2012 г., в том числе два региона поднялись на шесть мест. Это Липецкая область, которая переместилась с 7 на 5 место, Курская область – с 8 на 6, Тульская область – с 10 на 7, Рязанская область – с 15 на 9 и Орловская область – с 18 на 12 (рис. 1).

Таблица 2. Место регионов ЦФО в Рейтинге в 2012 и 2020 гг. [7]

Субъект РФ	Место в Рейтинге – 2020	Место в Рейтинге – 2012	Место в Рейтинге ЦФО – 2020	Место в Рейтинге ЦФО – 2012
Москва	1	1	1	1
Московская область	3	3	2	2
Белгородская область	5	6	3	3
Воронежская область	8	9	4	4
Липецкая область	12	14	5	7
Курская область	18	22	6	8
Тульская область	20	28	7	10
Калужская область	21	11	8	5
Рязанская область	28	47	9	15
Ярославская область	31	13	10	6
Владимирская область	32	26	11	9
Орловская область	35	67	12	18
Смоленская область	37	40	13	12
Тамбовская область	38	35	14	11
Брянская область	40	44	15	13
Ивановская область	45	48	16	16
Тверская область	53	46	17	14
Костромская область	67	53	18	17

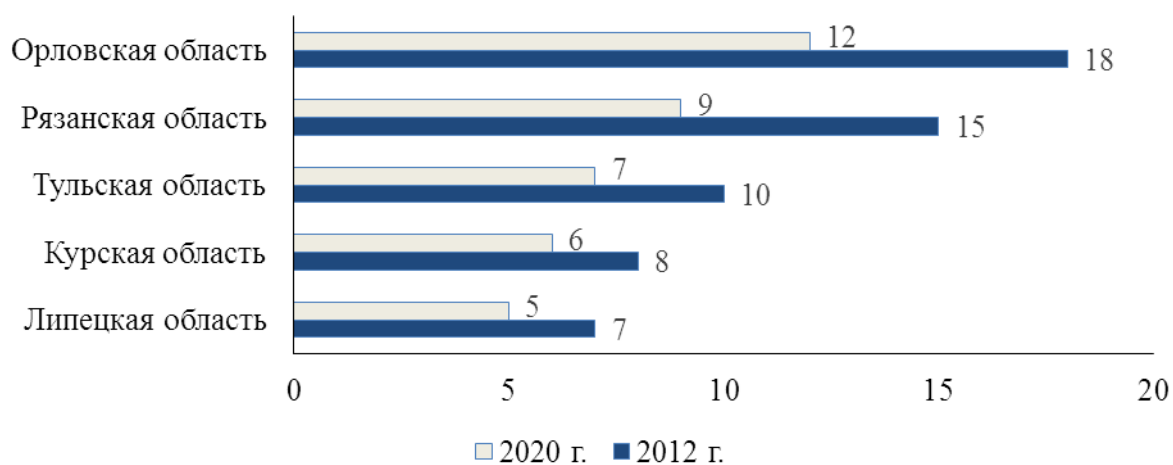

Рис. 1. Регионы лидеры по росту позиций в Рейтинге ЦФО в 2020 г. по сравнению с 2012 г.

Более чем на 2 места ухудшили свои позиции шесть регионов ЦФО: Калужская область (потеряла 3 места), Ярославская область (потеряла 4 места), Владимирская область (потеряла 2 места), Тамбовская область (потеряла 3 места), Брянская область (потеряла 2 места), Тверская область (потеряла 3 места) (рис. 2).

Все регионы ЦФО демонстрируют положительную динамику изменения рейтинговой оценки за последние 9 лет. При этом наибольший прирост рейтинговой оценки демонстрируют Московская и Орловская области, а наименьший прирост – в Костромской и Ярославской областях (табл. 3).

Рис. 2. Регионы, наиболее существенно снизившие позиции в Рейтинге ЦФО в 2020 г. по сравнению с 2012 г.

Таблица 3. Рейтинговая оценка регионов ЦФО в 2012 и 2020 гг. [7; 8]

Субъект РФ	Рейтинговая оценка в 2012 г.	Рейтинговая оценка в 2020 г.	Изменение рейтинговой оценки в 2020 г. по сравнению с 2012 г.
Москва	72,9	82,2	+ 9,3
Московская область	60,6	76,1	+ 15,5
Белгородская область	53,4	64,8	+ 11,4
Воронежская область	49,1	61,0	+ 11,9
Липецкая область	47,5	57,9	+ 10,4
Курская область	44,8	55,0	+ 10,2
Тульская область	43,0	53,7	+ 10,7
Калужская область	48,0	53,0	+ 5,0
Рязанская область	39,5	50,0	+ 10,5
Ярославская область	47,8	48,6	+ 0,8
Владимирская область	43,6	47,9	+ 4,3
Орловская область	34,8	47,1	+ 12,3
Смоленская область	41,2	46,8	+ 5,6
Тамбовская область	42,2	46,6	+ 4,4
Брянская область	40,1	46,6	+ 6,5
Ивановская область	39,4	45,6	+ 6,2
Тверская область	39,6	42,2	+ 2,6
Костромская область	38,7	39,1	+ 0,4

Курская область за последние 9 лет поднялась во всероссийском Рейтинге с 22 на 18 место, а в Рейтинге ЦФО – с 8 на 6 место, прибавив 10,2 балла, при этом наилучший результат был достигнут в 2016-2018 гг., когда Курская область находилась на 15 месте во всероссийском Рейтинге (рис. 3).

Позитивное влияние на место Курской области в Рейтинге 2020 г. оказали следующие показатели:

- доходы ниже прожиточного минимума – 17 позиция в Рейтинге;
- безработица – 20 позиция в Рейтинге;
- аварийность жилищного фонда – 3 позиция в Рейтинге;
- обеспеченность населения жилыми помещениями – 9 позиция в Рейтинге;

– выбросы загрязняющих веществ – 3 позиция в Рейтинге;

– заболеваемость на 1000 населения – 4 позиция в Рейтинге;

– численность обучающихся в общеобразовательных организациях на 100 учителей – 2 позиция в Рейтинге;

– плотность железнодорожных путей общего пользования – 7 позиция в Рейтинге.

Так, с 2017 г. в Курской области наблюдается снижение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума [9]. Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума в 2019 г. составила 9,9 % от общей численности населения, что ниже, чем в России в среднем (12,3%) (табл. 4).

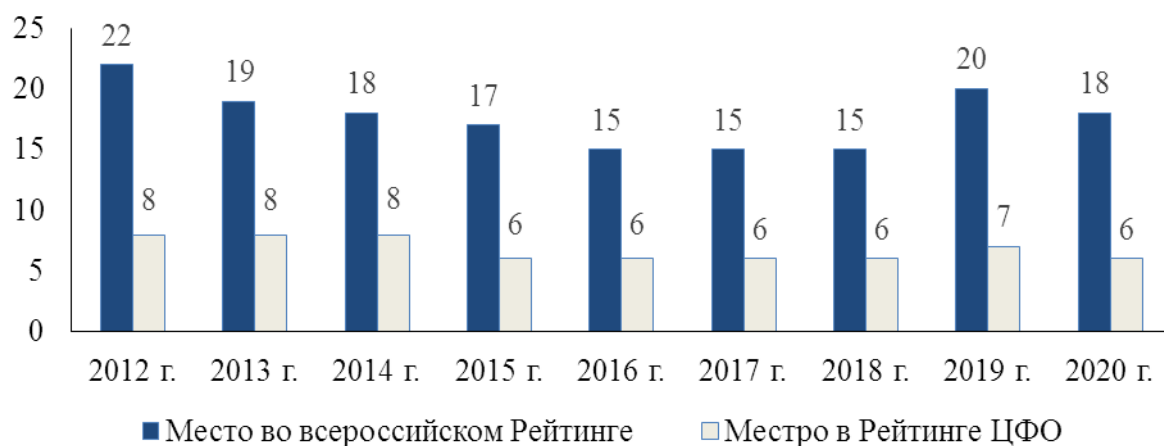

Рис. 3. Место Курской области в Рейтинге в 2012 – 2020 гг.

Таблица 4. Численность населения Курской области с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в 2015-2019 гг. [10]

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019
Население с доходами ниже величины прожиточного минимума:					
– тыс. чел.	116,1	117,5	115,9	110,4	110,1
– в процентах от общей численности населения	10,4	10,5	10,3	9,9	9,9

По этому показателю Курская область занимает 6 место среди регионов ЦФО, уступая только Москве, Белгородской, Воронежской, Липецкой и Московской областям (табл. 5).

На протяжении последних трех лет количество безработных в Курской области снизилось с 23,5 тыс. чел. в 2017 г. до 22,5 тыс. чел. в 2019 г. [12; 13; 14] (табл. 6).

Таблица 5. Доля населения с денежными доходами ниже региональной величины прожиточного минимума в 2018–2019 гг., % от общей численности населения региона [10; 11]

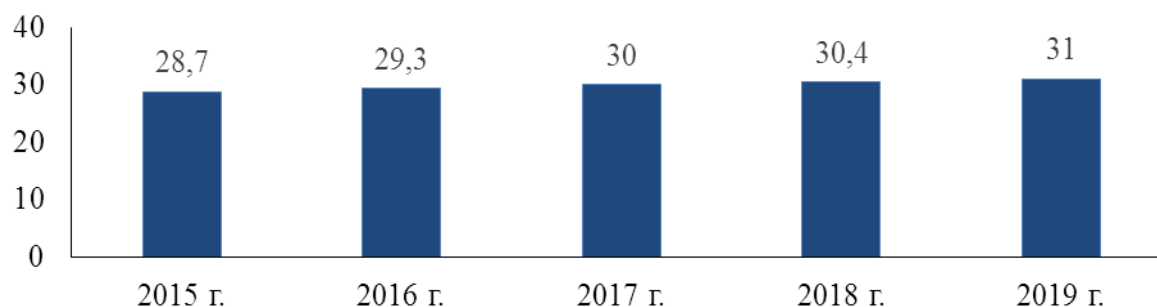
Регион ЦФО	2019	2018
Белгородская область	7,7	7,5
Брянская область	13,8	13,2
Владимирская область	12,5	12,8
Воронежская область	8,9	8,9
Ивановская область	14,2	14,7
Калужская область	10,2	10,9
Костромская область	12,6	12,7
Курская область	9,9	9,9
Липецкая область	8,6	8,7
Московская область	7,3	7,7
Орловская область	13,7	13,7
Рязанская область	12,7	12,8
Смоленская область	16,3	16,3
Тамбовская область	10,7	10,2
Тверская область	11,7	12,0
Тульская область	10,3	9,7
Ярославская область	10,3	10,5
г. Москва	6,6	7,2

Таблица 6. Численность рабочей силы, занятых и безработных в Курской области в 2015-2019 гг., тыс. чел. [10]

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019
Численность рабочей силы, всего	571,0	569,6	572,5	573,9	569,3
В том числе:					
– занятые в экономике, всего	547,0	545,1	549,1	550,8	546,8
– безработные, всего	24,0	24,4	23,5	23,0	22,5
Численность безработных, зарегистрированных в учреждениях службы занятости (на конец года), всего	7,0	5,5	4,3	4,0	3,5

Постепенно улучшается ситуация с условиями обеспечения жильем населения Курской области [15; 16]. В частности, общая площадь жилых помещений, при-

ходящаяся в среднем на одного жителя, выросла с 28,7 кв. м в 2015 г. до 31 кв. м в 2019 г. (рис. 4).

Рис. 4. Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя Курской области в 2015-2019 гг., кв. м

В то же время негативное влияние на позиции Курской области в Рейтинге оказали следующие факторы:

- количество ДТП с пострадавшими – 75 место в Рейтинге;
- естественный прирост (убыль) населения – 71 место в Рейтинге;
- младенческая смертность – 50 место в Рейтинге;
- обеспеченность детей местами в детских садах – 79 место в Рейтинге;
- доля занятых в малом бизнесе и индивидуальном предпринимательстве в общей численности рабочей силы – 58 место в Рейтинге;
- удельный вес автомобильных дорог с твердым покрытием – 59 место в Рейтинге;

Так, в Курской области численность пострадавших в ДТП на автомобильных дорогах и улицах значительно превышает общероссийский показатель [17]. В 2019 г. в Курской области на 100000 человек приходилось 17,4 погибших в ДТП (среднее значение в России – 11,6) (табл. 7).

Можно отметить уменьшение численности населения за счет естественной убыли в совокупности со снижением рождаемости и снижением уровня смертности населения [17; 18].

Коэффициент естественного прироста населения Курской области в 2019 г. составил (-6,6) чел. на 1000 чел. населения (средний по России (- 2,2)) (табл. 8).

Численность населения Курской области в 2020 г. составила 1104,0 тыс. чел., из которых 68,5 % – городское население (его доля растет). При этом с 2018 г. наблюдалось ежегодное снижение численности населения области. По сравнению с 2018 г. (1115,2 тыс. чел.) численность постоянного населения сократилась на 1 % (табл. 9).

Также можно отметить низкую обеспеченность местами в детских садах. Так в 2019 г. всего 56,5 % детей в возрасте 1-6 лет получают возможность получить место в детских садах (табл. 10).

Таблица 7. Число ДТП и численность пострадавших в них в Курской области в 2015-2019 гг. [10]

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019
Число ДТП, всего, ед.	1858	1616	1601	1600	1652
В расчете на 100 000 чел. населения	166,1	144,1	143,0	144,0	149,4
Погибло в ДТП, всего, чел.	244	181	201	200	192
В расчете на 100 000 чел. населения	21,8	16,1	18,0	18,0	17,4
Ранено в ДТП, всего, чел.	2432	2156	2070	2027	2137
В расчете на 100 000 чел. населения	217,4	192,2	184,9	182,4	193,3

Таблица 8. Общие показатели воспроизводства населения Курской области в 2015-2019 гг., чел. [10]

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019
Число родившихся	13032	12403	10732	10256	9246
Число умерших	18205	18015	17400	17156	16562
Естественный прирост, убыль (-)	-5173	-5612	-6668	-6900	-7316
На 1000 чел. населения:					
– родившихся	11,6	11,1	9,6	9,2	8,4
– умерших	16,3	16,1	15,5	15,4	15,0
– естественный прирост, убыль (-)	-4,7	-5,0	-5,9	-6,2	-6,6

Таблица 9. Характеристика населения Курской области в 2017-2020 гг. [10; 19]

Показатель	2016	2017	2018	2019	2020
Численность населения	1120,0	1122,9	1115,2	1107,0	1104,0
В том числе:					
– городское	754,2	760,0	756,9	754,9	756,5
– сельское	365,8	362,9	358,4	352,1	347,5
В общей численности населения, %:					
– городское	67,3	67,7	67,9	68,2	68,5
– сельское	32,7	32,3	32,1	31,8	31,5

Таблица 10. Обеспеченность детей местами в детских садах в Курской области в 2016-2019 гг. [10]

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019
Доля детей в возрасте 1-6 лет, получающих места в детских садах в общей численности населения в возрасте 1-6 лет, %	55,4	55,4	54,6	54,5	56,5
В том числе в:					
– городе	72,2	1,7	69,7	69,1	70,6
– селе	21,0	21,5	21,9	21,7	22,5

В 2019 г. в Курской области наблюдается снижение показателей, характеризующих развитие малых предприятий. В частности, количество малых предприятий в 2019 г. уменьшилось по сравнению с 2018 г. на 4,5 % с одновременным снижением средней численности работников малых предприятий на 6,3 %. При этом инвестиции в основной капитал малых предприятий в 2019 г. снизились на рекордные 20,2 % (табл. 11).

При этом по показателям, входящим в группу «Уровень экономического развития», Курская область занимает место выше среднего уровня в Рейтинге – 2020 (табл. 12).

Однако уровень жизни в регионе несколько ниже среднероссийского. Начисленная номинальная средняя заработная плата одного работника в 2019 г. составила 32709 руб., что существенно ниже аналогичного показателя по России (47468 руб.) и по ЦФО (60480 руб.) (табл. 13).

Таблица 11. Общие показатели развития малых предприятий в Курской области в 2018-2019 гг. [10]

Показатель	2017	2018	2019
Число малых предприятий	11097	11878	11344
Оборот малых предприятий, млн руб.	238938,2	263499,7	258958,1
Средняя численность работников малых предприятий, чел.	62163	65977	61850
Инвестиции в основной капитал малых предприятий, млн руб.	9311,3	8949,4	7144,9

Таблица 12. Место регионов ЦФО в Рейтинге – 2020 по показателям группы «Уровень экономического развития» [7; 20]

Субъект РФ	Производство товаров и услуг на душу населения	Инвестиции в основной капитал на одного жителя	Доля прибыльных предприятий
Москва	15	10	41
Московская область	30	23	13
Белгородская область	11	25	9

Субъект РФ	Производство товаров и услуг на душу населения	Инвестиции в основной капитал на одного жителя	Доля прибыльных предприятий
Воронежская область	40	26	16
Липецкая область	13	16	17
Курская область	29	22	22
Тульская область	19	35	50
Калужская область	9	24	69
Рязанская область	47	71	8
Ярославская область	46	62	48
Владимирская область	36	60	66
Орловская область	52	50	14
Смоленская область	54	62	44
Тамбовская область	50	27	21
Брянская область	52	66	53
Ивановская область	70	83	58
Тверская область	49	68	81
Костромская область	60	82	78

Таблица 13. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в Курской области в 2019 г., руб. [10; 21]

Регион	2019	В % к 2018 г.
Российская Федерация	47468	107,5
Центральный федеральный округ	60480	108,5
Белгородская область	34331	107,6
Брянская область	29686	107,6
Владимирская область	32590	107,1
Воронежская область	33376	107,1
Ивановская область	27284	107,2
Калужская область	41195	106,9
Костромская область	30962	110,7
Курская область	32709	109,3
Липецкая область	34742	109,7
Московская область	55270	106,4
Орловская область	29588	106,9
Рязанская область	34010	106,4
Смоленская область	31370	106,4
Тамбовская область	28621	107,4
Тверская область	33285	106,7
Тульская область	37526	107,6
Ярославская область	35571	105,8
г. Москва	94011	109,2

Проведенный анализ показателей качества жизни населения Курской области свидетельствует как о положительных, так и об отрицательных тенденциях в 2020 г., при этом сохраняется возможность к улучшению сложившейся в регионе ситуации.

Выводы

Курская область в 2020 г. занимает 18 место в Рейтинге регионов по качеству жизни населения, что на 3 позиции хуже показателя 2018 г. (15 место), но при этом на 2 позиции лучше показателя 2019 г. (20 место).

Проведенный анализ показал, что по наиболее значимым показателям Курская область улучшила свои позиции по сравнению с 2019 г.

Таким образом, системы управления качеством жизни населения должна ориентироваться на формирование в Курской области новой модели долгосрочного устойчивого развития, направленной на

повышение качества жизни, поддержания жизнеспособности экосистем и создания среды для раскрытия человеческого потенциала с учетом потребности будущих поколений.

Такая система должна быть нацелена на обеспечение воспроизводства здорового, образованного и имеющего возможность реализовать свой потенциал населения.

Список литературы

1. Бычкова А. В. Уровень и качество жизни населения, их регулирование // Новая наука: Проблемы и перспективы. 2017. № 1-2. С. 78-80.
2. Пынько Л. Е. Качество жизни населения в региональном измерении: экономико-статистический анализ // Власть и управление на Востоке России. 2017. № 1(78). С. 69-76.
3. Хаустова Т. В., Соклаков А. А., Черкашина Т. А. Развитие системы управления качеством жизни населения на региональном уровне // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9, № 3 (32). С. 97-108.
4. Титенкова Е. С., Соклаков А. А. Анализ развития системы управления качеством жизни населения в Курской области // Экономический рост как основа устойчивого развития России: сборник научных статей IV Всероссийской научно-практической конференции: в 2 т. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2019. С. 253-255.
5. Малчинова А. Э. Индикаторы, определяющие уровень и качество жизни населения // Учет и контроль. 2021. № 2. С. 17-20.
6. Евсеев И. С. Качество жизни населения как показатель эффективности государственного управления // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Теория и практика управления. 2020. № 25 (30). С. 18-21.
7. Рейтинг российских регионов по качеству жизни. URL: <https://ria.ru/20210215/kachestvo-zhizni-1597462656.html> (дата обращения: 18.03.2021).
8. Гришина М. Г., Кабачевская Е. А. Социальная среда России: прогноз, проблемы, качество жизни населения в регионах России // Вестник МГЭИ. 2020. № 3. С. 24-36.
9. Факторы и принципы управления человеческим капиталом региональных социально-экономических систем / О. С. Фомин, О. Н. Пронская, О. В. Ильинова, А. Н. Благирев, Д. И. Жилияков // Экономика и предпринимательство. 2020. № 7 (120). С. 26-31.
10. Курская область в цифрах. 2020: Краткий статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области. Курск, 2020. 94 с.
11. Артемова О. В., Савченко А. Н. Неоднородность регионального пространства и ее влияние на качество жизни населения в субъектах Российской Федерации // Социум и власть. 2020. № 2(82). С. 65-79.
12. Теоретические основы управления человеческим капиталом на региональном рынке труда / О. С. Фомин, О. Н. Пронская, О. В. Ильинова, А. Н. Благирев, Д. И. Жилияков // Экономика и предпринимательство. 2020. № 7 (120). С. 305-308.
13. Плахутина Ю. В., Жилияков Д. И. Особенности женской безработицы в России в настоящее время // Эффективность применения инновационных технологий и техники в сельском и водном хозяйстве: сборник научных трудов Международной научно-практической онлайн-конференции / отв. редактор Т. Х. Жураев. Бухара, 2020. С. 513-515.
14. Трехуровневая модель оценки эффективности региональных инновационных программ / О. Н. Греченюк, А. В. Греченюк, Т. В. Хаустова [и др.] // Финансовые исследования. 2015. № 4(49). С. 250-261.

15. Зайченко А. А., Савенкова И. Н. Безработица (причины, виды и ее последствия) и численность рабочей силы в Курской области // Инновационная деятельность в модернизации АПК: материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых: в 3 ч. / Курская государственная сельскохозяйственная академия имени И. И. Иванова. Курск, 2017. С. 289-293.
16. Фролова К. А. Уровень и качество жизни населения // Экономика и социум. 2017. № 2 (33). С. 1043-1046.
17. Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 17.03.2021).
18. Администрация Курской области. URL: <http://adm.rkursk.ru> (дата обращения: 16.03.2021).
19. Жиликов Д. И. Оценка эффективности государственного регулирования устойчивого развития сельских территорий // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2021. № 1. С. 96-101.
20. Гизатуллина Е. Н., Чучко Е. П. Исследование влияния экономических и институциональных факторов на качество жизни населения Российской Федерации // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. 2020. № 4. С. 80-89.
21. Мананникова О. Н., Потокина С. А. Качество жизни населения в новых реалиях: пути развития // Sciences of Europe. 2021. № 62-3 (62). С. 38-39.

References

1. Bychkova A. V. Uroven' i kachestvo zhizni naseleniya, ikh regulirovanie [The level and quality of life of the population, their regulation]. *Novaya nauka: Problemy i perspektivy = NewScience: Problems and Prospects*, 2017, no. 1-2, pp. 78-80.
2. Pynko L. Ye. Kachestvo zhizni naseleniya v regional'nom izmerenii: ekonomiko-statisticheskii analiz [The quality of life of the population in the regional dimension: economic and statistical analysis]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii = Power and Control in the East of Russia*, 2017, no. 1 (78), pp. 69-76.
3. Khaustova T. V., Soklakov A. A., Cherkashina T. A. Razvitie sistemy upravleniya kachestvom zhizni naseleniya na regional'nom urovne [Development of a system for managing the quality of life of the population at the regional level]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2019, vol. 9, no. 3 (32), pp. 97-108.
4. Titenkova E. S., Soklakov A. A. [Analysis of the development of the quality of life management system in the Kursk region]. *Ekonomicheskii rost kak osnova ustoichivogo razvitiya Rossii. Sbornik nauchnykh statei IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Economic growth as the basis for sustainable development in Russia. Collection of scientific articles of the 4th All-Russian scientific-practical conference]*. Kursk, ZAO "Universitetskaya kniga", 2019, pp. 253-255. (In Russ.)
5. Malchinova A. E. Indikatory, opredelyayushchie uroven' i kachestvo zhizni naseleniya [Indicators that determine the level and quality of life of the population]. *Uchet i kontrol' = Accounting and Control*, 2021, no. 2, pp. 17-20.
6. Evseev I. S. Kachestvo zhizni naseleniya kak pokazatel' effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya [The quality of life of the population as an indicator of the effectiveness of public administration]. *Vestnik Komi respublikanskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby i upravleniya. Teoriya i praktika upravleniya = Bulletin of the Komi Republican Academy of Public Service and Management. Management Theory and Practice*, 2020, no. 25 (30), pp. 18-21.
7. Reiting rossiiskikh regionov po kachestvu zhizni. [Rating of Russian regions in terms of quality of life]. Available at: <https://ria.ru/20210215/kachestvo-zhizni-1597462656.html>. (accessed 18.03.2021)
8. Grishina M. G., Kabachevskaya E. A. Sotsial'naya sreda Rossii: prognoz, problemy, kachestvo zhizni naseleniya v regionakh Rossii [Social environment of Russia: forecast, problems, quality of life of the population in the regions of Russia]. *Vestnik MGEI = IPEI Bulletin*, 2020, no. 3, pp. 24-36.

9. Fomin O. S., Pronskaya O. N., Ilyinova O. V., Blagirev A. N., Zhilyakov D. I. Faktory i printsipy upravleniya chelovecheskim kapitalom regional'nykh sotsial'no-ekonomicheskikh sistem [Factors and principles of human capital management in regional socio-economic systems]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* = *Economics and Entrepreneurship*, 2020, no. 7 (120), pp. 26-31.

10. Kurskaya oblast' v tsifrakh. 2020. Kratkii statisticheskii sbornik [Kursk region in figures. 2020. Brief statistical collection]. Kursk, Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Kursk region Publ., 2020. 94 p.

11. Artemova O. V., Savchenko A. N. Neodnorodnost' regional'nogo prostranstva i ee vliyanie na kachestvo zhizni naseleniya v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii [The heterogeneity of the regional space and its impact on the quality of life of the population in the constituent entities of the Russian Federation]. *Sotsium i vlast'* = *Society and Power*, 2020, no. 2 (82), pp. 65-79.

12. Fomin O. S., Pronskaya O. N., Ilyinova O. V., Blagirev A. N., Zhilyakov D. I. Teoreticheskie osnovy upravleniya chelovecheskim kapitalom na regional'nom rynke truda [Theoretical foundations of human capital management in the regional labor market]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* = *Economics and Entrepreneurship*, 2020, no. 7 (120), pp. 305-308.

13. Plakhutina Yu. V., Zhilyakov D. I. [Features of female unemployment in Russia at the present time]. Effektivnost' primeneniya innovatsionnykh tekhnologii i tekhniki v sel'skom i vodnom khozyaistve. Sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi onlain-konferentsii [The effectiveness of the use of innovative technologies and techniques in agriculture and water management. Collection of scientific papers of the international scientific and practical online conference]; ed. by T. H. Zhuraev. Buhara, 2020, pp. 513-515. (In Russ.)

14. Grechenyuk O. N., Grechenyuk A. V., Haustova T. V., eds. Trekhurovnevaya model' otsenki effektivnosti regional'nykh innovatsionnykh programm [Trekhurovnevaya model' ocenki effektivnosti regional'nykh innovatsionnykh programm]. *Finansovye issledovaniya* = *Financial Research*, 2015, no. 4(49), pp. 250-261.

15. Zaichenko A. A., Savenkova I. N. [Unemployment (causes, types and its consequences) and the size of the labor force in the Kursk region]. Innovatsionnaya deyatel'nost' v modernizatsii APK. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh [Innovative activity in the modernization of the agro-industrial complex. Materials of the International Scientific and Practical Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists]. Kursk, Kurskaya gosudarstvennaya sel'skokhozyaistvennaya akademiya imeni I. I. Ivanova Publ., 2017, pp. 289-293. (In Russ.)

16. Frolova K. A. Uroven' i kachestvo zhizni naseleniya [The level and quality of life of the population]. *Ekonomika i sotsium* = *Economy and Society*, 2017, no. 2 (33), pp. 1043-1046.

17. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki RF [Federal State Statistics Service of the Russian Federation]. Available at: <http://www.gks.ru>. (accessed 17.03.2021)

18. Administratsiya Kurskoi oblasti [Administration of the Kursk region]. Available at: <http://adm.rkursk.ru>. (accessed 16.03.2021)

19. Zhilyakov D. I. Otsenka effektivnosti gosudarstvennogo regulirovaniya ustoichivogo razvitiya sel'skikh territorii [Assessment of the effectiveness of state regulation of sustainable development of rural areas]. *Vestnik Kurskoi gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii* = *Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy*, 2021, no. 1, pp. 96-101.

20. Gizatullina E. N., Chuchko E. P. Issledovanie vliyaniya ekonomicheskikh i institutsional'nykh faktorov na kachestvo zhizni naseleniya Rossiiskoi Federatsii [Study of the influence of economic and institutional factors on the quality of life of the population of the Russian Federation]. *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya V. Ekonomika i pravo* = *Bulletin of Donetsk National University. Series V. Economics and Law*, 2020, no. 4, pp. 80-89.

21. Manannikova O. N., Potokina S. A. Kachestvo zhizni naseleniya v novykh realiyakh: puti razvitiya [The quality of life of the population in the new realities: ways of development]. *Sciences of Europe* = *Sciences of Europe*, 2021, no. 62-3 (62), pp. 38-39.

Информация об авторах / Information about the Authors

Хаустова Татьяна Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и менеджмента, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: tinagub@mail.ru, SPIN 5119-9370, Autor ID: 465778

Соклаков Андрей Александрович, кандидат экономических наук, доцент кафедры внешнеэкономических связей, таможенного дела и таможенного права, Курская академия государственной и муниципальной службы, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: 090404@rambler.ru, SPIN 9930-9696, Autor ID: 742969

Черкашина Татьяна Алексеевна, кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры финансового мониторинга и финансовых рынков, Ростовский государственный экономический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, e-mail: TKCherkashina@mail.ru, ORCID: 0000-0002-7010-0256, SPIN 3033-8123

Дроздов Владимир Ильич, кандидат технических наук, доцент, Курский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, г. Курск, Российская Федерация

Tatiana V. Khaustova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Economics and Management, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: tinagub@mail.ru, SPIN 5119-9370, Autor ID: 465778

Andrey A. Soklakov, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of foreign economic Relations, Customs and Customs Law, Kursk Academy of State and Municipal Service, Kursk, Russian Federation, e-mail: 090404@rambler.ru, SPIN 9930-9696, Autor ID: 742969

Tatiana A. Cherkashina, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor Economics, Associate Professor of the Department of Financial Monitoring and Financial Markets, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russian Federation, e-mail: TKCherkashina@mail.ru, ORCID: 0000-0002-7010-0256, SPIN 3033-8123

Vladimir I. Drozdov, Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor, Kursk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Kursk, Russian Federation

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

INSTITUTIONAL FACTORS OF ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT

Оригинальная статья / Original article

УДК 332.1 338.2

Циркулярная экономика как движущая сила устойчивого развития хозяйствующих субъектов

О. А. Сотникова¹, Е. А. Жидко¹ ✉, М. М. Алферов²

¹ Воронежский государственный технический университет
ул. 20-летия Октября 84, г. Воронеж 394006, Российская Федерация

² Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора
Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина»
ул. Краснознаменная 153, г. Воронеж 394052, Российская Федерация

✉ e-mail: lenag66@mail.ru

Резюме

Актуальность. В течение последних трех десятилетий весь прогрессивный мир стремится реализовать на практике концепцию устойчивого развития, которая предусматривает формирование баланса экологических, экономических и социальных аспектов. Циркулярная экономика (экономика замкнутого цикла) может играть важную роль в устойчивом развитии и управлении хозяйствующим субъектом, что обеспечивает долгосрочную его работоспособность и гарантирует экологические и социальные выгоды. Необходимо, чтобы хозяйствующие субъекты осознавали и выполняли принципы циркулярности в рамках своего стратегического плана.

В современной литературе циркулярная экономика рассматривается как руководство для более устойчивых бизнес-моделей, неясны основные последствия для ключевых областей бизнеса.

Цель – путем систематического обзора современной литературы определить сферы деятельности, на которые оказывает влияние практика циркулярной экономики внутри хозяйствующего субъекта.

Задачи: определить основные направления и сферы реализации, на которые оказывают влияние практики циркулярной экономики для устойчивого развития хозяйствующего субъекта.

Методология. В качестве основных методов работы использованы анализ, синтез, классификация, наблюдение, изучение разнообразных источников информации.

Результаты. Определены области бизнеса: стратегическое планирование, управление затратами, управление цепочками поставок, управление качеством, экологическое управление, управление процессами, логистика и обратная логистика, управление услугами, а также исследования и разработки, что позволило обсудить основной вклад циркулярной экономики в каждую область.

Результаты исследования могут служить основой для достижения целей устойчивого развития на различных уровнях и в сферах управления экономикой с помощью инструментария экономики замкнутого цикла: циркулярных бизнес-моделей, рынков вторичного сырья, методов управления цикличностью производства и потребления.

Вывод. На этой связи принятие новой концепции мышления может позволить хозяйствующему субъекту получить более устойчивые (экономические) результаты при одновременном снижении воздействия.

Ключевые слова: устойчивое развитие; циркулярная экономика; окружающая среда; безотходное производство.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Сотникова О. А., Жидко Е. А., Алферов М. М. Циркулярная экономика как движущая сила устойчивого развития хозяйствующих субъектов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 3. С. 115–124.

Поступила в редакцию 28.03.2021

Принята к публикации 25.04.2021

Опубликована 30.06.2021

Circular Economy as a Driver of Sustainable Development of Economic Entities

Olga A. Sotnikova¹, Elena A. Zhidko^{1, 2}, Michael M. Alferov²

¹ Boronezh State Technical University
20-Ietiya Oktyabrya str. 84, Voronezh 394006, Russian Federation

² Air Force Academy named after Professor N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin
153 Krasnoznamennaya str., Voronezh 394052, Russian Federation

✉ e-mail: lenag66@mail.ru

Abstract

Relevance. Over the past three decades, the entire progressive world has sought to put into practice the concept of sustainable development, which involves a balance of ecological, economic and social aspects. Circular economy (circular economy) can play an important role in the sustainable development and management of an economic entity, which ensures its long-term performance and guarantees environmental and social benefits. It is imperative that business entities realize and implement the principles of circularity as part of their strategic plan.

The current literature treats circular economy as a guide for more sustainable business models, with unclear key implications for key business areas.

The purpose is through a systematic review of the current literature, identify areas of activity affected by the practice of circular economy within an economic entity.

Objectives: to identify the main business areas that are influenced by the practices of the circular economy. Consider the key implications of circular economy practices for business management.

Methodology. Analysis, synthesis, classification, observation, study of various sources of information were used as the main methods of work.

Results. The business areas of strategic planning, cost management, supply chain management, quality management, environmental management, process management, logistics and reverse logistics, service management as well as research and development are identified, which allowed to discuss the main contribution of circular economy in each area.

The results of the study can serve as a basis for achieving sustainable development goals at different levels and areas of economic management with the tools of circular economy: circular business models, markets for secondary raw materials, methods of managing the cyclicity of production and consumption.

Conclusion. In this connection, the adoption of a new concept of thinking can allow the economic entity to obtain more sustainable (economic) results while reducing the impact.

Keywords: sustainable development; circular economy; environment; waste-free production.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Sotnikova O. A., Zhidko E. A., Alferov M. M. Circular Economy as a Driver of Sustainable Development of Economic Entities. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(3): 115–124. (In Russ.)

Received 28.03.2021

Accepted 25.04.2021

Published 30.06.2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2021; 11(3): 115–124

Введение

В течение последних трех десятилетий весь прогрессивный мир стремится реализовать на практике концепцию устойчивого развития, которая предусматривает формирование баланса экологических, экономических и социальных аспектов. Такие факторы, как население, автотранспорт и промышленные производства, создают почву для возникновения экологических и техногенных проблем в различных регионах и городах. Во всем на современном этапе растет озабоченность в отношении управления окружающей средой (ОС). По мнению многих специалистов, с позиций экологии, города это так называемые «горячие точки» природной среды с высоким сосредоточением населения, капитала, инфраструктуры и источников загрязнения, которые зачастую вследствие пагубного влияния становятся неблагоприятными для жизнедеятельности человека [1; 2; 3]. По этой причине происходит постепенная смена привычной линейной экономической модели на более экологичную циркулярную экономику [4; 5; 6; 7].

Многие страны, такие как Китай, Канада, Япония, страны-члены Европейского союза, стремительно внедряют государственную политику для развития циркулярной экономики [8].

Улучшение состояния ОС при производстве продукции побуждает хозяйствующий субъект (ХС) думать и действовать в направлении уменьшения негативных последствий экологических показателей как с точки зрения производства, так и с точки зрения потребления. В этой связи ХС обязан нести ответственность за защиту экологических и социальных ценностей общества, поэтому циркулярная экономика все чаще рассматривается как возможное решение для достижения более устойчивого развития ХС. На рисунке представлены основные направления циркулярной экономики в

контексте достижения устойчивого развития ХС и региона в целом.

Новая экономическая система, получившая название циркулярной, нацелена на включение таких практик, как сокращение, повторное использование, переработка и восстановление в традиционные системы. Она базируется на постоянном возобновлении ресурсов, на полной переработке отходов, на производстве новых товаров из старых [9; 10].

Влияние циркулярной экономики на более устойчивые ХС можно наблюдать в целом ряде областей бизнеса. В некоторых областях это влияние более очевидно, рассматривается как основополагающая проблема, в других наблюдается некоторое размытие реальных последствий практики циркулярной экономики для бизнеса. Тем не менее многие действия/практики в направлении циркулярности, возможно, не были идентифицированы как таковые, получив, таким образом, другие названия, хотя имели место с давних пор [11; 12].

Материалы и методы

Стратегическое планирование, управление затратами, управление циклическими цепочками поставок, управление качеством, экологическое управление, управление процессами, логистика и обратная логистика, управление услугами, а также исследования и разработки – вот несколько областей ХС, где циркулярная экономика может выступать в качестве движущей силы для более устойчивых практик. Эти практики могут включать взаимные, разнонаправленные изменения, одно может оказывать прямое однонаправленное влияние на другое. Или же могут вызвать цепочку событий, где область А влияет на область В, которая, в свою очередь, влияет на область С, которая возвращается к влиянию на область А. Более того, этот круг может даже принимать более трех агентов за одну итерацию.

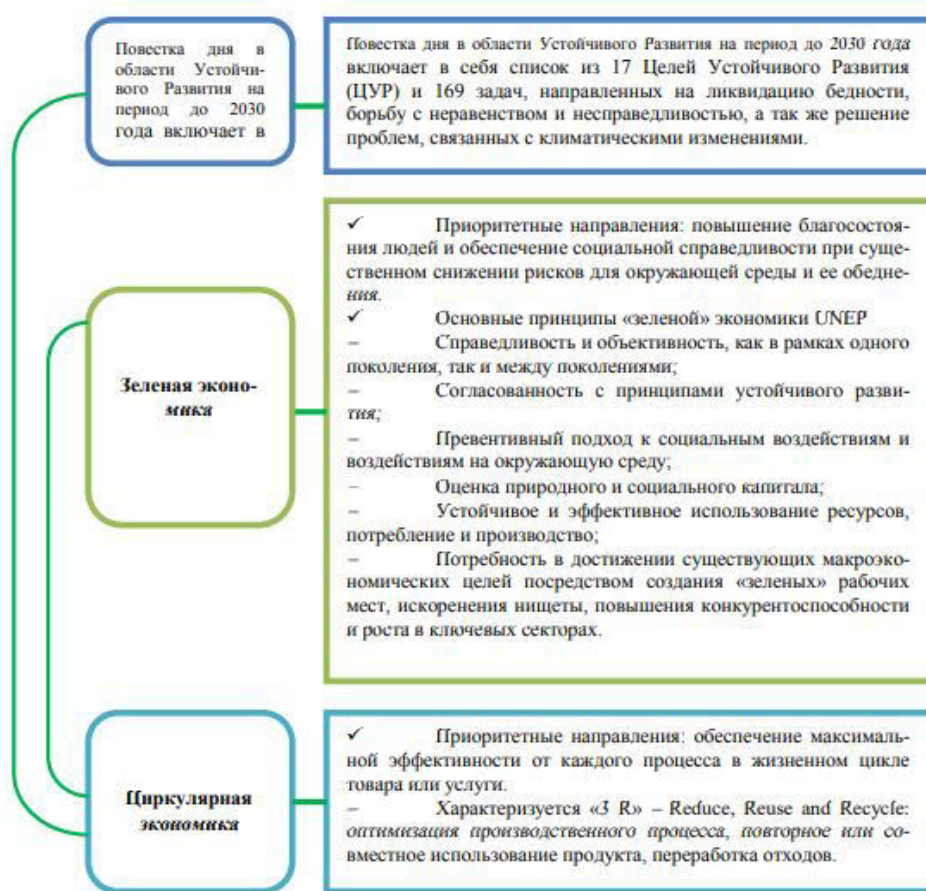

Рис. Основные направления циркулярной экономики в контексте достижения устойчивого развития ХС и региона

Целью исследования является необходимость проанализировать теоретические и практические основы циркулярной экономики как нового тренда реализации концепции устойчивого развития ХС и определить сферы деятельности, на которые оказывает влияние практика циркулярной экономики внутри него.

Результаты и их обсуждение

Рассмотрим сферы деятельности ХС с использованием циркулярной экономики как концепции устойчивого развития.

Стратегическое планирование (СП)

Циркулярная экономика способствует повышению эффективности использования ресурсов и более устойчивому экономическому развитию путем использования ее основных принципов для получения стратегических преимуществ, когда компании стремятся снизить экологи-

ческую нагрузку и улучшить экономические аспекты своей деятельности. В современных условиях циркулярная экономика считается стратегическим и актуальным базисом для прибыльности компаний и создания стоимости. В связи с этим менеджеры могут субсидировать лучшие экологические альтернативы с точки зрения стратегического планирования.

Придерживаясь принципов циркулярной экономики, ХС замыкает ресурсные циклы, обеспечивая тем самым согласования с экологическими проектами региона. Таким образом, циркулярная экономика действует как мотиватор для компаний, которые хотят принять более устойчивые бизнес-модели. ХС может, например, наметить свои методы управления цепочками поставок, чтобы максимизировать эффективность использова-

ния ресурсов за счет сокращения, повторного использования и переработки отходов и достижения экологических целей [13; 14; 15].

Кроме того, принятие принципов циркулярной экономики в качестве основных принципов стратегического планирования предоставляет для ХС средства для выявления различных источников дохода, для снижения операционных издержек за счет переработки и утилизации отходов производства.

Управление затратами (УЗ)

Когда дело доходит до управления затратами, принятие принципов и практик циркулярной экономики играет значительную роль, поскольку позволяет ХС превращать продукты, которые находятся в конце одного из своих жизненных циклов, в ресурсы для создания других/новых продуктов. Это позволяет минимизировать отходы и одновременно снижает потребность в вводе первичного материала. Кроме того, дефицит ресурсов приводит к тому, что цены растут и становятся более волатильными, что негативно влияет на создание стоимости. Несомненно, переход от линейной к циркулярной бизнес-модели, как эффективной, так и устойчивой, может потребовать инвестиций (различных видов) от всех сторон, вовлеченных в сеть компании.

Европейский союз признал циркулярную экономику высокоэффективной стратегией, призванной помочь обществу осознать пределы экономического роста. Хотя необходимо учитывать барьеры для внедрения такой практики (потенциально высокие первоначальные инвестиционные затраты на проекты циркулярной экономики, низкие цены на первичный материал и пр.), вызванные главным образом широким предложением, есть несколько случаев, когда результаты ее реализации оказываются благоприятными [4].

Практическим примером применения принципов циркулярной экономики в

управлении затратами может служить внедрение компанией Alcatel системы мониторинга и обработки генерируемых ею электронных отходов. По мере того как Alcatel осваивает китайский рынок, она выявляет явные экономические преимущества, предоставляемые этой практикой, такие как снижение затрат за счет повторного использования компонентов и одновременно снижение возможных нематериальных издержек, которые следует ожидать от неудовлетворительных экологических показателей.

В случае Alcatel компания не только создала явное экономическое преимущество за счет переработки и повторного использования образующихся отходов, но и избежала нематериальных издержек репутационного ущерба, которые можно было бы ожидать от ХС, не воспринимаемых как экологически чистые.

Циркулярное управление цепочками поставок (ЦУЦП)

Циркулярная экономика часто рассматривается компаниями как поставщик возможностей продления экономической жизни товаров путем объединения усилий по всей цепочке поставок, а также привлечения потребителей, стремящихся восстановить стоимость таких продуктов на протяжении всего их жизненного цикла. Таким образом, потенциал восстановления стоимости открывает хорошие возможности для создания круговых цепочек поставок.

Когда речь заходит об управлении цепочками поставок, циркулярная экономика предоставляет средства для интеграции своих основных концепций в существующие принципы управления. Циркулярное управление цепочками поставок включает в себя конфигурацию и координацию организационных функций внутри и между бизнес-единицами с целью закрытия, замедления или сужения энергетических и материальных потоков. Это приводит к минимизации ввода ресурсов в систему, а также предотвращает утечку отходов и выбросов из системы,

тем самым повышая операционную эффективность и повышая конкурентоспособность.

Чтобы принять циркулярное управление цепочками поставок, ХС должны согласовать свои стратегии для успешного достижения конкретных целей, где необходимо учитывать экономические, экологические, логистические, организационные, маркетинговые и социальные показатели, а также активные действия со стороны многочисленных заинтересованных сторон.

Циркулярная экономика предлагает компаниям системное мышление и позволяет им интегрировать его в более устойчивое развитие своей цепочки поставок. ХС должен активно управлять всеми заинтересованными сторонами, привлекая своих партнеров к тому, чтобы сделать их бизнес-модели жизнеспособными,

Примеры действий, которые могут быть предприняты для повышения цикличности цепочки поставок, представлены Abuabara et al. (2019) в исследовании потребительского поведения на бразильском рынке кофе в капсулах. Эти действия включали: расширение городских пунктов сбора; включение стимулирующих программ для поощрения клиентов возвращать капсулы или доставлять их в пункт сбора; культивирование культуры гражданской ответственности и осведомленности в отношении сокращения отходов; объединение со специализированными компаниями по переработке отходов для изучения каждого вида отходов отдельно.

Долгосрочная перспектива с краткосрочными действиями может наблюдаться при построении экономически жизнеспособных предприятий с целью распространения принципов циркулярной экономики или использования определенных материалов для того, чтобы показать, что

они, возможно, не должны оказаться на свалках; тем не менее более циркулярное поведение может полностью перестроить цепочку поставок по сравнению с традиционной цепочкой.

Управление качеством (УК)

При циркулярном движении все еще существует неотъемлемая потребность в качестве продуктов и процессов. ХС нуждаются в изменении политики, позволяющей защищать ОС при одновременном продвижении бизнес-моделей, обеспечивающих качество производства/продукции, а также позволяющих поддерживать конкурентоспособность бизнеса, сохраняя клиентоориентированные и дифференцированные стратегии.

Однако переход от линейной экономики к циркулярной приводит к проблемам, ранее не существовавшим или не осознававшимся с точки зрения качества продукции и процессов. ХС должны решить вопрос о том, что их клиенты могут воспринимать продукцию, изготовленную с использованием восстановленных исходных материалов, как продукцию более низкого качества. Это, следовательно, побуждает ХС развивать практику управления качеством, чтобы уберечь свою репутацию от вреда.

Поэтому важно указать на основные материальные потоки в управлении качеством и необходимость иметь систему управления качеством, которая была бы более интегрирована с циркулярной экономикой. В таблице представлены сферы реализации циркулярной экономики.

Необходимо уметь предвидеть, прогнозировать, владеть и получать своевременную, качественную (т. е. полную, достоверную, точную и полезную) информацию о всех нововведениях, внешних и внутренних проблемах и ситуациях в окружающем пространстве [16; 17].

Таблица. Сферы реализации циркулярной экономики

Область	Уровень		
	микроуровень	мезоуровень	макроуровень
Производство	Экологически чистые производственные процессы с применением современных методов очистки, экодизайн	Экологически чистая сельскохозяйственная система	Региональная эко-промышленная сеть
Потребление	Зеленые закупки и потребление	Экологически чистый парк	Услуги по аренде товаров
Обращение с отходами	Концепция утилизации отходов производства и потребления	Рынок торговли отходами	Экогорода
Поддержка развития	Отраслевые стандарты, бизнес-модели и информационная поддержка	Государственные отраслевые стратегии и дорожные карты модернизации отраслей	Законы и государственные программы

Вывод

Таким образом, циркулярная экономика может способствовать повышению качества процессов. Для того чтобы работа систем замкнутого цикла была признана удовлетворительной, должны быть выполнены требования по качеству воды, почвы, отходов и других материалов,

используемых вторично, на основе определенных стандартов качества.

Поэтому циркулярная экономика представляет собой философию, способную к адаптации, а также обладающую возможностью быть интегрированной в управление цепочками поставок.

Список литературы

1. Мальцева В. С., Юшин В. В. Экологические проблемы крупных городов на примере Курска // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Техника и технологии. 2016. № 1 (18). С. 36-41.
2. Преликова Е. А., Белкина В. А. Социологический анализ экспертного мнения по вопросам состояния окружающей природной среды и техносферы города Курска // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9, № 3 (32). С. 192–201.
3. Мочалова Л. А. Экологические аспекты модернизации экономики России // Известия Уральского государственного горного университета. 2016. № 3. С. 105-108.
4. Батова Н. В., Сачек П. С., Точицкая И. А. Циркулярная экономика в действии: формы организации и лучшие практики. URL: http://www.beroc.by/webroot/delivery/files/pp_5_rus.pdf (дата обращения: 10.03.2021).
5. Герасименко Д., Николаева И. Циркулярная экономика в России в контексте целей устойчивого развития ООН и Года экологии // Мосты. 2017. № 3. С. 25 - 29.
6. Александрова В. Д. Современная концепция циркулярной экономики // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 5. С. 87-93.
7. Гурьева М. А. Теоретические основы концепта циркулярной экономики // Экономические отношения. 2019. Т. 9, № 3. С. 2311–2335.

8. Лапин Н. И. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). М.: Весь Мир, 2011. 256 с.
9. Валько Д. В. Циркулярная экономика: понятийный аппарат и диффузия концепции в отечественных исследованиях // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2019. № 2. С. 42–49.
10. Сочеева В. Е. Циркулярная модель экономики как новый подход к проблеме устойчивого развития // Экономика и бизнес: теория и практика. 2017. № 7. С. 122–124.
11. Пахомова Н. В., Рихтер К. К., Ветрова М. А. Переход к циркулярной экономике и замкнутым цепям поставок как фактор устойчивого развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2017. Т. 33, вып. 2. С. 244–268.
12. Александрова В. Д., Абрамова О. А. Пробелы, ограничивающие циркулярную экономику металлов (на примере бария) // Синергия наук. 2019. № 31. С. 190–196.
13. Сотникова О. А., Жидко Е. А. Проблемы утилизации отходов производства экологически опасных и экономически важных объектов ЦЧР и пути их решения // Биосферная совместимость: человек, регион, технологии. 2017. № 3(19). С. 11–20.
14. Мониторинг загрязнений твердыми бытовыми отходами городской среды посредством информационно-телекоммуникационных технологий / В. В. Юшин, В. В. Зотов, И. О. Рыкунова, Е. А. Преликова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Техника и технологии. 2011. № 2. С. 87–94.
15. Жидко Е. А. Экологический менеджмент как фактор эколого-экономической устойчивости предприятия в условиях рынка: монография / Воронежский государственный архитектурно-строительный университет. Воронеж, 2009. 156 с.
16. Жидко Е. А., Попова Л. Г. Информационные риски в экологии XXI века: принципы управления // Информационная безопасность. 2010. Т. 13, № 3. С. 325–334.
17. Попова Л. Г., Барковская С. В., Жидко Е. А. Информационный мониторинг безопасности и устойчивости развития организации в XXI веке // Информационная безопасность. 2009. Т. 12, № 4. С. 497–518.

References

1. Maltseva V. S., Yushin V. V. Ekologicheskie problemy krupnykh gorodov na primere Kurska [Ecological problems of large cities on the example of Kursk]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Tekhnika i tekhnologii = Proceedings of the Southwest State University. Series: Engineering and Technologies*, 2016, no. 1 (18), pp. 36–41.
2. Prelikova E. A., Belkina V. A. Sotsiologicheskii analiz ekspertnogo mneniya po voprosam sostoyaniya okruzhayushchei prirodnoi sredy i tekhnosfery goroda Kurska [Sociological analysis of expert opinion on the state of the environment and the technosphere of the city of Kursk]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2019, vol. 9, no. 3 (32), pp. 192–201.
3. Mochalova L. A. Ekologicheskie aspekty modernizatsii ekonomiki Rossii [Environmental aspects of the modernization of the economy of Russia]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo gornogo universiteta = Proceedings of the Ural State Mining University*, 2016, no. 3, pp. 105–108.
4. Batova N. V., Sachek P. S., Tochitskaya I. A. Cirkulyarnaya ekonomika v deystvii: formy organizatsii i luchshie praktiki [Circular economy in action: forms of organization and best practices]. Available at: http://www.beroc.by/webroot/delivery/files/pp_5_rus.pdf. (accessed 10.03.2021)
5. Gerasimenko D., Nikolaeva I. Tsirkulyarnaya ekonomika v Rossii v kontekste Tseley ustoichivogo razvitiya OON i Goda ekologii [Circular economy in Russia in the context of the UN Sustainable Development Goals and the Year of Ecology]. *Mosty = Bridges Network*, 2017, no. 3, pp. 25–29.

6. Aleksandrova V. D. Sovremennaya koncepciya cirkulyarnoj ekonomiki [Modern concept of circular economy]. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk = International Journal of the Humanities and Natural Sciences*, 2019, no. 5, pp. 87-93.

7. Gurieva M. A. Teoreticheskie osnovy koncepta cirkulyarnoj ekonomiki [Theoretical Foundations of the Concept of Circular Economy]. *Ekonomicheskie otnosheniya = Economic Relations*, 2019, vol. 9, no. 3, pp. 2311–2335.

8. Lapin N. I. Obzornyy doklad o modernizatsii v mire i Kitae (2001–2010) [Overview report on modernisation in the world and China (2001–2010)]. Moscow, The Whole World Publ., 2011. 256 p.

9. Valko D. V. Tsirkulyarnaya ekonomika: ponyatiyny apparat i diffuziya kontseptsii v otechestvennykh issledovaniyakh [Circular economy: Definitions and diffusion of the concept in Russian research]. *Nauchnyy zhurnal NIU ITMO. Seriya "Ekonomika i ekologicheskiy menedzhment" = Scientific Journal NRU ITMO. Series "Economics and Environmental Management"*, 2019, no. 2, pp. 42- 49.

10. Socheeva V. E. Tsirkulyarnaya model' ekonomiki kak novyy podkhod k probleme ustoychivogo razvitiya [Circular model of the economy as a new approach to the problem of sustainable development]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economy and Business: Theory and Practice*, 2017, no. 7, pp. 122–124.

11. Pakhomova N. V., Rikhter K. K., Vetrova M. A. Perekhod k tsirkulyarnoy ekonomike i zamknutym tsepyam postavok kak faktor ustoychivogo razvitiya [Transition to circular economy and closed-loop supply chains as driver of sustainable development]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika = St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, 2017, vol. 33, no. 2, pp. 244–268.

12. Aleksandrova V. D., Abramova O. A. Probely, ogranichivayushchie cirkulyarnuyu ekonomiku metallov (na primere bariya) [Gaps limiting the circular economy of metals (on the example of barium)]. *Mezhdunarodnyj nauchnyy elektronnyj zhurnal "Sinergiya nauk" = International Scientific Electronic Journal "Synergy of Sciences"*, 2019, no. 31, pp. 190-196.

13. Sotnikova O. A., Zhidko E. A. Problemy utilizatsii othodov proizvodstva ekologicheski opasnykh i ekonomicheski vazhnykh ob"ektov CCHR i puti ih resheniya [Problems of recycling waste production of environmentally hazardous and economically important objects of the Central Chernobyl Region and ways to solve them]. *Biosfernaya sovmestimost': chelovek, region, tekhnologi = Biosphere Compatibility: Human, Region, Technology*, 2017. no. 3(19), pp. 11-20.

14. Yushin V. V., Zotov V. V., Rykunova I. O., Prelikova E. A. Monitoring of urban solid waste by means of information and telecommunication technologies [Monitoring zagryaznenii tverdyimi bytovymi otkhodami gorodskoi sredy posredstvom informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologii]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Tekhnika i tekhnologii = Proceedings of the Southwest State University. Series: Engineering and Technologies*, 2011, no. 2, pp. 87–94.

15. Zhidko E. A. Ekologicheskij menedzhment kak faktor ekologo-ekonomicheskoy ustojchivosti predpriyatiya v usloviyah rynka [Environmental management as a factor of environmental and economic sustainability of the enterprise in market conditions]. Voronezh, Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering Publ., 2009. 156 p.

16. Zhidko E. A., Popova L. G. Informacionnye riski v ekologii HKHI veka: principy upravleniya [Information Risks in the Ecology of the XXI Century: Principles of Management]. *Informacionnaya bezopasnost' = Information Security*, 2010, vol.13, no. 3, pp. 325-334.

17. Popova L. G., Barkovskaya S. V., Zpidko E. A. Informacionnyj monitoring bezopasnosti i ustojchivosti razvitiya organizatsii v XXI veke [Information Monitoring of Security and Sustainability of Organization Development in the XXI Century]. *Informacionnaya bezopasnost' = Information Security*, 2009, vol. 12, no. 4, pp. 497-518.

Информация об авторах / Information about the Authors

Сотникова Ольга Анатольевна, доктор технических наук, профессор, заведующая кафедрой проектирования зданий и сооружений им. Н. В. Троицкого, Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Российская Федерация,
e-mail: ksenija.Sotnikova@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-4351-256X

Жидко Елена Александровна, доктор технических наук, доцент, профессор кафедры техносферной и пожарной безопасности, Воронежский государственный технический университет, профессор кафедры управления повседневной деятельностью подразделений Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина», г. Воронеж, Российская Федерация,
e-mail: lenag66@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1462-4036

Алфёров Максим Максимович, курсант, Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина», г. Воронеж, Российская Федерация

Olga A. Sotnikova, Doctor of Engineering Sciences, Professor, Head of the Department of Design of Buildings and Structures named after N. V. Troitsky, Voronezh State Technical University, Voronezh, Russian Federation,
e-mail: ksenija.Sotnikova@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-4351-256X

Elena A. Zhidko, Doctor of Engineering Sciences, Associate Professor, Professor of the Department Technosphere and Fire Safety, Voronezh State Technical University, Professor of the Department of Management of Daily Activities of units of the Military Training and Research Center of the Air Force "Air Force Academy named after Professor N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin", Voronezh, Russian Federation
e-mail: lenag66@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1462-4036

Maksim M. Alferov, Cadet, Military Training and Research Center of the Air Force "Air Force Academy named after Professor N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin", Voronezh, Russian Federation

УДК 656.13.658

Автоматизация оценки эколого-экономического ущерба от техногенных пожаров

И. О. Кирильчук¹, А. В. Беседин¹ ✉, А. В. Иорданова¹

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: anabis67@mail.ru

Резюме

Актуальность. В нормативных правовых актах, регулирующих определение экономического ущерба от пожаров, не учитываются потери от воздействия опасных факторов пожара на окружающую среду. Также в методиках определения экологического ущерба отсутствуют соответствующие алгоритмы расчета. Таким образом, для оценки экологического риска пожаров целесообразно определять эколого-экономический ущерб для окружающей среды.

Цель – исследование особенностей процедуры оценки эколого-экономического ущерба от пожаров и разработка программного обеспечения для автоматизации данного процесса.

Задачи: анализ известных методов определения эколого-экономического ущерба от пожаров; разработка алгоритма расчета эколого-экономического ущерба от пожаров, соответствующих программного продукта и базы данных.

Методология. Исследование основано на применении методов объектно ориентированного программирования, методике Л. К. Исаевой, базирующейся на определении загрязнения воздушной среды по информации об удельных выбросах вредных веществ на единицу сгоревшего материала.

Результаты. В процессе исследования был разработан программный продукт, автоматизирующий процесс расчета эколого-экономического ущерба от пожаров, и электронная реляционная база данных, позволяющая хранить и обрабатывать информацию о жилом фонде муниципальных образований. Имеющаяся информация может использоваться для оценки эколого-экономического ущерба от пожаров в аналогичных населенных пунктах. Заполнение базы данных осуществлялось на основе анализа ряда диссертационных исследований и отчетов о НИР. Апробация программного продукта проведена при определении эколого-экономического ущерба от пожаров в жилых помещениях в г. Курске за 2017 г.

Выводы. Эколого-экономический ущерб от воздействия на окружающую среду пожаров в городской застройке целесообразно принимать во внимание при принятии решений о финансировании мероприятий по пожарной и экологической безопасности населения, экономики и территорий. Необходимо выявлять данный ущерб от загрязнения окружающей среды, оценивать и осуществлять взыскание его с делинквентов.

Ключевые слова: пожар; техногенный пожар; эколого-экономический ущерб; окружающая среда; автоматизация; программный продукт; база данных.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Кирильчук И. О., Беседин А. В., Иорданова А. В. Автоматизация оценки эколого-экономического ущерба от техногенных пожаров // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 3. С. 125–137.

Поступила в редакцию 01.04.2021

Принята к публикации 28.04.2021

Опубликована 30.06.2021

© Кирильчук И. О., Беседин А. В., Иорданова А. В., 2021

Automation of the Assessment of Environmental and Economic Damages from Man-Made Fires

Iraida O. Kirilchuk¹, Andrey V. Besedin¹ ✉, Anastasia V. Iordanova¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: anabis67@mail.ru

Abstract

Relevance. The regulatory legal acts governing the definition of economic damage from fires do not take into account losses from the impact of hazardous fire factors on the environment. Also, there are no corresponding calculation algorithms in the methods for determining environmental damage. Thus, in order to assess the ecological risk of fires, it is advisable to determine the ecological and economic damage to the environment.

The purpose is study of the features of the procedure for assessing environmental and economic damage from fires and the development of software to automate this process.

Objectives: analysis of the known methods for determining the ecological and economic damage from fires; development of an algorithm for calculating environmental and economic damage from fires, the corresponding software product and database.

Methodology. The study is based on the application of object-oriented programming methods, LK Isaeva's methodology, based on the determination of air pollution from information on specific emissions of harmful substances per unit of burnt material.

Results. In the course of the research, a software product was developed that automates the process of calculating environmental and economic damage from fires, and an electronic relational database that allows you to store and process information about the housing stock of municipalities. The available information can be used to assess the environmental and economic damage from fires in similar settlements. The database was filled out based on the analysis of a number of dissertation research and research reports. The approbation of the software product was carried out in determining the environmental and economic damage from fires in residential premises in Kursk for 2017.

Conclusions. It is advisable to take into account the ecological and economic damage from the environmental impact of fires in urban development when making decisions on financing measures for fire and environmental safety of the population, economy and territories. It is necessary to identify this damage from environmental pollution, assess and recover it from delinquents.

Keywords: fire; environment; environmental and economic damage; automation; software product; database.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Kirilchuk I. O., Besedin A. V., Iordanova A. V. Automation of the Assessment of Environmental and Economic Damages from Man-Made Fires. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(3): 125–137. (In Russ.)

Received 01.04.2021

Accepted 28.04.2021

Published 30.06.2021

Введение

Пожар – это неконтролируемое горение, уничтожающее или повреждающее материальные ценности, антропогенные и природные объекты, создающее опасность для жизни людей и животных [1].

Экологическая опасность пожаров напрямую зависит от воздействия на окружающую природную среду опасных экологических факторов пожара, к кото-

рым относятся: тепловое загрязнение окружающей среды, повышенная концентрация токсичных продуктов горения и термического разложения горящих и перегретых веществ и материалов, пониженная концентрация кислорода, а также загрязнение окружающей среды огнетушащими веществами, смешанными с продуктами горения [2; 3; 4; 5; 6; 7].

Процесс горения любого вещества или материала сопровождается не только

выбросом в окружающую природную среду продуктов горения, но и расходом значительных объемов воздуха. Так, при сгорании 1 м³ природного газа расходуется 5 м³ воздуха, 1 кг древесины – 4,2 м³, 1 кг соломы – 4,6 м³, 1 кг каменного угля – 8 м³ воздуха.

Пониженная концентрация кислорода в местах возникновения пожаров является главным поражающим фактором воздействующих на объекты фауны данных мест и приводит к массовой гибели большей части популяций живых организмов, на территории обитания которых произошел пожар. Таким образом, основной процент смертности живых организмов при пожарах обуславливается именно пониженной концентрацией кислорода и в дальнейшем – удушьем. Наряду с токсичными продуктами горения загрязнение атмосферы, водных объектов, почвы может быть вызвано и огнетушащими веществами, которые использовались в процессе тушения пожара.

Особая экологическая опасность пожаров состоит в том, что при возникновении и протекании они могут воздействовать сразу на все компоненты окружающей природной среды: атмосферу, гидросферу, литосферу, флору и фауну [8]. И если негативному воздействию подвергаются не все компоненты окружающей природной среды, то оставшиеся в результате протекания естественных природных процессов подвергаются вторичному воздействию.

Наибольший ущерб получает атмосфера, в которую напрямую выделяются большие объемы токсичных продуктов горения пожарной нагрузки, а помимо это сжигаются огромные объемы кислорода воздуха, пригодного для дыхания человека, животных и необходимого для фотосинтеза растений.

Качественно оценить экологический ущерб от пожаров возможно с использованием схемы, представленной ниже (рис. 1).

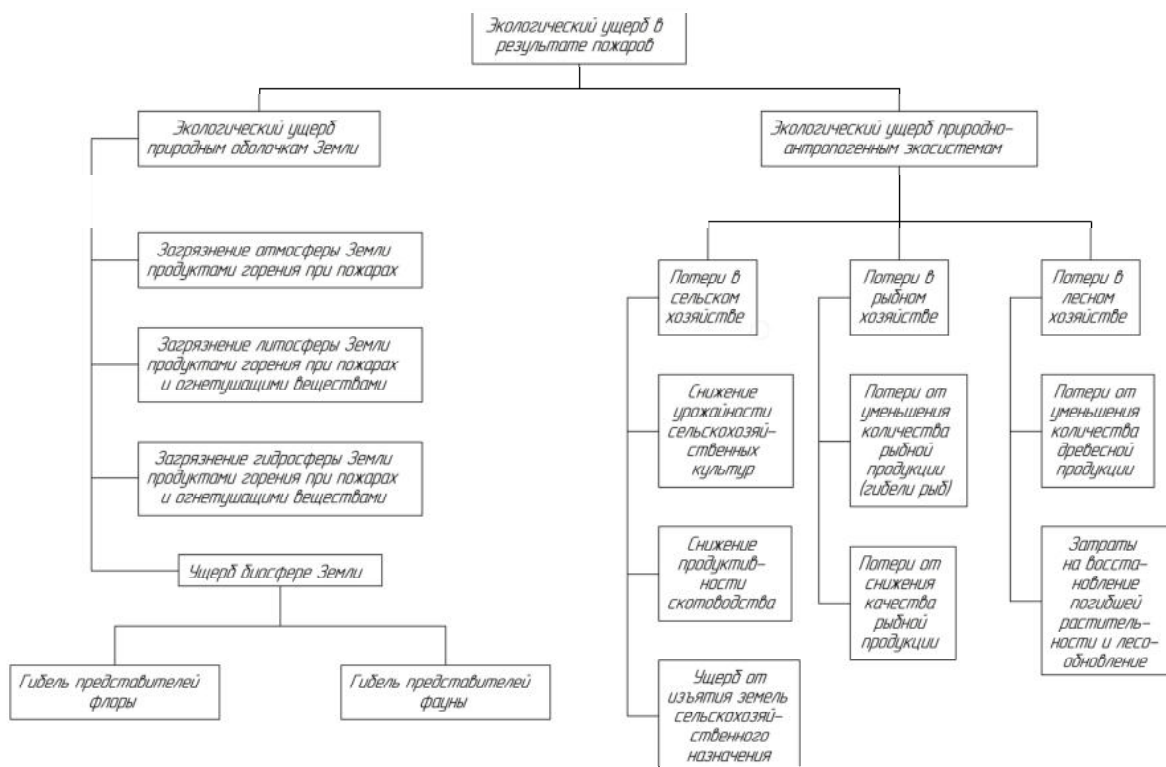

Рис. 1. Негативное воздействие пожаров на окружающую природную среду [9]

Количественно опасность пожаров выражается с помощью оценки негативного воздействия, которая проводится по определенным количественным параметрам экологической опасности, такими параметрами являются пожарный риск и эколого-экономический ущерб [10]. Пожарный риск является параметром пожарной опасности, однако непосредственно он относится только к людям, которые имеют возможность пострадать или погибнуть при пожаре, но с экологической опасностью пожаров этот показатель не связан [11; 12]. Таким образом, основным количественным параметром экологической опасности пожаров является эколого-экономический ущерб.

Однако в актуальных на настоящий момент нормативных правовых актах, регулирующих определение экономического ущерба от пожаров (например, РД 03-496-02 «Методические рекомендации по оценке ущерба от аварий на опасных производственных объектах», др.), не учитываются финансовые потери от негативного воздействия опасных факторов пожара на окружающую среду. Кроме того, данные методики, как правило, носят рекомендательный характер и являются достаточно приблизительными. С другой стороны, в методиках определения экологического ущерба, в том числе причиненного в результате нештатных ситуаций (см., например, Постановление Правительства РФ от 03.03.2017 г. № 255 «Об исчислении и взимании платы за негативное воздействие на окружающую среду»; Методика определения предотвращенного экологического ущерба, утвержденная Председателем Государственного комитета Российской Федерации по охране окружающей среды В. И. Даниловым-Данильяном 30 ноября 1999 г., др.), отсутствуют подробные и прозрачные алгоритмы расчета величины данного ущерба от пожаров в городских агломерациях.

Для идентификации экологического риска пожаров, управления им представ-

ляется целесообразным производить оценку эколого-экономического ущерба от загрязнения окружающей среды в результате возгораний, что в совокупности с прочими мероприятиями позволит обеспечить высокий уровень пожарной и экологической безопасности человека, сохранение его жизни и здоровья, поддержание качества природной среды и снижение воздействия на нее опасных факторов пожара.

Вышеизложенным подтверждается актуальность **цели настоящей работы**, состоящей в исследовании особенностей процедуры оценки эколого-экономического ущерба от пожаров и разработке специального программного обеспечения для автоматизации данного процесса.

Материалы и методы

На рисунке 2 представлены диаграммы распределения количества пожаров по причинам возникновения и объектам, подвергшимся возгоранию. Среди объектов наибольший вклад (70,2 %) вносят здания жилого назначения, в связи с этим особое внимание в данной статье было уделено исследованию экологической опасности техногенных пожаров в жилых помещениях [13; 14].

Одной из наиболее известных методик определения эколого-экономического ущерба от пожаров является методика оценки экологических последствий загрязнения атмосферного воздуха в результате пожаров, предложенная Л. К. Исаевой, которая основана на экспериментальной информации по количеству выбросов токсикантов в атмосферу, приведенной к единице массы сгоревшего материала. Данная методика нашла широкое применение для расчета величины эколого-экономического ущерба от пожаров на различных объектах, как жилых и коммунально-бытовых, так и производственных [15; 16; 17]. Рассмотрим порядок проведения расчетов по данной методике (рис. 3).

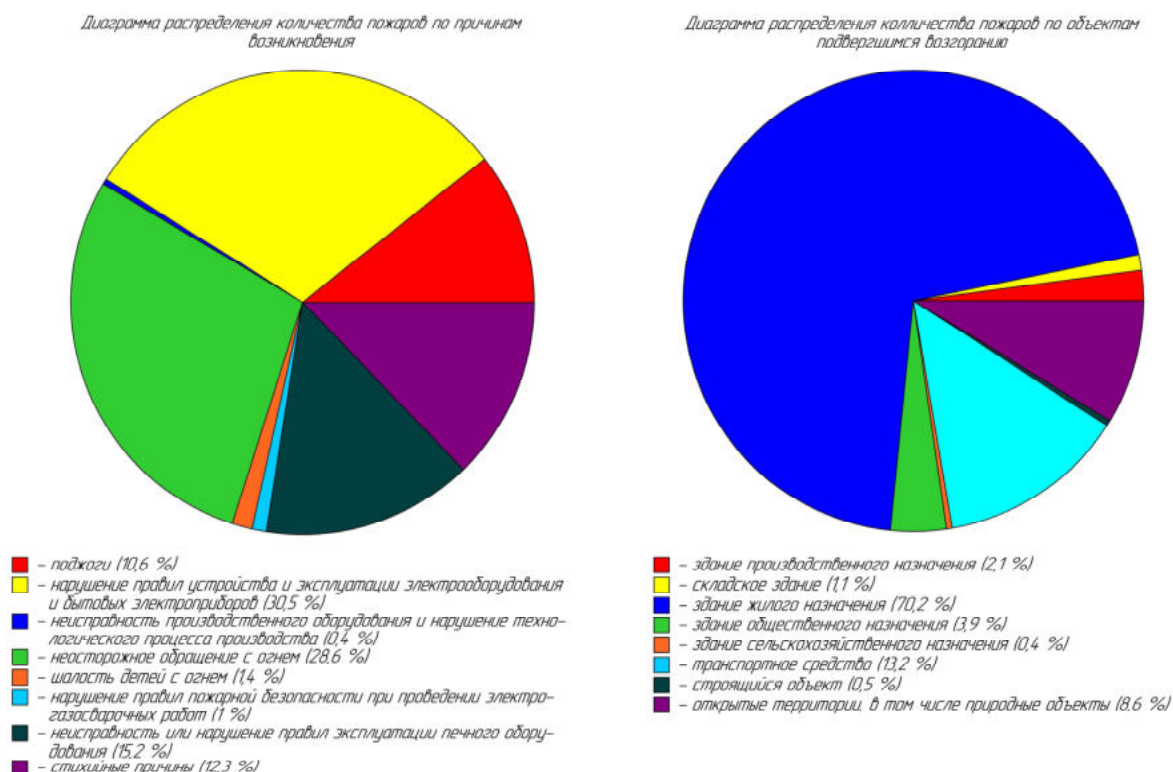

Рис. 2. Диаграммы распределения количества пожаров по причинам возникновения и объектам, подвергшимся возгоранию

Одним из отрицательных факторов, ограничивающих использование данной методики в современных условиях, является сложность компьютеризации соответствующих расчетов, вследствие чего она не была автоматизирована с учетом достигнутого уровня развития программно-аппаратных комплексов: вычисления до сих пор производятся в основном в ручном либо полуавтоматическом режимах на основе информации об уже произошедших пожарах, что существенно увеличивает их трудоемкость и снижает значимость этих расчетов для прогнозирования соответствующих рисков и управления ими. Данный факт, кроме того, обуславливает применимость методики Л. К. Исаевой в наибольшей степени для определения локальных эколого-экономических последствий пожаров, а не для оценки таковых последствий на уровне субъекта Российской Федерации.

Результаты и их обсуждение

Общее количество токсикантов, выделяющиеся в процессе горения, определяется как сумма произведений массы конкретного сгоревшего материала на величину массы соответствующего образованного загрязняющего вещества и на показатель относительной опасности загрязнения данным веществом атмосферы над территорией населенного пункта. Масса сгоревшего материала находится по фактическим данным с учетом массовой скорости выгорания горючих и труднгорючих материалов, площади и времени пожара, а также коэффициента полноты горения – этот показатель является важным элементом, необходимым для расчета количества годовых выбросов вредных веществ в атмосферу (т/г), которые, в свою очередь, и определяют величину эколого-экономического ущерба.

Среди факторов, затрудняющих автоматизацию расчета эколого-экономического ущерба в соответствии с методи-

кой Л. К. Исаевой, можно выделить следующие:

- отсутствие программно-аппаратных комплексов, направленных на решение данной задачи и соответствующих современному уровню развития вычислительной техники, программного обеспечения, сетевых технологий;

- трудоемкий и в основном ручной сбор информации о горючей нагрузке жилых зданий и помещений – ее составе, количестве, виде, расположении, степени участия в развитии потенциального пожара, др.;

- установление природы и усредненных значений массы сгоревших материалов.

Рис. 3. Порядок проведения расчета эколого-экономического ущерба от пожаров в зданиях и помещениях

Если проблема создания соответствующего аппаратно-программного комплекса может быть разрешена путем его

разработки специалистами в области вычислительной техники и программирования, то задача автоматизации сбора и об-

поведения научно-исследовательских проектов. В связи с этим была разработана электронная реляционная база данных, предназначенная для хранения и обработки указанной информации. Заполнение базы данных было осуществлено на основе анализа значительного количества диссертационных исследований и отчетов о НИР [18; 19; 20].

Разработанная база данных дает возможность использовать информацию о горючей нагрузке жилых зданий и помещений, массе сгоревших в результате пожаров веществ и материалов в населенных пунктах, для которых указанные показатели уже определены, в целях вы-

числения эколого-экономического ущерба в муниципальных образованиях и населенных пунктах, аналогичных по основным параметрам (вид муниципального образования, населенного пункта, численность проживающего населения, основные виды жилых помещений, их площадь, топология, особенности климата, территориально-урбанистическая структура и т. п.).

На рисунках 5 и 6 представлены структура и визуальное изображение таблиц разработанной базы данных. Эта база данных включает в себя пять таблиц и реализует два запроса.

Рис. 5. Структура базы данных «Горючая нагрузка»

Апробация разработанного программного продукта и базы данных проведена при расчете эколого-экономического ущерба от пожаров в жилых помещениях в г. Курске за 2019 г. (рис. 7).

Процесс состоит из следующих шагов:

- 1) выбор экономического района РФ для г. Курска;
- 2) выбор показателя удельного экономического загрязнения атмосферного воздуха для г. Курска с учетом влияния инфляции;

3) выполнение запроса в базу данных «Горючая нагрузка» по параметрам г. Курска и введение в форму заполнения соответствующих данных о массе сгоревших материалов;

4) проведение расчета и вывод результатов.

Таким образом, эколого-экономический ущерб от пожаров в жилых помещениях в г. Курске за 2019 г. составил приблизительно 3087599,84 руб.

Таблица 1 – Города

Код города	Название	Площадь	Числ.Населения	МассаСгоревшихМатериалов	КодОбласти	Шелкните для добавления
1	Калнинград	225	475056	160	1	
2	Курск	208	458733		2	
(№)						

Таблица 2 – Горючая нагрузка

КодП	Код города	КодП	УглеродМассП	Шелкните для добавления
1	1	1	0.1276	
2	1	2	0.0017	
3	1	3	0.0058	
4	1	4	0.0029	
5	1	5	0.0017	
6	1	6	0.0006	
7	1	7	5.22E-07	
8	1	8	0.0557	
9	2	1	0.1276	
10	2	2	0.0017	
11	2	3	0.0058	
12	2	4	0.0029	
13	2	5	0.0017	
14	2	6	0.0006	
15	2	7	5.22E-07	
16	2	8	0.0557	
(№)				

Таблица 3 – Климатическая зона

КодКЗ	Зона	Шелкните для добавления
1	Тропическая	
2	Субтропическая	
3	Умеренная	
4	Полупустынная	
5	Особая	
(№)		

Таблица 4 – Области

КодОбласти	Область	КодКЗ	Шелкните для добавления
1	Калнинградская	1	
2	Курская	2	
(№)			

Таблица 5 – Продукты горения

КодПГ	ПГ	ПДКссПГ	Шелкните для добавления
1	Оксид углерода	1	
2	Диоксид азота	0,04	
3	Диоксид серы	0,5	
4	Синильная кислота	0,01	
5	Уксусная кислота	0,06	
6	Формальдегид	0,003	
7	Бензапирен	0,000001	
8	Сажа	0,05	
(№)			

Рис. 6. Визуальное изображение базы данных «Горючая нагрузка»

Выводы

Разработка, реализация, наполнение и ведение баз данных о характеристиках сгоревших в результате пожаров горючих и трудногорючих материалов и о горючей нагрузке жилых зданий и помещений, расположенных на территории определенного населенного пункта, привязка этих баз данных к соответствующим программно-аппаратным комплексам – все это позволит решить следующие задачи:

- сбор актуальной информации как в конкретных населенных пунктах, субъектах Российской Федерации, так и в стране в целом;
- снижение трудоемкости процесса расчета эколого-экономического ущерба от пожаров в жилых зданиях (помещениях), а также оценки и управления соответствующими рисками за счет автоматизации наиболее трудозатратных процессов сбора, обработки информации и последующих расчетов;
- определение оценочного потенциального эколого-экономического ущерба

от пожаров и управление соответствующими рисками для субъектов и населенных пунктов Российской Федерации, информация для которых является недостаточной для проведения точных расчетов.

Эколого-экономический ущерб от негативного воздействия на окружающую среду пожаров в городской застройке целесообразно учитывать при принятии решений о финансовом обеспечении мероприятий по пожарной и экологической безопасности населения, экономики и территорий, предусматриваемых как в местных бюджетах муниципальных образований, так и в бюджетах субъектов Российской Федерации и государства в целом. Необходимо выявлять эколого-экономический ущерб от загрязнения окружающей среды в результате возгораний, оценивать и осуществлять взыскание его с делинквентов – физических, должностных, юридических лиц, подобно штрафным санкциям в сфере промышленной и экологической безопасности в случае нештатных ситуаций на производственных объектах.

Расчет эколого-экономического ущерба от пожаров в жилых помещениях г. Курска с использованием программного продукта "Экологический калькулятор" и базы данных "Горючая нагрузка"

1. Выбор экономического района Российской Федерации для г. Курска

Экономический район Российской Федерации
Северный
Северо-Западный
Центральный
Волго-Вятский
Центрально-Черноземный
Подольский
Северо-Кавказский
Уральский
Западно-Сибирский
Восточно-Сибирский
Дальневосточный

Выберите экономический район Российской Федерации:

Центрально-Черноземный

Укажите удельный экономический ущерб в руб/кв.т

0

Укажите массу створивших материалов пожарной нагрузки в т

0

Результат: рублей

РАСЧЕТ

Выберите экономический район Российской Федерации:

Центрально-Черноземный

Укажите удельный экономический ущерб в руб/кв.т

0

Укажите массу створивших материалов пожарной нагрузки в т

0

Результат: рублей

РАСЧЕТ

Результаты запроса по параметрам г. Курска

Пожарная нагрузка	225	475046	160
Калькулятор	208	458735	160

Примечание

Параметры запроса определяются основными параметрами города, для которого производится расчет в ближайших границах.

2. Выбор показателя удельного экономического ущерба от загорания атмосферного воздуха для г. Курска

Экономический район Российской Федерации	Показатель удельного экономического ущерба
Северный	46,0
Северо-Западный	62,5
Центральный	74,0
Волго-Вятский	64,0
Центрально-Черноземный	62,8
Подольский	63,7
Северо-Кавказский	68,7
Уральский	67,4
Западно-Сибирский	60,2
Восточно-Сибирский	46,9
Дальневосточный	44,2
Калининградская обл.	61,9

Выберите экономический район Российской Федерации:

Центрально-Черноземный

Укажите удельный экономический ущерб в руб/кв.т

550,39

Укажите массу створивших материалов пожарной нагрузки в т

0

Результат: рублей

РАСЧЕТ

Примечание

После выбора показателя экономического ущерба необходимо вычитать его пересчет с учетом влияния инфляции.

4. Проведение расчета и вывод окончательных результатов

Выберите экономический район Российской Федерации:

Центрально-Черноземный

Укажите удельный экономический ущерб в руб/кв.т

550,39

Укажите массу створивших материалов пожарной нагрузки в т

160

Результат: 3087599,84рублей

РАСЧЕТ

Ущерб от пожаров в жилых помещениях г. Курска за 2019 год составил 3087599,84 рублей.

Рис. 7. Расчет эколого-экономического ущерба от пожаров в жилых помещениях г. Курска с использованием разработанных программных продуктов

Список литературы

1. Виды пожаров: подробная классификация и характеристика. URL: <https://fireman.club/statyi-polzovateley/vidyi-pozharov-podrobnaya-klassifikatsiya-i-harakteristika/> (дата обращения: 20.02.2021).
2. Исаева Л. К. Экологические последствия пожаров // Хроника амбера. 2001. № 1 (281). С. 7-8.
3. Кустов М. В. Исследование динамики образования и выпадения кислотных осадков в результате крупных природных и техногенных пожаров // Восточно-Европейский журнал передовых технологий. 2016. Т. 1, № 10 (79). С. 11-17.
4. Попов В. П., Колесников И. О., Агапитов В. М. Пути ликвидации медико-санитарных последствий пожаров в техногенной чрезвычайной ситуации // Медицина катастроф. 2008. № 2 (62). С. 7-10.
5. Шахрамьян М. А., Ларионов В. И., Нигметов Г. М. Комплексная оценка риска от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера // Безопасность жизнедеятельности. 2001. № 12. С. 8-14.
6. Дорошенко А. М. К выбору критериев пожарной опасности и экологических последствий пожаров // Региональные проблемы. 2007. № 8. С. 139-143.
7. Роль пожарного мониторинга жилой застройки в обеспечении экологической безопасности населения / Г. С. Захарова, Л. К. Исаева, А. В. Подгрушный, С. В. Соколов // Пожары и чрезвычайные ситуации: предотвращение, ликвидация. 2013. № 1. С. 42-49.
8. Микеев А. К. Пожар. Социальные, экономические, экологические проблемы. М.: Пожарная наука, 1994. 386 с.
9. Юшин В. В., Кирильчук И. О., Гнездилова А. В. Исследование экологической опасности пожаров в жилой застройке и сопутствующих пожарных рисков // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Техника и технологии. 2018. № 3 (28). С. 50-59.
10. Протасов В. В., Попов В. М., Юшин В. В. Технологии противопожарного режима образовательных учреждений // Известия Юго-Западного государственного университета. 2013. № 3(48). С. 193-196.
11. Тимофеев Г. П., Северенчук П. Н., Юшин В. В. Оперативное дистанционное подавление пожаров на энергетических объектах и атомных электростанциях с использованием сканирующих установок // Известия Юго-Западного государственного университета. 2011. № 5-1(38). С. 175-177.
12. Тимофеев Г. П., Северенчук П. Н., Юшин В. В. Аспекты применения сканирующих пусковых установок для тушения пожаров на энергетических опасных объектах // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Техника и технологии. 2016. № 4(21). С. 75-81.
13. Причины и последствия техногенных пожаров. URL: <https://protivpozhara.com/tipologija-teorija/tehnogennye-pozhary> (дата обращения: 11.03.2021).
14. Статистика пожаров в Российской Федерации за 2017. URL: <http://www.mchs.gov.ru/activities/stats/Pozhari> (дата обращения: 12.03.2021).
15. Исаева Л. К. Проблемы оценки эколого-экономического ущерба от пожаров // Проблемы безопасности при чрезвычайных ситуациях. 1990. № 2. С. 36-39.
16. Трухачева М. В., Зайцев А. М. Оценка ущерба от пожаров в зданиях и сооружениях от повреждений строительных конструкций // Студент и наука. 2017. № 1. С. 217-226.
17. Эколого-экономическая оценка загрязнения атмосферы в результате пожаров на объектах техносферы Иркутской области / С. С. Тимофеева, В. В. Гармышев, Е. А. Кузьмичева, А. И. Черных // XXI век. Техносферная безопасность. 2017. Т. 2, № 3 (7). С. 57-68.
18. Самойлов Д. Б., Кафидов В. В. Проблемы пожарной безопасности жилищного фонда больших городов // Обеспечение организационно-управленческой деятельностью Государственной противопожарной службы: сборник научных трудов / Всероссийский ордена «Знак Почета» научно-исследовательский институт противопожарной обороны. М., 2000. 72 с.
19. Экологические последствия пожаров в жилой застройке городов. URL: <http://docplayer.ru/32145975-Sulimenko-vladimir-anatolevich-ekologicheskie-posledstviya-pozharov-v-zhiloy-zastroyke-gorodov.html> (дата обращения: 11.03.2021).
20. Расчет степени загрязнения окружающей среды при пожарах в жилом секторе по отношению к штатным выбросам объектов хозяйственной деятельности. URL: http://studbooks.net/1018347/ekologiya/raschet_stepeni_zagryazneniya_okruzhayuschey_sredy_pozharah_zhilom_sektore_ot_nosheniyu_shtatnym_vybrosam_obektov (дата обращения: 14.03.2021).

References

1. Vidy pozharov: podrobnaya klassifikatsiya i kharakteristika [Types of fires: detailed classification and characteristics]. Available at: <https://fireman.club/statyi-polzovateley/vidyi-pozharov-podrobnaya-klassifikatsiya-i-harakteristika/>. (accessed 20.02.2021)
2. Isaeva L. K. Ekologicheskie posledstviya pozharov [Ecological consequences of fires]. *Hronika ambara = Chronicle of Amber*, 2001, no. 1 (281), pp. 7-8.
3. Kustov M. V. Issledovanie dinamiki obrazovaniya i vypadeniya kislotnykh osadkov v rezul'tate krupnykh prirodnykh i tekhnogennykh pozharov [Investigation of the dynamics of formation and precipitation of acid precipitation as a result of large natural and man-made fires]. *Vostochno-Evropejskij zhurnal peredovykh tekhnologij = Eastern European Journal of Advanced Technologies*, 2016, no. 10 (79), pp. 11-17.
4. Popov V. P., Kolesnikov I. O., Agapitov V. M. Puti likvidatsii mediko-sanitarnykh posledstviy pozharov v tekhnogennoi chrezvychainoi situatsii [Ways to eliminate the medical and sanitary consequences of fires in a technogenic emergency]. *Medicina katastrof = Medicine of Catastrophes*, 2008, no. 2 (62), pp. 7-10.
5. Shakhramanyan M. A., Larionov V. I., Nigmatov G. M. Kompleksnaya otsenka riska ot chrezvychaynykh situatsii prirodnogo i tekhnogennogo kharaktera [Comprehensive risk assessment from natural and technogenic emergencies]. *Bezopasnost' zhiznedeystel'nosti = Life Safety*, 2001, no. 12, pp. 8-14.
6. Doroshenko A. M. K vyboru kriteriev pozharnoi opasnosti i ekologicheskikh posledstviy pozharov [On the selection of fire hazard criteria and environmental consequences of fires]. *Regional'nye problemy = Regional Problem*, 2007, no. 8, pp. 139-143.
7. Zakharova G. S., Isaeva L. K., Podgrushny A. V., Sokolov S. V. Rol' pozharnogo monitoringa zhiloi zastroyki v obespechenii ekologicheskoi bezopasnosti naseleniya [The Role of fire monitoring of residential development in ensuring environmental safety of the population]. *Pozhary i chrezvychajnye situatsii: predotvrashchenie, likvidatsiya = Fires and Emergencies: Prevention, Elimination*, 2013, no. 1, pp. 42-49.
8. Mikeev A. K. Pozhar. Sotsial'nye, ekonomicheskie, ekologicheskie problemy [Fire. Social, economic, and environmental problems]. Moscow, Pozharnaya Nauka Publ., 1994. 386 p.
9. Yushin V. V., Kirilchuk I. O., Gnezdilova A. V. Issledovanie ekologicheskoi opasnosti pozharov v zhiloi zastroyke i soputstvuyushchikh pozharnykh riskov [Investigation of the environmental hazard of fires in residential buildings and related fire risks]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Tekhnika i tekhnologii = Proceedings of the Southwest State University. Series: Engineering and Technologies*, 2018, no. 3 (28), pp. 50-59.
10. Protasov V. V., Popov V. M., Yushin V. V. Tekhnologii protivopozharnogo rezhima obrazovatel'nykh uchrezhdenii [Technologies of fire prevention of educational institutions]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Tekhnika i tekhnologii = Proceedings of the Southwest State University*, 2013, no. 3 (48), pp. 193-196.
11. Timofeev G. P., Severenchuk P. N., Yushin V. V. Operativnoe distantsionnoe podavlenie pozharov na energeticheskikh ob'ektakh i atomnykh elektrostantsiyakh s ispol'zovaniem skaniruyushchikh ustanovok [Operational remote suppression of fires at power facilities and nuclear power plants using scanning installations]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Tekhnika i tekhnologii = Proceedings of the Southwest State University*, 2011, no. 5-1(38), pp. 175-177.
12. Timofeev G. P., Severenchuk P. N., Yushin V. V. Aspekty primeneniya skaniruyushchikh puskovykh ustanovok dlya tusheniya pozharov na energeticheskikh opasnykh ob'ektakh [Aspects of using scanning launchers for extinguishing fires at energy hazardous facilities]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Tekhnika i tekhnologii = Proceedings of the Southwest State University. Series: Engineering and Technologies*, 2016, no. 4 (21), pp. 75-81.
13. Prichiny i posledstviya tekhnogennykh pozharov [Causes and consequences of man-made fires]. Available at: <https://protivpozhara.com/tipologija/teorija/tehnogennye-pozhary>. (accessed 11.03.2021)
14. Statistika pozharov v Rossiiskoi Federatsii za 2017 [Fire Statistics in the Russian Federation for 2017]. Available at: <http://www.mchs.gov.ru/activities/stats/Pozhari>. (accessed 12.03.2021)

15. Isaeva L. K. Problemy otsenki ekologo-ekonomicheskogo ushcherba ot pozharov [Problems of assessing environmental and economic damage from fires]. *Problemy bezopasnosti pri chrezvychajnykh situatsiyah* = *Safety Issues in Emergency Situations*, 1990, no. 2, pp. 36-39.

16. Trukhacheva M. V., Zaitsev A.M. Otsenka ushcherba ot pozharov v zdaniyakh i sooruzheniyakh ot povrezhdenii stroitel'nykh konstruktov [Assessment of damage from fires in buildings and structures from damage to building structures]. *Student i nauka* = *Student and Science*, 2017, no. 1, pp. 217-226.

17. Timofeeva S. S., Garmyshev V. V., Kuzmicheva E. A., Chernykh A. I. Ekologo-ekonomicheskaya otsenka zagryazneniya atmosfery v rezul'tate pozharov na ob'ektakh tekhnosfery Irkutskoi oblasti [Ecological and economic assessment of atmospheric pollution as a result of fires at the objects of the technosphere of the Irkutsk region]. *XXI vek. Tekhnosfernaya bezopasnost'* = *XXI Century. Technosphere Security*, 2017, vol. 3, no. 7, pp. 57-68.

18. Samoilov D. B., Kafidov V. V. [Problems of fire safety of housing stock of big cities]. Obespechenie organizatsionno-upravlencheskoi deyatel'nost'yu Gosudarstvennoi protivopozharnoi sluzhby. Sbornik nauchnykh trudov [Providing organizational and managerial activities of the State fire service. Collection of scientific papers]. Moscow, Vserossiiskii ordena "Znak Pocheta" nauchno-issledovatel'skii institut protivopozharnoi oborony Publ., 2000. 72 p. (In Russ.)

19. Ekologicheskie posledstviya pozharov v zhiloi zastroike gorodov [Ecological consequences of fires in residential buildings of cities] Available at: <http://docplayer.ru/32145975-Sulimenko-vladimir-anatolevich-ekologicheskie-posledstviya-pozharov-v-zhiloy-zastroyke-gorodov.html>. (accessed 11.03.2021)

20. Raschet stepeni zagryazneniya okruzhayushchei sredy pri pozharakh v zhilom sektore po otnosheniyu k shtatnym vybrosam ob'ektov khozyaistvennoi deyatel'nosti [Calculation of the degree of environmental pollution during fires in the residential sector in relation to the regular emissions of economic activities]. Available at: http://studbooks.net/1018347/ekologiya/raschet_stepeni_zagryazneniya_okruzhayushchey_sredy_pozharah_zhilom_sektore_otnosheniyu_shtatnym_vybrosam_obektov. (accessed 14.03.2021)

Информация об авторах / Information about the Authors

Кирильчук Ираида Олеговна, кандидат технических наук, доцент кафедры охраны труда и окружающей среды, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: iraida585@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-8636-9340,
Researcher ID: N-8966-2016

Iraida O. Kirilchuk, Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor of the Department of Labor Protection and Environment, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: iraida585@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-8636-9340,
Researcher ID: N-8966-2016

Беседин Андрей Владимирович, кандидат технических наук, доцент кафедры охраны труда и окружающей среды, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: anabis67@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-6841-4555,
Researcher ID: AAQ-8310-2021

Andrey V. Besedin, Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor of the Department of Labor Protection and Environment, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: anabis67@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-6841-4555,
Researcher ID: AAQ-8310-2021

Иорданова Анастасия Владимировна, аспирант, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: asy.gnezdilova@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-7780-497X

Anastasia V. Iordanova, Post-Graduate Student, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: asy.gnezdilova@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-7780-497X

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОГО СЕКТОРА

PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE FINANCIAL SECTOR DEVELOPMENT

Оригинальная статья / Original article

УДК 338.242

О перспективах фонда национального благосостояния

С. В. Шманёв¹ ✉, А. А. Татарников¹

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Ленинградский проспект 49, г. Москва 125993, Российская Федерация

✉ e-mail: shmanev_s_v@mail.ru

Резюме

Актуальность. В современной экономике государству важно иметь резервный фонд для финансирования своих задач в непредвиденных ситуациях. С другой стороны, в нормальных условиях функционирования экономики суверенный фонд может стать инструментом повышения инвестиционной активности страны. В России на данный момент функционирует единственный суверенный фонд – Фонд национального благосостояния, который наполняется за счёт дополнительных доходов от нефтегазового сектора. В ближайшей перспективе ФНБ может стать системообразующим звеном социально-экономического развития Российской Федерации.

Цель – предложить новую модель наполнения и управления средствами Фонда национального благосостояния с целью максимизации эффективности использования ликвидной части ресурсов фонда для комплексного социально-экономического развития России и совершения экономического прорыва в ключевых отраслях экономики.

Задачи: рассмотреть современную модель управления и наполнения Фонда национального благосостояния; проанализировать мировой опыт функционирования суверенных фондов; предложить перспективные источники наполнения дополнительными финансовыми ресурсами Фонда национального благосостояния; рассмотреть перспективные проекты и направления использования ликвидной части средств ФНБ.

Методология. При исследовании были использованы методы: сравнения мировых и отечественной практики функционирования суверенных фондов; статистического анализа финансовых показателей деятельности Фонда национального благосостояния и перспективных отраслей его пополнения; моделирования и анализа эффективности использования ликвидной части средств ФНБ при их инвестировании в национальную экономику.

Результаты. Проведенный анализ показал наличие богатого мирового опыта эффективного использования суверенных фондов как инструмента социально-экономического развития страны. Анализ отечественной практики функционирования Фонда национального благосостояния показал наличие широких перспектив как его наполнения за счёт экспортно ориентированных отраслей экономики, помимо нефтегазового сектора, так и направлений инвестирования ликвидной части ФНБ.

Вывод. Пересмотр со стороны государства роли Фонда национального благосостояния в социально-экономическом развитии страны могло бы решить многие социальные и инфраструктурные проблемы Российской Федерации.

Ключевые слова: суверенный фонд; Фонд национального благосостояния; нефтегазовый сектор; федеральный бюджет; Министерство финансов РФ.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Шманёв С. В., Татарников А. А. О перспективах фонда национального благосостояния // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 3. С. 138–146.

Поступила в редакцию 03.03.2021

Принята к публикации 02.04.2021

Опубликована 30.06.2021

About Prospects of the National Wealth Fund

Sergey V. Shmanev¹ ✉, Artyom A. Tatarnikov¹

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation
49 Leningradsky prospect, Moscow 125993, Russian Federation

✉ e-mail: shmanev_s_v@mail.ru

Abstract

Relevance. In a modern economy, it is important for the state to have a reserve fund to finance its tasks in unforeseen situations. On the other hand, under normal economic conditions, a sovereign fund can become a tool to increase the country's investment activity. At the moment, Russia has the only sovereign fund, the National Welfare Fund, which is replenished with additional revenues from the oil and gas sector. In the near future, the NWF may become a backbone link in the socio-economic development of the Russian Federation.

The purpose is a new model for filling and managing the funds of the National Wealth Fund in order to maximize the efficiency of using the liquid part of the fund's resources for the comprehensive socio-economic development of Russia and making an economic breakthrough in key sectors of the economy.

Objectives: consider the modern model of management and filling the National Wealth Fund; analyze the world experience in the functioning of sovereign wealth funds; propose promising sources of additional financial resources for the National Welfare Fund; consider promising projects and directions for using the liquid part of the NWF funds.

Methodology. The study used the method of comparing world and domestic practices of the functioning of sovereign funds. The method of statistical analysis of financial indicators of the National Welfare Fund and its promising branches of replenishment was used. The methods of modeling and analysis of the efficiency of using the liquid part of the NWF funds when investing them in the national economy have been used.

Results. The analysis showed that there is a rich world experience in the effective use of sovereign funds as a tool for the country's socio-economic development. An analysis of the domestic practice of the National Welfare Fund's functioning showed that there are broad prospects for both its filling at the expense of export-oriented sectors of the economy, in addition to the oil and gas sector, and areas for investing the liquid part of the NWF.

Conclusion. Revision by the state of the role of the National Welfare Fund in the socio-economic development of the country could solve many social and infrastructural problems of the Russian Federation.

Keywords: sovereign wealth fund; National Welfare Fund; oil and gas sector; federal budget; Ministry of Finance.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Shmanev S. V., Tatarnikov A. A. About Prospects of the National Wealth Fund. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2021; 11(3): 138–146. (In Russ.)

Received 03.03.2021

Accepted 02.04.2021

Published 30.06.2021

Введение

Наличие у государства «подушки безопасности» в виде финансовых резервов является очень важным инструментом решения непредвиденных ситуаций, связанных с кризисными явлениями в

общемировой экономике, природными и техногенными катастрофами. С другой стороны, наличие резервного фонда в совокупности с благоприятной обстановкой в национальной экономике добавляет властям дополнительные возможности по

финансированию крупных инфраструктурных проектов или реализации национальных целей развития страны [1].

В современном мире основным источником наполнения суверенных фондов являются доходы от экспорта нефти и газа. Одним из крупнейших суверенных фондов в мире расположен в Норвегии – весьма скромной стране по площади с одним из лучших уровней жизни граждан. Источником финансирования фонда являются доходы от нефтяной отрасли страны, которые позволили ему стать одним из крупнейших суверенных фондов мира с бюджетом более 1,1 трлн долл. Вторым крупнейшим суверенным фондом в мире является фонд благосостояния эмирата Абу-Даби – Объединенные Арабские Эмираты. Фонд является крупнейшим международным инвестиционным фондом. Особенностью его управления является тот факт, что совет директоров никогда открыто не публиковал официальные данные по стоимости активов фонда. Однако мировые эксперты оценивают его резервы в размере 600-800 млрд долл.

В целом многие страны Ближнего Востока могут похвастаться внушительными суверенными фондами. В лидерах мирового рейтинга по данному показателю помимо ОАЭ также находится Агентство денежного обращения Саудовской Аравии с активами примерной стоимостью в 500 млрд долл., Инвестиционный фонд Кувейта (стоимость активов около 400 млрд долл.), Инвестиционный фонд Катара (стоимость активов около 170 млрд долл.). Очевидно, что ключевым источником наполнения суверенных фондов стран Ближнего Востока и Норвегии является нефть. С точки зрения источников финансирования резервов страны интересен опыт Китая. Китайская инвестиционная корпорация наравне с фондом Норвегии является одним из крупнейших суверенных фондов в мире с собственным капиталом, равным 1 трлн долл. Здесь интересен тот факт, что фонд

не имеет постоянного источника наполнения [2; 3]. В начале своей деятельности инвестиционный капитал фонда увеличивался за счёт эмиссии облигаций. Сейчас же фонд наполняется за счёт доходов от инвестиций в ценные бумаги (38% по годовому отчёту корпорации за 2018 г.) и инфраструктурные проекты, недвижимость и товары (44% за тот же период) [2; 3; 4]. Данная особенность ярко демонстрирует выстраивание эффективного механизма инвестирования, с помощью которого возможно увеличить ту самую «подушку безопасности» государства не только за счёт доходов от нефтегазового сектора страны.

Материалы и методы

В России ситуация с формированием суверенных фондов обстоит несколько хуже, чем у стран-лидеров по данному показателю. В нашей стране остался лишь Фонд национального благосостояния, который сейчас является частью механизма по финансированию пенсионного обеспечения граждан в долгосрочной перспективе. Основным источником финансирования суверенного фонда являются дополнительные доходы федерального бюджета от нефтегазового сектора, которые формируются с помощью введённого Министерством финансов РФ бюджетного правила, согласно которому установлена цена отсечения нефти марки Urals на уровне 42,4 долл. за баррель. Все дополнительные доходы, полученные от нефтегазовой отрасли сверх установленной суммы, поступают в Фонд национального благосостояния. Вторым источником наполнения бюджета фонда являются доходы от управления его собственными средствами. Целями использования средств Фонда национального благосостояния являются финансирование пенсионного обеспечения граждан страны и обеспечение сбалансированности бюджета Пенсионного фонда России. Также средства ФНБ являются одним из источников финансирования дефицита

федерального бюджета [1; 5]. В современной кризисной ситуации в общемировой экономике, связанной с пандемией COVID-19, Министерство финансов РФ в 2021-2023 гг. направит из Фонда национального благосостояния средства в размере чуть более 100 млрд руб. на обеспечение сбалансированности федерального бюджета. В 2021 г. для восстановления национальной экономики в федеральный бюджет будет направлено 95 млрд руб., в 2022-2023 гг. – по 3,8 млрд руб. Интерес-

ный факт, что это произошло впервые с 2017 г., когда средства резервных фондов используются для финансирования дефицита федерального бюджета.

Стоит отметить, что с помощью нефтегазового сектора и введения бюджетного правила России удалось в последнее десятилетие сформировать ту самую «подушку безопасности», которая помогает в настоящий момент эффективно функционировать бюджетной системе страны.

Таблица 1. Объём Фонда национального благосостояния [1]

Показатель	01.01.2015	01.01.2016	01.01.2017	01.01.2018	01.01.2019	01.01.2020	01.11.2020
В млрд долл. США	78,00	71,72	71,87	65,15	58,10	125,56	167,63
В млрд руб.	4 388,09	5 227,18	4 359,16	3 752,94	4 036,05	7 773,06	13 298,63
В % к ВВП	5,3	6,1	4,7	3,6	3,7	6,8	11,7

Как видно из официальных данных, по стоимости активов Фонду национального благосостояния далеко до мировых лидеров в рейтинге ведущих суверенных фондов стран. Это связано как с большим влиянием и одновременно зависимостью национальной экономики страны от того самого нефтегазового сектора, так и с низкой производительностью труда в России и общим устареванием и техническим отставанием основных производственных фондов в большинстве отраслей экономики.

Результаты и их обсуждение

Как уже упоминалось, Фонд национального благосостояния наполняется из двух источников – дополнительные доходы от нефтегазового сектора и управление собственными активами фонда. Если по основному источнику наполнения Россия во многом зависит от мировой конъюнктуры в политической и экономической сферах, то второй источник непосредственно зависит от управления самими средствами фонда. Львиная доля активов Фонда национального благосостояния – это валютные резервы на счетах в Центральном Банке России. Они

включают 53 млрд долл., 45,5 млрд евро и около 9 млрд фунтов стерлингов. Сейчас такая модель обеспечивает возможность максимально оперативного использовать средства ФНБ на финансирование дефицита федерального бюджета. К примеру, в августе этого года Министерство финансов РФ сняло со счета ФНБ в ЦБ и обменяло валюты на сумму около 3,5 млрд руб. с целью финансирования образовавшегося бюджетного дефицита. Однако стоит отметить тот факт, что в 2018-2019 гг. доходы от управления средствами фонда составили всего 165,7 млрд руб. Это при учёте того, что доходность счёта в евро три последних года была отрицательной. Одновременно структура валютных вложений фонда ещё не претерпевала изменений с момента создания фонда в 2008 г. Счётная палата РФ предложила изменить валютную структуру Фонда национального благосостояния, дабы повысить доходность.

Изменение распределения валюты в активах ФНБ увеличило бы его наполняемость, но не в столь желаемых объёмах и в большей степени в ближайшей перспективе. Смотря на мировой опыт Норвежского пенсионного фонда или Китай-

ской инвестиционной корпорации, можно сделать предположение, что Фонд национального благосостояния тоже мог бы войти в число крупнейших инвестиционных фондов мира. Для этого ему необходимо достичь уровня стоимости активов хотя бы немного сопоставимых с показателями лидирующих суверенных фондов Норвегии, Катара или ОАЭ. С этой целью важно расширить список возможных источников наполнения Фонда национального благосостояния. Ведь, как и вся национальная экономика, он также является заложником мировых цен на нефть. В свою очередь, Россия обладает одной из самых богатых ресурсных баз среди всех стран мира. Ко всему прочему, наша страна обладает выгоднейшим географическим положением с точки зрения тор-

говых маршрутов между Европой, Азией и Америкой. И в ближайшей перспективе, когда пандемия коронавируса наконец уйдёт, Минфин мог обратить своё внимание на расширение источников финансирования ФНБ.

В этом направлении перспективным источником наполнения Фонда национального благосостояния является сельское хозяйство. На данный момент наша страна находится на 20 месте в рейтинге мировых экспортеров продовольствия [3; 6]. По итогам 2019 г. экспорт продукции сферы сельского хозяйства составил около 25 млрд долл. (рис. 1). По сравнению с 2010 г. экспорт данной отрасли экономики вырос более чем в 3 раза, а в сравнении с 2000 г., когда экспорт продукции АПК составил 1,3 млрд долл., – почти в 19 раз.

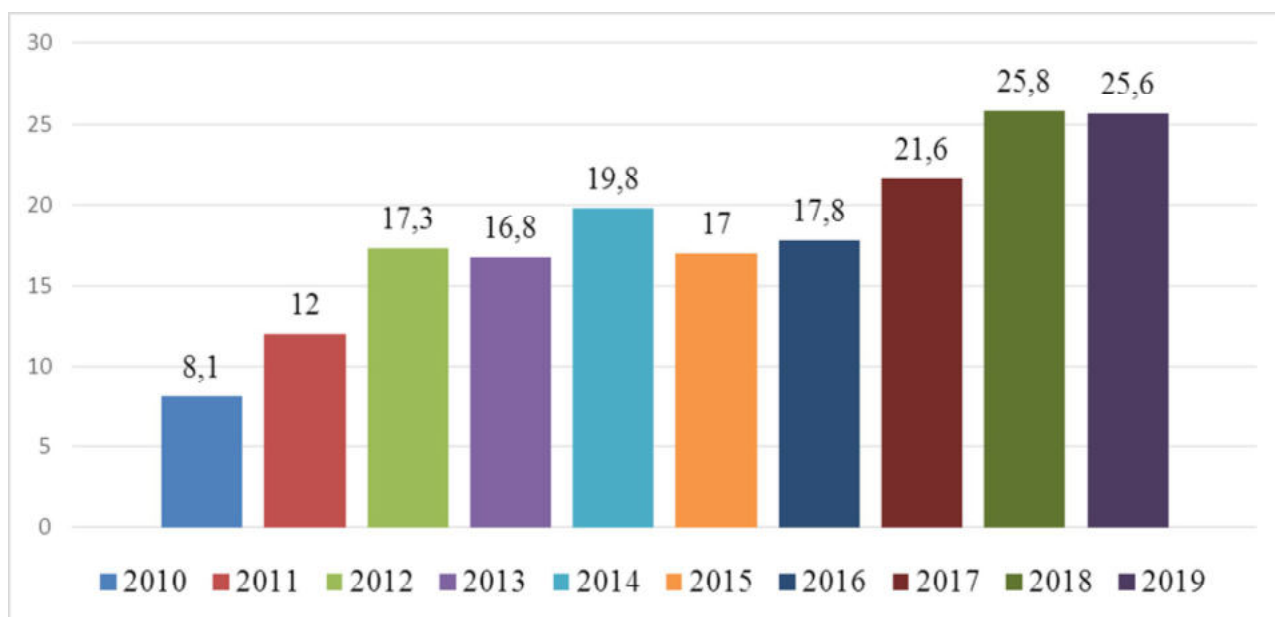

Рис. 1. Экспорт продукции АПК 2010 – 2019 гг., млрд долл. [2]

По последнему отчёту вице-премьера РФ Виктории Абрамченко экспорт продукции сельского хозяйства в первом полугодии 2020 г. вырос на 18%, или же 2 млрд долл., по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, и составил более 13 млрд долл. По словам вице-премьера, в данный отчётный период положительную динамику в экспорте показали почти все группы товаров АПК.

Лидерами в данном показателе стали растительные масла и зерновые культуры, мясная продукция и сахар.

Ведущими импортёрами продукции сельского хозяйства России в 2019 г. стали Китай (3,2 млрд долл.), Турция (2,5 млрд долл.), Казахстан (1,8 млрд долл.), Южная Корея (1,56 млрд долл.) и Египет (1,47 млрд долл.). По итогам первого полугодия 2020 г. экспорт в Китай

вырос на 35% и составил около 2 млрд долл., экспорт в Турцию увеличился на 42% до 1,5 млрд долл. В соседний Казахстан экспорт сельского хозяйства в первой половине 2020 г. вырос на 20% и составил около 970 млн долл. [3]. В целом продукцию агропромышленного комплекса импортируют 149 стран, что показывает большую заинтересованность мирового сообщества в продукции из России. Исходя из вышеперечисленных данных уже сейчас можно сказать, что АПК

является одним из перспективных направлений развития национальной экономики России. По итогам 2019 г. доля АПК в экспорте страны составила 5,85%, однако данная отрасль в нашей стране обладает огромнейшим потенциалом для роста. Грамотное её развитие в будущем и увеличение экспорта продукции сельского хозяйства могли бы не только расширить источник наполнения ФНБ, но и превратить Россию в крупнейшего производителя продовольствия в мире.

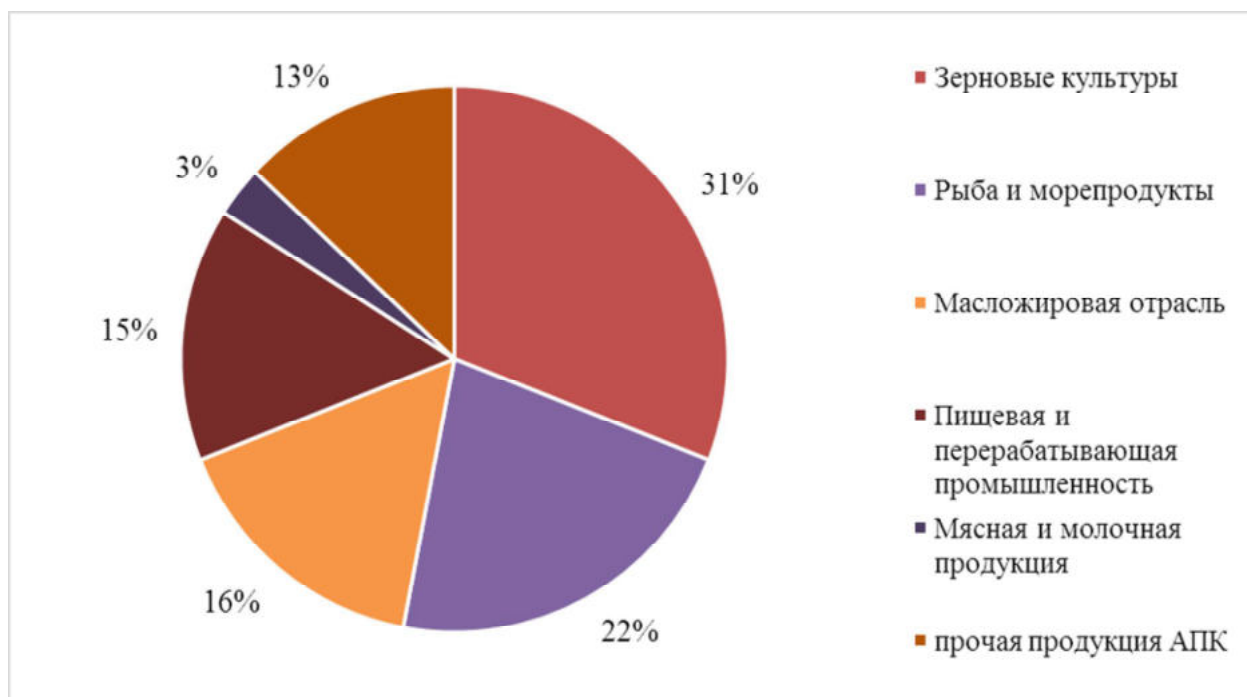

Рис. 2. Структура экспорта продукции АПК из России в 2019 г., % [2]

Перспективным направлением пополнения Фонда национального благосостояния в будущем выглядит географическое положение России относительно ключевых торговых маршрутов между Европой, Азией и Америкой. В России сейчас уже активно разрабатывается маршрут Северного морского пути, и долгие годы шли дискуссии о целесообразности развития системы высокоскоростных железнодорожных магистралей. В данном направлении разрабатывались проекты ВСМ Москва – Казань и Москва – Санкт-Петербург. Однако стоит

отметить, что многие страны в последние годы уже пытались пересмотреть основные торговые маршруты между странами. Можно привести пример концепции Нового шёлкового пути, представленный властями КНР, который получил название «Один пояс – один путь» [7; 8; 9]. Концепция предусматривала развитие и модернизацию системы ВСМ между промышленными регионами Китая и рынками большинства стран Европы. Сейчас с уверенностью можно сказать, что данная концепция не получила должной поддержки от потенциальных стран-

участниц. С этой точки зрения выглядит перспективным в будущем проектирование нового торгового маршрута между Азией и Европой только через территорию России. Речь идёт о создании крупномасштабного инфраструктурного проекта по созданию системы ВСМ между Москвой и Владивостоком. В новую транспортную модель России стоит включить систему Свободного порта Владивосток и Территории опережающего социально-экономического развития Дальнего Востока, дабы с помощью развития системы ВСМ между центральной Россией и Дальним Востоком привлечь большее количество резидентов и инвестиций в данные зоны. Реализация данного инфраструктурного проекта требует огромных вложений. По самым скромным оценкам авторов на ВСМ Москва – Владивосток, понадобится около 25 трлн руб. Однако всё познаётся в сравнении, и на те же национальные проекты за 6 лет будет потрачено около 26 трлн руб. Данный инфраструктурный проект можно предложить зарубежным партнёрам, таким как Япония, Южная Корея и другим странам АТР, на Восточном экономическом форуме для привлечения инвестиций на его реализации. Создав новый торговый маршрут между Европой, Азией и Америкой, Россия могла бы стать логистическим центром Евразии, добавив часть прибыли от транзитной деятельности в Фонд национального благосостояния.

Перспективные направления использования средств ФНБ

Многие эксперты сравнивают развитие Фонда национального благосостояния с норвежским фондом как идеалом выстраивания механизма суверенного фонда. Однако важно отметить, что пенсионный фонд Норвегии почти все деньги от нефтегазового сектора страны выводит из национальной экономики. Это нормально, ведь Норвегия – это небольшая страна с малой экономикой. У неё нет необходимости решать задачу модернизации и перестройки национальной

экономики, а для современной России – это цель, достижение которой поможет вернуть её в мировой рейтинг ведущих экономик мира. Поэтому прежде всего важно инвестировать средства ФНБ в национальную экономику подобно Китайской инвестиционной корпорации. Инвестировать средства ФНБ Правительство может, когда его ликвидная часть превысит 7% национального ВВП. Как видно из отчёта Минфина, данный показатель на 1 ноября 2020 г. составляет 11,7%. В условиях пандемии не стоит говорить об изменении модели инвестирования средств ФНБ, сейчас перед национальной экономикой стоят более важные задачи по выходу из кризиса. Уже в ближайшем будущем стоит вернуться к пересмотру функционирования Фонда национального благосостояния и его роли в социально-экономическом развитии России.

Современные мировые тенденции экономики гласят, что в структуре ВВП страны около 50-60% должны составлять субъекты малого и среднего предпринимательства. В России сейчас данный показатель находится в диапазоне 20-21%. В этом направлении реализуется национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», в котором ставится задача увеличения доли субъектов МСП в ВВП страны до 32,5% к концу 2024 г. [6; 10; 11]. До установленного срока осталось 3 года, и достижение данной цели окажется сложно выполнимой. Согласно Единому реестру субъектов МСП, в нашей стране функционируют 5,67 млн предприятий, на которых занято 15,5 млн работников. Развитием данной сферы в России занимается Федеральная корпорация развития малого и среднего предпринимательства, которая, согласно последнему решению Правительства, переходит под управление ВЭБ.РФ. И возможно, что в данном направлении стоит создать новый механизм взаимодействия ФНБ и ВЭБ по со-

зданию системы льготного кредитования субъектов МСП страны, которые будут внедрять в свою деятельность инновационные технологии, на конкурсной основе. Это поможет как структурной и технологической перестройке экономики, так и увеличит роль ФНБ в развитии страны.

Выводы

На данный момент Правительство РФ может использовать средства ФНБ, если активы фонда превышают 7% ВВП на финансирование различных проектов. Здесь стоит расширить спектр допустимых проектов инвестирования, и примером может служить предложенный выше инфраструктурный проект по созданию

ВСМ Москва – Владивосток. В этом и заключается главная особенность проектного подхода в управлении – инвестирование в инфраструктуру страны в различных сферах. И сейчас необходимы инвестиции в транспортную отрасль страны для увеличения как кооперационных связей между субъектами, так и для увеличения роли России в международной торговле. Поддержка субъектов МСП, инвестирование в инфраструктурные проекты внутри страны и более эффективное управление активами ФНБ – это далеко не полный список перспектив нашего суверенного фонда, который мог бы помочь России совершить экономический прорыв.

Список литературы

1. Статистика Фонда национального благосостояния. URL: <https://minfin.gov.ru/ru/performance/nationalwealthfund/statistics/> (дата обращения: 27.02.2021).
2. Федеральный центр развития экспорта продукции АПК Минсельхоза России. URL: <https://aemcx.ru/экспорт-апк/российский-экспорт/> (дата обращения: 27.02.2021).
3. Экспорт сельскохозяйственной продукции из России вырос на 18%. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9243837> (дата обращения: 27.02.2021).
4. Top-100 largest fund rankings by total assets. URL: <https://www.swfinstitute.org/fund-rankings> (дата обращения: 26.02.2021).
5. Намитулина А. З., Багратуни К. Ю., Татарников А. А. Перспективы развития фонда национального благосостояния // Самоуправление. 2021. № 1 (123). С. 373-376.
6. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: <https://ofd.nalog.ru/index.html> (дата обращения: 28.02.2021).
7. Татарников А. А. Китайская инициатива «Один пояс – один путь» как стратегия экономического покорения Евразии // Экономическая среда. 2019. № 3 (29). С. 34-38.
8. Шманев С. В., Татарников А. А. Концепция «новое покорение Сибири» // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10, № 6. С. 52-62.
9. Annual report 2018. URL: <http://www.china-inv.cn/chinainven/xhtml/Media/2018EN.pdf> (дата обращения: 26.02.2021).
10. Татарников А. А., Щекочихина С. В. Механизм беспроцентного кредитования субъектов малого и среднего предпринимательства как фактор инновационного и структурного развития экономики России // Самоуправление. 2020. № 5 (122). С. 452-455.
11. Шманёв С. В. Новые подходы к процессу управления промышленным сектором экономики // Вестник ОрелГИЭТ. 2020. № 1 (51). С. 138-142.

References

1. Statistika Fonda natsional'nogo blagosostoyaniya [Statistics of the National Wealth Fund on the official website of the Ministry of Finance of the Russian Federation]. Available at: <https://minfin.gov.ru/ru/performance/nationalwealthfund/statistics/>. (accessed 27.02.2021)

2. Federal'nyi tsentr razvitiya eksporta produktsii APK Minsel'khoza Rossii [Federal Center for the Development of Export of Agricultural Products of the Ministry of Agriculture of Russia]. Available at: <https://aemcx.ru/export-apk/Russian-export/>. (accessed 27.02.2021)
3. Eksport sel'skokhozyaistvennoi produktsii iz Rossii vyros na 18% [Export of agricultural products from Russia increased by 18%]. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/9243837>. (accessed 27.02.2021)
4. Top-100 largest fund rankings by total assets [Top-100 largest fund rankings by total assets]. Available at: <https://www.swfinstitute.org/fund-rankings>. (accessed 26.02.2021)
5. Namitulina A. Z., Bagratuni K. Yu., Tatarnikov A. A. Perspektivy razvitiya fonda natsional'nogo blagosostoyaniya [Prospects for the development of the national welfare fund]. *Samoupravlenie = Self-Government*, 2021, no. 1 (123), pp. 373-376.
6. Edinyi reestr sub"ektov malogo i srednego predprinimatel'stva [Unified register of small and medium-sized businesses]. Available at: <https://ofd.nalog.ru/index.html>. (accessed 28.02.2021)
7. Tatarnikov A. A. Kitaiskaya initsiativa "Odin poyas – odin put'" kak strategiya ekonomicheskogo pokoreniya Evrazii [Chinese initiative "One Belt – One Road" as a strategy for the economic conquest of Eurasia]. *Ekonomicheskaya sreda = Economic Environment*, 2019, no. 3 (29), pp. 34-38.
8. Shmanev S. V., Tatarnikov A. A. Kontseptsiya "novoe pokorenie Sibiri" [The concept of "new conquest of Siberia"]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2020, vol. 10, no. 6, pp. 52-62.
9. Annual report 2018 [Annual report 2018]. Available at: <http://www.china-inv.cn/chinainven/xhtml/Media/2018EN.pdf>. (accessed 26.02.2021)
10. Tatarnikov A. A., Shchekochikhina S. V. Mekhanizm besprotsentnogo kreditovaniya sub"ektov malogo i srednego predprinimatel'stva kak faktor innovatsionnogo i strukturnogo razvitiya ekonomiki Rossii [The mechanism of interest-free lending to small and medium-sized businesses as a factor of innovative and structural development of the Russian economy]. *Samoupravlenie = Self-government*, 2020, no. 5 (122), pp. 452-455.
11. Shmanev S. V. Novye podkhody k protsessu upravleniya promyshlennym sektorom ekonomiki [New approaches to the management process of the industrial sector of the economy]. *Vestnik OrelGIET = Vestnik OrelGIET*, 2020, no. 1 (51), pp. 138-142.

Информация об авторах / Information about the Authors

Шманёв Сергей Владимирович, доктор экономических наук, профессор департамента экономической теории, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Орловский университет экономики и торговли, г. Орел, Российская Федерация,
e-mail: shmanev_s_v@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1243-5100,
Researcher ID: A-5585-2016

Татарников Артём Алексеевич, студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: tatarnikov00@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-8008-6809

Sergey V. Shmanev, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow; Orel State University of Economics and Trade, Orel, Russian Federation,
e-mail: shmanev_s_v@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1243-5100,
Researcher ID: A-5585-2016

Artyom A. Tatarnikov, Student, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation,
e-mail: tatarnikov00@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-8008-6809

УДК 336

Перспективы развития платежных услуг российских банков в условиях цифровизации экономики

А. С. Обухова¹ ✉, Н. П. Казаренкова¹

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: obuhova_anna@inbox.ru

Резюме

Актуальность. Уровень технологичности платежных услуг в российских банках постоянно растет, что отражается на доле безналичных платежей и переводов как по банковским картам, так и по платежным системам мгновенных переводов. В современных условиях использование новых банковских технологий, в том числе в процессе реализации прочих банковских услуг, является обязательным фактором конкурентоспособности банка. В данной статье проведен анализ использования банковских платежных карт. Актуальность статьи обусловлена тем, что использование банковских платежных карт является важным сектором финансового рынка.

Целью исследования является анализ современных тенденций развития платежных услуг российских банков.

Задачи: определить показатели, характеризующие развитие рынка платежных карт России; описать операции платежных переводов в разрезе различных платежных инструментов; провести сравнительный анализ операций денежных переводов в разрезе различных стран; оценить эффективность операций с банковскими картами ПАО «Сбербанк».

Методология. В исследовании были использованы общенаучные методы: сравнительный анализ, обобщение, индукция.

Результаты. На основе проведенного исследования были получены следующие результаты: проведен анализ показателей, характеризующих развитие рынка платежных карт России; проведен сравнительный анализ операций денежных переводов в разрезе различных стран; проведена оценка платежной системы ПАО «Сбербанк» как входящего в пятерку наиболее крупных по объему совершенных денежных переводов систем, используемых российскими банками.

Выводы. Рынок банковских карт активно развивается, что характеризуется ростом количества банковских карт. Совокупная рыночная доля первой пятерки банков-лидеров на российском рынке денежных переводов составляет 32,4%, что означает средний уровень концентрации рынка и достаточно высокий уровень сложившейся на рынке конкуренции. Что касается зарубежного опыта денежных переводов, то их большая часть основана на использовании международных платежных систем.

Ключевые слова: банковские карты; операций с банковскими платежными картами; операции по получению наличных; безналичные операции; дебетовые карты; кредитные карты; денежные переводы; платежные инструменты.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Обухова А. С., Казаренкова Н. П. Перспективы развития платежных услуг российских банков в условиях цифровизации экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 3. С. 147–158.

Поступила в редакцию 12.04.2021

Принята к публикации 10.05.2021

Опубликована 30.06.2021

Prospects for the Development of Banking Payment Services in Russia During the Digitalization of the Economy

Anna S. Obukhova¹ ✉, Natalya P. Kazarenkova¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: obuhova_anna@inbox.ru

Abstract

Relevance. The level of technological effectiveness of payment services in Russian banks is constantly growing, which is reflected in the share of non-cash payments and transfers, both by bank cards and by payment systems of instant transfers. In modern conditions, the use of new banking technologies, including in the process of selling other banking services, is a mandatory factor in the competitiveness of a bank. This article analyzes the use of bank payment cards. The relevance of the article is due to the fact that the use of bank payment cards is an important sector of the financial market.

The purpose of the study is to analyze current trends in the development of payment services of Russian banks.

Objectives: to determine the indicators characterizing the development of the Russian payment card market; describe the transactions of payment transfers in the context of various payment instruments; to conduct a comparative analysis of money transfer transactions in the context of different countries; evaluate the efficiency of operations with bank cards of Sberbank.

Methodology. The study used general scientific methods: comparative analysis, generalization, induction.

Results. Based on the study, the following results were obtained: an analysis of indicators characterizing the development of the Russian payment card market was carried out; a comparative analysis of money transfer operations in the context of different countries was carried out; the payment system of Sberbank was assessed as one of the five largest systems used by Russian banks in terms of the volume of money transfers.

Conclusions. The bank card market is actively developing, which is characterized by an increase in the number of bank cards. The aggregate market share of the top five leading banks in the Russian money transfer market is 32,4%, which means an average level of market concentration and a fairly high level of competition in the market. As for the foreign experience of money transfers, most of them are based on the use of international payment systems.

Keywords: bank cards; transactions with bank payment cards; cash withdrawal operations; cashless transactions; debit cards; credit cards; Money transfers; payment instruments.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Obukhova A. S., Kazarenkova N. P. Prospects for the Development of Banking Payment Services in Russia During the Digitalization of the Economy. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(3): 147–158. (In Russ.)

Received 12.04.2021

Accepted 10.05.2021

Published 30.06.2021

Введение

Уровень технологичности платежных услуг оказывает непосредственное влияние на их структуру с точки зрения наличных и безналичных платежей, при этом часть платежных услуг оказывается банком на основе эмиссии банковских карт (дебетовых и кредитных), а вторая часть затрагивает систему моментальных денежных переводов без открытия расчетного счета.

Технологичность осуществления платежных услуг на основе банковских карт неразрывно связана с уровнем цифровизации рынка. Новые цифровые технологии сегодня активно внедряются в деятельность институтов финансового рынка, которые приносят новые возможности и угрозы [1, с. 145]. Так, банковские экосистемы могут послужить в качестве удобного инструмента для выявления теневого бизнеса [2, с. 61], расши-

ряются направления их использования при организации основных бизнес-процессов. Внедрение банковских карт сталкивается с проблемами, тормозящими их развитие [3, с. 315]:

- недостаточная развитость технической (банкоматной, POS-терминальной) инфраструктуры, недоверие населения к безналичным формам расчетов;

- слабое развитие эквайринга и обслуживаемой платежными картами инфраструктуры бизнеса.

Материалы и методы

Основными проблемами являются отставание развития сектора банковских карт от роста количества владельцев карт; несовершенное налоговое законодательство; слабое освоение важных сегментов рынка платежных карт (кредитных, овердрафтных, револьверных и т. д.). Показатели динамики развития рынка платежных карт России представлены в таблице 1.

Таблица 1. Структурно-динамический анализ выпуска банковских карт российских банков [4]

Показатель	01.01. 2015	01.01. 2016	01.01. 2017	01.01. 2018	01.01. 2019	01.01. 2020	01.01. 2021
Абсолютный цепной прирост банковских карт, млн. шт.	—	28,6	26,0	10,2	15,2	21,8	22,6
Абсолютный базисный прирост банковских карт, млн. шт.	—	43,7	69,7	79,9	95,1	116,9	139,5
Цепной темп роста банковских карт, %	—	117,6	113,6	104,7	106,7	109,0	111,3
Базисный темп роста банковских карт, %	—	129,6	147,2	154,1	164,3	179,1	182,7
Доля дебетовых карт, %	90,8	88,3	86,6	86,0	84,6	84,9	84,5
Абсолютный цепной прирост дебетовых карт, млн. шт.	—	21,1	19,3	7,6	9,6	19,1	19,3
Цепной темп роста дебетовых карт, %	—	114,3	111,4	104,1	104,9	109,3	112,1
Доля кредитных карт, %	9,2	11,7	13,4	14,0	15,4	15,1	15,5
Абсолютный цепной прирост кредитных карт, млн. шт.	—	7,5	6,7	2,6	5,6	2,7	3,3
Цепной темп роста кредитных карт, %	—	150,0	129,8	108,9	117,6	107,2	110,4

Рынок банковских карт активно развивается, что характеризуется ростом количества банковских карт. При этом в процессе перераспределения структуры банковских карт происходит рост доли кредитных карт. Наибольшие показатели наращивания эмиссии банковских карт наблюдаются в 2015 г., когда темп прироста составил 117,6% по совокупному объему банковских карт, 114,3% – по дебетовым картам и 150% – по кредитным картам.

Важным сектором финансового рынка страны является использование банковских платежных карт. Динамика по их использованию представлена ниже (рис. 2).

Банковские карты используются как платежное средство. Примером может являться увеличение операций по оплате товаров и услуг, поскольку торговые сети активно развивают их использование посредством применения эквайринга в своих точках. Согласно данным Банка России, на территории РФ на начало 2021 г. расположено порядка 215 тыс. банкоматов с функцией выдачи наличных денег, из них 88% банкоматов предоставляют функцию оплаты товаров и услуг, а также приема наличных денег. Отрицательным моментом является то, что большая часть операций с платежными картами пока занимают операции по снятию наличных средств.

Таблица 2. Структура операций с банковскими платежными картами в российской экономике [4]

Показатель	01.01. 2015	01.01. 2016	01.01. 2017	01.01. 2018	01.01. 2019	01.01. 2020	01.01. 2021
Объем операций, млрд.руб.	4537,9	23240,4	28616,1	34668,5	39703,3	50127,8	62314,5
Операции по получению наличных, млрд.руб.	3657,8	17834,4	20902,8	23212,2	23951,2	27166,4	29350,1
Доля операций по получению наличных, %	80,6	76,7	73,0	67,0	60,3	54,2	47,1
Темп роста операций с наличными, %	113,3	487,6	117,2	111,0	110,3	113,4	108,0
Безналичные операции, млрд.руб.	880,1	5406,0	7713,3	11456,3	15752,1	22961,5	32964,4
Доля операций по расчетам картами, %	19,4	23,3	27,0	33,0	39,7	45,8	52,9
Темп роста операций по расчетам, %	158,2	414,9	141,4	137,9	126,1	145,8	143,6

Результаты и их обсуждение

Кроме банковских платежных карт для осуществления денежных переводов используются почтовые переводы и системы денежных переводов. Для проведения сравнительного анализа различных инструментов осуществления денежных переводов в стране целесообразно сравнить число и объем операций. Сравнительный анализ количества переводов, осуществленных через систему систем денежных переводов и «Почту России», представлен на рисунке 1.

Из рисунка 1 видно, что за период исследования происходит перераспределение инструментов перевода денежных средств физическими лицами в пользу специальных систем денежных переводов, а число почтовых переводов неуклонно снижается. При этом отмечается стабилизация числа почтовых переи-

одов с 2016 г. с небольшими колебаниям, в связи с чем можно предполагать, что резкого снижения объемов использования данного инструмента перевода денежных средств не ожидается.

Объем операций по почтовым переводам последовательно снижался за период исследования и составил 498,1 млрд руб. по итогам 2020 г., общее снижение за период исследования составило 172,4 млрд руб. Использование переводов через платежные системы активизируется, а их общий объем растет в 2,7 раза за период исследования, составляя 1105,8 млрд руб. по итогам 2020 г.

Что касается зарубежного опыта развития денежных переводов, то их большая часть основана на использовании международных платежных систем. Первые десять стран с наибольшими объемами денежных переводов представлены на рисунке 2.

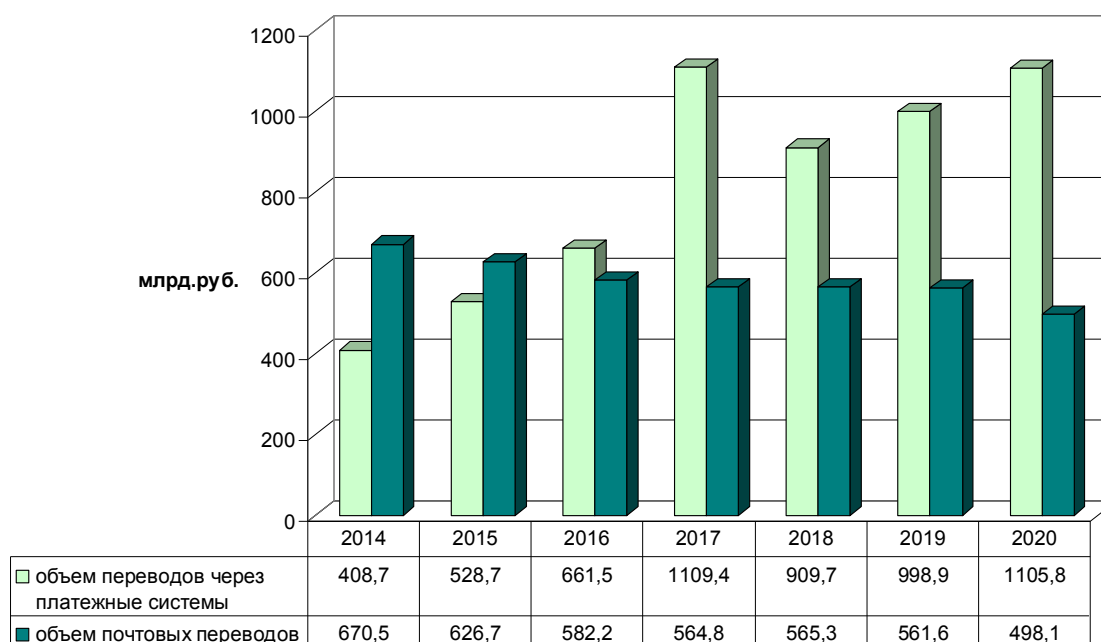

Рис. 1. Объем операций денежных переводов в разрезе различных платежных инструментов [5]

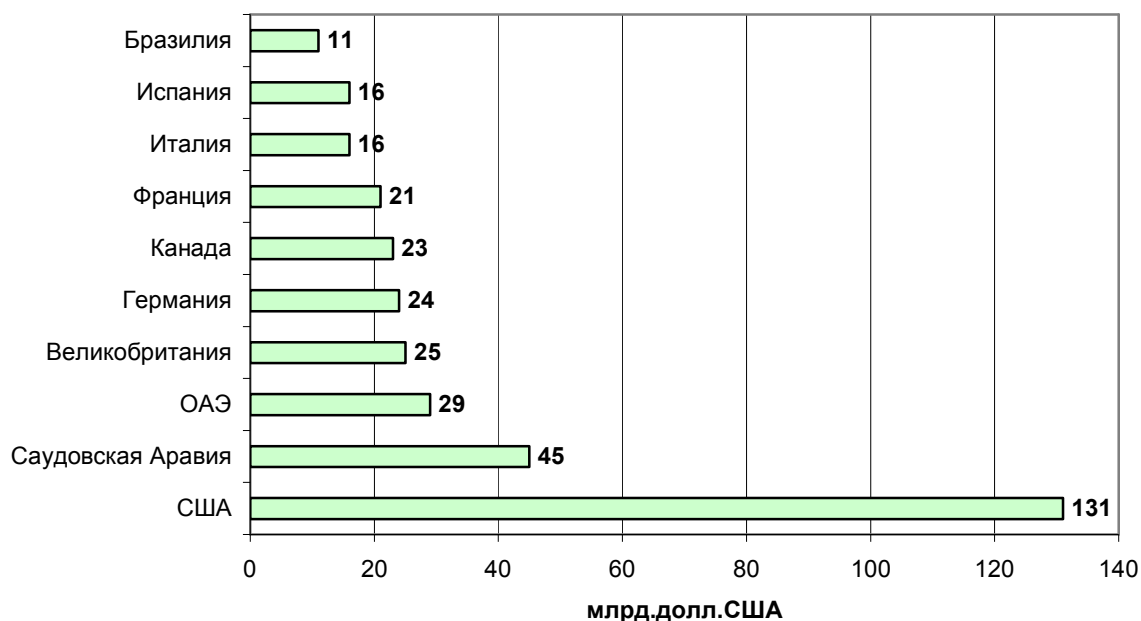

Рис. 2. Объем операций денежных переводов в разрезе различных стран [6, с.52]

Структурно денежные переводы в разных странах основаны на трех базовых инструментах: переводы через платежные системы, через банковские счета и с использованием банковских карт. При этом распределение видов денежных пе-

реводов по различным странам не равномерно и отражает особенности и привычки населения той или иной территории. Наглядно данная информация представлена на рисунке 3.

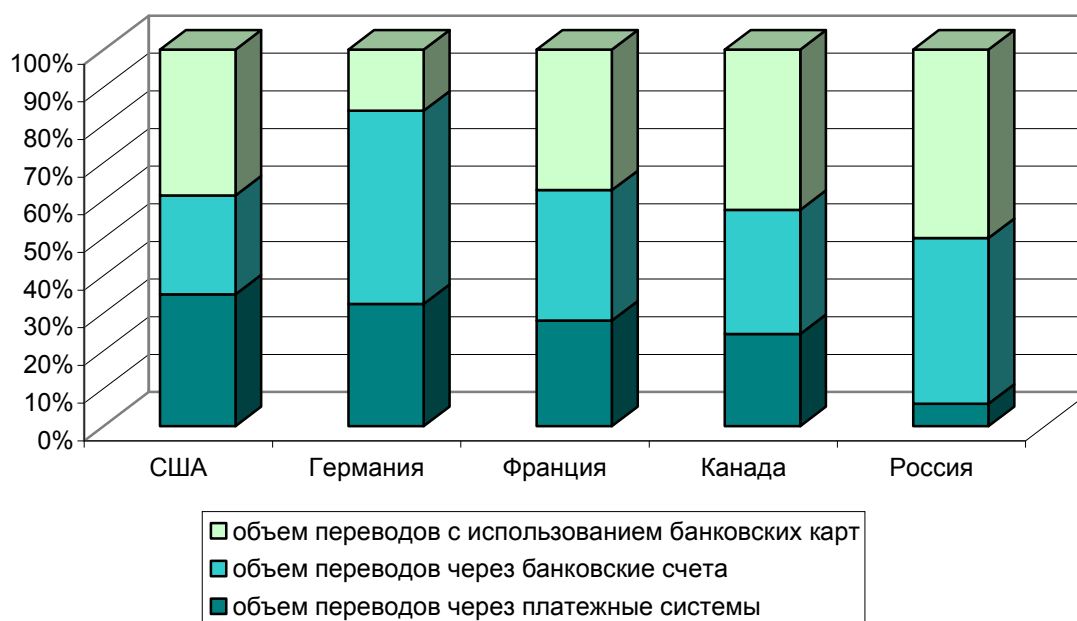

Рис. 3. Структура операций денежных переводов в разрезе различных стран [7]

Согласно данным рисунка 3, очевидно, что в США наиболее равномерно распределено использование различных инструментов денежных переводов, в Германии преобладающим инструментом являются банковские переводы со счета на счет, Франция и Канада меньше всех из представленных стран используют платежные системы, а что касается России, то большую часть переводов население страны осуществляет с использованием банковских структур (платежных карт и счетов), а вот платежные системы востребованы в наименьшей степени.

Для успешного конкурентирования в высокотехнологичной среде традиционный банковский бизнес нуждается в адаптации к меняющемуся рынку [8, с.76]. Уровень технологичности платежных услуг в российских банках постоянно растет, что отражается на доле безналичных платежей и переводов как по банковским картам, так и по платежным системам мгновенных переводов. Создание собственных экосистем является приоритетным направлением работы крупнейших банков в условиях роста конкуренции [9, с. 133]. В современных условиях использование новых банков-

ских технологий, в т. ч. в процессе реализации прочих банковских услуг, является обязательным фактором конкурентоспособности банка.

С точки зрения осуществления денежных переводов физических лиц интересен процесс вовлечения банковских карт в систему безналичных платежей. Операции по банковским картам можно разделить на:

- расчетные (операции с дебетовыми картами: снятие наличных средств через банкомат, оплата услуг, покупка товаров);
- кредитные (операции с кредитными картами: получение кредита наличными либо покупка товара в кредит).

Их отличием является то, чьими деньгами распоряжается клиент при совершении операций. Это деление нивелируется тем, что большинство зарплатных карт на современном этапе оснащено овердрафтом. Внедрение кредитных карт тем не менее не решило проблему слабого применения банковских карт в системе безналичных расчетов, что подтверждает структура операций с платежными картами в ПАО «Сбербанк» (табл. 3).

Около 60% (по дебетовым картам) и 40% (по кредитным картам) операций совершается с использованием банкомата. Низкая культура применения пластиковых карточек в России и слабая информированность банковских клиентов приводят к использованию карт не в расчетных целях, а к банальному изъятию наличных средств.

Между тем следует отметить положительную тенденцию и влияние различных инструментов воздействия на клиентов со стороны ПАО «Сбербанк», в том числе бонусные программы, льготный период по кредитным картам при условии безналичной оплаты, увеличение тарифов на обналичивание средств.

Таблица 3. Динамика и структура операций с банковскими картами ПАО «Сбербанк» [10]

Тип карты	01.01.2019			01.01.2020			01.01.2021		
	количество, млн.шт.	объем, млрд. руб.	уд. вес, %	количество, млн.шт.	объем, млрд. руб.	уд. вес, %	количество, млн.шт.	объем, млрд. руб.	уд. вес, %
дебетовая, в т.ч.:	87,3	3750	90,1	90,4	4100	87,0	95,3	4315	84,8
- снятие наличных;		2557,5	68,2		2484,6	60,6		2399	55,6
- безналичные платежи		1192,5	31,8		1615,4	39,4		1916	44,4
кредитная, в т.ч.:	14,6	410	9,9	15,2	615	13,0	18,2	773	15,2
- снятие наличных;		196,8	48,0		241,1	39,2		248	32,1
- безналичные платежи		213,2	52,0		373,9	60,8		525	67,9

Платежная система ПАО «Сбербанк», в рамках которой осуществляются денежные переводы, является системно значимой и социально значимой платежной системой в России. Такой статус платежная система ПАО «Сбербанк» получила благодаря большим объемам осуществленных переводов, а также высокой долей средств социально значимых групп денежных переводов (пенсии, пособия, стипендии).

Основным результатом осуществления денежных переводов является их годовой объем и динамика, а также объем полученных банком доходов в виде комиссий за перевод средств. Динамика объемов денежных переводов, осуществленных ПАО «Сбербанк», представлена

на рисунке 4. Нарастание общих объемов переводов физических лиц в банке осуществляется высокими темпами на протяжении периода исследования, которые в среднем составляют 145% в год.

Платежная система ПАО «Сбербанк» входит в пятерку наиболее крупных по объему совершенных денежных переводов систем, используемых российскими банками. Однако ПАО «Сбербанк» не занимает ведущих позиций в данной рейтинге, уступая крупнейшей в стране международной платежной системе – ЮНИСТРИМ (рис. 5). В скобках после названия банков указаны платежные системы, составляющие большую часть переводов денежных средств в банке.

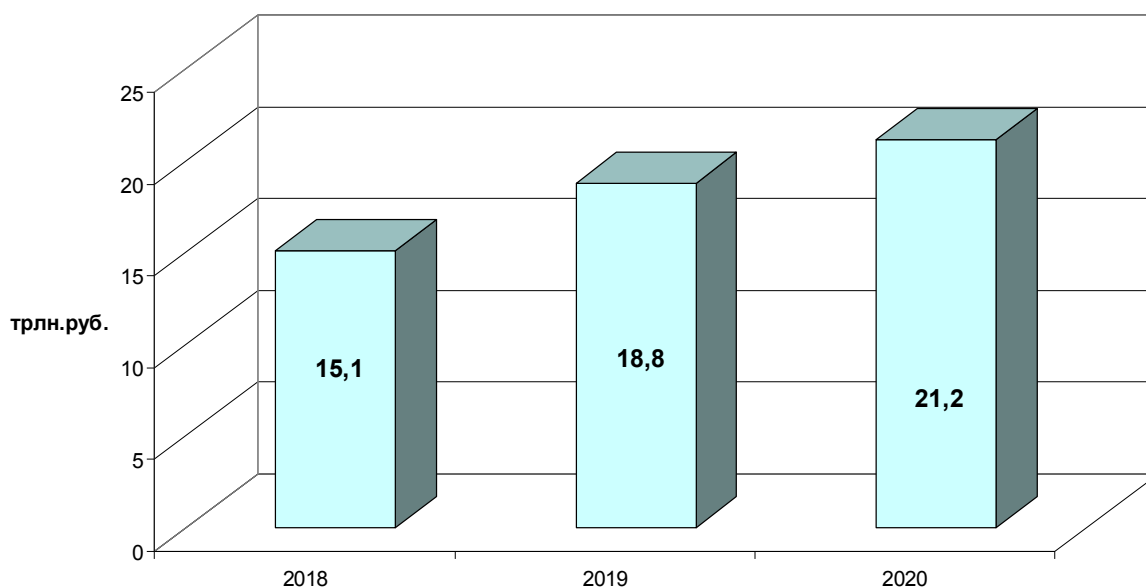

Рис. 4. Общий объем денежных переводов физических лиц ПАО «Сбербанк»

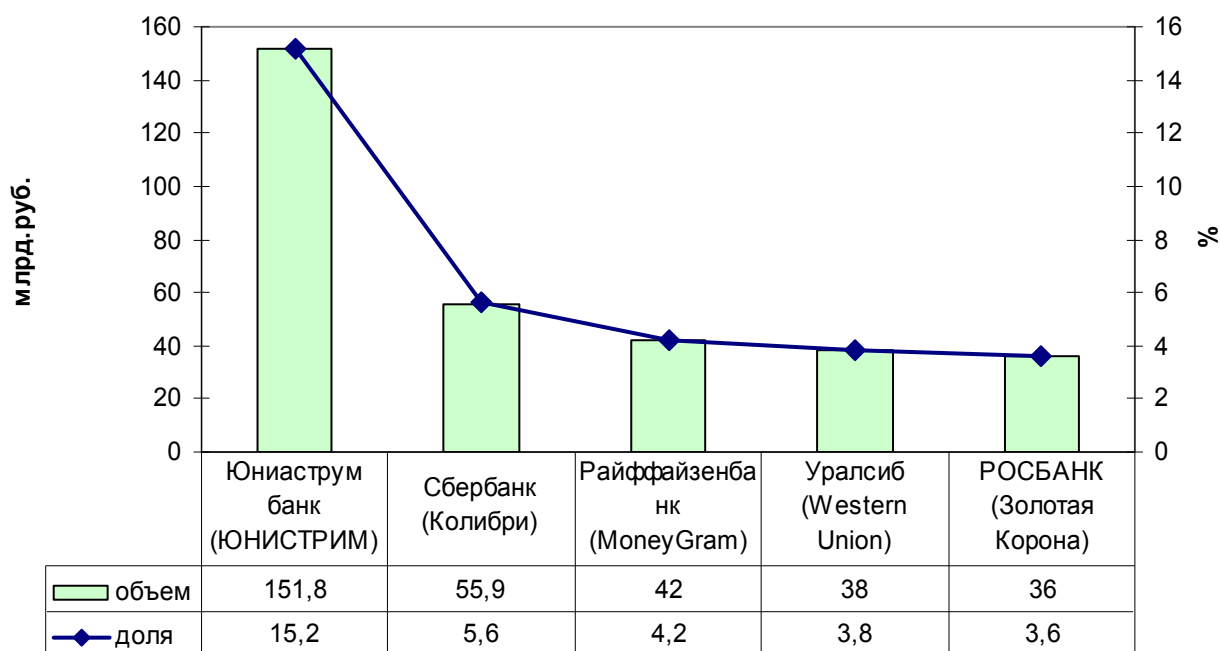

Рис. 5. Ранжирование российских банков по объему денежных переводов физических лиц [11]

Согласно представленным на рисунке 6 данным, ПАО «Сбербанк» занимает второе место среди российских банков по объему совершенных переводов денежных средств физических лиц. Доля рынка денежных переводов ПАО «Сбербанк» составляет при этом 5,6%. На первом месте находится Юниаструм банк с платежной системой ЮНИСТРИМ, входя-

щей в состав финансовой группы Юниаструм, через которую было осуществлено денежных переводов на сумму 151,8 млрд руб., что составило 15,2% от совокупного рыночного объема.

Ниже Сбербанка находятся Райффайзенбанк, пользующийся преимущественно платежной системой MoneyGram (4,2% рынка), УралСиб и Western Union

(3,8% рынка), Росбанк и Золотая Корона (3,6% рынка). Безусловно, названные на 3-5 позициях банки и Сбербанк пользуются иными платежными системами, предлагая клиентам при переводе денежных средств выбор, однако в исследовании можно выделить основную платежную систему, через которую осуществляется подавляющее большинство денежных переводов исследуемых банков.

Совокупная рыночная доля первой пятерки банков-лидеров на рынке денежных переводов составляет 32,4%, что означает средний уровень концентрации

рынка и достаточно высокий уровень сложившееся на рынке конкуренции. Такое положение достигается не только разнообразием платежных систем, используемых для осуществления денежных переводов, но и их различной комбинацией в коммерческих банках, которые к тому используются собственные инструменты (банковские карты и счета) для осуществления денежных переводов физических лиц. Структура денежных переводов физических лиц ПАО «Сбербанк» по способам осуществления перевода представлена на рисунке 6.

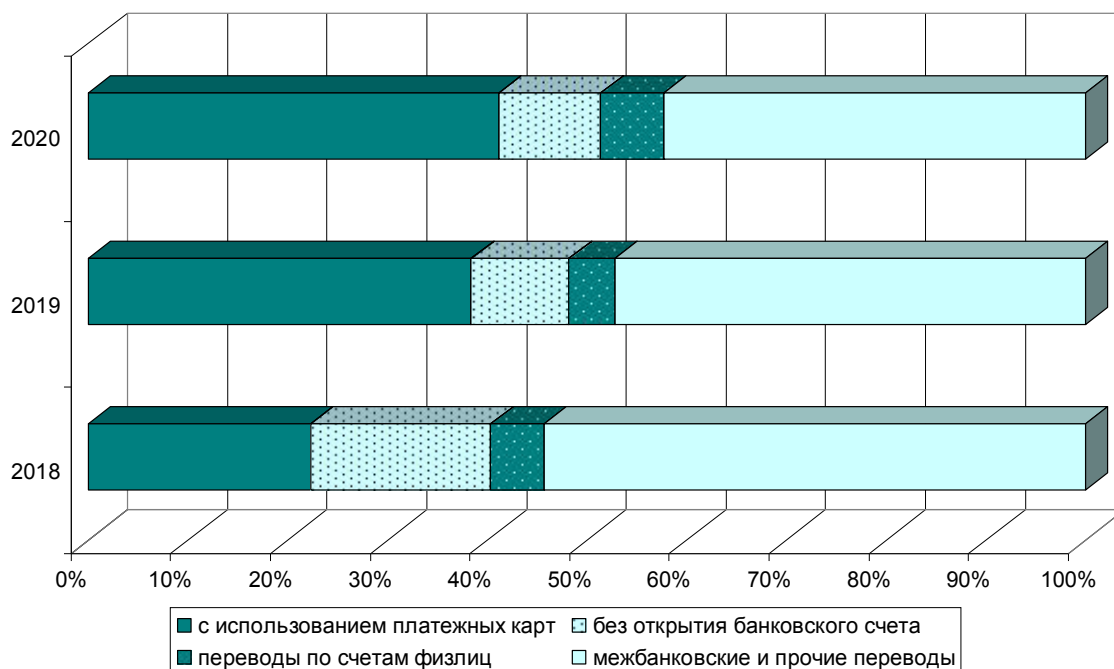

Рис. 6. Структура денежных переводов физических лиц в ПАО «Сбербанк» по инструментам [10]

Как видно из рисунка 6, преобладающими инструментами осуществления перевода денежных средств физических лиц в ПАО «Сбербанк» являются межбанковские переводы и платежные карты. При этом доля платежных карт за период исследования растет — с 22,5% в 2018 г. до 42,1% в 2020 г., что обусловлено упрощением процедуры перевода денежных средств с помощью банковских карт:

— возможность перевода по номеру телефона;

— перевод через систему Сбербанк-онлайн;

— настройка автоперевода по заданным параметрам при осуществлении постоянных переводов денежных средств.

Результативность проведения денежных переводов физических лиц в коммерческом банке отражает как абсолютный, так относительный размер полученных банком доходов от осуществления данного вида операций. Динамика операционных и комиссионных доходов

ПАО «Сбербанк» от денежных операций по переводу средств физических лиц представлена в таблице 4.

В структуре доходов по переводным операциям ПАО «Сбербанк» преобладают комиссионные доходы, доля которых стабильно составляет более половины совокупного объема. Прирост общей величины доходов, полученных банком от

осуществления денежных переводов физических лиц составил 0,6 трлн руб., в т. ч. 0,3 трлн руб. за счет прироста операционных доходов и 0,3 трлн руб. за счет комиссионных доходов.

Динамика доходности операций ПАО «Сбербанк» по переводу денежных средств населения представлена на рисунке 7.

Таблица 4. Структура доходов ПАО «Сбербанк» по платежным услугам

Показатель	2018		2019		2020	
	трлн.руб.	уд.вес, %	трлн.руб.	уд.вес, %	трлн.руб.	уд.вес, %
Всего доходов по платежным услугам, в том числе:	0,5	100	0,8	100	1,1	100
операционные доходы	0,2	40,0	0,3	37,5	0,5	45,5
комиссионные доходы	0,3	60,0	0,5	62,5	0,6	54,5

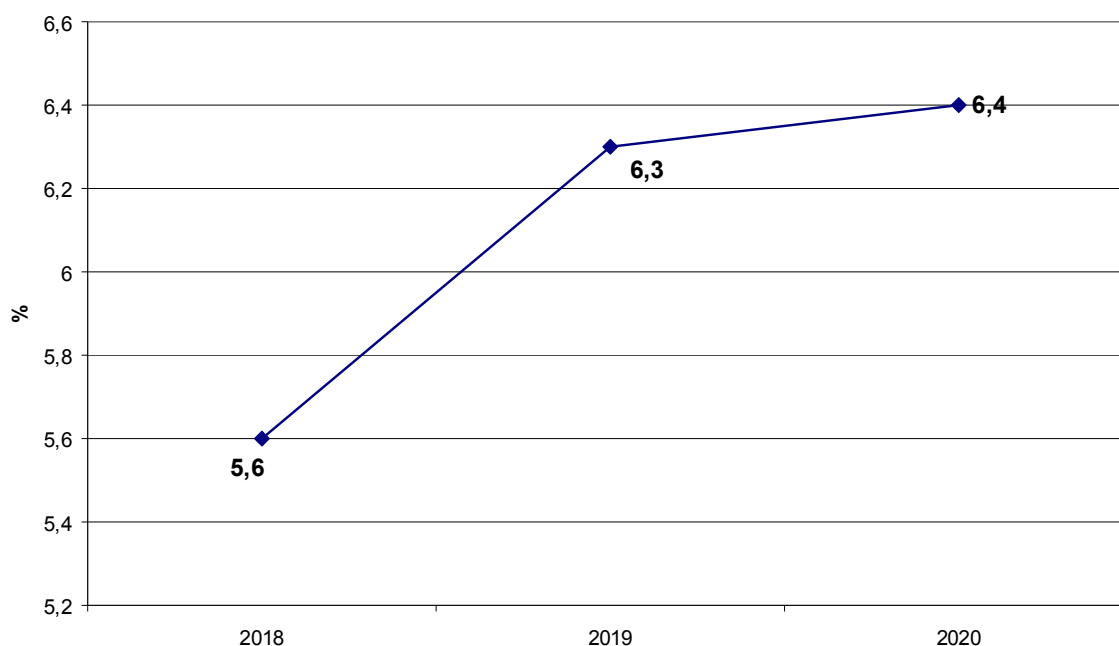

Рис. 7. Доходность денежных переводов физических лиц в ПАО «Сбербанк»

Отношение полученных доходов к объему осуществленных переводов денежных средств населения в ПАО «Сбербанк» показывает их доходность, динамика которой является положительной. За период исследования уровень доходности переводных операций вырос на 0,8 подп. и составил 6,4%.

Выводы

Денежные переводы хоть и не являются ключевым бизнес-направлением развития банковской деятельности, однако формируют комплекс банковских услуг для частных клиентов, участвуют в создании ресурсной базы банка, а также

приносят определенную часть его доходов. Развитие денежных переводов на основе современных технологий банков-

ского обслуживания позволит снизить себестоимость их осуществления, повысить качество и надежность.

Список литературы

1. Обухова А. С., Казаренкова Н. П. Применение цифровых технологий при оценке кредитоспособности заемщика // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10, № 2. С. 140-153.
2. Колмыкова Т. С., Несенюк Е. С., Халамеева К. Ю. Развитие цифровой экономики при переходе к шестому технологическому укладу // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9, № 1 (30). С. 57–64.
3. Пименов П. В. Трансформация банковского сектора в условиях конкуренции с IT-индустрией // Финансовая экономика. 2019. № 7. С. 311-317.
4. Статистический бюллетень Банка России. URL: http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/31962/Bbs2101_r.pdf (дата обращения: 10.03.2021).
5. Отчет о развитии банковского сектора РФ в 2019 году. URL: http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/25854/razv_bs_19_12.pdf (дата обращения: 10.03.2021).
6. Трофимов Д. В. Финансовые технологии в сфере розничных платежей: тенденции развития и перспективы в ЕС и России // Вопросы экономики. 2018. № 3. С. 48-63.
7. Рынок розничных платежных услуг в России. URL: https://practicum.skolkovo.ru/downloads/documents/FinChair/Research_Reports/SKOLKOVO_2018_08_ResearchReport_ru.pdf (дата обращения: 11.03.2021).
8. Ситникова Э. В., Колмыкова Т. С., Астапенко Е. О. Влияние цифровизации на тенденции развития банковской деятельности в регионах России // Регион: системы, экономика, управление. 2020. № 1 (48). С. 71-76.
9. Полякова Т. Н. Перспективы традиционного банкинга в условиях развития информационно-финансовых технологий // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9, № 4 (33). С. 126-139.
10. Платежи и переводы в ПАО «Сбербанк». URL: <https://www.sberbank.ru/ru/person/remittance> (дата обращения: 11.03.2021).
11. Отчет о развитии отрасли Финтех в России 2020. URL: https://www.pwc.ru/ru/banking/publications/_FinTech2020_Rus.pdf (дата обращения: 10.03.2021).

References

1. Obukhova A. S., Kazarenkova N. P. *Primenenie tsifrovyykh tekhnologii pri otsenke kreditosposobnosti zaemshchika* [The use of digital technologies in assessing the creditworthiness of a borrower]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2020, vol. 10, no. 2, pp. 140-153.
2. Kolmykova T. S., Nesenjuk E. S., Halameeva K. Yu. *Razvitie tsifrovoy ekonomiki pri perekhode k shestomu tekhnologicheskomu ukladu* [Development of the digital economy in the transition to the sixth technological order]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2019, vol. 9, no. 1 (30), pp. 57–64.
3. Pimenov P. V. *Transformatsiya bankovskogo sektora v usloviyakh konkurentsii s IT-industriiei* [Transformation of the banking sector in the context of competition with the IT industry]. *Finansovaya ekonomika = Financial Economics*, 2019, no. 7, pp. 311-317.
4. *Statisticheskii byulleten' Banka Rossii* [Statistical Bulletin of the Bank of Russia]. Available at: http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/31962/Bbs2101_r.pdf. (accessed 10.03.2021)

5. Otechet o razviti bankovskogo sektora RF v 2019 godu [Report on the development of the banking sector and banking supervision in 2019]. Available at: http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/25854/razv_bs_19_12.pdf. (accessed 10.03.2021)
6. Trofimov D. V. Finansovye tekhnologii v sfere roznichnykh platezhei: tendentsii razvitiya i perspektivy v ES i Rossii [Financial technologies in the field of retail payments: development trends and prospects in the EU and Russia]. *Voprosy ekonomiki = Problems of Economics*, 2018, no. 3, pp. 48-63.
7. Rynok roznichnykh platezhnykh uslug v Rossii [Retail payment services market in Russia]. Available at: https://practicum.skolkovo.ru/downloads/documents/FinChair/Research_Reports/SKOLKOVO_2018_08_ResearchReport_ru.pdf. (accessed 11.03.2021)
8. Sitnikova E. V., Kolmykova T. S., Astapenko E. O. Vliyanie tsifrovizatsii na tendentsii razvitiya bankovskoi deyatel'nosti v regionakh Rossii [The influence of digitalization on the development trends of banking in the regions of Russia]. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie = Region: Systems, Economics, Management*, 2020, no. 1 (48), pp. 71-76.
9. Polyakova T. N. Perspektivy traditsionnogo bankinga v usloviyakh razvitiya informatsionno-finansovykh tekhnologii [Prospects for traditional banking in the context of the development of information and financial technologies]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2019, vol. 9, no. 4 (33), pp. 126-139.
10. Platezhi i perevody v PAO "Sberbank" [Payments and transfers to PJSC "Sberbank"]. Available at: <https://www.sberbank.ru/ru/person/remittance>. (accessed 11.03.2021)
11. Otechet o razviti otrasli Fintekh v Rossii 2020 [Report on the development of the Fintech industry in Russia 2020]. Available at: https://www.pwc.ru/ru/banking/publications/_FinTech2020_Rus.pdf. (accessed 10.03.2021)

Информация об авторах / Information about the Authors

Обухова Анна Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: obuhova anna@inbox.ru,
ORCID: 0000-0002-5780-6529,
Scopus Author ID: 41762272700,
Researcher ID: N-6305-2016

Anna S. Obukhova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Finance and Credit, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: obuhova anna@inbox.ru,
ORCID: 0000-0002-5780-6529,
Scopus Author ID: 41762272700,
Researcher ID: N-6305-2016

Казаренкова Наталья Петровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: nfedorovich@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-9830-9775,
Scopus Author ID: 56381603400,
Researcher ID: V-5539-2018

Natalya P. Kazarenkova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Finance and Credit, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: nfedorovich@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-9830-9775,
Scopus Author ID: 56381603400,
Researcher ID: V-5539-2018

Проблемы обеспечения прогрессивной динамики развития человеческого капитала в условиях цифровизации

А. В. Мищенко¹, Т. С. Колмыкова² ✉

¹ Югорский государственный университет
ул. Чехова 16, г. Ханты-Мансийск 628000, Российская Федерация

² Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kgtu_fk@list.ru

Резюме

Актуальность темы исследования объясняется тем, что человеческий капитал является важнейшей, на наш взгляд, системообразующей категорией, связанной с цифровизацией экономического пространства, совершенствованием сферы искусственного интеллекта, реализацией передовых инноваций, распространением сетевых форм взаимодействия участников рынка. Его носителем является каждый индивид, формируя уровни развития человеческого капитала по возрастанию от частного к коллективному. Поэтому вопрос исследования особенностей формирования, становления и прогрессивной динамики человеческого капитала приобретает крайне высокую значимость в современных условиях.

Цель исследования заключается в изучении концептуальных подходов к содержанию человеческого капитала, а также в анализе динамики его развития в сопоставлении с другими странами.

Задачи исследования представлены: разработкой теоретического представления о содержании категории «человеческий капитал»; сопоставительным анализом динамики развития человеческого капитала в разных странах; выявлением тенденций развития человеческого капитала в условиях цифровизации.

Методология включает обзор концепций, посвященных развитию человеческого капитала, а также интерпретацию аналитических данных о динамике развития человеческого капитала для разных стран мира.

Результаты исследования показывают, что на протяжении последних пяти десятилетий экономика знаний стала играть ключевую роль в отечественной и международной экономической сфере, оказывая непосредственное влияние на ход всеобщего социально-экономического развития. Реальная структура ВВП претерпевает существенные изменения и смещается в сторону увеличения доли тех сфер, которые составляют экономику знаний и основываются на научно-техническом прогрессе. Его взрывной рост и прогрессивная динамика вызваны в первую очередь достижениями в сфере информационно-коммуникационных технологий и распространением сети Интернет. В результате влияния перечисленных факторов процесс формирования экономики знаний становится неотъемлемой составляющей постиндустриального развития общества.

Выводы по результатам исследования свидетельствуют о том, что в современных условиях человеческий капитал является ресурсом, который играет важную роль в процессе развития отдельных государств и мирового сообщества в целом. Для достижения устойчивых параметров экономического роста необходимо систематическое повышение качества человеческого капитала.

Ключевые слова: человеческий капитал; новое качество человеческого капитала; экономика знаний; цифровизация экономики.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Мищенко А. В., Колмыкова Т. С. Проблемы обеспечения прогрессивной динамики развития человеческого капитала в условиях цифровизации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 3. С. 159–169.

Поступила в редакцию 11.03.2021

Принята к публикации 07.04.2021

Опубликована 30.06.2021

Problems of Ensuring the Progressive Dynamics of Human Capital Development in the Context of Digitalization

Anna V. Mishchenko¹, Tatyana S. Kolmykova² ✉

¹ Ugra State University
16 Chekhov, Khanty-Mansiysk 628000, Russian Federation

² Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: t_kolmykova@mail.ru

Abstract

The relevance of the research topic is explained by the fact that human capital is, in our opinion, the most important system-forming category associated with the digitalization of the economic space, the improvement of the field of artificial intelligence, the implementation of advanced innovations, the spread of network forms of interaction between market participants. Each individual is its bearer, forming the levels of human capital development in ascending order from the private to the collective. Therefore, the issue of studying the features of the formation, formation and progressive dynamics of human capital is of extremely high importance in modern conditions.

The purpose of the study is to study conceptual approaches to the content of human capital, as well as to analyze the dynamics of its development in comparison with other countries.

The objectives of the study are as follows: development of a theoretical understanding of the content of the category "human capital"; comparative analysis of the dynamics of human capital development in different countries; identifying trends in the development of human capital in the context of digitalization.

The methodology includes an overview of concepts on human capital development, as well as the interpretation of analytical data on the dynamics of human capital development for different countries of the world.

The results of the study show that over the past five decades, the knowledge economy has played a key role in the domestic and international economic sphere. It has a direct impact on the course of general socio-economic development. The real structure of GDP is undergoing significant changes and is shifting towards an increase in the share of those spheres that make up the knowledge economy and are based on scientific and technological progress. Its explosive growth and progressive dynamics are primarily due to advances in information and communication technologies and the spread of the Internet. As a result of the influence of these factors, the process of formation of the knowledge economy becomes an integral part of the post-industrial development of society.

The conclusions of the study indicate that in modern conditions human capital is a resource that plays an important role in the development of individual states and the world community as a whole. Improving the quality of human capital is necessary to achieve sustainable parameters of economic growth.

Keywords: human capital; new quality of human capital; knowledge economy; digitalization of the economy.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Mishchenko A. V., Kolmykova T. S. Problems of Ensuring the Progressive Dynamics of Human Capital Development in the Context of Digitalization. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(3): 159–169. (In Russ.)

Received 11.03.2021

Accepted 07.04.2021

Published 30.06.2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2021; 11(3): 159–169

Введение

Вопрос изучения особенностей формирования и закономерностей развития человеческого капитала с учетом текущих условий взаимодействия России с другими странами как никогда актуален. В первую очередь это связано с тем, что Россия провозгласила курс, нацеленный на инновационное развитие национальной экономики, и зафиксировала его в следующих стратегически значимых документах:

- Указ Президента РФ от 07 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»;

- Основные направления деятельности Правительства на период до 2024 года (утверждены 29.09.2018 г. № 8028п-П13);

- Стратегия инновационного развития РФ (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 08.12.2011 г. № 2227-р);

- Стратегия научно-технологического развития РФ (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642).

Перечисленные нормативно-правовые акты призваны сконцентрировать усилия экономики на выбранном направлении движения. Развитие нового качества человеческого капитала, интеллекта, профессиональных навыков и умений, обусловленное стремительными процессами цифровизации экономического пространства, направлено на достижение общих долгосрочных целей развития страны. Именно эти факторы стали основополагающими при проведении исследований и разработок, способных кардинальным образом изменить внутреннюю экономическую ситуацию в России, а также обеспечить ей ведущую роль на международной арене [1; 2; 3]. Тенденции современного мира и, прежде всего, экономические модели функционирования развитых стран диктуют новые правила, в соответствии с которыми челове-

ческий капитал приобретает все большее значение и ценность, усиливается уровень его влияния на национальное хозяйство по сравнению с традиционными формами капитала – производственным и финансовым [4; 5; 6].

Материалы и методы

Методология исследования представлена структурно-динамическим анализом массива данных о динамике индекса человеческого капитала для разных стран мира, мониторингом официального сайта Всемирного банка с целью изучения проблемных аспектов обеспечения прогрессивной динамики развития человеческого капитала в условиях цифровизации.

Результаты и их обсуждение

В современной экономической науке предложены различные концептуальные подходы к трактовке человеческого капитала, которые акцентируют внимание на его разнообразных характеристиках, а также принимают во внимание его нематериальный характер [7; 8; 9].

Так, одна группа исследователей отдает первостепенное значение функциональному аспекту человеческого капитала, рассматривая в качестве основного преимущества «возможность его обладателя извлекать и наращивать выгоду, повышая уровень производительности труда» (Г. Беккер, Дж. Стиглер) [10, с. 85]. С другой стороны, существуют подходы, которые делают акцент на таких компонентах человеческого капитала, как «знания, профессиональные навыки и опыт, способность реализовать имеющийся творческий потенциал, уровень психического и физического здоровья человека» (М. Вебер) [11, с. 272]. Ряд авторов (Э. Дженисон, Т. Шульц) учитывают как содержательные характеристики, так и функциональные особенности данной категории [12, с. 40]. При этом ученые сходятся во мнении, что создание и развитие человеческого невозможны в условиях

отсутствия врожденных способностей самого человека. Только инвестиции в дарования и даже таланты, которыми наделен индивид, могут быть использованы для культивирования его собственного человеческого капитала.

Учитывая и принимая во внимание тот факт, что описанные подходы к определению анализируемой категории не противоречат друг другу, а выступают как взаимодополняющие, можно обобщить их и предложить собственный подход, согласно которому человеческий капитал представляет собой совокупность множества значимых элементов, таких как здоровье, врожденные дарования, творческие и культурные способности, личные мотивы и интересы, создающие основу для профессиональной деятельности, роста производительности труда и потенциальных доходов, которые человек накапливает в течение жизни и совершенствует путем вложений в знания и совершенствование навыков.

Достигнутый уровень образования, полученные индивидом знания и профессиональные компетенции, а также накопленный производственный опыт со временем стремятся превратиться в долгосрочный капитальный актив. Главным свойством данного актива является способностью приносить доход своему владельцу, а также амортизироваться, восстанавливаться и накапливаться. Отметим, что теория человеческого капитала получила общественное признание и сформировалась в виде научного направления экономической теории более полувека назад. Современные разработки сосредоточены на изучении качества человеческого капитала. Они придают острую социальную значимость потребности в повышении уровня и качества человеческого капитала для всех групп населения. Прежде всего, это обусловлено прямой зависимостью от данного функционального аспекта того, насколько эффективна и результативна деятельность реального сектора экономики любой страны [13, с. 407].

Вторая половина XX в. связана со становлением развитых стран на новый путь развития, характеризующийся зарождением и расцветом экономики знаний как системы отраслей экономики, нацеленных на повышение производительности труда и качества человеческого капитала. Основной функционал направлен на формирование знания, повышение его доступности за счет предоставления образовательных услуг, передачи их на расстояние, приобретения новых навыков и умений. Определяющее значение имеет возможность использования экономики знаний для повышения эффективности, производительности, качества человеческого капитала и в конечном счете создания инноваций. Современная экономика знаний включает в себя сферу НИОКР, все виды обучения, информационно-коммуникационные технологии, достижения в области здравоохранения и биотехнологий [14].

Таким образом, комплексное исследование подходов и теоретических интерпретаций понятия человеческого капитала позволяют заключить, что в современных социально-экономических условиях он выступает как ресурс, который играет решающую роль в процессе прогрессивного развития мирового сообщества и ведущих государств мира, в том числе и России. Кроме того, за человеческим капиталом следует признать определяющее значение в процессе формирования, становления и модернизации национальных экономических систем развивающихся стран и государств третьего мира.

В настоящее время большое распространение получили экспертные методы оценки состояния и стоимости человеческого капитала как для отдельных стран мира, так и в совокупности. По оценкам Всемирного банка, на конец XX в. общая стоимость мирового человеческого капитала составляла 550 трлн долл., что более чем в восемь раз превышает уровень мирового ВВП. В частности, в России объем

человеческого капитала достигал уровня 30 трлн долл., превышая значение показателя ВВП в 20 раз [15]. Анализируя данные, следует отметить, что доля России в совокупном объеме человеческого капитала составляла 11%. Эта величина значительно превышает удельный вес российской экономики в общем объеме мирового ВВП (по состоянию на 2000 г. его значение составляло 1,2%). По нашему мнению, приведенные количественные данные и показатели характеризуют наследие эпохи

СССР, а именно реализацию научно-технического и образовательного потенциала российской нации, который имел возможность проявить себя в действительном приросте ВВП при условии проведения эффективной государственной социально-экономической политики.

В структуре формирования мирового ВВП доля экономики знаний увеличилась вдвое (с 10% до 20%) за период 1950-2000 гг. (рис. 1).

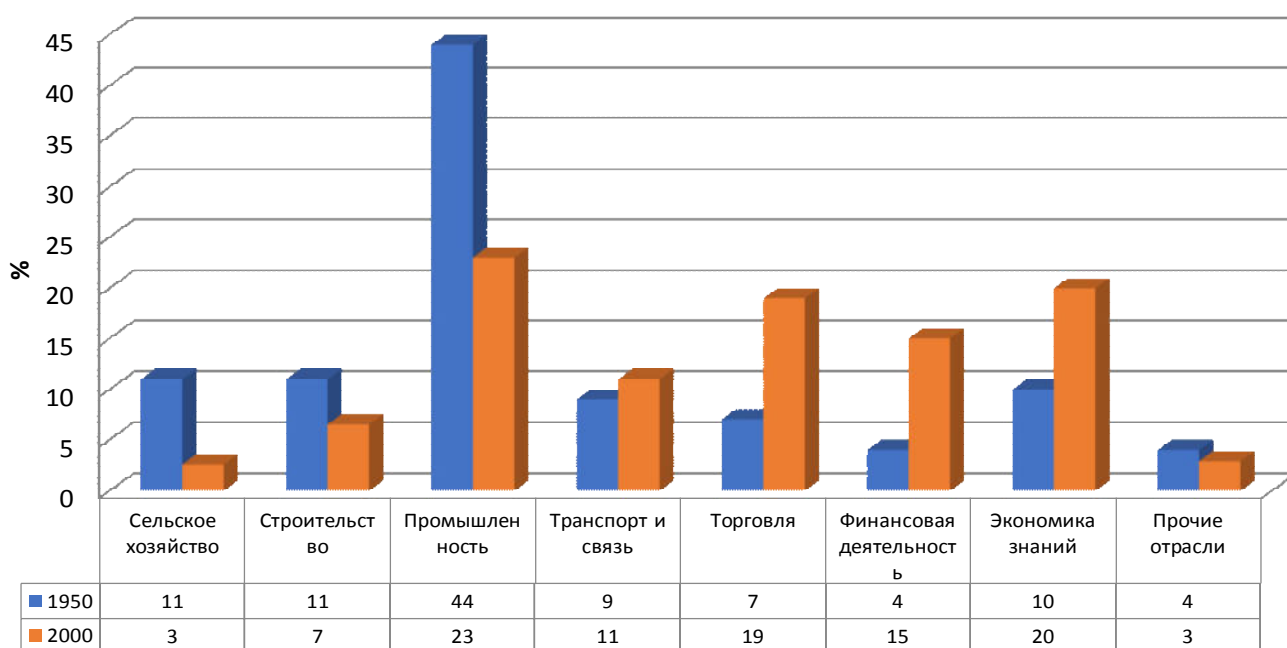

Рис. 1. Динамика участия отраслей экономики в структуре формирования мирового ВВП в 1950-2000 гг. [15]

Следует отметить, что для развитых стран в этот же период времени данный показатель достигал уровня 50%. На основании расчетных данных, приведенных А. Г. Аганбегяном, в 2016 г. в России доля отраслей, относящихся к экономике знаний, составила 11-12%, или 10 трлн руб. в стоимостном выражении. Из них на науку приходился 1%, на образование – 3,5%, на здравоохранение – 4%, на ИТ – порядка 2%. Приводя в сравнение аналогичные оценки показателей для стран «Большой семерки», доля экономики знаний в составе их ВВП за аналогичный

период достигала уровня 30%. В результате оценки российских показателей можно зафиксировать их существенное отклонение в меньшую сторону [15], что свидетельствует об отставании России по уровню вложений в те отрасли, которые составляют экономику знаний, и, как следствие, о недостаточном внимании со стороны государства к качеству человеческого капитала.

С другой стороны, успех развитых стран имеет свое объяснение, которое заключается в особом отношении к человеческому капиталу со стороны государ-

ства. В соответствии с новым подходом передовых держав расходы социального характера, которые в рамках традиционной экономики считались невозвратными, теперь стали восприниматься иначе и расцениваться как инвестиции в будущее процветание страны. Основным преимуществом экономики знаний является возможность оказывать эффект мультипликатора на процесс функционирования других отраслей народного хозяйства. Это свойство становится преимуществом развитых стран, которое позволяет им превосходить по уровню экономического развития прочие государства.

Одним из наиболее показательных примеров присвоения человеческому капиталу ключевой роли в развитии нации является современный опыт Китая. Первым этапом реформационных действий послужил запуск активного процесса урбанизации. Руководство страны приступило к стимулированию производственно-технологической отрасли экономики и повышению занятости в данной сфере через вовлечение в трудовой процесс женщин. По мнению ведущих аналитиков социально-демографической области, это стало возможным преимущественно за счет реформы рождаемости, в соответствии с которой государство провозгласило лозунг «одна семья – один ребенок» [16, с. 51]. Реализация данного направления политики Китая позволила женщинам работать больше и иметь возможность реализовать свои профессиональные навыки в карьере и трудовой сфере. В рамках второго этапа руководство Китая подготовило ряд мероприятий в сфере образования, которые позволили студентам китайских образовательных учреждений проходить стажировку в ведущих университетах зарубежных стран. После получения знаний и образовательных навыков в учебных заведениях развитых стран мира большинство молодых китайцев возвращались домой с накопленным опытом и развитыми компетенциями. В результате реформационных

действий произошло ускорение экономического развития, Китай совершил беспрецедентный скачок в направлении ведущих мировых держав и достижения их уровня благосостояния. Более того, руководство страны стало более пристально относиться к систематическим и целенаправленным вложениям в человеческий капитал, что особенно широко коснулось финансирования сектора здравоохранения. В дальнейшем это повлекло за собой значительное увеличение продолжительности жизни населения: если в 1965 г. среднестатистический мужчина доживал лишь до 45 лет, то за 50 лет данный показатель возрос на 67%, и к 2015 г. средняя продолжительность жизни мужского населения Китая составляла уже 75 лет [16, с. 53]. По нашему мнению, сложившаяся положительная динамика показателя продолжительности жизни говорит о росте трудоспособного населения, имеющего высокую профессиональную квалификацию, что в конечном счете создало необходимые условия для обеспечения устойчивого развития экономики Китая.

Специалисты отмечают, что в последние годы в России также усиливается внимание к необходимости развития человеческого капитала [17; 18]. Участие государства в развитии данного направления требует более пристального внимания, нежели это имело место ранее. Пренебрежение факторами, которые участвуют в формировании человеческого капитала, неизбежно влечет за собой как снижение экономической активности населения, так и ухудшение социальной атмосферы в стране. Если анализировать аналогичный опыт развитых стран, например таких, как США, Великобритания, Франция, Швейцария, то именно человеческий капитал для них выступает решающим фактором. Он рассматривается как предпосылка для роста экономики, создания условий для научно-технического прогресса, усиления социально-демографической ситуации, что впоследствии позволяет национальному и миро-

вому хозяйству двигаться вперед с сохранением долгосрочного и устойчивого положительного эффекта [14].

По нашему мнению, преимуществом России на фоне зарубежных стран выступает доступность образования, как для молодежи, так и для граждан любого возраста. В то же время Российская Федерация существенно отстает от развитых стран по ряду показателей: качество организации рабочих мест, наличие возможностей развития в профессиональной сфере и продвижения по карьерной лестнице, доступность имеющихся способов повышения квалификации в рамках овладения работником профессией, уровень предоставления услуг здравоохранения и продолжительность здоровой жизни населения, степень социальной мобильности граждан и др.

Современное мировое сообщество придерживается концепции, в соответствии с которой все больше внимания специалистов и аналитиков уделяется направлению совершенствования и повышения качества человеческого капитала. В соответствии с данной концепцией в 2017 г. Всемирный банк вышел с глобальной инициативой по созданию проекта развития человеческого капитала. Особенно остро вопрос содействия осуществлению вложений в человеческие ресурсы встал в связи с необходимостью ликвидации последствий, вызванных условиями пандемии COVID-19. В настоящее время проект нацелен на объединение усилий разных стран мира для покрытия дефицита человеческого капитала, сложившегося во время пандемии и после ее завершения. Специалистами в области социально-экономического развития представлены данные за 2020 г. для 174 стран мира, в которых выполнен расчет Индекса человеческого капитала (ИЧК) как показателя мирового развития.

Индекс человеческого капитала – это комплексный показатель, позволяющий количественно оценить вклад системы здравоохранения и образования в формирование производительности труда сле-

дующего поколения работников. Он может быть использован при оценке дохода, который упускают страны из-за недостаточного внимания к качеству человеческого капитала своих граждан. Также ИЧК демонстрирует, в течение какого периода времени руководство страны имеет возможность трансформировать свои убытки в положительную прибыль при условии осуществления необходимых инвестиционных вложений и выведения показателей человеческого капитала на более высокий уровень.

Индекс измеряет человеческий капитал следующего поколения, т. е. тот его объем, который способен накопить родившийся сегодня ребенок. Расчет ИЧК основан на оценке трех составляющих:

- выживаемость – измеряется на основании данных о смертности детей в возрасте до 5 лет. Отражает тот факт, что ребенку, родившемуся сегодня, необходимо дожить до того момента, когда начнет накапливаться его собственный человеческий капитал в результате получения образования;

- ожидаемая продолжительность обучения в школе – оценивает качество образования, исходя из того, что дети в одних странах могут получить меньший объем знаний, чем в других странах, при равной продолжительности обучения;

- состояние здоровья – основано на расчете распространенности низкорослости среди детей в возрасте до 5 лет, а также выживаемости взрослых. Первый показатель позволяет получить качественную характеристику состояния здоровья плода, младенца и ребенка младшего дошкольного возраста. Второй показатель относительный, он определяется как процентная доля 15-летних подростков, которые доживут до своего 60-летия [15].

Индекс человеческого капитала является интегральным показателем, принимает значение в интервале от 0 до 1. Его величина для разных стран мира по данным рейтинга, составленного по инициативе Всемирного банка в 2020 г., представлена ниже (рис. 2).

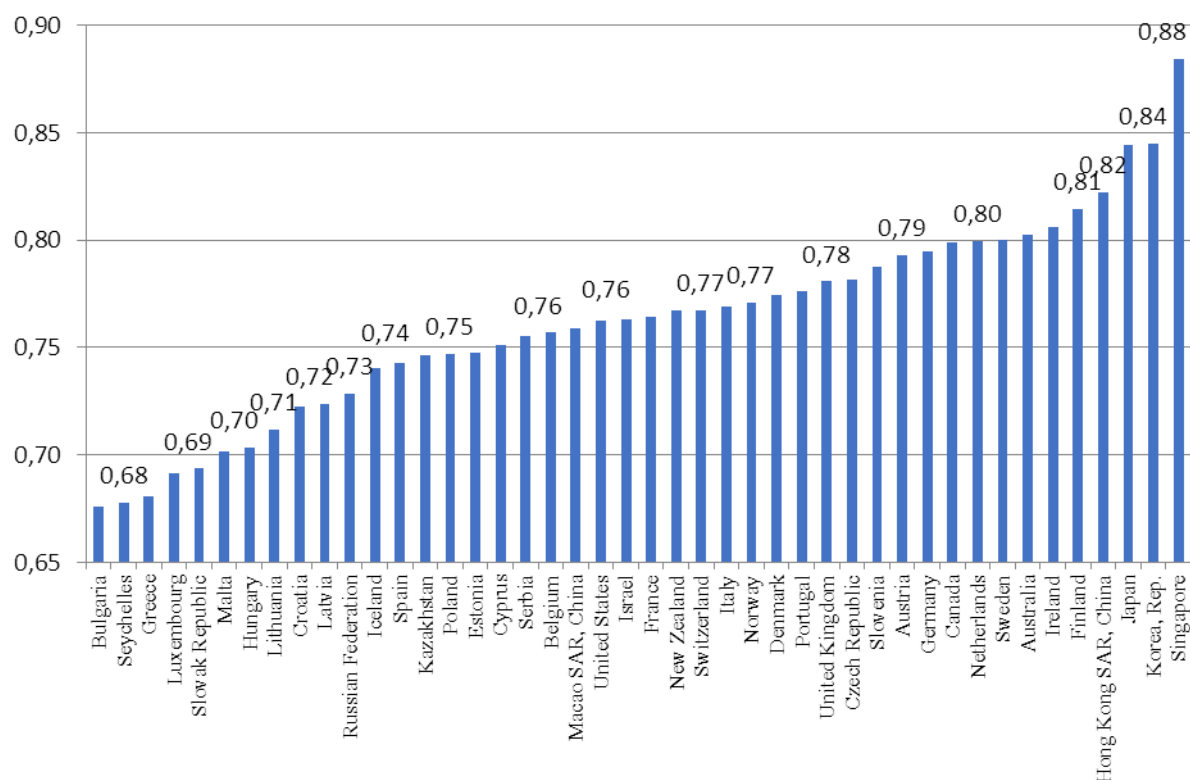

Рис. 2. Индекс человеческого капитала, 2020 г. [15]

В соответствии с расчетами, выполненными экспертами в 2020 г., и согласно данным, которые продемонстрированы на рисунке 2, ведущее место в рейтинге стран занимает Сингапур, относящийся к региону Восточной Азии (значение показателя ИЧК = 0,88). При этом наименьшее значение показателя характерно для африканского государства Чад (0,29). Россия занимает 117 место в международном рейтинге, составленном для 157 стран мира, и показатель ИЧК для нашей страны соответствует значению 0,73, что заставляет задуматься о существующих и потенциальных возможностях улучшения положения России по сравнению с другими странами мира.

Выводы

Таким образом, концептуальную основу управления человеческим капи-

талом составляет тезис, согласно которому создание и развитие человеческого капитала возможно только при условии наличия у индивида врожденных способностей и дарований, а также стремлений к их развитию и совершенствованию [19; 20]. Для успешного решения социально-экономических проблем России, постановки и достижения новых стратегически значимых задач необходима целенаправленная и систематическая реализация комплекса мероприятий, направленных на повышение качества человеческого капитала в соответствии с условиями цифровизации экономического пространства. Следует признать приоритетным направлением финансирование тех отраслей национальной экономики, которые принимают непосредственное участие в создании и развитии нового, цифрового

качества человеческого капитала. По нашему мнению, особого внимания заслуживают воспитание и образование,

здравоохранение, культура и искусство, фундаментальная наука, НИОКР, сфера безопасности.

Список литературы

1. Панченко В. Е., Сироткина Н. В. Развитие инновационной среды в условиях цифровой экономики: особенности, проблемы, перспективы // Организатор производства. 2019. № 4. С. 61–68.
2. Преображенский Б. Г., Толстых Т. О., Шкарупета Е. В. Трансформация должностей, компетенций и профилей в условиях цифровизации // Регион: системы, экономика, управление. 2018. № 3 (42). С. 151–156.
3. Мерзлякова Е. А., Колмыкова Т. С. Циркулярное воспроизводство и экологические инновации в обеспечении устойчивого роста региональной экономики // Регион: системы, экономика, управление. 2019. № 3 (46). С. 104–111.
4. Власова М. А. Анализ современных тенденций внедрения цифровых технологий в промышленном секторе экономики России // Экономические и гуманитарные науки. 2019. № 2 (325). С. 68–74.
5. Каракулина К. Н., Ершова И. Г. Управление инновационным развитием производственного предпринимательства России // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 32 (6). С. 207–213.
6. Паршутин И. Г., Положенцева Ю. С., Клевцова М. Г. Оценка перспектив развития отрасли информационных технологий в РФ на основе показателей рыночной концентрации и асимметрии // Вестник ОрелГИЭТ. 2018. № 3 (45). С. 54–65.
7. Колмыкова Т. С., Зеленов А. В. Новое качество человеческого капитала в контексте цифровой трансформации экономического пространства // Экономика и управление: проблемы, решения. 2020. Т. 1, № 4. С. 4–8.
8. Колмыкова Т. С., Зеленов А. В. Цифровая компетентность человеческого капитала в условиях развития инновационных экосистем // Инновации и инвестиции. 2020. № 3. С. 13–15.
9. Мерзлякова Е. А. Трансформация человеческого капитала в цифровой экономике // Регион: системы, экономика, управление. 2019. № 4. С. 166–171.
10. Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории: [пер. с англ.]. М.: ГУ-ВШЭ, 2003. 672 с.
11. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения: [пер. с нем.]. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
12. Тугускина Г. Н. Управление развитием человеческого капитала в условиях инновационного развития региона // Russian Journal of Management. 2016. № 1. С. 39–46.
13. Mankiw G. W., Romer D., Weil D. N. A contribution to empirics of economic growth // The Quarterly Journal of Economics. 1999. N 2. P. 407–437.
14. Аганбегян А. Г. Человеческий капитал и его главная составляющая – сфера «экономики знаний» как основной источник социально-экономического роста // Экономические стратегии. 2017. № 3. С. 66–79.
15. Всемирный банк. Проект развития человеческого капитала. URL: <https://www.vsemirnyybank.org/ru/publication/human-capital#data> (дата обращения: 22.03.2021).
16. Игнатова Т. В., Васильев П. П. Повышение значимости теории человеческого капитала для управления модернизацией российской экономики // Journal of Economic Regulation. 2013. Т. 4, № 2. С. 49–55.
17. Серебрякова Н. А., Волкова С. А., Волкова Т. А. Методика интегральной оценки человеческого капитала региона // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2019. № 3. С. 375–380.
18. Аналитический инструментарий оценки готовности национальной экономики к цифровизации / Т. С. Колмыкова, В. Н. Щербаков, И. Н. Третьякова, В. Ю. Сергеева // Регион: системы, экономика, управление. 2020. № 3 (50). С. 120–128.

19. Колмыкова Т. С., Клыкова С. В., Макаров Н. Ю. «Цифровизация» как новая парадигма социально-экономического развития // Экономика и управление: проблемы, решения. 2020. Т. 5, № 11 (107). С. 5–9.

20. Ершова И. Г., Беляева О. В., Обухова А. С. Оценка финансирования человеческого капитала регионов в условиях цифровизации // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2020. № 3 (78). С. 14–24.

References

1. Panchenko V. E., Sirotkina N. V. Razvitie innovatsionnoi sredy v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki: osobennosti, problemy, perspektivy [Development of an innovative environment in the digital economy: features, problems, prospects]. *Organizator proizvodstva = Production Organizer*, 2019, no. 4, pp. 61–68.

2. Preobrazhensky B. G., Tolstykh T. O., Shkarupeta E. V. Transformatsiya dolzhnostei, kompetentsii i profilei v usloviyakh tsifrovizatsii [Transformation of positions, competencies and profiles in the context of digitalization]. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie = Region: Systems, Economics, Management*, 2018, no. 3 (42), pp. 151–156.

3. Merzlyakova E. A., Kolmykova T. S. Tsirkulyarnoe vosproizvodstvo i ekologicheskie innovatsii v obespechenii ustoichivogo rosta regional'noi ekonomiki [Circular reproduction and environmental innovations in ensuring sustainable growth of the regional economy]. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie = Region: Systems, Economics, Management*, 2019, no. 3 (46), pp. 104–111.

4. Vlasova M. A. Analiz sovremennykh tendentsii vnedreniya tsifrovyykh tekhnologii v promyshlennom sektore ekonomiki Rossii [Analysis of modern trends in the introduction of digital technologies in the industrial sector of the Russian economy]. *Ekonomicheskie i gumanitarnye nauki = Economic and Humanitarian Sciences*, 2019, no. 2 (325), pp. 68–74.

5. Karakulina K. N., Ershova I. G. Upravlenie innovatsionnym razvitiem proizvodstvennogo predprinimatel'stva Rossii [Management of innovative development of industrial entrepreneurship in Russia]. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural and Humanitarian Research*, 2020, no. 32 (6), pp. 207–213.

6. Parshutina I. G., Polozhentseva Yu. S., Klevtsova M. G. Otsenka perspektiv razvitiya otrasli informatsionnykh tekhnologii v RF na osnove pokazatelei rynochnoi kontsentratsii i asimmetrichnosti [Assessment of the prospects for the development of the information technology industry in the Russian Federation on the basis of indicators of market concentration and asymmetry]. *Vestnik OrelGIET = Bulletin Orel-GIET*, 2018, no. 3 (45), pp. 54–65.

7. Kolmykova T. S., Zelenov A. V. Novoe kachestvo chelovecheskogo kapitala v kontekste tsifrovoy transformatsii ekonomicheskogo prostranstva [New quality of human capital in the context of digital transformation of economic space]. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya = Economics and Management: Problems, Solutions*, 2020, vol. 1, no. 4, pp. 4–8.

8. Kolmykova T. S., Zelenov A. V. Tsifrovaya kompetentnost' chelovecheskogo kapitala v usloviyakh razvitiya innovatsionnykh ekosistem [Digital competence of human capital in the development of innovative ecosystems]. *Innovatsii i investitsii = Innovations and Investments*, 2020, no. 3, pp. 13–15.

9. Merzlyakova E. A. Transformatsiya chelovecheskogo kapitala v tsifrovoy ekonomike [Transformation of human capital in the digital economy]. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie = Region: Systems, Economics, Management*, 2019, no. 4, pp. 166–171.

10. Becker G. S. Chelovecheskoe povedenie: ekonomicheskii podkhod. Izbrannye trudy po ekonomicheskoi teorii [Human Behavior: An Economic Approach. Selected works on economic theory]. Moscow, GU-HSE Publ., 2003. 672 p.

11. Weber M. Protestantskaya etika i dukh kapitalizma. Izbrannye proizvedeniya [Protestant ethics and the spirit of capitalism. Selected works]. Moscow, Progress Publ., 1990. 808 p.

12. Tuguskin G. N. Upravlenie razvitiem chelovecheskogo kapitala v usloviyakh innovatsionnogo razvitiya regiona [Managing the development of human capital in the conditions of innovative development of the region]. *Russian Journal of Management*, 2016, no. 1, pp. 39–46.

13. Mankiw G. W., Romer D., Weil D. N. A contribution to empirics of economic growth. *The Quarterly Journal of Economics*, 1999, no. 2, pp. 407–437.

14. Aganbegyan A. G. Chelovecheskii kapital i ego glavnaya sostavlyayushchaya – sfera "ekonomiki znaniy" kak osnovnoi istochnik sotsial'no-ekonomicheskogo rosta [Human capital and its main component – the "knowledge economy" sphere as the main source of socio-economic growth]. *Ekonomicheskie strategii = Economic Strategies*, 2017, no. 3, pp. 66–79.
15. Vsemirnyi bank. Proekt razvitiya chelovecheskogo kapitala [World Bank. Human Capital Development Project]. Available at: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/human-capital#data>. (accessed 22.03.2021)
16. Ignatova T. V., Vasilyev P. P. Povyshenie znachimosti teorii chelovecheskogo kapitala dlya upravleniya modernizatsiei rossiiskoi ekonomiki [Increasing the significance of the theory of human capital for managing the modernization of the Russian economy]. *Journal of Economic Regulation*, 2013, vol. 4, no. 2, pp. 49–55.
17. Serebryakova N. A., Volkova S. A., Volkova T. A. Metodika integral'noi otsenki chelovecheskogo kapitala regiona [Methodology for the integral assessment of the human capital of the region]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta inzhenernykh tekhnologii = Bulletin of the Voronezh State University of Engineering Technologies*, 2019, no. 3, pp. 375–380.
18. Kolmykova T. S., Shcherbakov V. N., Tretyakov I. N., Sergeeva V. Yu. Analiticheskii instrumentarii otsenki gotovnosti natsional'noi ekonomiki k tsifrovizatsii [Analytical tools for assessing the readiness of the national economy for digitalization]. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie = Region: Systems, Economics, Management*, 2020, no. 3 (50), pp. 120–128.
19. Kolmykova T. S., Klykova S. V., Makarov N. Yu. "Tsifrovizatsiya" kak novaya paradigma sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya ["Digitalization" as a new paradigm of socio-economic development]. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya = Economics and Management: Problems, Solutions*, 2020, vol. 5, no. 11 (107), pp. 5–9.
20. Ershova I. G., Belyaeva O. V., Obukhova A. S. Otsenka finansirovaniya chelovecheskogo kapitala regionov v usloviyakh tsifrovizatsii [Assessment of financing the human capital of the regions in the context of digitalization]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta = Bulletin of the North Caucasus Federal University*, 2020, no. 3 (78), pp. 14–24.

Информация об авторах / Information about the Authors

Мищенко Алина Владимировна, аспирант Института цифровой экономики, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация, e-mail: a_mishchenko97@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7128-1063

Alina V. Mishchenko, Post-Graduate Student of the Institute of Digital Economy, Ugra State University, Khanty-Mansiysk, Russian Federation, e-mail: a_mishchenko97@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7128-1063

Колмыкова Татьяна Сергеевна, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой финансов и кредита, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: kgtu_fk@list.ru, ORCID: 0000-0002-5633-4283

Tatyana S. Kolmykova, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Finance and Credit, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: kgtu_fk@list.ru, ORCID: 0000-0002-5633-4283

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS OF MODERN SOCIETY

Оригинальная статья / Original article

УДК 316.342.2

Субъективные границы и солидарность современного российского рабочего класса

Т. В. Гаврилюк¹ ✉, В. В. Гаврилюк¹

¹ Тюменский индустриальный университет
ул. Володарского 38, г.Тюмень 625000, Российская Федерация

✉ e-mail: tv_gavrilyuk@mail.ru

Резюме

Актуальность. В соответствии с мировой практикой становление нового рабочего класса и его выделение в социальной структуре следует связывать как с объективными социально-экономическими параметрами, так и субъективными, символическими аспектами, к числу важнейших из которых относятся классовая идентичность и солидарность. На сегодняшний день сохраняется разрыв в аксиоматике российской и мировой социологии в изучении проблем социального неравенства, что обуславливает необходимость фокусирования внимания на символических аспектах классовой дифференциации в российских реалиях.

Цель. Статья посвящена концептуализации и эмпирическому анализу факторов, обуславливающих границы классовой позиции рабочей молодежи современной России.

Задачи: проанализировать актуальный дискурс классовой дифференциации; предложить авторское определение нового рабочего класса и базовых критериев для определения границ данной общности; изучить субъективные параметры классообразования на эмпирическом примере молодежи нового рабочего класса современной России.

Методология. Эмпирической базой исследования выступил массовый опрос 1534 представителей молодежи нового рабочего класса и 100 экспертов из числа их руководителей и преподавателей. Исследование проводилось на территории Уральского федерального округа.

Результаты. К новому рабочему классу отнесены не только представители промышленного производства, транспорта, строительства и технического обслуживания, но и наемные работники сервисных отраслей, выполняющие рутинную работу и не имеющие управленческих функций на предприятии.

Выводы. В ходе опросов выявлено, что большая часть молодежи удовлетворена взаимоотношениями в ближайшем трудовом окружении и усматривает признаки солидарности, поддержки и взаимовыручки среди своих коллег. Тем не менее эмпирические данные свидетельствуют о том, что молодежь рабочего класса не рассчитывает на классовую солидарность в решении проблем и отстаивании своих интересов в трудовых отношениях.

Ключевые слова: классовый анализ; рабочий класс; новый рабочий класс; классовые границы; классовая идентичность; солидарность.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Финансирование: Статья выполнена при поддержке гранта РНФ №17-78-20062 «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса современной России».

Для цитирования: Гаврилюк Т. В., Гаврилюк В. В. Субъективные границы и солидарность современного российского рабочего класса // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 3. С. 170–185.

Поступила в редакцию 25.03.2021

Принята к публикации 20.04.2021

Опубликована 30.06.2021

Subjective Boundaries and Solidarity of the Modern Russian Working Class

Tatiana V. Gavrilyuk¹ ✉, Vera V. Gavriliuk¹

¹ Industrial University of Tyumen
38 Volodarskogo st., Tyumen 625000, Russian Federation

✉ e-mail: tv_gavrilyuk@mail.ru

Abstract

Relevance. In accordance with world-spread practice, the formation of a new working class and its separation in the social structure should be associated with both objective socio-economic parameters and subjective symbolic aspects, the most important of which are class identity and solidarity. Today, there remains a gap in the axioms of Russian and foreign sociology in the study of social inequality problems, which necessitates focusing attention on the symbolic aspects of class differentiation in Russian realities.

Purpose. The article is aimed at the conceptualization and empirical analysis of the factors that determine the working-class youth position and boundaries in modern Russia.

Objectives: to analyze the current discourse of class differentiation, to propose the author's definition of the new working class and basic criteria for determining the boundaries of this community, to study the subjective parameters of class formation on the empirical example of young people of the new working class in modern Russia.

Methodology. The empirical basis of the study was a mass survey of 1534 representatives of young people of the new working class and 100 experts from among their leaders and teachers. The research was carried out on the territory of the Ural Federal District.

Results. The new working class includes not only representatives of industrial production, transport, construction and maintenance, but also employees of service industries who perform routine work and do not have managerial functions at the enterprise.

Conclusions. In the course of the polls, it was revealed that the majority of young people are satisfied with relationships in the immediate work environment and see signs of solidarity, support and mutual assistance among their colleagues. However, empirical evidence suggests that working-class youth do not rely on class solidarity to solve problems and defend their interests in labor relations.

Keywords: class analysis; working class; new working class; class boundaries; class identity; solidarity.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Funding: The article was supported by the RSF grant No. 17-78-20062 "Life strategies of young people of the new working class of modern Russia".

For citation: Gavrilyuk T. V., Gavriliuk V. V. Subjective Boundaries and Solidarity of the Modern Russian Working Class. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(3): 170–185. (In Russ.)

Received 25.03.2021

Accepted 20.04.2021

Published 30.06.2021

Введение

Вопрос о классовых границах становится особо актуальным в условиях неопределённости социальной структуры,

характерной для транзитивных обществ. Несмотря на то, что в современной России уже сложились новые крупные социальные группы и период социальных

трансформаций становится элементом ее истории, вопрос о классовых границах все еще находится на периферии исследовательских интересов. Между тем нарастание межклассовых противоречий в повседневных социальных взаимодействиях актуализирует необходимость теоретического анализа объективных критериев и субъективных признаков классовой принадлежности. Классовые позиции обычно рассматривают реляционно, так как дифференциация осуществляется только во взаимосвязи с другими компонентами социальной структуры [1]. Вопрос о формировании классовых границ в социологии обычно рассматривается в двух ракурсах: 1) как поиск аналитических критериев для создания классовых схем и типологий; 2) как выявление имплицитно заложенных в поведении людей проявлений классowego габитуса, влияющих на восприятие и оценку классowego статуса.

Класс является агрегацией действующих сил, реализующихся не только в экономическом поле, но и в политическом, дискурсивном, а также в пространстве повседневных различий. Однако в российской социологии по-прежнему доминируют стратификационные модели, опирающиеся на различия социально-экономического статуса на основании дохода. В западной науке аналогичные модели измерения [2; 3] также применяются для анализа объективных параметров социального неравенства, но подобный подход является далеко не единственным. Мы полагаем, что необходимо исследовать процесс классообразования комплексно, не ограничиваясь выбором его единственного доминирующего основания. Для этого следует аналитически разделить различные поля воспроизводства классовых границ, принимая во внимание как объективные, так и субъективные характеристики классовой позиции.

Данная статья посвящена исследованию субъективных параметров классообразования — классовой идентичности и

солидарности. В качестве эмпирического примера избрана молодежь нового рабочего класса, к которому в соответствии с мировой практикой отнесены не только работники промышленности и технического обслуживания, но и сотрудники клиентского сервиса.

Материалы и методы

Поиск границ трансформирующихся социальных классов становится не только теоретическим вопросом, но и острой проблемой социального управления. Именно поэтому обнаружение критериев и индикаторов классовых границ необходимо для выявления реальной социальной структуры современного общества. Для проверки ряда гипотез на территории Уральского федерального округа было проведено эмпирическое исследование с использованием методов массового анкетного и экспертного опроса. Объектом массового опроса выступила молодежь от 15 до 29 лет в количестве 1534 респондентов, выборочная совокупность — целевая многоступенчатая по критериям пола; возраста (три группы в соответствии со стандартами статистики РФ: 15-19; 20-24; 25-29 лет); сферы занятости (промышленное производство или сервисный сектор); места проживания (город или село в соотношении 80/20%, исходя из состава населения в указанном регионе). Экспертами являлись руководители молодежи нового рабочего класса и преподаватели учреждений среднего профессионального образования, всего было опрошено 100 экспертов в трех городах УРФО (Тюмень, Екатеринбург, Курган).

Результаты и их обсуждение

Классовые границы: актуальный дискурс и новые проблемы

Конвенциональный подход российской социологии базируется на трактовке социальной структуры как иерархического социального пространства, где группы и слои различаются по критериям собственности, власти и социального статуса

[4, с. 228]. Тем не менее поиск новых векторов дифференциации, порождающих различные виды неравенства современного общества, остается актуальной исследовательской задачей. Начиная с 1990-х и до настоящего времени разнообразие теоретических подходов в изучении социального неравенства в отечественной социологии сосредоточено вокруг проблем среднего класса – здесь сложились как признанные концепции с обоснованными критериями и подтвержденными эмпирическими данными [5], так и довольно спорные, экзотические подходы. Оригинальная концептуализация устойчивых социологических понятий представлена в работах В. Н. Бобкова и коллег, утверждающих многообразие средних классов, присутствующих в каждой крупной социальной группе [6]. Исследователи утверждают, что в социальной структуре необходимо выделять множественные «средние классы» [6, с. 10]. К классам при этом автор относит произвольно взятые социальные группы, что является подменой устойчивых понятий и не соответствует ни одной концептуальной схеме классового анализа, принятой в мировой социологии. Для обоснования такой модели используется применение неких априорно заданных «социальных стандартов» и сопоставление с ними фактических параметров уровня жизни. Таким образом, подобные спекулятивные модели еще больше размывают представление о реальной социальной структуре современного общества. Аналитическое объединение кардинально различных по своей классовой природе социальных групп не позволяет использовать категории социального неравенства и справедливости, еще больше запутывая проблему. Наша задача заключается не в том, чтобы предлагать многоуровневые априорные модели стратификации, сложные с точки зрения операционализации и мало что проясняющие в анализе действительной социальной структуры. Мы обращаемся к поиску ре-

ально существующих границ и эмпирически измеряемых критериев дифференциации классов как крупных социальных общностей.

Проблема анализа классовых границ особенно актуальна для исследования рабочего класса, само название которого в постсоветское время исчезло из научного дискурса из-за ассоциации с марксизмом-ленинизмом. Средний класс был не критически декларирован в качестве фундамента общества, а понятие «рабочий класс» заменено эвфемизмами, такими как «базовый слой» [7] и «медианный класс», живущий по стандартам малообеспеченности [8, с. 160]. Тот факт, что рабочий класс по-прежнему является самой многочисленной и базовой социальной группой, также не признается отечественной социологией. Ряд авторов придерживаются позиции сокращения численности рабочего класса, вызванного социально-экономической динамикой, увеличением доли сервисных работников в структуре занятости, переходом к экономике, основанной на знании [9]. Такой подход связан с сохранением в социологическом сообществе представлений о рабочем классе как социально-профессиональной группе работников промышленного производства [10]. При этом не учитывается ни динамика рабочих профессий, ни современные доминирующие трактовки рабочего класса в мировой науке, включающие в его состав не только занятых в сфере промышленного производства, но и работников сервисной сферы, труд которых имеет интерактивный и рутинный характер [11; 12].

В современных постиндустриальных обществах работники сферы услуг составляют большую часть рабочего класса [13], и их исключение из состава этой группы приводит к ошибочному выводу о сокращении её численности. Однако статистика форм занятости, сопоставление уровней заработной платы социальных слоев, анализ запросов рынка труда не показывают ни сокращения рабочего

класса, ни снижения востребованности рабочих профессий [14]. Следовательно, необходимо признать, что рабочий класс претерпевает ряд принципиальных трансформаций, связанных с дифференциацией форм собственности, новыми реалиями трудовых отношений (включая их прекаризацию), расширением образовательных возможностей для всех групп населения России, цифровизацией экономики и другими объективными социальными факторами и условиями. Это не может не сказаться на дифференциации самого рабочего класса, формировании внутри него неравных групп, различающихся по сфере занятости, уровню доходов, профессиональной квалификации, отраслевой принадлежности и стилю жизни. Множественность факторов дифференциации современного рабочего класса определяет потребность выявления необходимых и достаточных признаков его границ.

Следует отметить, что современные российские социологи не отрицают наличия новых социальных признаков у группы рабочих, видят изменения в их реальном положении на российском рынке труда [15; 16]. Вместе с тем формирование нового типа рабочих, их выделения в составе рабочего класса по-прежнему связываются, прежде всего, с овладением ими новыми передовыми технологиями и инновационными трудовыми практиками, увеличением уровня ответственности за производственные процессы, восприимчивостью к новой информации. Тем самым данный дискурс повторяет основные положения теоретиков постиндустриального общества, связывающих социальное развитие с высокотехнологичным производством и услугами, требующими высокого уровня квалификации [17; 18]. При этом значение и роль пропорционально растущего сектора повседневного рутинизированного сервиса ими полностью игнорируется. Тем не менее сегодня многократно возрос спрос не только на те профессии, которые авторы

считали особо важными для развития нового типа общества, но и на низкооплачиваемый сервисный труд, поддерживающий функционирование среднего класса – сотрудников магазинов и ресторанов, домработниц, нянь и т. д. [19, с. 255].

Динамика трудовых отношений в постсоветской России, её отражение ее современном исследовательском поле позволяют утверждать, что в стране формируется *новый рабочий класс*, границы которого еще предстоит выяснить. Основой для этого могли бы стать базовые критерии для отделения его от других классов и стратификационных групп: *отношения собственности, участие в управлении на конкретном предприятии, характер и содержание труда*. Теоретический анализ, проведенный в ходе реализации проекта «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса современной России», выполненного при поддержке РНФ, позволил нам предложить определение нового рабочего класса как группы «*наемных работников, занятых во всех сферах материального производства и сервиса, труд которых рутинизирован, разделен на стандартизированные сегменты, поддается алгоритмизации и количественному нормированию результатов; не участвующих в управлении и не имеющих прав собственности в организации, в которой они трудятся*» [20, с. 111].

Такой подход, с одной стороны, соответствует конвенциональному для мировой социологии включению работников сервисного сектора в состав рабочего класса, а с другой – отражает основы российской идеологии рыночных отношений. Рыночная экономика в стране строилась на основе представлений о производстве *товаров и услуг*, где к услугам было отнесено все, что нельзя отнести к товарному производству. Именно поэтому такие сферы, как образование, здравоохранение и культура, были отнесены апологетами рыночной экономики к сфере услуг, что, кстати, вы-

звало неприятие профессиональных групп, занятых в этих отраслях. Очевидно, такое упрощение на этапе формирования принципов новой рыночной экономики было вызвано идеологическими причинами – отрицанием марксистского политэкономического подхода, рассматривавшего производство продукта, который может стать товаром, услуг и самого человека в качестве неких специфических форм производства. Широкой дискуссии в российском общественном сознании по поводу столь расширительной трактовки сферы услуг не возникло, поэтому результаты внедрения этого упрощенного тезиса мы можем наблюдать и по сей день.

Границы нового рабочего класса сегодня невозможно четко обозначить не только в силу незавершенности его формирования, но и в силу неоднородности самого формирующегося класса, его внутренней дифференциации. Отсутствие гомогенности НРК связано с влиянием как объективных, так и субъективных факторов, к числу которых относятся: форма найма; сфера занятости; уровень доходов; степень рутинизации труда; стиль жизни и культурный капитал [21, с. 112].

Классовая идентичность и солидарность как субъективные критерии классовых границ

Складывающийся в настоящее время новый рабочий класс современной России принципиально отличается от советского пролетариата как экономическими условиями его труда, так и политическими, социокультурными признаками. Для рабочего класса эпохи глобального капитализма опыт революционного пролетариата начала XX века является лишь историческим примером классовой идентичности, не способным выступать основанием становления современного классового сознания и солидарности.

Социологический анализ проблем идентичности рабочих невозможен без возрождения классового подхода в исследовании социальной структуры российского общества. Именно маркеры

классовой идентичности могут выступать в качестве субъективного критерия классовых границ. В рамках данного исследования мы остановимся на интерпретации классовой идентичности в традиции школы П. Бурдьё как индивидуализированной и имплицитной, закодированной в человеческом восприятии собственной ценности в соотношении с представителями других социальных общностей [22; 23]. Определение индивидуальной и коллективной идентичности П. Бурдьё связано с формированием и закреплением габитуса на индивидуальном и классовом уровнях [24, с. 9]. Повседневные проявления классового габитуса формируют неявные классовые границы, когда участники взаимодействия способны определить статусную принадлежность и культурный бэкграунд собеседника на основании характеристик его внешности, поведения, манер или суждений.

Разрушение идентификационных моделей советского периода привело к кризису идентичности представителей больших социальных групп. Основой коллективной идентичности в СССР выступало именно классово-гражданское деление, оно имел безусловный приоритет над этническими, религиозными, культурными различиями. Отказ от советской идентификационной матрицы привел к радикальному смещению форм идентичности в сторону примордиальных общностей – этнических, семейных. Эти факты трактуются российскими исследователями как процесс дезидентификации населения [25, с. 21].

Советская идентичность поддерживалась всеми социальными институтами страны – образованием, СМИ, учреждениями культуры. Механизмы и основания макроидентификации социальных групп российского общества принципиально изменились, прошли ряд этапов на протяжении последних трех десятилетий. Так, в 2007 г. уже 56 % населения идентифицировали себя как «граждане России» [26]. Наряду с новой, общероссий-

ской идентичностью актуализируется поиск локальных идентичностей, связанных с символическими общностями. Сегодня в мировой практике культурные основания идентичности описываются с помощью таких категорий, как возраст, гендер, раса, этничность, сексуальная ориентация, поколение, пространственная локализация, религиозная принадлежность, семейный статус. Локальные идентичности рабочих становятся новой актуальной темой для российской социологии [27]. Отметим, что внимание российских авторов пока сосредоточено на занятых в сфере промышленности, в то время как зарубежные авторы уже актуализируют проблематику классового сознания работников клиентского сервиса [28].

Коллективная идентичность в современном российском обществе остается множественной и неустойчивой, неизученным остается вопрос о классовой идентичности больших социальных групп. Одним из индикаторов классовой идентичности, проявлением уровня сформированности классового самосознания является проявление классовой солидарности. Понятие солидарности является традиционным предметом социальной мысли, рассматривается на протяжении двух последних столетий как основа идеологии разных политических сил – от либеральных до тоталитарных. В мировой науке сложилось четыре основных парадигмы солидарности, солидарных практик: социологическая, философская, идеологическая и религиозная [29, с.109]. Социалистическая трактовка солидарности весь XX век доминировала как концепция классовой солидарности – основы совместных действий пролетариата (рабочего класса) в борьбе с буржуазией, в том числе и на международном уровне. В марксистской теории внутриклассовая солидарность рассматривается как фактор превращения класса в субъект исторического процесса. Класс как субъект, действуя в качестве реальной независимой силы, превращается из «класса-в-

себе» в «класс-для-себя» [30, с.83-84]. Конец XX века в европейской идеологии ознаменован превращением идеи солидарности как некоего особого пути Европы, позволяющего преодолеть крайности индивидуализма и коллективизма. В рамках этого подхода социальная солидарность возникает лишь при реализации принципов личной свободы, социального контроля и социальной справедливости. Постмодернистская социальная теория исходит из установки о нежизнеспособности классовых форм солидарности, признания локальных видов солидаризации сообществ более устойчивыми и разрушающими агрегативную солидарность крупных социетальных общностей [31]. В целом социология второй половины XX – начала XXI в. рассматривает социальную солидарность через отношения сообществ. Лишь в последнее десятилетие авторы отмечают возрождение комплексного подхода к анализу данного феномена [32].

В актуальных трактовках солидарных практик рабочих используются разнообразные теоретические концепции. Например, идеи постфордизма применяются при анализе цеховой классовой солидарности промышленных рабочих. Предполагается, что возникающие новые формы промышленного производства обеспечивают рабочую солидарность и коммунитаризм на базе по-новому децентрализованного производственного процесса и новых технологий [33]. В центре внимания исследователей находится кризис традиций юнионизма в Европе и новые практики профсоюзных объединений рабочих [34; 35]. Также распространены и признаны в научном сообществе исследования солидарности на микроуровне локальных сообществ представителей рабочего класса, причем не только в контексте рабочего места, но и в повседневности, коллективной памяти, формирования и легитимации идентификационных конструкторов [36]. Исследования в русле интерсекциональной методологии

уделяют внимание пересечению классовой солидарности и идентичности с одним или несколькими измерениями социального неравенства и дискриминации – гендер, этничность, происхождение, сексуальная ориентация [37; 38].

Новый рабочий класс в России: самооценка классовой принадлежности

Результаты опроса рабочей молодежи свидетельствуют, что в массовом сознании не сформированы четкие классовые границы, самоидентификация молодежи, объективно принадлежащей к рабочему классу, размыта. Вместе с тем значительная часть молодежи, в основном занятой в реальном секторе экономики, осознает свою классовую принадлежность (рис. 1).

Более подробное распределение позиций по социальной идентичности рабочей молодежи (в % от количества занятых в сфере промышленности и сервиса,

возрастным и гендерным группам) можно получить на основании таблицы 1. Мы можем наблюдать, что идентификация с рабочим классом усиливается по мере взросления и в большей степени выражена у работников промышленности.

Субъективная идентификация работающей молодежи измерялась в нашем исследовании и через сформированность классового сознания посредством оценок различных характеристик положения рабочего класса в современном обществе. Позиции молодежи в значительной мере совпадают с оценками их непосредственных руководителей – экспертов (рис. 2). Существенные различия наблюдались только в негативных свойствах классовой позиции: эксперты не отрицают наличия рабочего класса и в меньшей степени разделяют оптимизм молодежи о возможностях их перехода в средний класс.

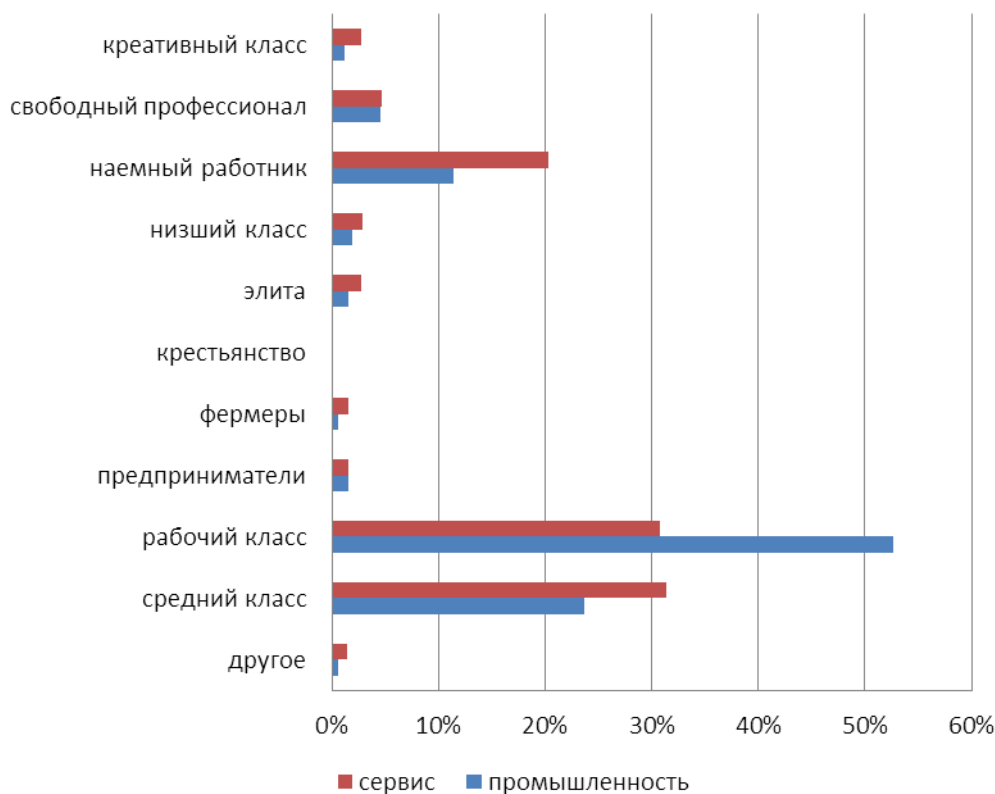
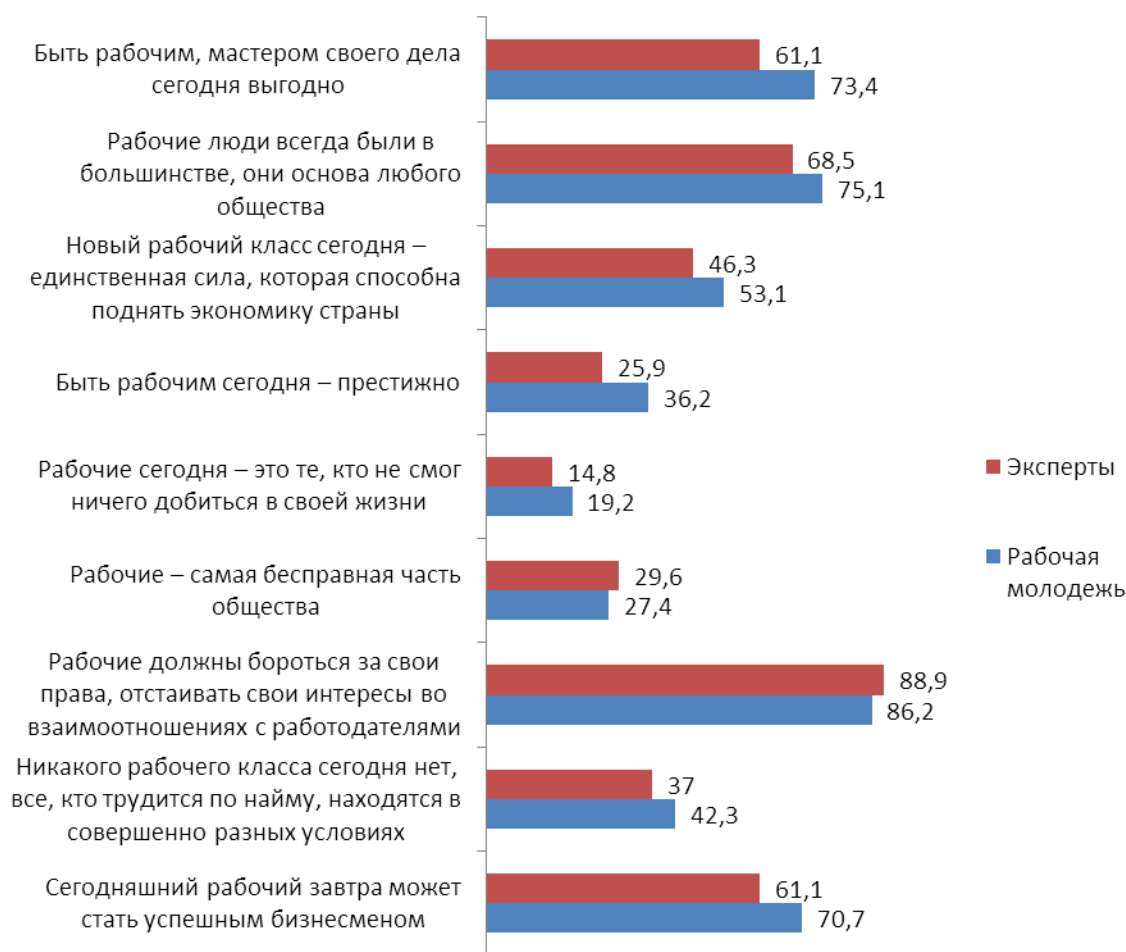

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «К какой группе Вы себя относите?», % по массиву опрошенных представителей сервиса и промышленности

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «К какой группе Вы себя относите?», % по группам респондентов

Варианты ответов	По гендерным группам		По возрастным группам			Группы респондентов по сфере деятельности		В целом по массиву
	мужчины	женщины	15-19 лет	20-24 года	25-29 лет	промышленность	сфера услуг	
Рабочий класс	57,8	42,2	27,8	33,8	38,4	58,3	41,7	40,7
Средний класс	39,9	60,1	29,9	33,5	36,6	38,2	61,8	28
Наёмный работник	45,7	54,3	42,4	32,7	24,9	31,4	68,6	16,3
Свободный профессионал	67,1	32,9	37,1	37,1	25,7	44,3	55,7	4,7
Низший класс	48,6	51,4	29,7	24,3	45,9	35,1	64,9	2,5

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Выразите согласие или несогласие с приведёнными ниже утверждениями» (вариант ответа – «Согласен»), % по массиву опрошенных рабочих и экспертов

Вопрос об особенностях трудовых отношений, прямо связанный с классовыми границами, зависит от сферы занятости работника и далеко неоднозначен.

Очевидно, что оплата труда зависит от работодателя и сферы трудовой деятельности, при этом такие критерии, как происхождение и социальный статус, зача-

стую являются ключевым элементом для продвижения по карьерной лестнице. По данным наших предыдущих исследований, это приводит к тому, что профессиональные качества и образовательный уровень обесцениваются. Молодые люди предпочитают избегать стратегического планирования, концентрируясь на краткосрочных целях, т. е. выбирают адаптивный тип стратегии [39].

Неопределенность классовых границ, особенности трудовых отношений в современной России затрудняют эмпирическое изучение форм и проявлений классовой солидарности. Новый рабочий класс, формирующийся в современной России, подвержен всем рискам глобальной экономики: прекаризации трудовых отношений, конфликтам корпоративной и классовой этики, противоречиям динамики рынков труда и профессионального роста и др. Кроме того, эти риски сопровождаются специфическими особенностями развития межпоколенческих взаимодействий внутри рабочего класса. Старшее поколение строило свою трудовую биографию в условиях советской действительности, в то время

как рабочая молодежь начинает свой профессиональный путь в совершенно иных условиях. Опыт «отцов» в этих условиях оказывается бесполезен, попытки на государственном уровне возродить архаичные формы классовой солидарности (например, наставничество или профсоюзы в их прежнем статусе) не встречают поддержки. Поиск новых форм рабочей солидарности пока еще не актуализирован ни в самой рабочей среде, ни в социологическом дискурсе.

Вместе с тем в ходе массового опроса выявлено, что молодежь в целом удовлетворена взаимоотношениями в ближайшем трудовом окружении и усматривает признаки солидарности, поддержки и взаимовыручки среди своих коллег (рис. 3).

Иная картина наблюдается, когда молодежь оценивает свои взаимоотношения с работодателями, менеджерами (табл. 2). Существенные различия по степени готовности отстаивать свои интересы и избираемым формам сопротивления наблюдаются как по возрастным группам, так и по гендерным признакам.

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Выразите согласие или несогласие с приведёнными ниже утверждениями», % по массиву опрошенных

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Если будут нарушены Ваши трудовые права, какие методы воздействия на работодателя Вы готовы использовать?», % по группам респондентов

Варианты ответов	По гендерным группам		По возрастным группам			Группы респондентов по сфере деятельности		В целом по массиву
	мужчины	женщины	15-19 лет	20-24 года	25-29 лет	промышленность	сфера услуг	
Защита трудовых прав через профсоюз	47,7	52,3	27,3	43,4	29,3	48	52	20,3
Обращение в суд	42,5	57,5	34,4	41,4	24,2	33,3	66,7	18,2
Обращение в федеральную службу по труду и занятости	52,2	47,8	37,9	40,1	22	37,4	62,6	12,1
Обращение в прокуратуру	46,4	53,6	23	35,9	41,1	37,1	62,9	16,5
Обращение к региональным и местным органам власти	43,7	56,3	40,8	38	21,1	47,9	52,1	4,7
Обращение в комиссию по трудовым спорам на предприятии	48	52	32,4	43,9	23,6	33,8	66,2	9,9
Отказ от выполнения работ, которые не предусмотрены трудовым договором	46,4	53,6	32,1	32,6	35,3	42,3	57,7	31,3
Забастовки и другие формы коллективного протеста	52,7	47,3	35,1	35,9	29	45	55	8,7
Обращение в средства массовой информации	46,2	53,8	40,7	36,3	23,1	46,2	53,8	6,1
Я не готов предпринимать никаких действий	53,9	46,1	32,8	26,4	40,7	47,9	52,1	34,5

Особенно ярко различия проявляются между работниками сервисного и промышленного секторов. Формы коллективного протеста в целом занимают менее значимую роль в описании способов отстаивания трудовых прав, полный отказ от каких-либо действий составляет 34,5%. Этот факт свидетельствует, что современный молодой рабочий не рассчитывает ни на рабочую солидарность, ни на официальные структуры, призванные защищать его права.

Выводы

Проблематика дифференциации порождает внимание к процессу конструи-

рования границ в повседневных взаимодействиях. Кризис государственности, неолиберальная глобализация, реконструкция физических барьеров как единственного способа остановить миграционные потоки обуславливают повышенное внимание к концепту «границ» и проблематике сегрегации в мировой социальной науке. Вместе с тем тематика классовых границ и классовой идентичности больших социальных групп остается нераскрытой в отечественной социологии, так как даже само представление о классах подвергается ревизии. До сих пор в работах российских социологов доминирует представление о рабочем классе как о группе промышленных рабочих, а

представители «сферы обслуживания», в том числе и сервисных отраслей промышленности, в него не включаются, что приводит к ошибочному выводу о сокращении рабочего класса в социальной структуре.

Современный рабочий класс претерпевает ряд принципиальных трансформаций, связанных с дифференциацией форм собственности, прекарризацией трудовых отношений, цифровизацией, расширяющей возможности контроля и надзора. Это сказывается на дифференциации самого рабочего класса, формировании внутри него неравных групп, различающихся по сфере занятости, уровню доходов, профессиональной квалификации, отраслевой принадлежности, что также приводит к размыванию классовых границ и усилению локальных форм солидаризации.

Вместе с тем рабочий класс как объективно существующая социальная группы по-прежнему является самой многочисленной в структуре российского общества. Базовые аналитические критерии для определения границ данной общности могут быть обозначены как: (1) отношения собственности; (2) участие в управлении на конкретном предприятии; (3) характер и содержание труда. Мы полагаем, что общемировая тенденция включения работников рутинизированного клиентского сервиса в состав рабочего класса отвечает реалиям экономической

и социальной структуры современной России.

В ходе массового опроса выявлено, что молодежь в целом удовлетворена взаимоотношениями в ближайшем трудовом окружении и усматривает признаки солидарности, поддержки и взаимовыручки среди своих коллег. При этом эмпирические данные демонстрируют, что молодые рабочие не рассчитывают на классовую солидарность в решении проблем и отстаивании своих интересов в трудовой сфере.

Следующий этап реализации проекта мы планируем связать с анализом качественных данных, который позволит выявить, как формируются и закрепляются классовые границы, невидимые для членов группы, но часто непроницаемые для всех остальных. Интерпретация материалов официальных медиа, данных интервью и социальных сетей позволит выявить способы нормализации классовых барьеров и заниженных ожиданий рабочей молодежи, трансляции паттернов «здорового смысла» рабочего класса, закрывающих классовые границы и встречающих неприятие представителей других социальных групп. Также развитие тематики мы связываем с концептуализацией проницаемости границ между сообществами и барьеров, замедляющих или препятствующих осуществлению ключевых жизненных переходов.

Список литературы

1. Wright E. O. *Class counts: Comparative studies in class analysis*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 576 p.
2. Kim J. H., Park E. C. Impact of socioeconomic status and subjective social class on overall and health-related quality of life // *BMC Public Health*. 2015. [https://doi.org/ 10.1186/s12889-015-2014-9](https://doi.org/10.1186/s12889-015-2014-9).
3. Smith J. The Impact of Socioeconomic Status on Health over the Life-Course // *The Journal of Human Resources*. 2007. N 42(4). P. 739-764.
4. Голенкова З. Т. *Избранные труды*. М.: Новый хронограф, 2014. 343 с.
5. Беляева Л. А. *Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития*. М.: Academia, 2001. 183 с.
6. *Средние классы в капиталистической России: научная монография* / гл. науч. ред. В. Н. Бобков. М.: Кнорус, 2018. 208 с.

7. Заславская Т. И. Социальная структура современного российского общества // *Общественные науки и современность*. 1997. № 2. С. 5–23.
8. Тихонова Н. Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, ИС РАН, 2014. 408 с.
9. Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А. Рабочая молодёжь: количественное и качественное измерение. М.: ЦСИ, 2013. 277 с.
10. Темницкий А. Л. Рабочие реформируемой России как объект социологических исследований // *Мир России*. 2006. № 2. С. 79–107.
11. Resnick S., Wolff R. The diversity of class analyses: A critique of Erik Olin Wright and beyond // *Critical Sociology*. 2003. N 29(1). P. 7–27.
12. Zweig M. *The Working Class Majority: America's Best Kept Secret*. New York: Cornell University Press, 2011. 232 p.
13. Nixon D. 'I just like working with my hands': Employment aspirations and the meaning of work for low-skilled unemployed men in Britain's service economy // *Journal of Education and Work*. 2006. N 19(2). P. 201–217. <https://doi.org/10.1080/13639080600668051>.
14. Наемный работник в современной России / отв. ред. З. Т. Голенкова. М.: Новый хронограф, 2015. 368 с.
15. Забелин К. Л. Рабочий класс и современное общество (теоретические, мировоззренческие и методологические подходы к изучению проблемы) // *Власть*. 2011. № 1. С. 8–12.
16. Темницкий А. Л., Максимова О. Н. Мотивация интенсивного труда рабочих промышленного предприятия // *Социологические исследования*. 2008. № 11. С. 13–23.
17. Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society*. New York: Basic Books, 1973. 507 p.
18. Castells M. Materials for an Exploratory Theory of the Network Society // *British Journal of Sociology*. 2000. N 51. P. 5–24.
19. Sassen S. *Global Cities and Survival Circuits* // *Global Woman: Nannies, Maids, and Sex Workers in the New Economy* / ed. by B. Ehrenreich and A. R. Hochschild. New York: Metropolitan Books, 2002. P. 254–274.
20. Молодежь нового рабочего класса современной России: коллективная монография / под ред. Т. В. Гаврилюк. М.: ФЛИНТА, 2019. 392 с.
21. Подвойский Д. Г., Солеймани С. Понятие социальной идентичности: основные исследовательские подходы // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2019. Т. 19, № 4. С. 825–834.
22. Savage M. *Class Analysis and Social Transformation*. Oxford: Oxford University Press, 2000. 204 p.
23. Bottero W. Class Identities and the Identity of Class // *Sociology*. 2004. N 38 (5). P. 985–1003. <https://doi.org/10.1177/0038038504047182>.
24. Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
25. Кузнецов А. Г. Трансформация государственно-национальной идентичности в условиях глобализации: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Волгоград, 2007. 27 с.
26. *Общественное мнение – 2007*. М.: Левада-Центр, 2007. 272 с.
27. Полухина Е. В., Ваньке А. В. Идентичность заводского рабочего в постсоветском контексте: этнографическое кейс-стади района Уралмаш // *Журнал исследований социальной политики*. 2019. Т. 17, № 2. С. 237–252. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-2-237-252>.
28. Ikeler P., Crocker J. The continuity of work: Class consciousness in service and non-service jobs // *Economic and Industrial Democracy*. P. 1–25. <https://doi.org/10.1177/0143831X18769411>
29. Ковалев В. В., Попов А. В., Хоценко В. П. Идеи солидаризма и солидарности в интеллектуальной традиции России и Запада // *Социально-гуманитарные знания*. 2018. № 7. С. 103–110.
30. Маркс К. Нищета философии // *Сочинения*. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т. 4. С. 65–185.
31. Clark T. N., Lipset S. M. Are Social Classes Dying? // *International Sociology*. 1991. Vol. 6 (4). P. 397–410.
32. Ефременко Д. В. Исследования социальной солидарности в современной социологии: актуальные тенденции // *Социальные и гуманитарные науки. Серия 11. Социология*. 2012. № 1. С. 5–12.

33. Грунский Д. Б., Соренсен Дж. Б. Можно ли спасти классовый анализ? // Социальные и гуманитарные науки. Серия 11. Социология. 1999. № 1. С. 67-76.
34. Coventry B. T., Morrissey M. Unions' empowerment of working-class women: A case study // *Sociological Spectrum*. 1998. N 18(3). P. 285-310. [https://doi.org/ 10.1080/02732173.1998.9982199](https://doi.org/10.1080/02732173.1998.9982199).
35. Jensen C. S. Trade unionism in Europe: Are the working class still members? // *European Journal of Industrial Relations*. 2019. P. 1–14. [https://doi.org/ 10.1177/0959680119838881](https://doi.org/10.1177/0959680119838881).
36. Walkerdine V. Affective history, working-class communities and self-determination // *The Sociological Review*. 2016. Vol. 64. P. 699–714. [https://doi.org/ 10.1111/1467-954X.12435](https://doi.org/10.1111/1467-954X.12435).
37. Beckwith K. Gender, class, and the structure of intersectionality: working-class women and the Pittston Coal strike // *Politics, Groups, and Identities*. 2014. N 2(1). P. 17-34. [https://doi.org/ 10.1080/21565503.2013.872042](https://doi.org/10.1080/21565503.2013.872042).
38. Wu B., Liu H. Bringing class back in: class consciousness and solidarity among Chinese migrant workers in Italy and the UK // *Ethnic and Racial Studies*. 2014. N 37(8). P. 1391-1408. [https://doi.org/ 10.1080/01419870.2012.715660](https://doi.org/10.1080/01419870.2012.715660).
39. Гаврилюк Т. В. Жизненный путь молодёжи нового рабочего класса: реальность и нормативные паттерны // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 101–113. [https://doi.org/ 10.17223/1998863X/49/11](https://doi.org/10.17223/1998863X/49/11).

References

1. Wright E. O. *Class counts: Comparative studies in class analysis*. Cambridge, Cambridge University Press, 1997. 576 p.
2. Kim J. H., Park E. C. Impact of socioeconomic status and subjective social class on overall and health-related quality of life. *BMC Public Health*. 2015. [https://doi.org/ 10.1186/s12889-015-2014-9](https://doi.org/10.1186/s12889-015-2014-9).
3. Smith J. The Impact of Socioeconomic Status on Health over the Life-Course. *The Journal of Human Resources*, 2007, no. 42(4), pp. 739–764.
4. Golenkova Z. T. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, Novyj hronograf Publ., 2014. 343 p.
5. Beljaeva L. A. *Social'naja stratifikacija i srednij klass v Rossii: 10 let postsovetskogo razvitija* [Social stratification and the middle class in Russia. 10 years of post-Soviet development]. Moscow, Academia Publ., 2001. 183 p.
6. *Srednie klassy v kapitalisticheskoy Rossii* [Middle classes in capitalist Russia]; ed. by V. N. Bobkov. Moscow, Knorus Publ., 2018. 208 p.
7. Zaslavskaja T. I. *Social'naja struktura sovremennogo rossijskogo obshhestva* [Social structure of modern Russian society]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Modernity*, 1997, no. 2, pp. 5–23.
8. Tihonova N. E. *Social'naja struktura Rossii: teorii i real'nost'* [Social structure of Russia. Theory and reality]. Moscow, Novyj hronograf, IS RAN Publ., 2014. 408 p.
9. Konstantinovskiy D. L., Voznesenskaya E. D., Cherednichenko G. A. *Rabochaja molodjozh': kolichestvennoe i kachestvennoe izmerenie* [Working Youth: The quantitative and qualitative measures]. Moscow, CSI Publ., 2013. 277 p.
10. Temnitskiy A. L. *Rabochie reformiruemoj Rossii kak ob#ekt sociologicheskikh issledovanij* [Workers of reformed Russia as an object of sociological research]. *Mir Rossii = World of Russia*, 2006, no. 2, pp. 79–107.
11. Resnick S., Wolff R. The diversity of class analyses: A critique of Erik Olin Wright and beyond. *Critical Sociology*, 2003, no. 29(1), pp. 7–27.
12. Zweig M. *The Working Class Majority: America's Best Kept Secret*. New York, Cornell University Press, 2011. 232 p.
13. Nixon D. 'I just like working with my hands': Employment aspirations and the meaning of work for low-skilled unemployed men in Britain's service economy. *Journal of Education and Work*, 2006, no. 19(2), pp. 201–217. [https://doi.org/ 10.1080/13639080600668051](https://doi.org/10.1080/13639080600668051)
14. *Naemnyj rabotnik v sovremennoj Rossii* [An employee in modern Russia]; ed. by Z. T. Golenkova. Moscow, Novyj hronograf Publ., 2015. 368 p.

15. Zabelin K. L. Rabochij klass i sovremennoe obshchestvo (teoreticheskie, mirovozzrencheskie i metodologicheskie podhody k izucheniju problemy) [The working class and modern society (theoretical, ideological and methodological approaches to the study of the problem)]. *Vlast' = Power*, 2011, no. 1, pp. 8–12.
16. Temnitskiy A. L., Maksimova O. N. Motivacija intensivnogo truda rabochih promyshlennogo predpriyatija [Intensive Work Motivation among Workers of an Industrial Plant]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2008, no. 11, pp. 13–23.
17. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. New York, Basic Books, 1973. 507 p.
18. Castells M. Materials for an Exploratory Theory of the Network Society. *British Journal of Sociology*, 2000, no. 51, pp. 5–24.
19. Sassen S. Global Cities and Survival Circuits. Global Woman: Nannies, Maids, and Sex Workers in the New Economy; ed. by B. Ehrenreich and A. R. Hochschild. New York, Metropolitan Books, 2002, pp. 254–274.
20. Molodezh' novogo rabocheho klassa sovremennoj Rossii [Youth of the new working class in modern Russia]; ed. by T. V. Gavriluk. Moscow, FLINT Publ., 2019. 392 p.
21. Podvoiskii D. G., Soleimani S. Ponyatie sotsial'noi identichnosti: osnovnye issledovatel'skie podkhody [The concept of social identity: basic research approaches]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*, 2019, vol. 19, no. 4, pp. 825–834.
22. Savage M. Class Analysis and Social Transformation. Oxford, Oxford University Press, 2000. 204 p.
23. Bottero W. Class Identities and the Identity of Class. *Sociology*, 2004, no. 38 (5), pp. 985–1003. <https://doi.org/10.1177/0038038504047182>
24. Bourdieu P. Prakticheskij smysl [Practical Reason]. St. Petersburg, Aleteija Publ., 2001. 562 p.
25. Kuznetsov A. G. Transformacija gosudarstvenno-nacional'noj identichnosti v usloviyah globalizacii. Avtoref. diss. kand. sociol. nauk [Transformation of state-national identity in the context of globalization. Cand. sociol. sci. abstract diss.]. Volgograd, 2007. 27 p.
26. Obshchestvennoe mnenie – 2007 [Public opinion – 2007]. Moscow, Levada-Centr Publ., 2007. 272 p.
27. Polukhina E., Vanke A. Identichnost' zavodskogo rabocheho v postsovetском kontekste: jetnograficheskoe kejs-stadi rajona Uralmash [The Identity of the Industrial Worker in a Post-soviet Context: An Ethnographic Case Study of the Uralmash District]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki = The Journal of Social Policy Studies*, 2019, no. 17(2), pp. 237–252. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-2-237-252>
28. Ikeler P., Crocker J. The continuity of work: Class consciousness in service and non-service jobs. *Economic and Industrial Democracy*, p. 1–25. <https://doi.org/10.1177/0143831X18769411>
29. Kovalev V. V., Popov A. V., Khocenkov V. P. Idei solidarizma i solidarnosti v intellektual'noj tradicii Rossii i Zapada [Ideas of solidarism and solidarity in the intellectual tradition of Russia and the West]. *Social'no-gumanitarnye znaniya = Social and Humanitarian Knowledge*, 2018, no. 7, pp. 103–110.
30. Marx K. Nishheta filosofii [The Poverty of Philosophy]. Sochinenija [Works]. 2nd ed. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955, vol. 4, pp. 65–185.
31. Clark T. N., Lipset S. M. Are Social Classes Dying? *International Sociology*, 1991, no. 6 (4), pp. 397–410.
32. Efremenko D. V. Issledovaniya social'noj solidarnosti v sovremennoj sociologii: aktual'nye tendencii [Research on Social Solidarity in Contemporary Sociology. Current Trends]. *Social'nye i humanitarnye nauki. Seriya 11. Sociologiya = Social Sciences and Humanities. Series 11. Sociology*, 2012, no. 1, pp. 5–12.
33. Grunsky D. B., Sorensen J. B. Mozhno li spasti klassovyy analiz? [Can class analysis be salvaged?]. *Social'nye i humanitarnye nauki. Seriya 11. Sociologiya = Social Science and Humanities*, 1999, no. 1, pp. 67–76.
34. Coventry B. T., Morrissey M. Unions' empowerment of working-class women: A case study. *Sociological Spectrum*, 1998, no. 18(3), pp. 285–310. <https://doi.org/10.1080/02732173.1998.9982199>
35. Jensen C. S. Trade unionism in Europe: Are the working class still members? *European Journal of Industrial Relations*, 2019, pp. 1–14. <https://doi.org/10.1177/0959680119838881>

36. Walkerdine V. Affective history, working-class communities and self-determination. *The Sociological Review*, 2016, no. 64, pp. 699–714. <https://doi.org/10.1111/1467-954X.12435>

37. Beckwith K. Gender, class, and the structure of intersectionality: working-class women and the Pittston Coal strike. *Politics, Groups, and Identities*, 2014, no. 2(1), pp. 17–34. <https://doi.org/10.1080/21565503.2013.872042>

38. Wu B., Liu H. Bringing class back in: class consciousness and solidarity among Chinese migrant workers in Italy and the UK. *Ethnic and Racial Studies*, 2014, no. 37(8), pp. 1391–1408. <https://doi.org/10.1080/01419870.2012.715660>

39. Gavriluk T. V. Zhiznennyi put' molodezhi novogo rabocheho klassa: real'nost' i normativnye patterny [The life course of the new working-class youth: the reality and normative patterns]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija = Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2019, no. 49, pp. 101–113. <https://doi.org/10.17223/1998863X/49/11>

Информация об авторах / Information about the Authors

Гаврилюк Татьяна Владимировна, кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра перспективных исследований и инновационных разработок, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, Российская Федерация, e-mail: tv_gavrilyuk@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3396-0959, Researcher ID: I-6281-2018

Tatiana V. Gavriluk, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Center for Advanced Research and Innovations, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, e-mail: tv_gavrilyuk@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3396-0959, Researcher ID: I-6281-2018

Гаврилюк Вера Владимировна, доктор социологических наук, профессор, консультант, профессор кафедры Маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, Российская Федерация, e-mail: gavriliuk@list.ru, ORCID: 0000-0002-0131-4939

Vera V. Gavriliuk, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Consultant, Professor of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, e-mail: gavriliuk@list.ru, ORCID: 0000-0002-0131-4939

УДК 316.334.3: 321

Социально-политическая активность молодежи: от доверия власти к сотрудничеству

А. С. Чернов¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: cech45612@gmail.com

Резюме

Актуальность. Трансформация всех сфер общественной жизни и, как следствие, модификация образа жизни существенным образом влияют на представления молодежи о социальной реальности и ее вовлеченности в социокультурные, социально-экономические и социально-политические процессы. Поиск позитивных форм сотрудничества органов государственной власти с различными возрастными когортами и в первую очередь с молодежной аудиторией становится требованием времени. При этом изучение социально-политической активности молодежи приобретает особую значимость и становится одним из приоритетных направлений всех уровней управления.

Цель исследования – определить наиболее конструктивные способы сотрудничества молодежи с институтами власти.

Задачи: проанализировать уровень социально-политической активности молодежи; выявить проблемы и перспективы сотрудничества молодежи и власти.

Методология. Использовались статистические, качественные и количественные методы исследования, вторичный анализ данных по результатам социологических опросов, анализ документов и методы сравнения и аналогии.

Результаты. Полученные результаты исследования социально-политической активности молодежи в разных городах России дают возможность сделать следующие выводы. В качестве основных проблем, связанных с повышением социально-политической активности, определяются следующие противоречия: во-первых, в молодежной аудитории сформирован устойчивый запрос на различные формы взаимодействия с институтами власти, отсутствуют эффективные модели и механизмы, позволяющие обеспечить вовлеченность молодежи в избирательный процесс; во-вторых, декларируемое всеми уровнями управления стремление привлечь внимание молодежи к социально-политическим процессам, отсутствие действенных инструментов и способов влияния молодежи на политических процесс, из-за чего молодые люди проявляют пассивность и апатичность.

Выводы. Для обеспечения поддержки органов власти в молодежной среде необходимо максимально задействовать социальные сети, в первую очередь «ВКонтакте» и «Инстаграм». Формы взаимодействия с молодежью необходимо строить на понятном для нее языке, поскольку степень доверия ко всем традиционным СМИ находится на низком уровне.

Ключевые слова: социально-политическая активность; молодежь; власть; доверие; сотрудничество.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Чернов А. С. Социально-политическая активность молодежи: от доверия власти к сотрудничеству // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 3. С. 186–194.

Поступила в редакцию 02.04.2021

Принята к публикации 30.04.2021

Опубликована 30.06.2021

Socio-Political Activity of Youth: from the Trust of the Authorities to Cooperation

Alexander S. Chernov¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: cech45612@gmail.com

Abstract

Relevance. The transformation of all spheres of social life and, as a result, the modification of the way of life, significantly affects the ideas of young people about social reality and their involvement in socio-cultural, socio-economic and socio-political processes. The search for positive forms of cooperation between public authorities with different age cohorts and, first of all, with the youth audience is becoming a requirement of the time. At the same time, the study of socio-political activity of young people is becoming particularly important and is becoming one of the priorities of all levels of government.

The purpose of the study is to determine the most constructive ways of cooperation between young people and government institutions.

Objectives: analyze the level of socio-political activity of young people; identify problems and prospects of cooperation between youth and government.

Methodology. Statistical, qualitative and quantitative research methods, secondary data analysis based on the results of sociological surveys, document analysis, and methods of comparison and analogy were used.

Results. The results of the study of socio-political activity of young people in different cities of Russia make it possible to draw the following conclusions. The following contradictions are identified as the main problems associated with increasing socio-political activity:

First, the youth audience has formed a strong demand for various forms of interaction with government institutions, there are no effective models and mechanisms to ensure the involvement of young people in the electoral process. Secondly, the desire declared by all levels of government to attract the attention of young people to socio-political processes, the lack of effective tools and ways to influence young people on the political process, which is why young people are passive and apolitical.

Conclusions. To ensure support for the authorities among young people, it is necessary to use social networks as much as possible, primarily Vkontakte and Instagram. Forms of interaction with young people should be built in a language that is understandable to them, since the degree of trust in all traditional media is at a low level.

Keywords: socio-political activity; youth; power; trust; cooperation.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Chernov A. S. Socio-Political activity of youth: from the trust of the authorities to cooperation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2021; 11(3): 186–194. (In Russ.)

Received 02.04.2021

Accepted 30.04.2021

Published 30.06.2021

Введение

2020 год стал знаковой вехой, поскольку именно в этом году произошел большой всплеск политической активности молодежи во всем мире, и российская молодежь не стала исключением. Большим успехом пользуется призыв к построению новой модели будущего. В молодежной среде обсуждаются и поднимаются острые общественные темы и вопросы, где крити-

ка становится главным аргументом. В результате мы наблюдаем различные формы проявления политического участия. При этом социальные сети и Интернет становятся главными средствами коммуникации и получения информации [1; 2].

Материалы и методы

Использовались статистические, качественные и количественные методы

исследования, вторичный анализ данных по результатам социологических опросов, анализ документов и методы сравнения и аналогии.

Результаты и их обсуждение

Трансформация образа жизни людей приводит к изменению ценностных ориентиров, социокультурных практик и мотивов поведения личности [3]. Необходимо обратить внимание на то, что результатом многочисленных исследований становится вывод о том, что социокультурное изменение становится определяющим в оценках и эмпирических замерах социальной реальности.

Эксперты определили основную категорию, которая, являясь неотъемлемой частью общества, обеспечивает связь между всеми ее элементами – это культура. Отсюда авторы многочисленных изданий в своих публикациях выделяют важность в изучении всех возможных форм социального взаимодействия различных возрастных когорт, и в первую очередь молодежи [4].

В данном исследовании мы будем придерживаться определения социально-политической активностью молодежи, сформулированного А. С. Капто [5]. При этом акции, протесты и пикеты несут как организованный или стихийный характер, так и могут быть систематическими или ситуативными.

Электоральная активность – один из основных критериев оценки политической вовлеченности молодежи в политические процессы. Молодежь – это важнейший социальный и электоральный ресурс общества, где каждый четвертый (а согласно представленному законопроекту об увеличении возраста молодежи до 35 лет, то и каждый третий) является избирателем. По результатам исследований российских ученых до принятия этого закона доля избирателей составляла приблизительно 26,1 млн человек, что в процентном соотношении равнялось 23,7% от общего количества избирателей [6; 7].

Современная молодежь, выросшая в XXI веке, имеет совершенно другие интересы и ценности, по сравнению со своими родителями. Уровень социальных, культурных, политических интересов стал совершенно другим [8]. Отсутствие оков прошлого и умение определить для себя ценности, актуальные не только на сегодняшний день, но и на завтрашний, является большим шагом и отличием современной молодежи. Умение ставить цели и задачи на будущее, видеть, как достигнет это современная молодежь. Она не однородна, каждый видит свой путь, но при этом и каждый видит особый путь России. Важным в этом подходе является особая направленность сознания и поведения молодежи, основанная на интуитивном ощущении будущего.

Уровень политической вовлеченности лиц в возрасте от 14 до 30 лет можно оценивать по-разному: неодобрительное отношение к большинству властных структур, к политической ситуации в стране; отсутствие ощущения значимости их мнения в политических процессах подталкивает молодежь придерживаться пассивной и аполитичной стратегии. Уровень активности молодежи постепенно увеличивается через альтернативные формы их проявления (участие в одиночных пикетах, в массовых митингах). Особенно ярко это видно в 2018-2020 гг. В этом аспекте вовлеченность молодого поколения представляется как одна из форм протестного поведения.

Взаимодействие гражданского общества и власти на сегодняшний день потеряло формат диалога, единственным доступным и правовым способом в демократическом обществе остается протестное поведение, с помощью которого индивид или социальные группы выражают социальные и политические требования. Ничто лучше не показывает единение гражданского общества и государства как разрешение социальных конфликтов [9].

Рассмотрим ситуацию, произошедшую в г. Хабаровске 10 июня 2020 г., где состоялись протесты в поддержку губернатора Хабаровского края Сергея Фургала, которые продолжались на протяжении более 29 дней. Жители требуют федеральных властей вернуть им губернатора, за которого они отдавали свой голос. В свою очередь, в адрес назначенного губернатора Михаила Дегтярева мы слышим от протестующих: «Мы его не выбирали!». Ежедневно на подобные акции, по данным администрации, выходят около трех тысяч человек [24]. Поэтому диалог между органами власти и народом просто необходим, особенно в такой сложной ситуации, как в Хабаровском крае. Впрочем, М. Дегтярев такой диалог уже выстраивает, и у него это неплохо получается.

Edelman – компания, занимающаяся опросами в разных сферах, где Россия заняла последнее место [10].

Анализируя мотивационную составляющую активности молодежи, были выявлены весьма разнообразные причины недоверия к власти и апатизма. Самой распространенной причиной является

мнение, что их общественная активность не сможет улучшить социально-политическую ситуацию в регионе в лучшую сторону. Также молодые люди не испытывают доверия к коррумпированным чиновникам, отсюда следует, что нет доверия ни к самой системе власти, ни к ее управлению [11].

Рассмотрим ситуацию с одной из основных форм политического участия – выборы. По мнению молодежи, результаты голосования вполне ожидаемы, поскольку такая закономерность уже прослеживается многие годы. Также можно рассмотреть вариант событий, когда нарушается процедура подсчета голосования членами избирательной комиссии, в результате видим перевес в ту или иную сторону.

При этом на вопрос: «В каких политических мероприятиях вы готовы участвовать?» – подавляющая часть респондентов ответила: «Участие в голосовании и выборах», поскольку данный вид политической активности является наиболее доступным и безопасным по сравнению с демонстрациями и митингами (табл. 1).

Таблица 1. Активность молодежи, готовой принять участие в социально-политических мероприятиях

Мероприятие	г. Иваново	г. Новокузнецк	г. Ставрополь
Голосование	–	79	53
Демонстрация	–	11	25
Деятельность политических партий, движений	–	10	22

Как показывают опросы, московская молодежь наиболее активна. Так, 54,4% опрошенных готовы принять участие в мирных демонстрациях, 32,8% готовы участвовать в несогласованных митингах, остальные допускают участие в бойкотировании власти и вооруженных протестах [12]. Стоит отметить, что столь подобное протестное поведение не всегда становится реальностью [13].

Большая часть молодежи не пользуется правом выбора, тем самым де-

монстрируя политическую пассивность и политический нигилизм. Отличие политического нигилизма от остальных форм поведения характеризуется позицией с полной неприязнью к власти. Это дает повод задуматься о том, что нигилизм как раз является двигателем новаторства, свежих идей и желания к обновлениям [14].

Во всем мире из года в год снижается уровень активности избирателей. При уменьшении количества голосующих

уменьшается и степень легитимации новой власти, получающей мандат на управление, сами же выборы перестают быть средством нахождения консенсуса в обществе [15].

М. К. Горшков и Ф. Э. Шереги придерживаются мнения, что молодежь ни в коем случае нельзя винить в полной апатии, несмотря на это, уровень активности нельзя назвать высоким [16]. Так, результат явки на выборы Президента Российской Федерации в 2018 г., по данным ЦИК, средневозрастной группы 18-30 лет составил 25,8% от общего числа избирателей в РФ [17]. Для сравнения: в США среди граждан 18–29 лет явка была несколько ниже – 19% [18].

Приведем данные анализа уровня политической заинтересованности российской молодежи в некоторых регионах России. Так в г. Иваново 61,6% опрошенных проявляют интерес к политической ситуации в нашей стране [19]. В г. Новокузнецке ситуация несколько иная: около половины опрошенных (49%) проявляют такой интерес [20]. Подобная ситуация и у Кубанской молодежи – 48% [21]. Наибольшую поли-

тическую активность из нашего анализа проявляет молодежь г. Москвы – 77% [12]; Ставропольского края – 84% и Северного Кавказа 80% [22] (табл. 2). Однако из этого не следует, что вторая половина опрошенных, отнесенная к пассивной части молодежи, не знает политических новостей.

В качестве источников информации, из которых молодежь получает политическую информацию, самым распространенным оказался Интернет. Интернет в жизни человека занимает большую часть его жизни. Вне зависимости от местонахождения всегда есть возможность зайти в Интернет и прочитать те или иные новостные сводки.

На современном этапе развития общества все чаще можно услышать, что СМИ называют «четвертой властью», так как эти средства идут в обход привычных для многих институтов власти и обращаются напрямую с общественностью. «Четвертая власть» оказывает сильнейшее социальное влияние на формирование коллективного мнения и формулирование общественных интересов граждан (табл. 3).

Таблица 2. Политическая активность молодежи, %

Ответ	г. Иваново	г. Новокузнецк	г. Ставрополь	Республики Северного Кавказа	г. Москва
Да	61,6	49	84	80	77
Нет	38,4	51	16	20	23

Таблица 3. Источники получения политической информации у молодежи, %

Источник	г. Иваново	г. Новокузнецк	г. Ставрополь
Интернет	55,2	45	25
Телевидение	41	15	20
Родственники, друзья	–	35	53
Другое (радио, газеты и т. п.)	3,8	5	2

В России главным источником получения политической информации являются социальные сети, что подтверждается исследованиями социальной сети «ВКонтакте», которое выявило, что 64% ее пользователей – это молодежь [23].

Формирование отношений доверия или же недоверия сегодня осуществляется

в мессенджерах и социальных сетях. Процесс взаимодействия с пользователями в основном происходит в тематических группах, сообществах, в которых находятся как равные по возрасту, так и представители более возрастных когорт. При этом мнение старших чаще всего не становится доминантой повседневных практик, по-

скольку уровень максимализма молодежи настолько высок, что она не нуждается в рекомендациях старших по определению своих жизненных стратегий. Каждый сам для себя определяет «правильный» вектор, находит «свою нормаль».

За последние годы было предложено множество инициатив для создания единых ресурсов: сайтов города, площадок для жалоб граждан – с целью общения не только с молодежью, но и в целом с народом. Эта инициатива носит благой характер, но зачем придумывать новые ресурсы, если есть уже хорошо работающие сейчас: «ВКонтакте», «Инстаграм», «Фейсбук». Для того чтобы выслушать жалобы, пожелания, инициативы, достаточно зарегистрироваться в этих сетях и создать соответствующие сообщества. Но мало этого, необходимо регулярно вести диалог с теми, кто задает вопросы, и открыто на них отвечать. Проанализировав руководителей городов ЦФО, можно сделать вывод о том, что не у всех есть социальные сети, и не у всех открыта возможность оставлять комментариев и отправлять обращения. Взаимное доверие складывается из мелочей.

Выводы

Полученные результаты исследования социально-политической активно-

сти молодежи в разных городах России дают возможность сделать следующие выводы. В качестве основных проблем, связанных с повышением социально-политической активности, определяются следующие противоречия: во-первых, в молодежной аудитории сформирован устойчивый запрос на различные формы взаимодействия с институтами власти, отсутствуют эффективные модели и механизмы, позволяющие обеспечить вовлеченность молодежи в избирательный процесс; во-вторых, декларируемое всеми уровнями управления стремление привлечь внимание молодежи к социально-политическим процессам, отсутствие действенных инструментов и способов влияния молодежи на политических процесс, из-за чего молодые люди проявляют пассивность и апатичность.

Для обеспечения поддержки органов власти в молодежной среде необходимо максимально задействовать социальные сети, в первую очередь «ВКонтакте» и «Инстаграм». Формы взаимодействия с молодежью необходимо строить на понятном для нее языке, поскольку степень доверия ко всем традиционным СМИ находится на низком уровне.

Список литературы

1. Новые митингующие: управляемой и скучной толпы уже не будет // РБК. URL: http://www.rbc.ru/spb_sz/27/03/2017/58d91ffc9a7947f2ae7ecaf1 (дата обращения: 10.02.2021).
2. Движуха, которой раньше не было. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/03/28/protest> (дата обращения: 10.02.2021).
3. Абрамов А. П. Ценностные приоритеты личности в системе отечественного довузовского военного образования // Вопросы культурологии. 2009. № 1. С. 62-66.
4. Абрамов А. П., Осадчая Г. И. Социокультурный подход к проблеме модернизации среднего специализированного военного образования: диалектика традиционного и современного // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. № 2 (16). С. 184-190.
5. Капто А. С. Активность политическая // Социология молодежи. Энциклопедический словарь / отв. ред. Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. М.: Academia, 2009. 322 с.
6. Низамов Р. Р. Электоральная активность молодежи: понятие и современное состояние // Молодой ученый. 2017. № 35 (169). С. 62-64.
7. Боровик В. С. Активность социальная // Социологическая энциклопедия. М.: Мысль, 2003. Т. 1. 694 с.

8. Чуев С. В. Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики: результаты исследования: монография / Государственный университет управления. М., 2017. 131 с.
9. Карпенко О. М., Ламанов И. А. Молодежь в современном политическом процессе в России. М.: СГУ, 2006. 560 с.
10. Россия заняла последнее место рейтинга доверия к общественным институтам // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/22/01/2019/5c4632139a7947d392889cfd> (дата обращения: 05.03.2021).
11. Чернов А. С., Абрамов А. П. Перспективные направления формирования взаимного доверия молодежи и власти // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9, № 3 (32). С. 168–173.
12. Примаков В. Л., Фатехов А. М. Политическая активность московской студенческой молодежи: социологический анализ // Ограев-online. 2018. № 11. URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/politicheskaya-aktivnost-moskovskoj-studencheskoj-molodezhi-sociologicheskij-analiz> (дата обращения: 05.03.2021).
13. Григоренко Б. Ю. Социально-политическая активность молодежи в современных условиях // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 1–5.
14. Тощенко Ж. Т. Политическая социология: учебник для академического бакалавриата. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018. 526 с.
15. Андреевкова Н. В. Активность электоральная // Социологическая энциклопедия. М.: Мысль, 2003. Т. 1. 694 с.
16. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с.
17. Молодежь ломает стереотипы. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9002> (дата обращения: 10.03.2021).
18. Кто голосовал за Клинтон и Трампа. URL: <https://ria.ru/20161109/1481021921.html?in=t> (дата обращения: 10.03.2021).
19. Копаева Е. В., Котова К. А., Лисова С. Ю. Политическая активность студенческой молодежи: проблемы и тенденции // Манускрипт. 2017. № 6-1 (80). С. 82–86.
20. Тяпкина Е. Е. Политическая активность молодежи в социологическом исследовании // Организация работы с молодежью. 2019. № 3.
21. Сотникова В. В., Санников Г. Г. Политическая активность современной молодежи, на примере студентов КУБГТУ // Научные труды КубГТУ. 2019. № 54. С. 403–411.
22. Ерохин А. М., Воробьев С. М. Социологический анализ политической активности студенческой молодежи северного Кавказа // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2019. № 4. С. 88–96.
23. Исследование «ВКонтакте»: портрет молодежи. URL: https://vk.com/doc1027995_453569893?hash=5a91057ec6e43896&dl=eec34f5c04288f5c40 (дата обращения: 13.03.2021).
24. Акции в поддержку арестованного губернатора Фургала. URL: <https://zona.media/chronicle/furgal> (дата обращения: 01.03.2021).

References

1. Informacionnyj portal [New protesters: a controlled and boring crowd will no longer be]. RBC [RBK]. Available at: http://www.rbc.ru/spb_sz/27/03/2017/58d91ffc9a7947f2ae7ecaf1. (accessed 10.02.2021)
2. Dvizhuha, kotoroj ran'she ne bylo [Traffic that didn't exist before]. Available at: <https://lenta.ru/articles/2017/03/28/protest>. (accessed 10.02.2021)
3. Abramov A. P. Cennostnye priority lichnosti v sisteme otechestvennogo dovuzovskogo voennogo obrazovaniya [Value priorities of the individual in the system of domestic pre-university military education]. *Voprosy kul'turologii = Issues of Cultural Studies*, 2009, no. 1, pp. 62–66.
4. Abramov A. P., Osadchaya G. I. Sociokul'turnyj podhod k probleme modernizacii srednego specializirovannogo voennogo obrazovaniya: dialektika tradicionnogo i sovremennogo [Sociocultural approach to the problem of modernization of secondary specialized military education: the dialectics of tra-

ditional and modern]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment.* = *Proceedings of Southwestern State University. Series: Economics. Sociology. Management*, 2016, no. 2 (16), pp. 184-190.

5. Kapto A. S. Aktivnost' politicheskaya [Political activity]. *Sociologiya molodezhi. Enciklopedicheskij slovar'* [Sociology of youth. Encyclopedic Dictionary]; ed. by Yu. A. Zubok, V. I. Chuprov. Moscow, Academia Publ., 2009. 322 p.

6. Nizamov R. R. Elektoral'naya aktivnost' molodezhi: ponyatie i sovremennoe sostoyanie [Electoral activity of youth: concept and current state]. *Molodoj uchenyj* = *Young Scientist*, 2017, no. 35 (169), pp. 62-64.

7. Borovik B. C. Aktivnost' social'naya [Social activity]. *Sociological Encyclopedia* [Sociological Encyclopedia]. Moscow, Thought Publ., 2003, vol. 1. 694 p.

8. Chuev S. V. Cennostnye orientacii rossijskoj molodezhi i realizaciya gosudarstvennoj molodyozhnoj politiki: rezul'taty issledovaniya [Value orientations of Russian youth and the implementation of state youth policy. Research results]. Moscow, Gosudarstvennyj universitet upravleniya Publ., 2017. 131 p.

9. Karpenko O. M., Lamanov I. A. Molodezh' v sovremenном politicheskom processe v Rossii [Youth in the modern political process in Russia]. Moscow, SSU Publ., 2006. 560 p.

10. Rossiya zanyala poslednee mesto rejtinga doveriya k obshchestvennym institutam [Russia took the last place in the rating of trust in public institutions]. RBC [RBK]. Available at: <https://www.rbc.ru/society/22/01/2019/5c4632139a7947d392889cfd>. (accessed 05.03.2021)

11. Chernov A. S., Abramov A. P. Perspektivnye napravleniya formirovaniya vzaimnogo doveriya molodezhi i vlasti [Prospective directions for the formation of mutual trust of youth and power]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment* = *Proceedings of Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management*, 2019, vol. 9, no. 3 (32), pp. 168-173.

12. Primakov V. L., Fatehov A. M. Politicheskaya aktivnost' moskovskoi studencheskoj molodezhi: sotsiologicheskij analiz [Political activity of Moscow student youth: a sociological analysis]. Available at: <http://journal.mrsu.ru/arts/politicheskaya-aktivnost-moskovskoj-studencheskoj-molodezhi-sociologicheskij-analiz>. (accessed 05.03.2021)

13. Grigorenko B. Yu. Social'no-politicheskaya aktivnost' molodezhi v sovremennyh usloviyah [Socio-political activity of youth in modern conditions]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* = *Knowledge. Understanding. Skill*, 2013, no. 2, pp. 1-5.

14. Toschenko Zh. T. Politicheskaya sociologiya [Political sociology]. 4th ed. Moscow, Publishing House Yurayt, 2018. 526 p.

15. Andreenkova N. V. Aktivnost' elektoral'naya [Electoral activity]. *Sociologicheskaya enciklopediya* [Sociological Encyclopedia]. Moscow, Thought Publ., 2003, vol. 1. 694 p.

16. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. Molodezh' Rossii: sociologicheskij portret [Youth of Russia: a sociological portrait]. Moscow, TsSPiM Publ., 2010. 592 p.

17. Molodezh' lomaet stereotipy [Young people break down stereotypes]. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9002>. (accessed 10.03.2021)

18. Kto golosoval za Klinton i Trampa [Who voted for Clinton and trump's]. Available at: <https://ria.ru/20161109/1481021921.html?in=t>. (accessed 10.03.2021)

19. Kopaeva E. V., Kotova K. A., Lisova S. Yu. Politicheskaya aktivnost' studencheskoj molodezhi: problemy i tendencii [Political activity of students: problems and trends]. *Manuskript* = *Manuscript*, 2017, no. 6-1 (80), pp. 82-86.

20. Tyapkina E. E. Politicheskaya aktivnost' molodezhi v sociologicheskom issledovanii [Political activity of youth in sociological research]. *Organizatsiya raboty s molodezh'yu* = *Organization of Work with Young People*, 2019, no. 3.

21. Sotnikova V. V., Sannikov G. G. Politicheskaya aktivnost' sovremennoj molodezhi, na primere studentov KUBGTU [Political activity of modern youth, on the example of students of KUBSTU]. *Nauchnye trudy KubGTU* = *Scientific works of KubSTU*, 2019, no. 54, pp. 403-411.

22. Erokhin A. M., Vorobev S. M. Sociologicheskij analiz politicheskoy aktivnosti studencheskoj molodezhi severnogo Kavkaza [Sociological analysis of the political activity of the student youth of the

North Caucasus]. *Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov* = *Economic and humanitarian studies of the regions*, 2019, no. 4, pp. 88-96.

23. Issledovanie "Vkontakte": portret molodezhi [Research "Vkontakte": portrait of youth]. Available at: https://vk.com/doc1027995_453569893?hash=5a91057ecec6e43896&dl=eec34f5c04288f5c40. (accessed 13.03.2021)

24. Aktsii v podderzhku arestovannogo gubernatora Furgala [Actions in support of the arrested governor of Furgal]. Available at: <https://zona.media/chronicle/furgal>. (accessed 01.03.2021)

Информация об авторе / Information about the Author

Чернов Александр Сергеевич, аспирант кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: cech45612@gmail.com,
ORCID: 0000-0001-8885-0664

Alexander S. Chernov, Post-Graduate Student of the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: cech45612@gmail.com,
ORCID: 0000-0001-8885-0664

УДК 316.334.2

Формирование профессиональных навыков в контексте цифровизации экономики

Л. В. Килимова¹ ✉, А. С. Фролова¹

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ email: lyuda-klv@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Цифровизация экономики Российской Федерации включает внедрение информационных технологий в различные ее сферы. Сфера образования, с одной стороны, является сферой услуг, а с другой – формирует не только знания, но и профессиональные навыки, обеспечивая кадрами экономику страны. Пандемия и самоизоляция предопределили актуальность цифровизации экономики, в том числе сферы услуг, осуществив экстренный переход образовательных учреждений на дистанционный формат обучения. Данное исследование осуществлялось для изучения срочного перевода образовательного процесса в онлайн-формат, давшего возможность развития дистанционного обучения в сфере высшего образования и обнажившего новые проблемы цифровизации образования.

Цель – выявить на основе эмпирического анализа проблемы формирования профессиональных навыков в рамках дистанционного обучения в высшем образовании.

Задачи: определить на примере ЮЗГУ ресурсы по организации дистанционного обучения; выявить проблемы, возникающие во время проведения лекционных и практических занятий в рамках онлайн-формата; выявить проблемы получения профессиональных навыков в период дистанционного обучения; исследовать отношение студентов к проведению практических занятий в рамках дистанционного обучения.

Методология. В данном исследовании применяются описательный метод, методы анкетирования, корреляционного анализа, синтеза, анализа, обобщения, позволяющие выявить проблемы дистанционного обучения, исследовать отношение студентов к проведению занятий и получению профессиональных навыков. Эмпирические исследования и теоретические обобщения осуществлены на основе авторских работ, анкетирования студентов ЮЗГУ, официальной статистики.

Результаты. При осуществлении перевода вузом образовательного процесса на дистанционный формат адаптация студентов прошла успешно. Среди наиболее популярных ресурсов для организации дистанционного обучения в период пандемии респонденты отмечали Zoot, вузовский портал – do.swsu.ru, «ВКонтакте», WhatsApp и электронную почту. Большая часть респондентов отметили хорошее качество перехода на новый формат обучения. Профессиональные навыки у студентов при электронном и дистанционном формате формируются в основном теоретические. В отношении их получения выявлена трудность их формирования в новом формате в силу ряда причин, основными из которых являются отсутствие специального профессионального оборудования и инструментов; отсутствие непосредственного контакта с профессионалом (преподавателем).

Выводы. Предлагаемые в статье характеристики позволяют количественно и качественно описать использование дистанционного обучения в высшем образовании, а выявленные проблемы формирования профессиональных навыков в новом формате позволят совершенствовать дистанционное обучение путем расширения материально-технической базы, способной обеспечить эффективную обратную связь преподаватель – студент, создания специфических прикладных пакетов, пригодных и учитывающих особенности тех ли иных направлений подготовки. Этому будет способствовать критическое отношение к внедряемым технологиям.

Ключевые слова: дистанционное обучение; профессиональные навыки; цифровые технологии; цифровизация экономики.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Финансирование: Публикация выполнена в рамках государственного задания на 2020 год № 0851-2020-0034.

Для цитирования: Килимова Л. В., Фролова А. С. Формирование профессиональных навыков в контексте цифровизации экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 3. С. 195–207.

Поступила в редакцию 04.04.2021

Принята к публикации 02.05.2021

Опубликована 30.06.2021

Distance Learning in the Context of the Digital Economy

Lyudmila V. Kilimova¹ ✉, Anastasia S. Frolova¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: lyuda-klv@yandex.ru

Abstract

Relevance. The digitalization of the economy of the Russian Federation includes the introduction of information technologies in its various spheres. The education sector, on the one hand, is a service sector, and, on the other hand, it forms not only knowledge, but also professional skills, providing the country's economy with personnel. The pandemic and self-isolation predetermined the relevance of the digitalization of the economy, including the service sector, by making an emergency transition of educational institutions to a distance learning format. This study was carried out to study the urgent transfer of the educational process to an on-line format, which made it possible to develop distance learning in the field of higher education and revealed new problems of digitalization of education.

The purposis identify, on the basis of empirical analysis, the problem of the formation of professional skills in the framework of distance learning in higher education.

Objectives: determine, using the example of South-West State University, resources for organizing distance learning; find out the problems that arise during lectures and practical classes in the on-line format; to identify the problems of obtaining professional skills during the period of distance learning; investigate the attitude of students to conducting practical training in the framework of distance learning.

Methodology. In this study, a descriptive method, methods of questioning, correlation analysis, synthesis, analysis, generalization are used, which make it possible to identify the problems of distance learning, to study the attitude of students to conducting classes and obtaining professional skills. Empirical studies and theoretical generalizations were carried out on the basis of author's works, questionnaires of SWSU students, and official statistics.

Results. When the university transferred the educational process to a distance format, the adaptation of students was successful. Among the most popular resources for organizing distance learning during a pandemic, respondents noted Zoom, the university portal - do.swsu.ru, V Kontakte, WhatsApp, and e-mail. Most of the respondents noted the good quality of the transition to the new training format. Professional skills of students in electronic and distance formats are formed, mainly, theoretical. With regard to their receipt, the difficulty of their formation in a new format was revealed due to a number of reasons, the main of which are the lack of special professional equipment and tools; lack of direct contact with a professional (teacher).

Conclusions. The characteristics proposed in the article make it possible to quantitatively and qualitatively describe the use of distance learning in higher education, and the identified problems of the formation of professional skills in a new format will improve distance learning by expanding the material and technical base capable of providing effective teacher-student feedback, creating specific applied packages, suitable and taking into account the peculiarities of those or other areas of training. This will be facilitated by a critical attitude to the technologies being introduced.

Keywords: distance learning; professional skills; digital technologies; digitalization of the economy.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Funding: The publication was carried out within the framework of the state assignment for 2020 No. 0851-2020-0034.

For citation: Kilimova L. V., Frolova A. S. Distance learning in the context of the digital economy. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(3): 195–207. (In Russ.)

Received 04.04.2021

Accepted 02.05.2021

Published 30.06.2021

Введение

В современных социальных реалиях развивается новый подход к образованию. Функциональная роль образовательной системы трансформируется и превращает образование в интегративный социальный институт [1]. Глобализация, охватывающая все сферы общественной жизни, обуславливает потребность в реализации непрерывного образования населения. Пандемия и последующая самоизоляция, вызванные COVID-19, ускоряют цифровизацию образовательной системы, переводя обучение в дистанционный и электронный формат.

Федеральная целевая программа развития образования предполагает «внедрение новых образовательных технологий и принципов организации образовательного процесса, обеспечивающих эффективную реализацию новых образовательных моделей непрерывного образования, в том числе с использованием современных информационно-коммуникационных технологий» [2].

Дистанционный и электронный форматы обучения позволили в период самоизоляции продолжить учебный процесс в вузах, опосредуя связь преподавателя и обучаемого с помощью различных информационно-телекоммуникационных технологий, таких как: разнообразные мессенджеры, социальные сети, программные пакеты, позволяющие осуществлять формат связи видеоконференций.

Дистанционное обучение представляет собой инновационную образовательную технологию. Современные дистанционные образовательные технологии (ДОТ) открывают реальные перспективы для повышения качества знаний и эффективности учебного процесса, для решения различных социальных проблем,

связанных с функционированием образовательного учреждения» [3].

Дистанционное обучение наряду с традиционным, по мнению О. Е. Комарова, К. И. Трубецкой, «может удовлетворить потребности в образовании, позволяет сформировать человеческий капитал представителей всех групп и социальных слоев. Однако особую значимость оно приобрело в период пандемии, а также может быть значимым для жителей, удаленных от вузов населенных пунктов, для лиц, в силу разных обстоятельств (инвалидность, материнство, занятость на работе, безработица, длительный перерыв между предыдущим образованием и т. д.), которые не могут реализовать получение образования в рамках традиционных технологий» [1].

Глобализация информационного пространства, перевод информации в цифровую форму, расширение возможностей обмена знаниями в Интернет усиливают важность регионального аспекта образовательного процесса, поскольку подготовка профессиональных кадров зависит от потребностей регионального рынка труда.

В 2020 г. социум, столкнувшись с пандемией коронавируса COVID-19, стал свидетелем новых вызовов. Миллионы учащейся молодежи в России, как и во всем мире, оказались в ловушке своих домов, потеряв доступ к своим обычным классам. Особо обострилась проблема здоровья личности как основополагающей категории качества жизни [4]. Поддержание здоровья потребителей услуг в сфере высшего профессионального образования актуализировало развитие дистанционных и электронных форм обучения для обеспечения эффективного экономического роста. Школы, колледжи и университеты были вынуждены с раз-

ной степенью успеха ускорить переход к дистанционному обучению, обеспечивая бесперебойную работу, и сделать процесс обучения непрерывным.

Данный переход вызвал у «всех участников образовательного процесса (детей, родителей, учителей, органов управления образованием различного уровня, администрации образовательных организаций) стресс» [5]. Никто в полной мере ранее не применял на практике онлайн-формат. Киберсоциализация, занимавшая ранее довольно много времени, вынуждена была ускориться до темпов, невиданных ранее весны 2020 г. [6].

В современных социальных реалиях каждый должен был адаптироваться, жить и работать параллельно в реальном и виртуальном мирах. Сегодня у этого перехода есть как критики, так и сторонники.

В ст. 16 Федерального закона от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 31.07.2020 г.) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2020 г.) дистанционное (электронное) обучение описывается следующим образом: «Под электронным обучением понимается организация образовательной деятельности с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих её обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников. Данные изменения позволяют рассматривать дистанционное обучение как способ социализации современных людей в киберпространстве. Ключевые особенности данного вида обучения обычно определяются следующим образом: гибкость (студенты сами выбирают время обучения); модульность; контроль качества подготовки специалистов; специализа-

ция, отличная от традиционных технологий и учебников. При этом роль учителя/преподавателя меняется: из единственного источника знаний, можно сказать неоспоримого интеллектуального авторитета, учитель становится "координатором познавательной деятельности учеников" и "распорядителем учебного процесса"» [7].

Целью данного исследования является выявление проблемы формирования профессиональных навыков в рамках дистанционного обучения.

Задачи: определить наиболее применяемые ресурсы по организации дистанционного обучения в вузе; выяснить проблемы, возникающие во время проведения лекционных и практических занятий в рамках онлайн-формата; выявить проблемы получения профессиональных навыков в период дистанционного обучения; исследовать отношение студентов к проведению практических занятий в рамках дистанционного обучения.

Материалы и методы

Развитие цифровой экономики немислимо без цифровизации сферы образования. Возрастание роли дистанционного и электронного обучения – продолжение экономических тенденций развития общества. Начало формирования и развития дистанционного обучения в России восходит к середине 90-х гг. XX в. Например, с 1994 г. Московский автомобильностроительный институт (ныне Московский государственный индустриальный университет) реализует программы дистанционного обучения соотечественников как в России, так и за рубежом [8]. В конце 90-х в Великобритании в Саффолке был организован университет дистанционного обучения, на базе которого проводили исследование для определения необходимых ресурсов для дистанционного обучения и восприятия его студентами [9]. В 1998 г. М. Арион и М. Калахан отмечали в дистанционном обучении наличие требований и методов

обучения, отличных от традиционных. Одной из таких особенностей, получивших распространение, является применение мультимедийных технологий, связанных с Интернетом и World Wide Web [10]. Первоначально дистанционное обучение заключалось в рассылке студентам обычных текстовых, аудио- и видеоматериалов. Впоследствии Британский открытый университет дополнил эти методы, широко используя радио и телевидение, а затем компьютерные сети, мультимедийные средства, объединяющие графику, звук, анимацию и видео. В последние годы значительно возросло число исследований различных аспектов цифровизации дистанционного обучения, в частности иностранными учеными: Ф. Като, Р. М. Пелозо, Ф. Ферруцци, Л. М. Фонсека и др. Р. Блейкман, Д. Хейзли уделяют внимание изучению институциональных, финансовых, правовых и культурных факторов дистанционного обучения [11]. Р. Ольшевски-Кубилюс и Ли С-Ё. [12] исследуют применение дистанционного обучения для развития талантов одаренных подростков. Изучением обеспокоенности студентов относительно дистанционного обучения во время пандемии коронавируса занимаются Р. М. Пелосу, Ф. Ферруцци, А. А. Мори и др. [13].

По мнению С. А. Аристова, главным недостатком дистанционного обучения при подготовке специалистов ряда направлений, в том числе экономистов, выступает то, что полученные знания носят теоретический характер, а образовательный процесс не приучает к применению самостоятельных решений [14]. Для чего целесообразно использовать деловые компьютерные игры. По данным ЮНЕСКО, численность поступающих в вузы во всем мире возрастает с 65 млн в 1991 г. до 79 млн в 2000 г., а в 2025 г. составит 100 млн [15], следовательно, в сфере образования будут развиваться наряду с традиционными технологиями обучения и дистанционные. Данные процессы обусловлены, помимо этого, изме-

нением социально-экономической и политической реальности.

Методология исследования выстроена на описательном методе, методе анкетирования, корреляционного анализа, синтеза, анализа, обобщения, позволяющих выявить проблемы дистанционного обучения, исследовать отношение студентов к проведению занятий и получению профессиональных навыков. Эмпирические исследования и теоретические обобщения осуществлены на основе авторских работ, анкетирования студентов ЮЗГУ, официальной статистики.

Результаты и их обсуждение

В настоящее время по мере формирования единого глобального информационно-образовательного пространства значение новых информационных технологий продолжает расти. Это требует появления иной теории воспитания, так как обществу нужен человек с необходимым объемом теоретических знаний, а также достаточной степенью развития компетентности, творческого мышления, навыками конструктивного поиска в процессе разрешения задач управленческого значения, у которой есть способность к самоорганизации. Многие молодые люди считают, что сам факт получения профессионального образования помогает достичь высокого социального статуса, развить определенное направление в жизни.

Дистанционное обучение, основанное на современных информационных технологиях, может удовлетворить основные потребности, связанные с формированием новейшей системы образования. Первый важный момент – это доставка необходимого объема знаний всем категориям учащихся, независимо от их места жительства, стремление развития массового распространения образования. Второй момент – это личное образование гражданина, которое осуществляется непрерывно на протяжении всей его жизни.

Дистанционное обучение в высших учебных заведениях можно оценить как своеобразную инновационную обучающую технологию, позволяющую обретать знания посредством Интернета под руководством преподавателя. После перехода вузов на дистанционный и электронный форматы обучения проводились социологические исследования по изучению проблем применения данной технологии. «В апреле 2020 г. в ЮЗГУ осуществлено социологическое исследование методом анкетирования (N=1335) на тему "Дистанционные технологии обучения в ЮЗГУ" с целью выявления использования инструментов дистанционного обучения, применяемых преподавателями ЮЗГУ, и проблем, возникающих в связи с этим» [16]. Исследование осуществлялось в онлайн-режиме.

В апреле 2021 г. было проведено исследование методом анкетирования (N=300) на тему «Рефлексия по итогам обучения в дистанционном формате в период пандемии COVID-19» с целью выявления проблемы формирования профессиональных навыков в рамках дистанционного обучения. В исследовании приняли участие 64% лиц женского пола и 36% лиц мужского пола.

В начале нашего исследования выяснилось, насколько студенты хорошо адаптировались к дистанционному формату обучения. Абсолютное большинство респондентов (94%) адаптацию прошли успешно (40% адаптировались отлично, 38% – хорошо, 16% – удовлетворительно). Однако 6% участвующих в исследовании заявили о плохой адаптации к новому формату обучения (рис. 1).

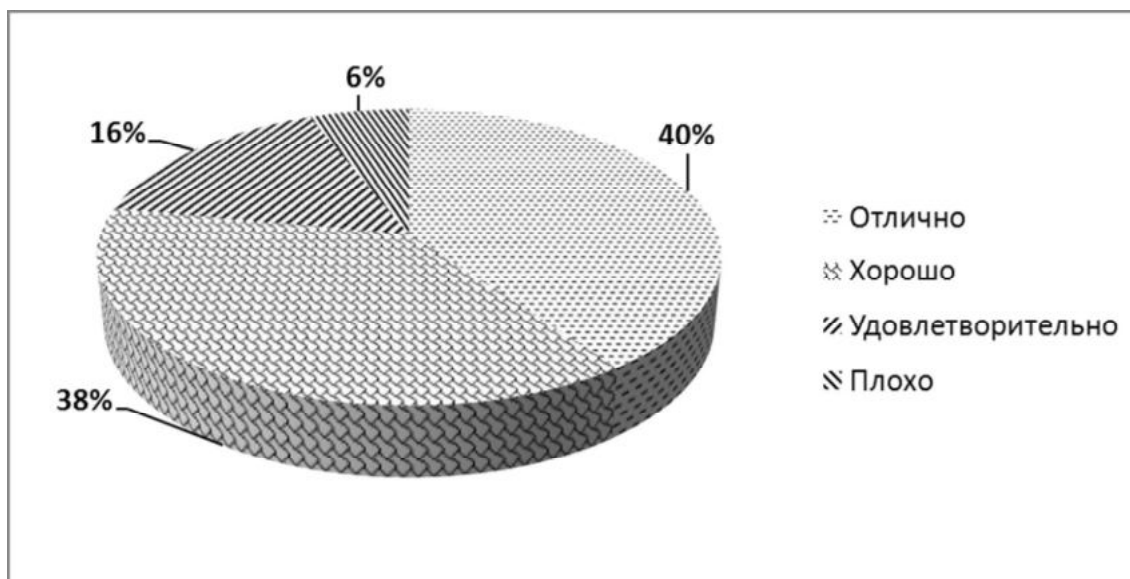

Рис. 1. Адаптация студентов к новым условиям дистанционного обучения

Исследователи поинтересовались о испытанных чувствах и эмоциях студентов при вынужденном переходе на дистанционный формат обучения. Чуть менее половины опрошенных (42%) отметили, что переход на дистанционное обучение вызвал «интерес как к чему-то новому и необычному», у 26% респондентов переход вызвал «волнение за качество своего образования», 22% отметили

«растерянность, неуверенность в своей включенности в учебный процесс». Однако выявлена доля тех, кто не испытал особых чувств и эмоций (8%). Таким образом, студентам был интересен переход на дистанционное обучение и адаптация прошла успешно, что позволяет утверждать о контролируемом и организованном процессе перехода на дистанционный формат обучения.

Выявляя качество организации перехода на использование сетевых технологий в образовательном процессе ЮЗГУ, студентам, участвующим в исследовании, был задан вопрос: «Каково, с Вашей точки зрения, качество организации перехода на использование сетевых технологий в образовательном процессе?». Большая часть студентов (48%) отметили, что качество организации перехода хорошее, в равной степени респонденты отметили

качество организации перехода отличное (24%) и удовлетворительное (24%), однако 4% респондентов отметили неудовлетворительное качество перехода на новую форму обучения (рис. 2). Несмотря на то, что доля такого мнения очень мала, организаторы учебного процесса должны сосредоточить свое внимание на устранение проблем адаптации студентов к дистанционному и электронному обучению.

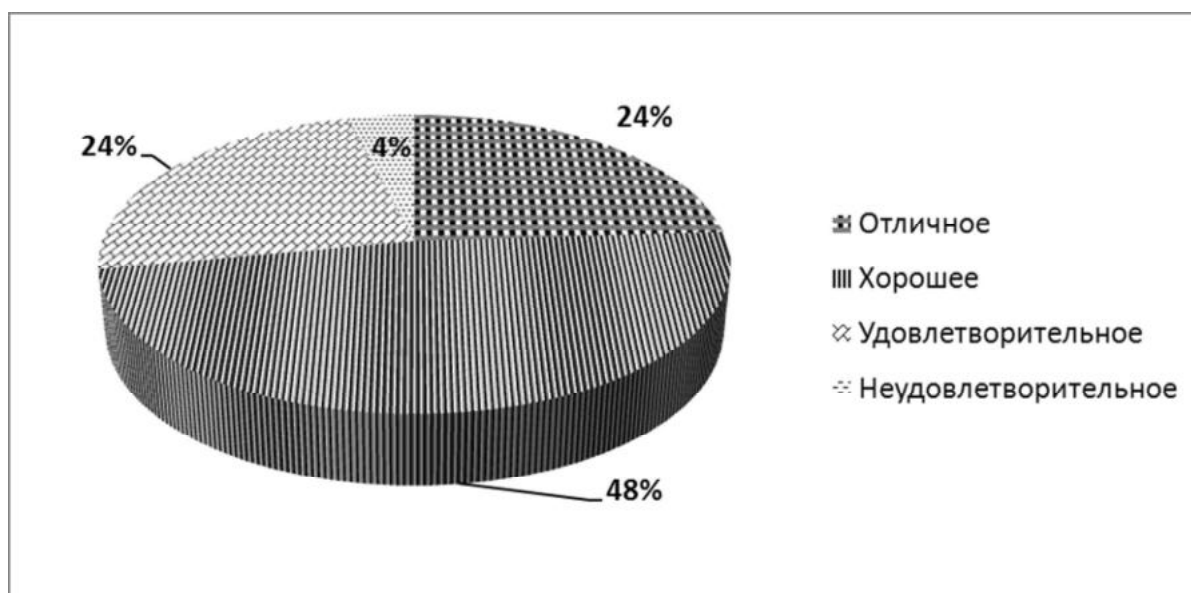

Рис. 2. Качество организации перехода на использование сетевых технологий в образовательном процессе

Для более удобной организации учебного процесса преподавателям и студентам необходимо было держать связь, осуществляемую через различные каналы. В исследовании представлено множество каналов связи, начиная от различных мессенджеров и заканчивая новейшими платформами. В ходе исследования было выявлены самые популярные ресурсы среди студентов для организации дистанционного обучения в период коронавирусной инфекции, которыми являлись Zoom (92%), работа на собственном портале – do.swsu.ru (88%), «ВКонтакте» и WhatsApp (по 86% соответственно) и электронная почта (58%) (рис. 3).

Для достижения цели исследования решено было выяснить, какие формы ра-

бот чаще всего использовали преподаватели в новом формате обучения. Большая часть респондентов (80%) отметили, что преподаватели размещали учебные материалы на портале ЮЗГУ, чуть меньше опрошенных (70%) утверждали о выдаче заданий для самостоятельного выполнения, около половины (46%) отметили проведение онлайн-занятий в режиме реального времени, около трети в равных долях заявили об онлайн-тестировании и проверке заданий для самостоятельного выполнения (по 28% соответственно). Таким образом, в учебном процессе, организованном с применением дистанционных и электронных технологий, применялись разнообразные формы работы со студентами.

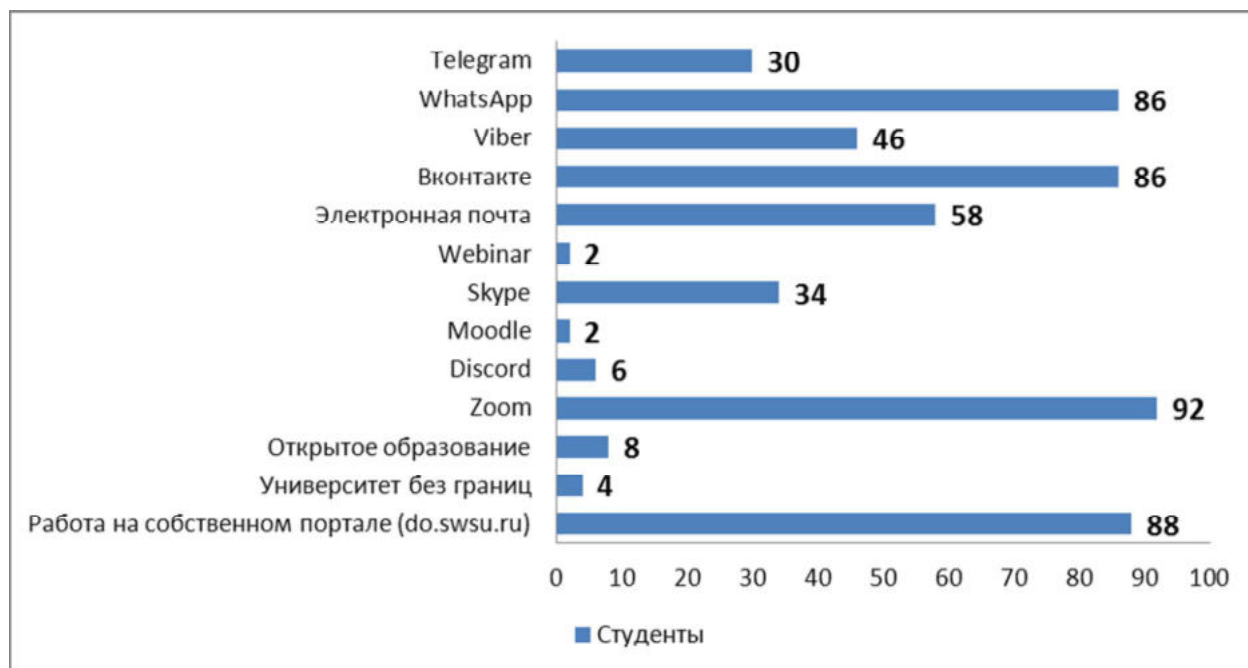

Рис. 3. Каналы связи между студентами и преподавателем в период дистанционного обучения

Одной из задач нашего исследования являлось выяснение, каким образом проводились лекционные и практические занятия. Осуществление лекций, по мнению студентов, было разнообразным. Чтение преподавателем лекции онлайн в режиме реального времени на одной из платформ

отметили 78% опрошенных, 74% утверждают, что преподаватель присылал текст лекции и презентации на почту для самостоятельного изучения, 42% заявили о том, что преподаватель присылал ссылку на свою записанную лекцию, которую нужно было прослушать (рис. 4).

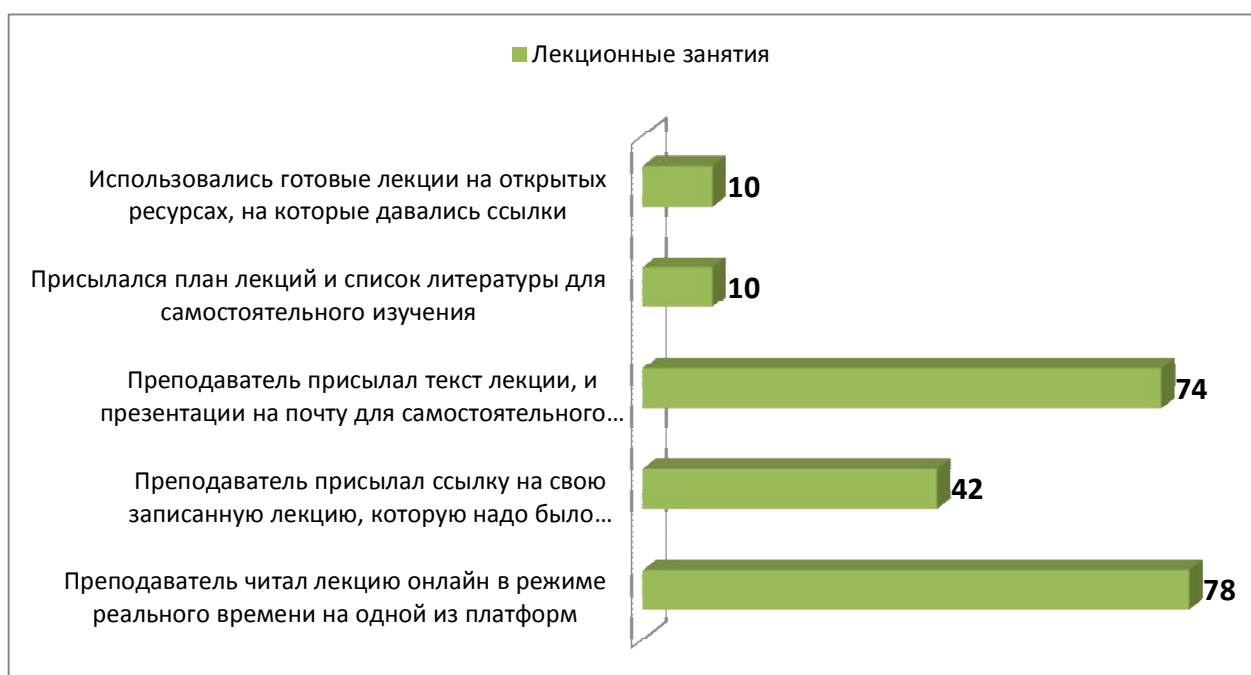

Рис. 4. Организация лекционных занятий

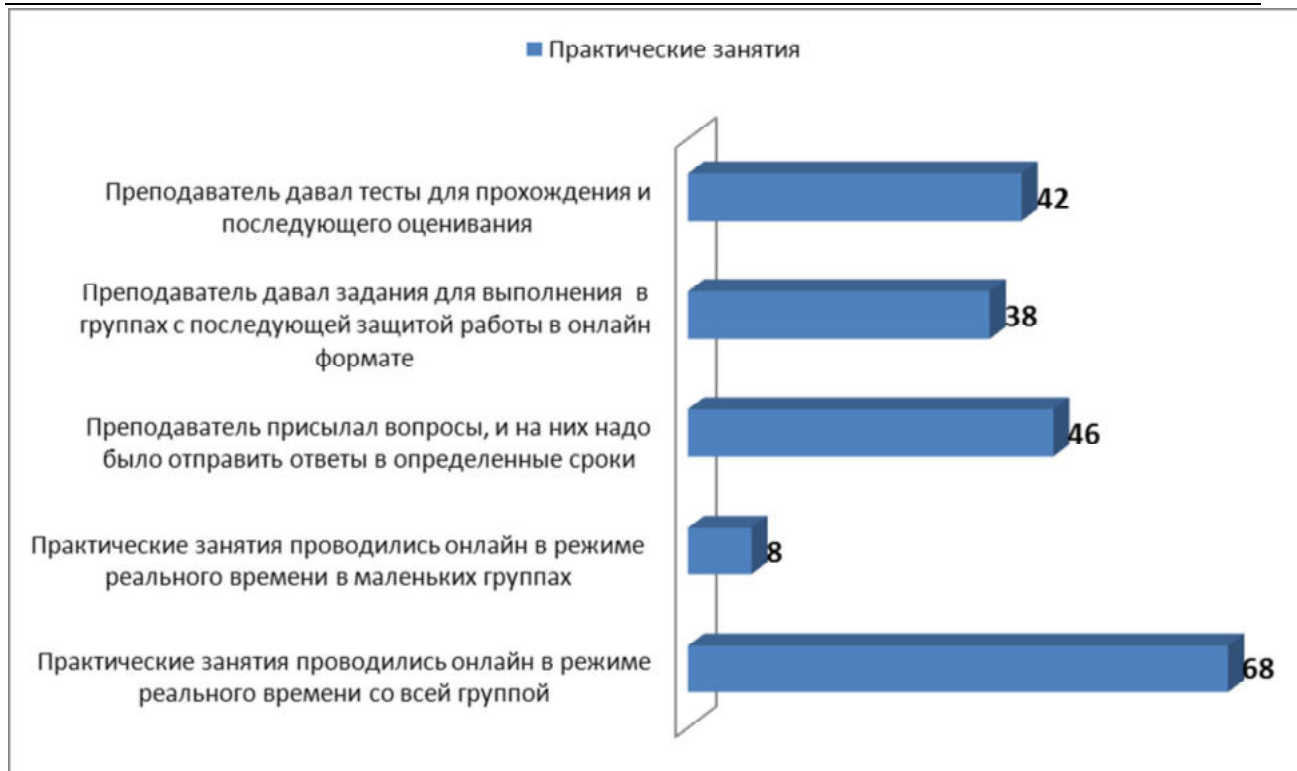

Рис. 5. Организация практических (семинарских) занятий

Практические занятия проводились следующим образом: по мнению 68% респондентов, занятия осуществлялись онлайн в режиме реального времени со всей группой.

Около половины опрошенных почти в равной степени отметили, что преподаватель присылал вопросы, и на них нужно было отправить ответы в определенные сроки (46%), преподаватель давал тесты для прохождения и последующего оценивания (42%) (рис. 5). Таким образом, самым распространенным и применяемым методом проведения лекционных и практических занятий является проведение занятий онлайн в режиме реального времени.

При выяснении в ходе исследования, насколько студенты удовлетворены проведением практических занятий, получили следующие данные: большая часть респондентов (56%) скорее удовлетворены проведением занятий, около трети (30%) полностью удовлетворены и 14% скорее не удовлетворены. В целом можно отметить в той или иной степени удовлетво-

ренность студентов проведением лекционных и практических занятий.

На вопрос: «Как Вы считаете, дистанционное обучение способствует получению профессиональных навыков?» – ответы распределились следующим образом: 68% участвующих в исследовании отметили, что дистанционное обучение не способствует получению профессиональных навыков, и только 32% заявили о том, что профессиональные навыки можно получить при дистанционном обучении (рис. 6).

Мнения респондентов, считающих, что дистанционные технологии способствуют получению профессиональных навыков, и отвечающих на вопрос: «Скажите, пожалуйста, какие профессиональные навыки Вы приобрели в период дистанционного обучения?», распределились следующим образом. Чуть более половины респондентов, отвечающих на данный вопрос (53,3%) заявили о получении способности к разработке новых, оригинальных и высокоэффективных технологий, менее поло-

вины (46,7%) отметили о способности к профессиональной эксплуатации современного оборудования и приборов, треть (33,3%) утверждают о способно-

сти применять системный подход к знаниям: отбирать, анализировать и применять нужную для специалиста информацию.

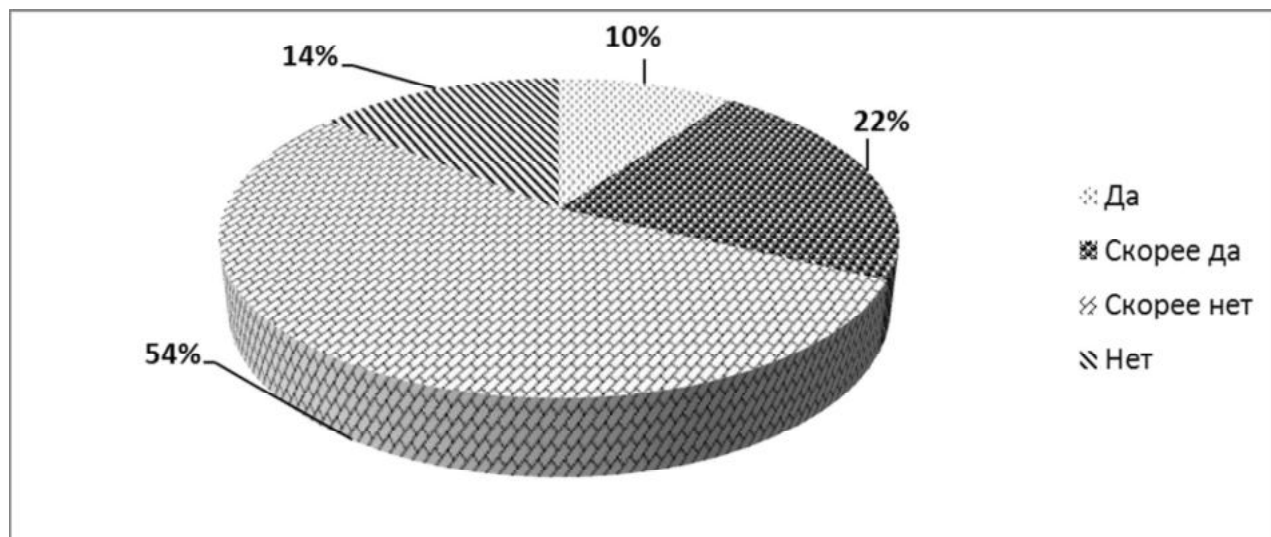

Рис. 6. Ответы на вопрос: «Дистанционное обучение способствует получению профессиональных навыков?»

Для тех респондентов, которые считают, что дистанционное обучение не способствует получению профессиональных навыков, был задан вопрос о причинах, по которым невозможно получить профессиональные навыки в процессе обучения с применением дистанционных технологий. Респонденты указали следующие причины, мешающие получению профессиональных навыков: отсутствие специального профессионального оборудования и инструментов (64%); отсутствие непосредственного контакта с профессионалом (преподавателем) (58%); отсутствие непосредственного контроля над выполнением практического задания (50%); отсутствие специфического оборудования для проведения опытов, реагентов и т. д. (34%) и отсутствие дополнительной профессионально ориентированной информации (32%).

Для всех студентов, участвующих в исследовании, был задан общий вопрос: «Скажите, пожалуйста, какие универсальные навыки Вы приобрели в период дистанционного обучения?». Относительное большинство респондентов

(72%) отметили способность к самоорганизации и самообразованию, около половины (46%) указали на приобретение способности осуществлять поиск, критический анализ информации и применять системный подход, чуть менее трети опрошенных отметили способность использовать естественно-научные и математические знания и способность определять круг задач в рамках поставленной цели и выбирать оптимальные способы их решения (по 28% соответственно).

Выводы

Результаты проведенного социологического исследования показали, что адаптация студентов к дистанционному формату обучения прошла в целом успешно. Были выявлены эмоции респондентов при переходе на дистанционное обучение. Большая часть респондентов отметила «интерес как к чему-то новому и необычному» при переходе на дистанционный формат обучения. Самыми популярными ресурсами среди студентов для организации дистанционного обуче-

ния в период пандемии явились Zoom, работа на собственном портале – do.swsu.ru, «ВКонтакте», WhatsApp и электронная почта. Большая часть респондентов отметили хорошее качество перехода на новый формат обучения в сжатые сроки, связанные с самоизоляцией в период пандемии COVID-19.

Получение профессиональных навыков в процессе дистанционного обучения затруднительно в силу того, что в основном приобретаются теоретические знания и порой невозможно использовать дистанционно ряд специфических средств, формирующих и развивающих профессиональные навыки. Был выявлен ряд причин, затрудняющих получить навыки будущей профессии: отсутствие специального профессионального оборудования и инструментов, отсутствие непосредственного контакта с профессионалом (преподавателем), отсутствие непосредственного контроля над выполнением практического задания, отсутствие специфического оборудования для про-

ведения опытов, реагентов и т. д. и отсутствие дополнительной профессионально ориентированной информации.

Таким образом, проблемы формирования профессиональных навыков у студентов в период дистанционного обучения формируются на теоретическом уровне в большей степени, для развития которых в формате дистанционного обучения требуется разработка специфических прикладных пакетов, пригодных и учитывающих все особенности тех или иных направлений подготовки. Необходимо совершенствовать материально-техническое оснащение вузов и учитывать необходимость дополнительных затрат обучающихся на приобретение технических средств, обеспечивающих надежную обратную связь преподаватель – студент, критически относиться к использованию новых образовательных технологий для выявления «узких» мест, их устранения для совершенствования образовательной системы и эффективного развития специалистов.

Список литературы

1. Комаров О. Е., Трубецкая К. И. Удовлетворенность студентов педагогической практикой как индикатор качества образовательных услуг педагогического вуза // *Innovation Management and Technology in the Era of Globalization. Materials of the III International scientific-practical conference*. Павлодар: Общественный фонд «Региональная академия менеджмента», 2016. С. 367-372.
2. Бикмухаметов И. Х., Колганов Е. А., Шайхисламов Р. Б. Дистанционное обучение в системе высшего профессионального образования региона (на примере Республики Башкортостан): монография / Уфимская государственная академия экономики и сервиса. Уфа, 2011. 196 с.
3. Неематов Б. С. Использование инновационных технологий в дистанционном обучении образовательного процесса // *Достижения науки и образования*. 2020. № 10 (64). С. 47-49.
4. Kilimova L., Lysikova O. Health as a fundamental basis of population life quality // *Ekonomichnij chasopis-XXI*. 2019. N 11-12. P. 191-199.
5. Ахренов В. Н., Ахренова Н. А., Белоус Е. Ю. Дистанционное обучение – 2020 и проблемы киберсоциализации участников образовательного процесса // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика*. 2020. № 3. С. 6–14.
6. Фролова А. С. Дистанционное обучение в контексте образовательных услуг в системе высшего образования // *Актуальные проблемы региональной социологии*. 2020. С. 171-175.
7. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ: [ред. от 31.07.2020 г.: с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2020 г.]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/9ab9b85e5291f25d6986b5301ab79c23f0055ca4 (дата обращения: 01.03.2021).
8. Демин Ю. Н. Организация дистанционного обучения в Московском государственном индустриальном университете. URL: <https://informica.ru> (дата обращения: 25.03.2021).

9. Peter Funnel. Views From the Screen-Fase: Issues Emerging from an Exploration of the Value of Telematics-supporting Learning // *Innovations in Education and Training International*. 1999. Vol. 36, N 3. P. 176-185.
10. Arion M., Callaghan M. World Wide Web technology for distance learning // *Studia Universitatis Babes-Bolyai. Psychlogia-pedagogia. Clui-Napoca*. 1998. Vol. 42, N 172. P. 132-136.
11. Blakeman R., Haseley D. Institutional, Financial, Legal, and Cultural Factors in a Distance Learning Program // *Journal of the American Psychoanalytic Association*. 2015. N 63(3). P. 469-480. [https://doi.org/ 10.1177/0003065115593281](https://doi.org/10.1177/0003065115593281).
12. Olszewski-Kubilius P., Lee S-Y. Gifted Adolescents' Talent Development through Distance Learning // *Journal for the Education of the Gifted*. 2004. N 28(1). P. 7-35. [https://doi.org/ 10.1177/016235320402800102](https://doi.org/10.1177/016235320402800102).
13. Notes from the Field: Concerns of Health-Related Higher Education Students in Brazil Pertaining to Distance Learning During the Coronavirus Pandemic / R. M. Peloso, F. Ferruzzi, A. A. Mori [et al.] // *Evaluation & The Health Professions*. 2020. N 43(3). P. 201-203. [https://doi.org/ 10.1177/0163278720939302](https://doi.org/10.1177/0163278720939302).
14. Аристов С. А. Использование компьютерных обучающих программ при дистанционном обучении экономистов // *Дистанционное образование*. 1999. № 3. С. 26-29.
15. Вессури Х. Высшее образование должно соответствовать меняющемуся миру // *Перспективы*. 1999. Т. 28, № 3. С. 29-46.
16. Килимова Л. В. Дистанционное обучение в контексте цифровой экономики // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2020. Т.10, № 5. С.179-188.

References

1. Komarov O. Ye., Trubetskaya K. I. [Students ' satisfaction with teaching practice as an indicator of the quality of educational services of a pedagogical university]. *Innovation Management and Technology in the Era of Globalization*. Pavlodar, Obshchestvennyi fond "Regional'naya akademiya menedzhmenta" Publ., 2016, pp. 367-372. (In Russ.)
2. Bikmukhametov I. KH., Kolganov Ye. A., Shaykhislamov R. B. Distantionnoye obucheniye v sisteme vysshego professional'nogo obrazovaniya regiona (na primere Respubliki Bashkortostan) [Distance learning in the system of higher professional education in the region (on the example of the Republic of Bashkortostan)]. Ufa, Ufinskaya gosudarstvennaya akademiya ekonomiki i servisa Publ., 2011. 196 p.
3. Ne"matov B. S. Ispol'zovaniye innovatsionnykh tekhnologiy v distantionnom obuchenii obrazovatel'nogo protsessa [The use of innovative technologies in distance learning of the educational process]. *Dostizheniya nauki i obrazovaniya = Achievements of Science and Education*, 2020, no. 10 (64), pp. 47-49.
4. Kilimova L., Lysikova O. Health as a fundamental basis of population life quality. *Ekonomichnij chasopis-XXI*, 2019, no. 11-12, pp. 191-199.
5. Akhrenov V. N., Akhrenova N. A., Belous Ye. Yu. Distantionnoye obucheniye-2020 i problemy kibersotsializatsii uchastnikov obrazovatel'nogo protsessa [Distance learning-2020 and the problems of cybersocialization of participants in the educational process]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Pedagogika = Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Pedagogy. Seriya: Pedagogika*, 2020, no. 3, pp. 6-14.
6. Frolova A. S. Distantionnoye obucheniye v kontekste obrazovatel'nykh uslug v sisteme vysshego obrazovaniya [Distance learning in the context of educational services in the higher education system]. *Aktual'nyye problemy regional'noy sotsiologii = Actual Problems of Regional Sociology*, 2020, pp. 171-175.
7. Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii [About education in the Russian Federation]. Federal Law of December 29, 2012 № 273-FZ (ed. from 31.07.2020). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/9ab9b85e5291f25d6986b5301ab79c23f0055ca4. (accessed 01.03.2021)

8. Demin Yu. N. Organizatsiya distantsionnogo obucheniya v Moskovskom gosudarstvennom industrial'nom universitete [Organization of distance learning at the Moscow State Industrial University]. Available at: <https://informica.ru>. (accessed 25.03.2021)
9. Peter Funnel. Views From the Screen-Fase: Issues Emerging from an Exploration of the Value of Telematics-supporting Learning. *Innovations in Education and Training International*, 1999, vol. 36, no. 3, pp. 176-185.
10. Arion M., Callaghan M. World Wide Web technology for distance learning. *Studia Universitatis Babes-Bolyai. Psychlogia-pedagogia. Clui-Napoca*, 1998, vol. 42, no. 172, pp. 132-136.
11. Blakeman R., Haseley D. Institutional, Financial, Legal, and Cultural Factors in a Distance Learning Program. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 2015, no. 63(3), pp. 469-480. <https://doi.org/10.1177/0003065115593281>
12. Olszewski-Kubilius P., Lee S-Y. Gifted Adolescents' Talent Development through Distance Learning. *Journal for the Education of the Gifted*, 2004, no. 28(1), pp. 7-35. <https://doi.org/10.1177/016235320402800102>
13. Peloso R. M., Ferruzzi F., Mori A. A., eds. Notes from the Field: Concerns of Health-Related Higher Education Students in Brazil Pertaining to Distance Learning During the Coronavirus Pandemic. *Evaluation & The Health Professions*, 2020, no. 43(3), pp. 201-203. <https://doi.org/10.1177/0163278720939302>
14. Aristov S. A. Ispol'zovaniye komp'yuternykh obuchayushchikh programm pri distantsionnom obuchenii ekonomistov [The use of computer training programs for distance learning of economists]. *Distantsionnoye obrazovaniye = Distance Education*, 1999, no. 3, pp. 26-29.
15. Vessuri Kh. Vyssheye obrazovaniye dolzhno sootvetstvovat' menyayushchemusya miru [Higher education must meet the changing world]. *Perspektivy = The Prospects*, 1999, vol. 28, no. 3, pp. 29-46.
16. Kilimova L. V. Distantsionnoye obucheniye v kontekste tsifrovoy ekonomiki [Distance learning in the context of the digital economy]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2020, vol.10, no. 5, pp.179-188.

Информация об авторах / Information about the Authors

Килимова Людмила Викторовна, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: lyuda-klv@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-8764-1641

Lyudmila V. Kilimova, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: lyuda-klv@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-8764-1641

Фролова Анастасия Сергеевна, студентка кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: anastaas1999@mail.ru

Anastasia S. Frolova, Student of the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: anastaas1999@mail.ru

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДЫ, ОБЩЕСТВА, ЧЕЛОВЕКА

PHILOSOPHICAL STUDY OF NATURE, SOCIETY AND HUMAN

Оригинальная статья / Original article

УДК 1.174

Аксиологическая составляющая покупок образовательных услуг

Н. В. Волохова¹ ✉

¹ Курский государственный университет
ул. Радищева 33, Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: volna-sha@rambler.ru

Резюме

Актуальность. Автор статьи достаточно подробно останавливается на анализе этической оценки при изучении российского рынка услуг по выполнению учебных и научных работ как актуального комплексного междисциплинарного феномена. Институционализация данного рынка в виде функционирования и воспроизводства на соответствующих интернет-платформах представляет собой важную проблему, последствия которой в полной мере ещё не осознаны. Значительная часть учащихся, сталкиваясь с задачей выполнения тех или иных учебных и научных работ (рефератов, курсовых работ, контрольных, отчётов по практике, выпускных квалификационных работ, диссертаций), обращается за соответствующими услугами на специализированные сайты, которые предлагают за определённую плату выполнение данных услуг. В итоге научная и учебная деятельность профанируется и дискредитируется, что постепенно приводит к профессиональной декавалификации. Это является проблемой, в том числе и этического свойства.

Цель – определить причину и глубину проникновения покупок услуг в образовательную среду высшей школы и проанализировать аксиологическую составляющую данного процесса в масштабах российского общества.

Задачи: определить уровень этической составляющей на рынке продаж дипломных работ; определить нарушение авторских прав с точки зрения этической оценки, например, в процессе формирования процента оригинальности при прохождении процедуры антиплагиата; рассмотреть вопросы, связанные с моральной правомочностью степеней, квалификаций владельцев приобретенных (несамостоятельных) диссертаций и выпускных квалификационных работ; отследить и измерить уровень одобрения или порицания со стороны общества в отношении услуг по написанию дипломов; установить и проанализировать тонкую грань между тьютерством/консультированием и предоставлением услуги «готового диплома под ключ»; рассмотреть этическую сторону вопроса; изучить основные теории и подходы при рассмотрении аксиологической составляющей покупок образовательных услуг; сформулировать статус феномена массовизации образования и дать ему характеристику посредством анализа уровня востребованности выпускников на рынке труда; рассмотреть категорию «доверие» как философский феномен в исследуемой сфере услуг и понять, насколько автор услуги является экспертом в области написания работы, так как именно он выступает в роли оформителя идеи научного руководителя; уточнить, вызывают ли порицание со стороны общества, руководства вуза, научного руководителя заказчики, избравшие путь покупки диплома (выпускной квалификационной работы и пр.), т. е. по каким критериям можно оценить лояльность к продукту.

Методология. В качестве методологической основы использовались категориально-логический, системно-структурный, диалектический и метод статистического анализа информации.

© Волохова Н. В., 2021

Результаты. В рамках нашего исследования мы только частично затронули сложную проблему развития теневых отношений на рынке образовательных услуг. Результатом может выступать утверждение о том, что следует повышать требования к качеству подготовки обучающихся в вузах страны, только тогда высшие учебные заведения смогут сохранить себя как общественные институты, заручившись условием высокой профессиональной востребованности выпускников на рынке труда.

Выводы. В сфере высшего образования, особенно к периоду окончания обучающимся вуза, вырастает уровень предоставления ему образовательных услуг теневого рынка, в частности в качестве самой распространенной формы можно назвать написание на заказ выпускной квалификационной работы. Здесь мы можем сделать два основных вывода: 1) широкое распространение подобных практик, имеющих неформальный характер, указывает на то, что для выпускника наибольшую ценность имеет наличие диплома о высшем образовании по сравнению с ценностью полученных профессиональных знаний; 2) процессы перехода вузов на новое трехуровневое образование и коммерциализация высших учебных заведений привели к редуцированию системы образования в целом, когда квалификация «бакалавр» воспринимается в сознании обывателя как аналог среднего профессионального образования (или неоконченного высшего).

Ключевые слова: диплом; аксиологическая составляющая; дихотомия; образовательные услуги; теневые отношения; высшее образование.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Волохова Н. В. Аксиологическая составляющая покупок образовательных услуг // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 3. С. 208–215.

Поступила в редакцию 17.03.2021

Принята к публикации 14.04.2021

Опубликована 30.06.2021

Axiological Component of Purchased Educational Services

Natalia V. Volokhova¹ ✉

¹ Kursk State University
33 Radishcheva str., Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: volna-sha@rambler.ru

Abstract

Relevance. The author of the article dwells in sufficient detail on the analysis of ethical evaluation in the study of the Russian market of services for the implementation of educational and scientific works as an actual complex interdisciplinary phenomenon. The institutionalization of this market in the form of functioning and reproduction on the relevant Internet platforms is an important problem, the consequences of which are not fully understood yet. A significant part of students, faced with the task of performing certain educational and scientific works (essays, term papers, tests, practice reports, final qualifying works, dissertations), apply for the appropriate services on specialized sites that offer the performance of these services for a fee. As a result, scientific and educational activities are profaned and discredited, which gradually leads to professional disqualification. This is also an ethical problem.

The purpose is to determine the reason and the depth of penetration of purchased services into the educational environment of higher education and to analyze the axiological component of this process on the scale of Russian society.

Objectives: determine the level of the ethical component in the market of sales of theses; determine copyright infringement from the point of view of ethical evaluation, for example, in the process of forming the percentage of originality during the Anti-Plagiarism procedure; to consider issues related to the moral competence of degrees, qualifications of the owners of acquired (non-independent dissertations and final qualifying works); track and measure the level of approval or disapproval by the society in relation to the services by writing diplomas; to establish and analyze the fine line between tutoring/consulting and the provision of a "turnkey ready-made diploma" service; to consider the ethical side of the issue; to study the main theories and approaches when considering the axiological component of purchased educational services; to formulate the status of the phenomenon of mass education and to characterize it by analyzing the level of demand for graduates in the labor market; consider the category of "trust" as a philosophical phenomenon in the service sector under study and understand how the author of the service is an expert in the field of writing work, since it is he who acts as the designer of the idea of the scientific supervisor; to clarify whether the customers who have chosen

the path of buying a diploma (final qualification work, etc.) cause censure from the society, the university management, the scientific supervisor, that is, by what criteria you can evaluate loyalty to the product.

Methodology. Categorical-logical, system-structural, dialectical, and statistical information analysis methods were used as the methodological basis.

Results. As part of our research, we have only partially addressed the complex problem of the development of shadow relations in the educational services market. The result may be a statement that should increase the demands on the quality of training of students in the universities of the country's higher education institutions will be able to maintain themselves as public institutions, with the condition of high professional demand for graduates on the labour market.

Conclusions. In the field of higher education, especially by the time students graduate from the university, the level of providing them with educational services of the shadow market increases, in particular, as the most common form can be called – writing a final qualification work to order. Here we can draw two main conclusions: 1) the wide spread of such practices, which are informal in nature, indicate that for a graduate, the highest value is the presence of a diploma of higher education in comparison with the value of the acquired professional knowledge; 2) the transition of Universities to a new three-level education and the commercialization of higher education institutions has led to a reduction of the education system in General, when the qualification of "bachelor" is equated in the minds of the layman as an analogue of secondary vocational education (or higher education).

Keywords: diploma; axiological component; dichotomy; educational services; shadow relations; higher education.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Volokhova N. V. Axiological Component of Purchased Educational Services. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(3): 208–215. (In Russ.)

Received 17.03.2021

Accepted 14.04.2021

Published 30.06.2021

Введение

Для выпускника любого вуза любой страны должна быть очевидна индивидуальная выгода от получения ими законченного высшего образования, например, в виде повышенного уровня их заработной платы, повышения социального статуса и пр. Эта выгода должна быть очевидна и для правительства любой страны, так как именно в этом направлении происходит выработка основных позиций государственной образовательной политики. В последние несколько лет в России наступила эпоха «массового образования», что характеризуется доступностью, широтой охвата, зачастую снижением качества. И соответственно, диплом об образовании как результат обучения считается уже чем-то обыденным, очевидным, проходным. Престижность диплома во многом дискредитирована в современном мире, где можно наблюдать разделение на так называемое элитное и массовое образование. Наше исследование предполагает рассмотрение основных

позиций расслоения образования, причин утраты престижности диплома, отслеживание финансовой составляющей при написании выпускных работ и как основное заключение – анализ этической стороны рынка платных образовательных услуг и на этом фоне стремительного падения качества российского образования в частности.

Распространение практики обращения учащихся к услугам рынка заказных работ дискредитирует систему образования и обуславливает необходимость выработки механизмов формирования учебной и профессиональной культуры у будущих выпускников, что связано с их духовным совершенствованием, т. е. заявленная проблема находится на стыке этики и права, где вписывается в практику фальсификации результатов научных исследований и учебных работ, плагиата, коррупции в системе образования, лишения соответствующей учёной степени или профессиональной квалификации при установлении факта несамостоятель-

ного выполнения работы и т. д., а с точки зрения этики возникшая проблема находится в параметрах оценки уровня и конфигурации взаимодействия заказчика и исполнителя, научного руководителя и рецензента и пр. В связи с вышесказанным основными задачами исследования являются определение механизмов и анализ основных перспектив решения теневых взаимоотношений на рынке образовательных услуг, а также выдвижение предложений по минимизации негативных экономических, социальных, правовых и этических последствий функционирования рынка услуг по выполнению учебных и научных работ.

Материалы и методы

Цель статьи – определить причину и глубину проникновения покупок услуг в образовательную среду высшей школы и проанализировать аксиологическую составляющую данного процесса в масштабах российского общества.

Цель статьи определила следующие задачи:

- определить уровень этической составляющей на рынке продаж дипломных работ;
- определить нарушение авторских прав с точки зрения этической оценки, например, в процессе формирования процента оригинальности при прохождении процедуры антиплагиата;
- рассмотреть вопросы, связанные с моральной правомочностью степеней, квалификаций владельцев приобретенных (несамостоятельных) диссертаций и выпускных квалификационных работ;
- отследить и измерить уровень одобрения или порицания со стороны общества в отношении услуг по написанию дипломов;
- установить и проанализировать тонкую грань между тьютерством/консультированием и предоставлением услуги «готового диплома под ключ», рассмотреть этическую сторону вопроса;

– изучить основные теории и подходы при рассмотрении аксиологической составляющей покупок образовательных услуг;

– сформулировать статус феномена массовизации образования и дать ему характеристику посредством анализа уровня востребованности выпускников на рынке труда;

– рассмотреть категорию «доверие» как философский феномен в исследуемой сфере услуг и понять, насколько автор услуги является экспертом в области написания работы, так как именно он выступает в роли оформителя идеи научно-го руководителя;

– уточнить, вызывают ли порицание со стороны общества, руководства вуза, научного руководителя заказчика, избравшие путь покупки диплома (выпускной квалификационной работы и пр.), т. е. по каким критериям можно оценить лояльность к продукту.

Если обращаться к истории развития исследуемого явления, то мы должны констатировать, что обострение вопросов этического порядка произошло относительно недавно при распространении социальных сетей и повсеместной цифровизации документов, научных материалов и пр. Интернет открыл новый тип этического пространства и поставил вопрос этической важности покупок услуг в сфере образования в том числе.

Научная новизна исследования определяется рядом факторов, в числе которых можно выделить относительную новизну самого предмета исследования. Теневые экономические отношения в системе образования, связанные с использованием учащимися самостоятельно изготовленных работ, существуют достаточно давно. Обобщенный опыт исследования социально-сетевой культуры достаточно представлен в работе О. А. Гримова [1]. С 2000-х гг. изготовление на заказ учебных и научных работ становится настоящей индустрией, что связано с широким распространением с

2000-х интернет-технологий и веб-сервисов, служащих основным фактором формирования институционализированного (т. е. поставленного на поток, «фабричного») сегмента рынка услуг по выполнению учебных и научных работ – именно в это время появляются первые крупные фабрики дипломов и т. д. Именно данный сегмент представляет наибольшую угрозу системе эффективного воспроизводства профессиональных кадров.

Описанию и исследованию этико-нормативных проблем регулирования отношений субъектов в контексте сетевого общения посвящены работы западных ученых: Дж. Халла, М. Липфорда, Л. Флориди [2], А. Латулипа, М. Парселла, А. Бриггла, С. Р. Хайнемана [3], Р. Капурро и др., а также и российских исследователей: А. Г. Антипова, И. В. Кирсанова, С. А. Овчинникова, С. Е. Гришина, С. А. Решенина, И. Л. Галинской, Е. В. Ситкаревой [4], В. В. и Л. А. Бояркиных, Ю. М. Абдулмуталимова, М. Г. Лазара, Е. Ю. Мальковой, А. В. Саяпина [5], [6] и пр.

Также отдельным блоком можно выделить работы авторов, посвященные изучению феномена массовизации отечественного образования, его расслоения и редуцирования: труды М. В. Евпловой [7], В. Р. Якупова, Н. Д. Сорокиной [8], М. Е. Николаевой, С. К. Яримак, Л. П. Веревкина [9].

Результаты и их обсуждение

Роль и значимость образования как основополагающего человеческого и национального капитала весьма значима в социальном пространстве, его можно рассматривать как одно из фундаментальных конструкций человеческой жизни.

В ряде трудов отечественных исследователей можно встретить выкладки по заявленной проблеме, полученные в результате социологических исследований. Например, в работе А. В. Саяпина и Е. В. Харитоновой приведен перечень основных проблем российского образо-

вания, где к наиболее значимым можно отнести: коммерциализацию вузов; уверенность будущего специалиста в том, что в будущем все решают деньги и связи, а не профподготовка; отсутствие практической ориентации в самой системе образования; низкое качество образования и, как следствие, неоправданно высокая стоимость обучения. Этико-аксиологическую составляющую протекания данного процесса респонденты видят в следующем: недостаточный контроль со стороны государственных структур и, как следствие, несовершенство законодательной базы; общее снижение уровня нравственности в обществе; низкий уровень оплаты труда преподавателей, что влечет расширение границ теневого рынка образовательных услуг [6, с. 60-61].

Если рассмотреть проблему усеченно, то можно говорить о том, что различные паттерны взаимодействия на рынке образовательных услуг можно представить двумя полярными вариантами несамостоятельного выполнения учебной работы: от обращения за консультацией до заказа работы «под ключ». Возникающие проблемы этической оценки уровня допустимости различных конфигураций взаимодействия заказчика и исполнителя составляют объект изучения настоящей статьи и позволяют заявить, что данная этическая проблематика вписывается в общий контекст толерантности ряда учащихся, научно-профессиональных кадров и академической общественности и носит междисциплинарный характер исследования на стыке различных социальных и гуманитарных дисциплин.

Такой исследователь, как С. Р. Хайнеман, выделил несколько основных критериев, которых следует придерживаться при построении системы образования «без коррупции»:

« – равенство доступа к получению образования;

– равное распределение учебных программ и материалов;

- адекватность и целесообразность критериев выбора высшего образования;
- честность при проведении аккредитации, что означает равенство оценивания всех учебных заведений по системе стандартов, с которой может ознакомиться каждый;
- равенство при получении образовательных товаров и услуг;
- следование руководства вузов и преподавателей системе профессиональных стандартов» [3, с. 30].

В решении заявленной проблемы должны быть заинтересованы все участники процессы, но в первую очередь следует проработать вопросы о роли и значении вечных человеческих ценностей как основополагающих антропологических и культурных концептов любого цивилизованного общества, что подробно рассматривается в статьях автора исследования [10; 11; 12]. Этико-аксиологическая составляющая является одной из фундаментальных в пространстве дальнейших исследований различных сегментов теневой экономики в сфере образования.

Выводы

Обнаруживаемая дихотомия платных образовательных услуг, сконцентрированная в неформальных практиках и те-

невых отношениях в сфере высшего образования, приводит к серьезным расхождениям в общественном сознании между такими феноменами одного процесса образования, как статус и знание. На сегодняшний день для современного отечественного обывателя предпочтительнее ценность диплома об окончании вуза, чем ценность полученных профессиональных знаний, умений, компетенций и навыков. «В противном случае сложно понять парадоксальность ситуации, когда заочники, многие из которых сами оплачивают свое обучение, склонны к оппортунизму, не видят проблемы в фиктивности образовательных услуг и предпочитают пассивные формы обучения, то есть просят, чтобы за собственные деньги их меньше учили» [6, с. 62].

На основе рассмотрения официальных документов, различных публикаций и сбора мнений, социологических опросов и пр. мы пришли к выводу о том, что основным прогнозом и сценарием развития по устранению негативного влияния покупных образовательных услуг может выступить такой компенсационный механизм, как профессиональная сертификация, но в этом направлении также появляется много несостыковок и неопределенностей, что может стать предметом следующего исследования.

Список литературы

1. Гримов О. А. Социально-сетевая культура: свойства, риски и перспективы // Медико-экологические информационные технологии – 2020: сб. науч. ст. по материалам XXIII науч.-техн. конф. / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2020. С. 248-252.
2. Floridi L. The Blackwell Guide to the Philosophy of Computing and Information. Oxford: Blackwell, 2003. 267 p.
3. Хайнеман С. Р. Образование и коррупция // Народное образование. 2004. № 9. С. 29-38.
4. Ситкарева Е. В. Дипломная работа : написать или купить? // Юрист вуза. 2013. № 2. С. 34–38.
5. Теневые отношения в сфере высшего образования как угроза экономической безопасности России: построение рабочей гипотезы по результатам полевых исследований / А. В. Саяпин, С. Н. Трошина, В. Н. Вотолкин, И. И. Жалнин // Стратегии противодействия угрозам экономической безопасности России: материалы Всерос. науч.-практ. конф. : в 3 т. / отв. ред. Е. Ю. Меркулова; Тамбовский государственный технический университет. Тамбов, 2018. Вып. 1. С. 247-252.
6. Саяпин А. В., Харитоновна Е. В. Теневые отношения в российских вузах и качество высшего образования // Социокультурные процессы современности. 2018. Т. 13, № 103. С. 59-65.

7. Евплова М. В., Якупов В. Р. Массовизация образования: социологический аспект // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 3(28). С. 56-60.
8. Сорокина Н. Д., Николаева М. Е., Ярмака С. К. Массовое высшее образование: вызовы и угрозы // Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке: материалы научной конференции к 100-летию Русского социологического общества имени М. М. Ковалевского / ответственный редактор Ю. В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2016. С. 1071–1072.
9. Веревкин Л. П. Массовое высшее образование в условиях конкуренции и коммерциализации // Вестник Российской академии наук. 2009. Т. 79, № 10. С. 921–929.
10. Волохова Н. В. «Добро – красота – истина» как основополагающие концепты в религиозно-философской антропологии Л. Н. Толстого // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2013. № 4 (35). С. 125-130.
11. Волохова Н. В., Величко Л. М. «Истина – в движении» (принцип деятельности в технике и движение как расширение сознания человека в учении Л. Н. Толстого) // Известия Юго-Западного государственного университета. 2013. № 6 (51). С. 100-106.
12. Волохова Н. В. Философия и педагогика: процесс сближения // Образование и общество. 2003. № 3. С. 21-24.

References

1. Grimov O. A. [Social network culture: properties, risks and prospects]. Mediko-ekologicheskie informacionnye tekhnologii – 2020. Sbornik nauchnykh statei po materialam HKHIII nauchno-tekhnicheskoi konferentsii. [Medico-ecological information technologies-2020. Collection of scientific articles based on the materials of the XXIII Scientific and Technical Conference]. Kursk, Southwest State University, 2020. P. 248-252. (In Russ.)
2. Floridi L. The Blackwell Guide to the Philosophy of Computing and Information. Oxford, Blackwell, 2003. 267 p.
3. Hajneman S. R. Obrazovanie i korrupciya [Education and corruption]. *Narodnoe obrazovanie = Public Education*, 2004, no. 9, pp. 29-38.
4. Sitkareva E. V. Diplomnaya rabota: napisat' ili kupit'? [Thesis: write or buy?]. *Yurist vuza = University Lawyer*, 2013, no. 2, pp. 34–38.
5. Sayapin A. V., Troshina S. N., Votolkin V. N., Zhalnin I. I. [Shadow Relations in Higher Education as a Threat to Russia's Economic Security: construction of a working hypothesis based on the results of field research]. Strategii protivodejstviya ugrozam ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Strategies to Counter Threats to Russia's Economic Security. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]; ed. by E. Yu. Merkulova. Tambov, Tambov State Technical University Publ., 2018. vol. 1, pp. 247-252.
6. Sayapin A. V., Haritonova E. V. Tenevye otnosheniya v rossijskikh Vuzah i kachestvo vysshego obrazovaniya [Shadow relations in Russian universities and the quality of higher education]. *Sociokul'turnye processy sovremennosti = Sociocultural Processes of Modernity*, 2018, vol. 13, no. 103, pp. 59-65.
7. Evplova M. V., Yakupov V. R. Massovizaciya obrazovaniya: sociologicheskij aspekt [Mass education: a sociological aspect]. *Baltiyskij gumanitarnyj zhurnal = Baltic Humanitarian Journal*, 2019, vol. 8, no. 3(28), pp. 56-60.
8. Sorokina N. D., Nikolaeva M. E., Yarimaka S. K. [Mass higher education: challenges and threats]. Rossijskoe sociolo-gicheskoe soobshchestvo: istoriya, sovremennost', mesto v mirovoj nauke. Materialy nauchnoj konferencii k 100-letiyu Russkogo sociologicheskogo obshchestva imeni M. M. Kovalevskogo [Russian sociological community: history, modernity, a place in the world of science. Proceedings of the conference on the 100th anniversary of the Russian sociological society named after M. M. Kovalevsky]; ed. by Yu. V. Asochakov. St. Petersburg, Scifia-print Publ., 2016, pp. 1071–1072.
9. Verevkin L. P. Massovoe vysshee obrazovanie v usloviyah konkurencii i kommercializacii [Mass higher education in the conditions of competition and commercialization]. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk = Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 2009, vol. 79, no. 10, pp. 921–929.

10. Volokhova N. V. "Dobro – krasota – istina" kak osnovopolagayushchie koncepty v religiozno-filosofskoj antropologii L. N. Tolstogo ["Good-beauty-truth" as fundamental concepts in the religious and philosophical anthropology of L. N. Tolstoy]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki = Bulletin of the Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*, 2013, no. 4 (35), pp. 125-130.

11. Volokhova N. V., Velichko L. M. "Istina – v dvizhen'i" (princip deyatel'nosti v tekhnike i dvizhenie kak rasshirenie soznaniya cheloveka v uchenii L. N. Tolstogo) ["Truth – in motion" (the principle of activity in technology and movement as an extension of human consciousness in the teachings of L. N. Tolstoy)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Southwest State University*, 2013, no. 6 (51), pp. 100-106.

12. Volokhova N. V. Filosofiya i pedagogika: process sbliženiya [Filosofiya i pedagogika: process of rapprochement]. *Obrazovanie i obshchestvo = Obrazovanie i Obshchestvo*, 2003, no. 3, pp. 21-24.

Информация об авторе / Information about the Author

Волохова Наталья Владимировна, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: volna-sha@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-7048-3509, Scopus Author ID: 57189517020, Researcher ID: T-7441-2018

Natalia V. Volokhova, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy Kursk State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: volna-sha@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-7048-3509, Scopus Author ID: 57189517020, Researcher ID: T-7441-2018

УДК 101.1:316; 1(091)

Еще к истолкованию «децизионизма К. Шмитта»

К. Г. Мальцев¹, А. В. Мальцева¹ ✉¹ Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова
ул. Костюкова 46, г. Белгород 308012, Российская Федерация

✉ e-mail: pavic69@mail.ru

Резюме

Актуальность. Неуклонно растущий интерес к теоретическим построениям К. Шмитта в первую очередь вызван ставшей очевидной в последние тридцать лет точностью выстроенных в перспективе радикальных понятий шмиттовской политической онто-теологии прогнозов. Необходима демонстрация парадигматического различия представлений социального (политического) как горизонта осмысленности «метафизических понятий», соединяющих реальное и действительное и доводящих познание социального (политического) до истины. Суверенное решение есть основоположение политической онто-теологии К. Шмитта; выяснение его смысла как радикального метафизического понятия является актуальной исследовательской задачей.

Цель – установить значение и значимость децизионизма К. Шмитта в системе выстроенной им политической онто-теологии.

Задачи: определить структуру шмиттовского децизионизма; истолковать содержание трех случаев политического решения в горизонте их связности и необходимости; продемонстрировать различие в представлении политического порядка в двух западных парадигмах политического; место/отсутствие в них политического решения и необходимые из этого следствия.

Методология. Философское истолкование, то есть помещение суверенного решения в горизонт осмысленности и связности (гегелевской конкретности), предполагает выстраивание перспективы парадигмы «понятия политического»; процесс философского истолкования завершается только в радикальном, по Шмитту, метафизическом понятии, в котором совпадают реальное и действительное; в новейшей философии – в самодостоверности субъекта и его предметного представления (М. Хайдеггер).

Результаты. Господство «либеральной метафизики» и следующее из него представление политического в экономической парадигме выявили значение суверенного решения как конститутива «понятия политического» К. Шмитта. Бесконечная дискуссия как режим «организации истины», верховенство права как исключение суверенного решения, «пустое место» как «отсутствующий центр» либеральной политической онтологии, «голая жизнь» (Дж. Агамбен) как возможность «блаженной жизни» и действительность лагеря как результат биополитического производства жизни, – существенные свойства политического, представленного в экономической парадигме. Смысл «понятия политического» как метафизического понятия выявлен в результате сопоставительного анализа двух названных парадигм западной политической философии: суверен/суверенное решение учреждает политический порядок посредством проведения границы; различает «друга-врага»; решением о чрезвычайном положении ограничивает «область аномии» и восстанавливает необходимую правовую форму политического порядка.

Вывод. Суверен конституирует «внешний мир» и внутренний «правовой порядок»; его «двойник»: *homo sacer*/террорист, – исключает возможность правового порядка; разрывает реальность (возможную) «блаженной жизни» и действительность лагеря и перманентной войны.

Ключевые слова: децизионизм; суверенное решение; «понятие политического»; экономическая парадигма политического; «метафизическое понятие»; чрезвычайное положение; законный враг; «пустое место»; террорист.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Мальцев К. Г., Мальцева А. В. Еще к истолкованию «децизионизма К. Шмитта» // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 3. С. 216–229.

Поступила в редакцию 14.03.2021

Принята к публикации 10.04.2021

Опубликована 30.06.2021

More to the Interpretation of "K. Schmitt's Decisionism"

Konstantin G. Maltsev¹, Anna V. Maltseva¹ ✉

¹ Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov
46 Kostyukova str., Belgorod 308012, Russian Federation

✉ e-mail: pavic69@mail.ru

Abstract

Relevance. The steadily growing interest in the theoretical constructions of K. Schmitt, first of all, is caused by the accuracy of the forecasts of Schmitt's political onto-theology of forecasts, which have become obvious in the last thirty years, built in the future. It is necessary to demonstrate the paradigmatic difference in the representations of the social (political) as the horizon of the meaningfulness of "metaphysical concepts" that connect the real and the actual and bring the knowledge of the social (political) to the truth. Sovereign decision is the foundation of K. Schmitt's political onto-theology; elucidation of its meaning as a radical metaphysical concept is an urgent research task.

The purpose is to establish the significance and significance of K. Schmitt's decisionism in the system of political onto-theology built by him.

Objectives: determine the structure of Schmitt's decisionism; to interpret the content of three cases of a political decision in the horizon of their coherence and necessity; demonstrate the difference in the representation of the political order in the two Western paradigms of the political; the place / absence of a political solution in them and the necessary consequences from this.

Methodology. Philosophical interpretation, that is, placing the sovereign decision in the horizon of meaningfulness and coherence (Hegel's concreteness), presupposes building a perspective on the paradigm of the "concept of the political"; the process of philosophical interpretation ends only in a radical, according to Schmitt, metaphysical concept, in which the real and the actual coincide; in modern European philosophy – in the self-confidence of the subject and its objective representation (M. Heidegger).

Results. The dominance of "liberal metaphysics" and the necessary representation of the political in the economic paradigm, which follows from it, revealed the meaning of the sovereign decision as a constitutive of the "concept of the political" by K. Schmitt. Endless discussion as a regime of "organizing truth", the rule of law as the exclusion of a sovereign decision, "empty space" as a "missing center" of liberal political ontology, "naked life" (J. Agamben) as the possibility of a "blissful life" and the reality of the camp as a result of biopolitical production of life – essential properties of the political, represented in the economic paradigm. The meaning of the "concept of the political" as a metaphysical concept is revealed as a result of a comparative analysis of the two named paradigms of Western political philosophy: the sovereign / sovereign decision establishes a political order by drawing a border; distinguishes between "friend-enemy"; the decision on the state of emergency limits the "area of anomie" and restores the necessary legal form of political order.

Conclusion. The sovereign constitutes the "external world" and the internal "legal order"; his "double double": homo sacer / terrorist, excludes the possibility of a legal order; tears apart the reality of the (possible) "blissful life" and the reality of the camp and permanent war.

Keywords: decisionism; sovereign decision; "concept of the political"; economic paradigm of the political; "metaphysical concept"; state of emergency; legal enemy; "empty space"; terrorist.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Maltsev K. G., Maltseva A. V. More to the Interpretation of "K. Schmitt's Decisionism". *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(3): 216–229. (In Russ.)

Received 14.03.2021

Accepted 10.04.2021

Published 30.06.2021

Введение

За К. Шмиттом – юристом прочно утвердилось репутация «децизиониста»; несмотря на утверждения некоторых авторов о том, что Шмитт «пересмотрел» свои «ранние взгляды», у нас нет никаких сомнений в том, что «децизионистом» он оставался всегда: сам Шмитт, например, сказал об этом достаточно ясно в 1966 г. в интервью, которое он дал в связи с публикацией своей книги «Теория партизана» [1]. Однако «юридический децизионизм» – лишь один аспект, который останется непонятым, если не принимать в расчет труды Шмитта как политического теоретика и философа: именно здесь «децизионизм Шмитта» *становится понятием*. Задачей данной статьи является *истолкование* понятия децизионизма, которое у Шмитта имеет характер «радикального метафизического понятия» [2]. Актуальность поставленной задачи обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, осуществляющееся форматирование «глобального политического порядка» в горизонте *экономической парадигмы политического* [3] придает особую, даже отчасти политическую «остроту» тем выводам К. Шмитта, в которых он еще с конца 20-х годов XX века *определял*, каким будет такой «порядок» (например, бесконечная война *без возможности* заключить мир). Во-вторых, как пронизательный и пристрастный критик «либеральной метафизики» [4], точно определивший ее «суть», причем даже таким образом, что *объяснил* практически все «метаморфозы», которые с ней произошли за последние сто лет, Шмитт – «крайне неудобный» автор, игнорировать которого больше не получается [5] и которого поэтому нужно «нейтрализовать», то есть *перетолковать* и *нивелировать* [6]; этим все более активно занимаются последние тридцать лет. Наконец, *пока еще* окончательно «не отменено» *право* незаинтересованного, то есть *философского*, интереса, и децизионизм

Шмитта по причинам, которые выясняются нами в статье, заслуживает быть его *предметом*.

Материалы и методы

В работе А. де Бенуа «Карл Шмитт сегодня» [5] разбираются многочисленные современные интерпретации шмиттовских идей; Бенуа приходит к выводу, что они большей частью «ошибочны», «односторонни», «недостаточны» в такой степени, что иногда можно заподозрить «намеренное искажение», хотя чаще всего речь идет просто о «незнании» ни самих работ Шмитта, ни *контекста*, в котором утверждения Шмитта только *имеют значение*. Политическая наука доводит объяснение до «идеально-типических понятий» [7], это – ее предел; «метафизические понятия» – вне ее досягаемости. М. Хайдеггер писал: «Любой науке как таковой, то есть как науке, каковой она является, остаются недоступными ее основные понятия и то, что они в себя вбирают; это связано с тем, что никакая наука с помощью своих собственных научных средств ничего не может сказать о себе» [8, с. 321]; и далее: «Никогда математически нельзя составить представление о том, что такое математика, никогда нельзя на филологическом уровне обсуждать, что такое филология, никогда нельзя с биологической точки зрения определить, что такое биология» [8, с. 321]; политическая наука, продолжим мы, бессильна в определении *понятия* политического. *Философское истолкование* предполагает в *первую очередь* *выстраивание горизонта*, обеспечивающего *связность*, в которой шмиттовские утверждения *имеют смысл*. Горизонт осмысленности для «шмиттовского децизионизма» определен *понятиями*: суверенное решение, чрезвычайное положение (область аномии), «понятие политического»; сам Шмитт утверждает, что *истолкование* имеет целью достижение «радикального метафизического понятия» [2] (которое еще и *мифично*), в ко-

тором осуществляется *совпадение реального* (то есть *понятийного*) и *действительного*, для нового времени заданным И. Кантом способом, – таким образом, мы должны довести истолкование децизионизма Шмитта до *представления* его как *радикального*, то есть *метафизического* понятия, – это понятие «*суверенное решение*», область которого – *онто-теология*.

Результаты и их обсуждение

Юридический децизионизм (подробнее о нем мы писали в статье [9]) имеет длительную историю как в правовой практике, так и в европейской философско-юридической мысли; одно из удачных (кратких и точных) обобщений его сути принадлежит И. Канту, который в самом начале «*Метафизических начал учения о праве*» писал, что применение *общей нормы к конкретному случаю* необходимо должно быть *опосредовано решением*. Однако в конце XIX века ранее почти не вызывавшее споров утверждение о необходимости решения для правоприменения, то есть для *совпадения реальности* правовой нормы и *действительности* ее в правоприменении, становится *неприемлемым* – в перспективе пришедшей к господству «точки зрения». *Радикализация* кантовского тезиса в работе К. Шмитта «*Закон и приговор*», изданной в 1912 году [10], и последовавшая затем полемика с *неокантианцем* Кельзеном [11] объяснимы (не по содержанию, но по *направленности*) в связи с указанным обстоятельством. Речь идет о «*либеральной метафизике*» (Шмитт настаивает, что это – именно метафизика), распространяющей свое господство: в данном случае – об изменении оснований *представления* права.

Суть либеральной метафизики Шмитт видит в бесконечной публичной дискуссии, целью которой никогда не является *достижение истины*, но только *организация истины* [12], то есть вместо *суверенного решения* устанавливается

компромисс, само же *место* решения – *исключается*. В экономической парадигме политическое исключение проводится посредством *трансцендирования* («*деистический бог*»): «*пересекающийся консенсус*» [13] устанавливается на всегда уже *наличном* решении об *учреждении* политического порядка, которое не может быть пересмотрено (как *базовые ценности*, содержание и состав которых могут меняться: *способ* – предмет специального исследования) и защищено «*властью институтов*» [13; 14; 15; 16], гарантирующих *очевидность* («*аксиоматику*») либерального порядка.

Таким образом, по Кельзену, как его интерпретирует Шмитт, праву приписывается способность «*самоосуществления*»; решение становится не просто «*не нужным*», но и «*антиправовым*»: либеральный принцип верховенства права *означает* абсолютное исключение *суверенного решения*. Для Шмитта *суверенное решение* также не есть правовое решение: суверен – вне и над правом; но, во-первых, его целью является *восстановление правового порядка* в случаях, когда он нарушен (чрезвычайное положение и суверенная диктатура имеют *задачей* восстановление правового порядка); во-вторых, правовой порядок есть необходимая форма *политического*, а политика, по Шмитту, есть область, в которой необходимо случаются «*разрывы*» («*понятие политического*» в горизонте суверенного решения «*друг – враг*»), которые не *снимаются* в «обычной правовой процедуре»; в-третьих, «самоосуществление права» Шмитт также считает «*вредной иллюзией*»: *реальное и действительное* для *совпадения* нуждаются в *опосредовании*.

Итак, юридический децизионизм есть *аспект*, значение которого определимо в контексте понимания права как «*собственной формы*» политического порядка.

Целью «*понятия политического*» является *представить* политическое как

нередуцируемую, *самостоятельную* область того, что в немецкой философской классике называлось «миром», такой же, какой является моральное («добро-зло»), эстетическое («прекрасное-безобразное», хотя насчет этой противоположности много споров), истинное (в новоевропейской метафизике представленное как *достоверное*, установление противоположности которому также вызывает многочисленные споры [17]). Шмитт определяет самостоятельность политического через суверенное решение, различающее «друга» и «врага» [18]; многочисленные толкования этого «экзистенциального различия» посредством *моральных оценок* не имеют никакого отношения к делу: суть именно в том, чтобы представить врага как *законного врага*, то есть без его *моральной дисквалификации в преступника*. Врагом является тот, чье *наличие* разрушает политический порядок; политическое отношение к нему – *война* (в значении греческого «полюмос», которая возможна, по замечанию Хайдеггера [17], только между «разными») до тех пор, пока угроза уничтожения политического порядка является *непосредственной*.

Принципиальное значение имеет *различение* «внешнего» и «внутреннего» врага; именно «внутренний враг» является фигурой (вместе с противоположным ему сувереном), относительно которой выстраивается как метафизическое понятие политического, так и радикальное понятие суверенного решения; нарушим последовательность изложения и отметим, что только внешний враг может быть законным врагом и целью *политики* является *исключить* внутренних врагов (изоляция, депортация, в крайнем случае – уничтожение): «сделать» их «внешними», исключить их из *данного* политического порядка; «внутренний враг» *необходимо* квалифицируется как преступник или в *современности* – как *террорист*.

Законным врагом является внешний враг, чье право на существование *призна-*

ется; война имеет целью установление такого равновесия, при котором снимается непосредственная угроза существованию одного политического порядка другим; то есть целью войны является *заключение мира* между взаимнопризнанными, то есть *суверенными*, политическими порядками: война и мир есть *политический* способ взаимоотношения между *суверенами*, регулируемые «правом войны» и «военным правом». Порядок суверенных государств, по Шмитту [19], в силу причин, совокупность которых сейчас называется «глобализацией» (а Хайдеггером определялась как *планетаризм* [20]) и в перечисление которых современные авторы, по сравнению со Шмиттом и Хайдеггером, не внесли ничего *существенного* нового, с начала XX века сменяется порядком «больших политических пространств – империй»; мир между ними возможен только в случае взаимного признания суверенитета и невмешательства во «внутренние дела друг друга»; война *возможна* вследствие изменения соотношения сил; целью войны является мир как фиксация нового равновесия.

Либеральная метафизика внесла *существенные* изменения в *представление политического*; именно в *полемике* с этим представлением выясняется *смысл* суверенного решения как сути шмиттовского понятия политического.

Содержание понятия об экономической парадигме политического, введенное Дж. Агамбенom [3], и ее историю мы прослеживаем в другой работе [21]; здесь приведем лишь релевантные в отношении предмета и задач данной статьи утверждения и *следствия* из них. Политическое пространство представляется в ней *универсальным* и *гомогенным*; «внешние границы» такого пространства есть *фронт*, внутренние – *структурные*, не нарушающие *существенного единства* (возможность «абсолютно Другого» *не признается*, его *наличие* интерпретируется как «временная незавершенность», которая *должна быть снята*).

Политика *редуцируется* к управлению: еще М. Вебер [22] утверждал, что установление современности *может означать* в том числе, что управление государством больше принципиально не отличается от управления предприятием. Это возможно только в том случае, если любые различия представлены как *несущественные* и принципиально *сводимые к интересам* (количественно просчитываемым в терминах «выгод» и «издержек»), в пределе – интересам автономного субъекта-гражданина (*индивидуализм есть принцип* либеральной метафизики; окончательное *разрешение* индивида в *интересах* происходит в *человеческом капитале* [23], который приобретает завершенность, «собственную форму», в процессе *цифровизации* как осуществлении мечты новоевропейского субъекта «окончательно встроиться в машину» [24, с. 416; 25]). Либеральная версия интерпретации политической философии И. Канта утверждает, что кантовский разумный субъект есть *основание* для подобного *представления*: субъекты *тождественны* как разумные (различие – количественное, в «степени») и различаются *случайно* (разумеется, социально-исторические различия «случайны» лишь в отношении *разумности*); недостаточно разумные должны воспитываться, направляться или, если невозможно, устраняться; поскольку «неразумие» (за исключением патологий, а еще, в разное время, «детей», «женщин», «туземцев-дикарей»...) есть *личная вина*, то оно *морально вменяется*; «самоопределение к абсолютному злу» и есть определение «абсолютно другого» и как зло подлежит *уничтожению*, т. е. *исключению из политического порядка* (разумеется, «максимально гуманным способом»): как *преступник*, или *террорист*.

В универсальном и гомогенном политическом пространстве *немыслимы* многие «суверенитеты» и, соответственно, *суверенные границы*: здесь не может быть *внешнего*, а суверенное государ-

ство-нация становится анахронизмом [26]. Война есть, таким образом, *полицейская операция*, которая ведется не против «признанных врагов», но «самоопределившихся к злу» *преступников* (все теории «новой войны» утверждают именно это [27; 28; 29]; мир с террористами – невозможен; в действительности *война становится перманентной и тотальной* (вывод, сделанный, например, М. Хардтом и А. Негри [30]). Так, для глобального политического пространства *есть* только «внутренний враг» – *террорист*.

Подлинно «метафизической» проблема становится в перспективе «отсутствия центра» (С. Жижек, например: «отсутствующий центр политической онтологии» [31]) у политического порядка, представленного в экономической парадигме политического: *исключение* «места суверена» и вместо него – «*пустое место*», – горизонт, в котором выясняется *метафизический смысл* суверенного решения К. Шмитта.

Шмитт дает определение «врага» со ссылкой на Г. Ф. В. Гегеля: «Гегель разработал также дефиницию врага, чего, по большей части, избегали философы Нового времени: враг есть нравственное (но не в моральном смысле, а с точки зрения “абсолютной жизни”, “вечного в народе”) различие как подлежащее отрицанию чужое в его живой тотальности. Такое различие есть враг; и различие, положенное в соотношении, существует одновременно в качестве его противоположности бытию противоположностей, в качестве “ничто” врага, и это “ничто” для обеих сторон в равной степени есть риск борьбы» [18, с. 340]. Решение о враге есть *суверенное решение*; Шмитт писал: «Действие нормального государства состоит, прежде всего, в том, чтобы осуществить полное умиротворение внутри государства и на его территории, установить “спокойствие, безопасность и порядок” и тем самым создать нормальную ситуацию как предпосылку того, что правовые нормы вообще могут быть значимы, ибо

всякая норма предполагает нормальную ситуацию, и никакая норма не может быть значима в ситуации, совершенно ненормальной по отношению к ней. В критических ситуациях эта необходимость внутригосударственного умиротворения ведет к тому, что государство как политическое единство совершенно самостоятельно, пока оно существует, определяет и “внутреннего врага”» [18, с. 321-322]. Поэтому «во всех государствах в какой-то форме есть то, что государственное право греческих республик знало как объявление *πολεμίου*’ом, римское государственное право как объявление *hostis*’ом, более резкое или более смягченное, наступающее *ipso facto* или действующее на основании особых законов в форме юстиции, явные или скрытые в общих описаниях виды опалы, изгнания, проскрипции, объявления вне закона, *hors-la-loi*, одним словом, внутригосударственного объявления врагом. Это в зависимости от поведения того, кто объявлен врагом, является знаком гражданской войны, т. е. разрушения государства как некоторого в себе умиротворенного, территориально в себе замкнутого и непроницаемого для чужих, организованного политического единства. Затем дальнейшая судьба этого единства решается через гражданскую войну [18, с. 322]. Это относится к любому государству, но, пожалуй, для конституционного гражданского правового государства это «даже считается здесь еще более несомненным, несмотря на все ограничения, налагаемые конституционным законом на государство. Ибо в «конституционном государстве», как говорит Лоренц фон Штейн, конституция является «выражением общественного порядка, выражением существования самого государственно-гражданского общества. Так как атака идет именно на него, то и борьба должна решиться вне конституции и вне права, то есть силой оружия» [18, с. 321-322].

Но если нет суверена, то возникает странная ситуация. Такое решение, пола-

гает Шмитт, по своей природе не может принять современное, то есть либеральное государство: «В мире, полностью морализованном и этицированном еще остались, быть может, только дискутирующие оппоненты» [18, с. 303]; «либерализм не подверг радикальному отрицанию государство, но, с другой стороны, и не обнаружил никакой позитивной теории государства и никакой собственной государственной реформы, но только попытался связать политическое, исходя из этического, и подчинить его экономическому; он создал учение о разделении и уравнивании «властей», т. е. систему помех государству и контроля государства, которую нельзя охарактеризовать как теорию государства или как политический конструктивный принцип» [18, с. 338], то есть либеральное государство, в той степени, в какой оно последовательно (а оно никогда не бывает последовательно относительно самого себя), бессильно против «внутренних врагов».

И тем не менее террористы и «полицейская операция» против них («новая война», «антитеррористическая война») есть *действительность*.

Политическая современность, если верить Х. Арендт [32], началась с учреждения принципиально нового политического порядка «вне абсолюта» – с американской революции (современность есть революция); новое государство *исключило суверена* радикально, то есть «упразднило его место». В этой связи еще в конце 60-х – начале 70-х годов XX века Арендт призывала к последовательности: следует отказаться также и от идеи «народного суверенитета». Тем более, что, по ее мнению, это представление стало едва ли не главным препятствием для развития свободы (речь идет опять же о реальности понятия и действительности): революция «останавливается» и даже «обращается вспять», когда от имени народа «социальные требования» входят в противоречие с требованиями «политической свободы». Сам «народ» в

действительности всегда «разорван» (Х. Арендт [32], Дж. Агамбен [33]): единство между «чернью» и «политическим народом» достигается только *символически*, в политической репрезентации, и нуждается в постоянном *возобновлении*. В какой-то момент это становится невозможным: масса (в которую превращается народ, по Бодрийяру), как и «множество» (М. Хардт и А. Негри [30]) – принципиально *не репрезентируемы* и не нуждаются в репрезентации: современное демократическое *представительное* государство лишается своей «онтической/онтологической» основы и *легитимности*: правовая форма политического порядка утрачивает *необходимость*. Ф. Р. Анкерсмит [16], озабоченный «спасением демократии», обосновывает необходимость перехода от миметической (концептуализация принадлежит К. Шмитту) к эстетической политической репрезентации, в которой «пустое место», заменившее суверена, должно быть организовано по «японской модели»: «японский император – ребенок». Однако это лишь одна возможность; для понимания смысла децизионизма Шмитта важнее другая, представленная Дж. Агамбеном [3; 34] (тем более, что сам Агамбен выстраивает ее в полемике со Шмиттом).

«Пустое место» есть «область аномии», и как таковое оно «амбивалентно». С одной стороны, это может быть «голая жизнь» как блаженство (со ссылкой на Аристотеля), с другой – концентрационный лагерь как *биополитическая реальность*, в которой *мы живем*. Суверен «невозможен» (со времени барокко, по утверждению В. Бенямина [35], на которого в этой связи ссылается Агамбен) и исключен (в экономической парадигме политического) в представлении «либеральной метафизики», то есть восстановить правовую форму политического порядка – некому. «Чистое» (революционное, по С. Жижеку [36], тоже со ссылкой на Бенямина) насилие и политика как «игра» («средства без цели») *могут рас-*

крыть возможность блаженной, неполитической жизни для *homo sacer*, который, таким образом, «двойник суверена», его «антипод».

Однако в перспективе *продолжающего существовать* политического порядка *homo sacer* есть абсолютно чужой, то есть *исключенный*, *местом* которого как раз и является *концентрационный лагерь* – расширяющаяся на весь политической порядок «область аномии»: он *представляется* террористом. Но он – «двойник суверена». Ж. Бодрийяр пишет, что современная система как «порядок симулякров» соответствует только себе самой, она упраздняет «экономический принцип реальности» [37, с. 44], гиперреальность; игра тотальной обмениваемости значений; своеобразная «эстетизация», целесобразность без цели; воспроизводство вместо производства; тотальная интегрированность всех возможных символов, значений, любого «протеста» и «революции» – перечислять названные Бодрийяром черты и устанавливать их в каком-либо определенном порядке дальше для нас нет особой нужды, тем более, что порядок этот (соотнесенность, причинность отменены) будет произвольным. Важен следующий отсюда вывод: «Поэтому здесь возможна лишь катастрофическая, а вовсе не диалектическая стратегия. Приходится доводить все до предела, и тогда-то оно само собой обращается в свою противоположность и рушится. Поскольку именно в высшей точке ценности мы ближе всего к амбивалентности, поскольку именно в высшей точке связности мы ближе всего к глубочайшему срыву, вечно грозящему дублируемым знакам кода, – именно поэтому необходимо превзойти систему в симуляции. Следует обратить смерть против смерти – этакая радикальная тавтология. Сделать из собственной логики системы неотразимое оружие против нее. Против тавтологической системы единственно действенной будет стратегия своего рода патафизики, «науки о воображаемых решениях», т. е.

научной фантастики на тему обращения системы против нее самой в высшей точке симуляции, стратегия обратимой симуляции в рамках гиперлогики разрушения и смерти» [37, с. 48]. Симпатии Бодрийера, кажется, на стороне противников системы; «система должна быть разгромлена» [37, с. 161], стратегия, учитывающая «положение вещей», «революционная интуиция – догадка о том, что глубинная идеология функционирует теперь не на уровне политических означаемых, а на уровне означающих, и что с этой стороны система наиболее уязвима» [37, с. 161], полагается им единственной, имеющей шанс: «Неудача выступлений 1970 года привела к спаду традиционной политической активности, зато к радикализации бунта на подлинно стратегическом направлении, в области тотального манипулирования кодами и значениями» [37, с. 161]. Стратегия «истребления ценности», «для нас образец лежит в первобытных формациях, а в своей радикально-утопической форме оно сегодня все более взрывоопасно развивается на всех уровнях нашего общества, в головокружении бунта, не имеющего более ничего общего ни с революцией, ни с историческим законом, ни даже – это, правда, станет ясно еще не так скоро, так как данный фантазм возник недавно, – с «освобождением» какого-либо «желания» [37, с. 44].

Итак, единственной стратегией борьбы может стать только «символическая стратегия»; она и есть то, что получило название «терроризм»: реально посягают на господство «лишь такие поступки, которые происходят в поле радикальной недетерминированности» [37, с. 97], поэтому необходимо «перенести все в сферу символического, где действует закон вызова, обращения, увеличения ставок. Такого, что и на смерть можно ответить только другой, равной или большей, смертью. Здесь нет реального насилия или же реальных сил, есть только вызов и символическая логика» [37, с. 98]. Все

это меняет «перспективы революционного упразднения власти», «раз власть – отсроченная смерть, то ее не устранить, пока не будет устранена эта отсрочка смерти. И поскольку власть (этим она всегда и везде определяется) состоит в факте дарения без возврата, то понятно, что власть господина, односторонне жалующего рабу жизнь, будет упразднена лишь в том случае, если эту жизнь можно будет ему отдать, – при смерти неотложной» [37, с. 104]; «радикальный отпор власти и единственная возможность ее упразднения – только в том, чтобы отдавать свою жизнь, отвечая на отсроченную смерть смертью немедленной» [37, с. 104], то есть требуется жертвоприношение, «единственным выходом оказывается обратить против системы сам же принцип ее власти: невозможность ответа и возражения. Бросить системе такой вызов, на который она не сможет ответить ничем кроме своей гибели и крушения» [37, с. 99]; «пускай система сама убьет себя, отвечая на многократный вызов смерти и самоубийства» [37, с. 99] (подробнее см.: [38]).

В парадигме «понятия политического» для *террориста* нет места; есть место для *партизана*, но это требует специального разбора, равно как и то, почему в современных интерпретациях идей и работ Шмитта отчетливо обнаруживается стремление *максимально сблизить* и, наконец, *отождествить* террориста и партизана; дополнительным поводом к размышлению может стать почти откровенная ирония, с которой Шмитт рассуждает о «современных партизанах» (или террористах?) в том же интервью, ссылкой на которое мы начали наше изложение [1]: ирония относится не столько к ним самим (Шмитт не скрывает своих опасений относительно их намерений и возможностей), сколько к неспособности либеральной политологии и политической философии *понять*, кто они такие, откуда взялись и что наконец с «этим» делать. «Вместо» «упраздненного места

суверена» в либеральном представлении политического в экономической парадигме раскрылась возможность для появления террориста; она стала *необходимостью* вследствие исключения суверенного решения: мы описали это в статье.

Шмитт определяет, что сувереном является тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении [2]; такое решение в современном политическом порядке, представленном в экономической парадигме политического, принимает *террорист*: он и есть суверен, абсолютно чужой, которого надлежит *уничтожить*.

Выводы

Итак, две *парадигмы политического*, по отношению к которым *не имеет смысла* вопрос, какая истинная: в парадигме реальное и действительное совпадают [39], она *представляет* действительность и устанавливает *условия истинности* всех своих радикальных («метафизических») понятий (научная «объективность» обусловлена представлением: она сама, как указывал Хайдеггер [17], есть *следствие* определенного, положенного Декартом как начало новоевропейской метафизики, представления). В парадигме «понятия политического» суверенное решение есть *божественное* решение об учреждении политического порядка в правовой форме: такова его *необходимость*. В «экономической парадигме политического» суверенное решение *разрушает политический порядок*, и должно быть *абсолютно исключено*; в

парадигме «понятия политического»: суверен/суверенное решение – чрезвычайное положение – учреждение/восстановление правовой формы политического порядка; в экономической парадигме политического: «пустое место» – концентрационный лагерь (глобальная империя)/блаженная «голая жизнь» – «чистое революционное насилие»/террорист.

М. Хайдеггер [17], когда писал о начале новоевропейской метафизики («последний период западной метафизики», завершившийся Гегелем и Ницше), фактически уклонился от объяснения *причин*, по которым это произошло; но одну он все-таки назвал: «утрата доверия к Богу» и, как следствие, усилия субъекта «доказать самого себя» и «из себя» произвести очевидность (как достоверность) предмета («внешнего мира»). К. Шмитт был *католиком*: на это несколько раз указывает Дж. Агамбен как на обстоятельство, *имеющее значение* для понимания его идей; выскажем в качестве *обоснованного предположения*, что *решающее различие* между «понятием политического» и экономической парадигмой политического «либеральной метафизики» следует искать в области онто-теологии: у Шмитта в «понятии политического» это *горизонт* «живого и личного» бога, – экономическая парадигма политического выстраивается в горизонте «смерти бога», замененного (до времени) *принципом*, обоснованным Кантом [40]: «требованием бога» разумом «самоопределяющегося автономного» субъекта.

Список литературы

1. Шмитт К. Беседа о партизанах. Карл Шмитт и Иоахим Шикель. 1969 год // Теория партизана. М.: Праксис, 2007. С. 145-178.
2. Шмитт К. Политическая теология // Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 5-59.
3. Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.: Издательство Института Гайдара, 2018. 552 с.
4. Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма // Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 93-170.
5. Бенуа А. де. Карл Шмитт сегодня. М.: Торговый дом ИОИ, 2007. 72 с.

6. Майер Х. Карл Шмитт, Лео Штраус и «понятие политического». О диалоге отсутствующих. М.: Скимень, 2012. 192 с.
7. Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 602-643.
8. Хайдеггер М. Ницше: в 2 т. СПб.: Владимир Даль, 2006. Т. 1. 608 с.
9. Мальцев К. Г., Зайцева Е. А. К вопросу о статусе и интерпретации решения в онтологиях «социального порядка» (трансцендентализм М. Вебера и децизионизм К. Шмитта). Часть 2: Децизионизм К. Шмитта // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 4 (44). С. 103-114.
10. Schmitt C. Gesetz und Urteil. Eine Untersuchung zum Problem der Rechtspraxis. München: Beck, 1969. 129 p.
11. Шмитт К. Государство: Право и политика. М.: Территория будущего, 2013. 448 с.
12. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология. Взлет и падение метафоры. М.: Канон +, 2009. 400 с.
13. Rowls J. Political Liberalism. New York: Columbia university press, 1996. 525 p.
14. Эльстер Ю. Кислый виноград: Исследование провалов рациональности. М.: Издательство Института Гайдара, 2018. 296 с.
15. Анкерсмит Ф. Р. Политическая репрезентация. М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2012. 288 с.
16. Анкерсмит Ф. Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2014. 432 с.
17. Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб.: НОУ – «Высшая религиозно-философская школа», 1998. 302 с.
18. Шмитт К. Понятие политического // Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 280-408.
19. Шмитт К. Порядок больших пространств в праве народов, с запретом на интервенцию для чуждых пространству сил // Номос Земли в праве народов Jus publicum Europaeum. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 479-572.
20. Хайдеггер М. Размышления XII-XV (Черные тетради 1939-1941). М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. 344 с.
21. Понятие политического и мировой беспорядок: перспективы согласия, войны и глобального имперского порядка: монография / К. Г. Мальцев, А. Л. Алавердян, Л. Л. Ломако, А. В. Мальцева. Белгород: Белгородский государственный технологический университет имени В. Г. Шухова, 2020. Кн. 1. 727 с.
22. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. Т. 4. 542 с.
23. Мальцев К. Г., Мальцева А. В. «Человеческий капитал» как концепт биополитики: опыт философского истолкования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10, № 5. С. 242-252.
24. Хайдеггер М. Размышления VII-XI (Черные тетради 1938-1939). М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 528 с.
25. Мальцев К. Г., Мальцева А. В. Цифровизация и «цифровой фетишизм»: предвидения в бытийно-историческом мышлении М. Хайдеггера // Человек. Культура. Образование. 2020. № 4 (38). С. 46-58.
26. Мальцев К. Г., Ломако Л. Л. Кризис государства-нации как проблема социально-политической философии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2020. № 1. С. 55-64.
27. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Издательство Института Гайдара, 2016. 412 с.
28. Кревельд М. Трансформация войны. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 344 с.
29. Ломако Л. Л., Мальцев К. Г. Несколько замечаний по поводу «новизны» дискурса «новой войны»: «инновации» и традиция // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 4. С. 70-80.
30. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006. 559 с.

31. Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М.: Дело РАНХиГС, 2014. 528 с.
32. Арендт Ханна. О революции. М.: Европа, 2011. 464 с.
33. Агамбен Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011. 256 с.
34. Агамбен Джорджо. Номо sacer. Чрезвычайное положение. М.: Европа, 2011. 148 с.
35. Benjamin Walter. Zur Kritik der Gewalt // Gesammelte Schriften. Frankfurt am Main, 1972-1989. Vol. 2.1.
36. Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2010. 184 с.
37. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2006. 389 с.
38. Ломако Л. Л., Мальцев К. Г. Дискурс «антитеррористической войны» и справедливая, то есть тотальная война // PolitBook. 2020. № 3. С. 80-97.
39. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. 456 с.
40. Кант И. Религия в пределах только разума // Сочинения: в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. VI. С. 5-223.

References

1. Shmitt K. Beseda o partizane. Karl Shmitt i Ioakhim Shikel'. 1969 god in K. Shmitt [Conversation about the partisan. Karl Schmitt and Joachim Schickel. 1969]. Teoriya partizana [The Theory of the Partisan]. Moscow, Praksis Publ., 2007, pp. 145-178.
2. Shmitt K. Politicheskaya teologiya [Political theology]. Ponyatie politicheskogo [The concept of the political]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016, pp. 5-59.
3. Agamben Dzh. Tsarstvo i slava. K teologicheskoi genealogii ekonomiki i upravleniya [The Kingdom and the Glory: For a Theological Genealogy of Economy and Government]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2018. 552 p.
4. Shmitt K. Dukhovno-istoricheskoe sostoyanie sovremennogo parlamentarizma [Spiritual and historical state of modern parliamentarism]. Ponyatie politicheskogo [The concept of the political]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016, pp. 93-170.
5. Benua A. de. Karl Shmitt segodnya [Carl Schmitt today]. Moscow, Torgovyi dom IOI Publ., 2007. 72 p.
6. Maier Kh. Karl Shmitt, Leo Shtraus i "Ponyatie politicheskogo". O dialoge otsutstvuyushchikh [Leo Strauss and The Concept of the Political. About the dialogue of the absent]. Moscow, Skimen Publ., 2012. 192 p.
7. Veber M. Osnovnye sotsiologicheskie ponyatiya [Basic sociological concepts]. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 602-643.
8. Khaidegger M. Nitshe [Nietzsche]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2006. 608 p.
9. Mal'tsev K. G., Zaitseva E. A. K voprosu o statuse i interpretatsii resheniya v ontologiyakh "sotsial'nogo poryadka" (transsentalizm M. Vebera i detsizionizm K. Shmitta). Chast' 2: Detsizionizm K. Shmitta [On the issue of the status and interpretation of the decision in the ontologies of "social order" (M. Weber's transcendentalism and K. Schmitt's decisionism). Part 2: Decisionism of K. Schmitt]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki = Bulletin of Nizhny Novgorod University. Series: Social Sciences, 2016, no. 4 (44), pp. 103-114.
11. Shmitt K. Gosudarstvo: Pravo i politika [State: Law and Politics]. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2013. 448 p.
12. Ankersmit F. R. Istoriya i tropologiya. Vzlet i padenie metafory [History and tropology. The rise and fall of a metaphor]. Moscow, Kanon + Publ., 2009. 400 p.
13. Rowls J. Political Liberalism. New York, Columbia university press, 1996. 525 p.
14. El'ster Yu. Kislyi vinograd: Issledovanie provalov ratsional'nosti [Sour Grapes: A Study of Rationality Failures]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara Publ., 2018. 296 p.
15. Ankersmit F. R. Politicheskaya reprezentatsiya [Political representation]. Moscow, Izdatel'skii dom Gosudarstvennogo universiteta – Vysshei shkoly ekonomiki, 2012. 288 p.

16. Ankersmit F. R. *Esteticheskaya politika. Politicheskaya filosofiya po tu storonu fakta i tsennosti* [Aesthetic policy. Political philosophy beyond fact and value]. Moscow, Izdatel'skii dom GU VShE, 2014. 432 p.
17. Khaidegger M. *Vvedenie v metafiziku* [Introduction to metaphysics]. St. Petersburg, NOU – "Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola" Publ., 1998. 302 p.
18. Shmitt K. *Ponyatie politicheskogo in K. Shmitt* [The concept of the political] *Ponyatie politicheskogo* [The concept of the political]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016, pp. 280-408.
19. Shmitt K. *Poryadok bol'shikh prostranstv v prave narodov, s zapretom na interventsuyu dlya chuzhdykh prostranstvu sil in K Shmitt* [The order of large spaces in the law of peoples, with a ban on intervention for forces alien to space]. *Nomos Zemli v prave narodov Jus publicum Europaeum* [Nomos of the Earth in the law of peoples Jus publicum Europaeum]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2008, pp. 479-572.
20. Khaidegger M. *Razmyshleniiã XII-XV (Chernye tetradi 1939-1941)* [Ponderings XII-XV (Black Notebooks 1939-1941)]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaïdara, 2020. 344 p.
21. Mal'tsev K. G., Alaverdyan A. L., Lomako L. L., Mal'tseva A. V. *Ponyatie politicheskogo i mirovoi besporyadok. Perspektivy soglasiya, voyny i global'nogo imperskogo poryadka* [The concept of political and world disorder. Perspectives of harmony, war and global imperial order]. Belgorod, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov, 2020. 727 p.
22. Veber M. *Khozyaistvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchei sotsiologii* [Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology]. Moscow, Izdatel'skij dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2016, vol. IV. 542 p.
23. Mal'tsev K. G., Mal'tseva A. V. "Chelovecheskii kapital" kak kontsept biopolitiki: opyt filosofskogo istolkovaniya ["Human capital" as a concept of biopolitics: the experience of philosophical interpretation]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2020, vol. 10, no. 5, pp. 242-252.
24. Khaidegger M. *Razmyshleniiã VII-XI (Chernye tetradi 1938-1939)* [Ponderings VII-XI (Black Notebooks 1938-1939)]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaïdara, 2018. 528 p.
25. Mal'tsev K. G., Mal'tseva A. V. *Tsifrovizatsiya i "tsifrovoy fetishizm". Predvideniya v bytiino-istoricheskom myshlenii M. Khaideggera* [Digitization and "digital fetishism". Foresight in the existential-historical thinking of M. Heidegger]. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Man. Culture. Education*, 2020, no. 4 (38), pp. 46-58.
26. Mal'tsev K. G., Lomako L. L. *Krizis gosudarstva-natsii kak problema sotsial'no-politicheskoi filosofii* [The crisis of the nation-state as a problem of socio-political philosophy]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina = Bulletin of the Leningrad State University. A. S. Pushkin*, 2020, no. 1, pp. 55-64.
27. Kaldor M. *Novye i starye voyny. Organizovannoe nasilie v global'nyu epokhu* [New and old wars. Organized violence in the global era]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2016. 412 p.
28. Krevel'd M. *Transformatsiya voyny* [War transformation]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 2005. 344 p.
29. Lomako L. L., Mal'tsev K. G. *Neskol'ko zamechaniy po povodu "novizny" diskursa "novoi voyny": "innovatsii" i traditsiya* [A few remarks about the "novelty" of the discourse of the "new war": "innovation" and tradition]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii = Intellect. Innovation. Investments*, 2020, no. 4, pp. 70-80.
30. Khard't M., Negri A. *Mnozhestvo: voyna i demokratiya v epokhu imperii* [The multitude: war and democracy in the era of empire]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2006. 559 p.
31. Zhizhek S. *Shchekotlivyi sub"ekt: otsutstvuyushchii tsentr politicheskoi ontologii* [A delicate subject: the absent center of political ontology]. Moscow, Izdatel'skii dom Delo RANKhiGS, 2014. 528 p.
32. Arendt Kh. *O revolyutsii* [About the revolution]. Moscow, Evropa Publ., 2011. 464 p.
33. Agamben Dzh. *Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [Homo Sacer Sovereign Power and Bare Life]. Moscow, Evropa Publ., 2011. 256 p.
34. Agamben Dzh. *Homo sacer. Chrezvychainoe polozhenie* [Homo sacer. State of emergency]. Moscow, Evropa Publ., 2011. 148 p.

35. Benjamin Walter. Zur Kritik der Gewalt. Gesammelte Schriften. Frankfurt am Main, 1972-1989, vol. 2.1.
36. Zhizhek S. O nasilii [The violence]. Moscow, Evropa Publ., 2010. 184 p.
37. Bodriyar Zh. Simvolicheskii obmen i smert' [Symbolic exchange and death]. Moscow, Dobrosvet Publ., 2006. 389 p.
38. Lomako L. L., Mal'tsev K. G. Diskurs "antiterroristicheskoi voiny" i spravedlivaya, to est' total'naya, voyna [Discourse of "anti-terrorist war" and just, that is, total, war]. *PolitBook*, 2020, no. 3, pp. 80-97.
39. Khaidegger M. Osnovnye problemy fenomenologii [Basic problems of phenomenology]. St. Petersburg, Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola Publ., 2001. 456 p.
40. Kant I. Religiya v predelakh tol'ko razuma [Religion within only the mind]. Sochineniya [Works]. Moscow, Choro Publ., 1994, vol. VI, pp. 5-223.

Информация об авторах / Information about the Authors

Мальцев Константин Геннадьевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии науки, Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, г. Белгород, Российская Федерация,
e-mail: maltsevaannav@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1398-6625

Konstantin G. Maltsev, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: maltsevaannav@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1398-6625

Мальцева Анна Викторовна, кандидат политических наук, доцент кафедры теории и методологии науки, Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, г. Белгород, Российская Федерация,
e-mail: pavic69@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-7287-3113

Anna V. Maltseva, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: pavic69@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-7287-3113

УДК 316.343

Влияние СМИ на формирование социокультурных ценностей семьи

З. Х. Коблева¹ ✉

¹ Майкопский государственный технологический университет
ул. Первомайская 191, г. Майкоп 385000, Российская Федерация

✉ e-mail: zureta01@mail.ru

Резюме

Актуальность темы исследования обусловлена появлением серьезного научного интереса к проблемам трансформации семейных ценностей под влияние СМИ на современном этапе. Статья посвящена актуальным вопросам социокультурных ценностей семьи в информационном пространстве. Отмечено, что именно семья является важнейшим социальным институтом общества, устойчивое развитие которой напрямую связано с уровнем стабильности в социально-политической сфере государства. В настоящее время средства массовой информации активно формируют процесс создания поведенческих стереотипов, форм и моделей современной семьи. Анализ механизмов влияния СМИ на социокультурные ценности семьи позволяет выявить новые тенденции в освещении проблем современной российской семьи и формировании ее образа.

Цель данной статьи заключается в необходимости выявления и изучения основных механизмов влияния СМИ на формирование семейных ценностей.

Задачи: изучить основные формы и характеристики семейных ценностей на современном этапе; выявить специфику взаимодействия СМИ на современную семью; показать процесс трансформации образа российской семьи в современном интернет-пространстве.

Методология. В процессе написания статьи были использованы методы системного, структурно-функционального анализа, использованы методы сравнения и наблюдения в процессе изучения социокультурных ценностей семьи на современном этапе.

Результаты. Практическая значимость статьи заключается в использовании положений и выводов в процессе коммуникации между представителями различных социальных групп и культур, а также в создании семейно-информационной политики государства, в формировании социокультурных ценностей семьи при активном содействии средств массовой информации.

Выводы. Социокультурные ценности семьи и традиции прошлого не транслируются в настоящее время автоматически, поскольку изменились условия жизни всего социума и современная семья сталкивается с другими вызовами, чем во времена наших предков. Создание и функционирование семейно ориентированной информационной политики государства станет творческой задачей по формированию положительного образа современной семьи.

Ключевые слова: информационное пространство; ценности; институт семьи; социокультурные ценности; средства массовой информации; поведение; культурные традиции; современная культура.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Коблева З. Х. Влияние СМИ на формирование социокультурных ценностей семьи // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 3. С. 230–240.

Поступила в редакцию 20.03.2021

Принята к публикации 15.04.2021

Опубликована 30.06.2021

© Коблева З. Х., 2021

The Influence of the Media on the Formation of Socio-Cultural Values of the Family

Zureta Kh. Kobleva¹ ✉

¹ Maikop State Technological University
191 Pervomayskaya str., Maykop 385000, Russian Federation

✉ e-mail: zureta01@mail.ru

Abstract

The relevance of the research topic is due to the emergence of serious scientific interest in the problems of transformation of family values under the influence of the media at the present stage. The article is devoted to the current issues of socio-cultural values of the family in the information space. It is noted that the family is the most important social institution of society, the sustainable development of which is directly related to the level of stability in the socio-political sphere of the state. At the present time, the mass media actively form the process of creating behavioral stereotypes, forms and models of the modern family. The analysis of the mechanisms of the media influence on the socio-cultural values of the family allows us to identify new trends in the coverage of the problems of the modern Russian family and the formation of its image.

The purpose of this article is to identify and study the main mechanisms of media influence on the formation of family values.

Objectives: to study the main forms and characteristics of family values at the present stage; to identify the specifics of the interaction of the media on the modern family; to show the process of transformation of the image of the Russian family in the modern Internet space.

Methodology In the process of writing the article, methods of system, structural and functional analysis were used, methods of comparison and observation were used in the process of studying the socio-cultural values of the family at the present stage.

Results. The practical significance of the article lies in the use of the provisions and conclusions in the process of communication between representatives of different social groups and cultures, as well as in the creation of family information policy of the state, in the formation of socio-cultural values of the family with the active assistance of the mass media.

Conclusions. The socio-cultural values of the family and the traditions of the past are not automatically translated into the present, since the living conditions of the entire society have changed and the modern family faces different challenges than in the times of our ancestors. The creation and functioning of a family-oriented information policy of the state will become a creative task for the formation of a positive image of the modern family.

Keywords: information space; values; family institution; sociocultural values; mass media; behavior; cultural traditions; modern culture.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Kobleva Z. X. The Influence of the Media on the Formation of Socio-Cultural Values of the Family. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(3): 230–240. (In Russ.)

Received 20.03.2021

Accepted 15.04.2021

Published 30.06.2021

Введение

В настоящее время сложно представить современное общество без обмена активной коммуникации в информационном пространстве. Представляя собой специфическую сферу, средства массовой информации сегодня достаточно динамичны и осуществляют ак-

тивное воздействие на процесс формирования общественного сознания. Являясь сферой деятельности отдельных профессиональных групп, субъектов экономической и политической структур, СМИ наиболее ярко воздействуют на духовное сознание и социокультурные ценности всего общества.

Одним из важных приоритетов государственной политики является сохранение и укрепление института семьи и семейных ценностей, которые являются важным показателем ценностной системы всего общества, поскольку охватывают разные уровни потребностей – от физиологических до духовных по классификации. В разные исторические периоды семья продолжала свою основную функцию – формирование социальной идентификации и формирование социокультурной идентичности.

Материалы и методы

Анализ существующих исследований по данной теме позволяет сделать выводы о том, что проблема формирования социокультурных ценностей семьи была предметом изучения многих исследователей. Особую роль средств массовой информации в своих исследованиях отмечали Ю. Хабермас и М. Кастельс [1; 2]. Особенности влияния современных СМИ на формирование социокультурных и семейных ценностей общества рассматривали в своих работах А. И. Антонов, В. М. Медков, А. Б. Синельников [3; 4]. В настоящее время степень воздействия средств массовой информации на общество достаточно высокая. При этом следует учесть, что СМИ представляют собой важный элемент в системе массовых коммуникаций, который способен активно формировать общественное мнение, особенно в отношении социально значимых сферах общества, представляющих особую ценностную направленность.

Цель исследования заключается в изучении и выявлении основных механизмов влияния современных средств массовой информации на формирование семейных ценностей.

Результаты и их обсуждение

Отметим, что именно семья является важнейшим социальным институтом общества, устойчивое развитие которой напрямую связано с уровнем стабильно-

сти в социально-политической сфере государства. Именно поэтому приоритет ценностей семьи в современных условиях способствует росту самосознания в обществе, особенно в период трансформации социокультурных и духовных ценностей, и от того, насколько они будут усвоены подрастающим поколением. Огромная роль в процессе продвижения современных социокультурных ценностей семьи принадлежит средствам массовой информации. «Ценностные ориентации формируются многими социальными институтами, в т. ч. средствами телевидения и радио» [5].

Принципиально новые подходы в выстраивании основных подходов к семье как социальному институту, его месту и роли в обществе внесли социально-политические процессы в нашей стране после 2000-х годов. В информационном пространстве стали появляться негативные тенденции в представлении современной российской семьи и о ее предназначении в обществе. Именно поэтому тема образа российской семьи, ее репрезентации через средства массовой информации сегодня остается одной из актуальных в отечественной науке. При этом предметом отдельного изучения становятся принципы осуществления государственной политики по укреплению семьи и семейных ценностей, которые становятся предметом обсуждения в многочисленных изданиях и медиаконтекстов.

В условиях развития современного цифрового общества стали стремительно меняться формы и способы коммуникации, предлагающие определенную систему ценностей и образа жизни, которые не всегда вписываются в традиционные модели поведения. Под воздействием средств массовой информации происходит формирование новых образов и примеров для подражания, которые могут сопровождать человека на протяжении всей его сознательной жизни, оказывая серьезное влияние на формирование его

собственного мировосприятия и модели поведения в обществе. Предлагаемые модели и формы поведения со стороны средств массовой информации чаще всего убедительно принимаются людьми как социальные нормы и образ жизни. Картина семьи, транслируемая по различным каналам СМИ, является предметом подражания для многих людей [6, с. 27].

Воздействие современного телевидения на трансформацию социокультурных ценностей семьи очевидна. Мир стал гораздо более зависимым от коммуникации, чем это было ранее. СМИ сегодня – это мощный фактор влияния на людей» [7, с. 188], которые играют важную роль в формировании культурных ценностей личности, преемственности духовных ценностей и традиций различных поколений. Совместный просмотр членов семьи телевизионных каналов при активной демонстрации родителями своих предпочтений способствует формированию духовно-нравственных и семейных ценностей у подрастающего поколения. Такие просмотры телепередач в кругу семьи способствуют созданию определенной психологической атмосферы в семье, формируют чувство единения семьи.

В последнее время на экранах телевизоров можно чаще видеть сюжеты о совместных семейных праздниках, семейных традициях, основанные на принципах взаимного уважения супругов, верности и любви, которые положительно воспринимается зрительской аудиторией. Весьма толерантно современное телевидение освещает и судьбу неполных семей, которые реже транслируются в других средствах массовой информации.

Немаловажным фактором влияния телевидения на современную семью является анализ ее содержательной деятельности и выполняемых им функций. Социальная сфера является тем объектом, на который направлена основная деятельность телевизионной коммуникации, а результатом этой деятельности могут стать изменения в сознании личности.

«С целью удержания аудитории каналы традиционного телевидения предприняли следующие действия:

1) ориентация на рейтинг для всей аудитории, т. е. не только при вещании на традиционную;

2) аудитория с преобладающим способом фонового телеаудиторию, но и на аудиторию в Интернет;

3) оперативное программирование по принципу "здесь и сейчас";

4) стратегическое программирование контента» [8, с. 128-129].

Так, формируется иллюзорная реальность, которая может представлять «угрозу информационно-психологической безопасности личности» [9, с. 118].

Каждый человек, являясь частью современного общества, испытывает на себе серьезное влияние со стороны средств массовой информации, которые носят разнообразный характер по степени воздействия на человека. Говоря о перспективах развития телеиндустрии в России, отметим, что пандемия коронавируса, начавшаяся в феврале-марте 2020 г., привела к резкому росту линейного телезрителя и повышению спроса на онлайн-контент» [10, с. 95].

В настоящее время телевидение обладает мощным потенциалом образовательных функций и знакомства зрителей с социокультурными и духовными ценностями других народов, которые отличаются от своих собственных.

Современное телевидение играет огромную роль в формировании социокультурных ценностей, которые довольно часто подвержены манипуляции со стороны определенной части средств массовой коммуникации, осуществляющей непосредственное воздействие на зрителя.

Семейные ценности часто подвергаются манипуляции на различных каналах телевидения. Демонстрируя ценность многодетной семьи в настоящее время, человек может испытывать определенную потребность в этом ценностном объекте, а его отсутствие или невозможность обладания

подобной ценностью ведет к серьезным переживаниям, создавая определенную мотивацию к достижению этой цели.

В этой связи создание определенных образов на экранах современного телевидения с использованием современных интернет-технологий позволяет формировать серьезные запросы со стороны зрителей. Телевидение транслирует образцы и модели поведения людей, которые в дальнейшем в сознании человека начинают выступать ориентиром для их жизни и деятельности. Эти модели могут стать примером для современной молодежи при создании своих собственных семей.

Однако следует заметить, что в настоящее время сцены насилия на экранах телевизора демонстрируются достаточно часто, что способствует повышению уровня преступности среди детей и подростков и очень негативно влияет на сохранение и укрепление семейных ценностей в обществе.

Важно понимать, что телевидение сегодня является самым популярным и доступным средством информации, которое способно удовлетворять интересы различных социальных групп общества. У среднестатистического человека нет возможности каждый день читать периодическую печать, но может посмотреть телевизор. По охвату аудитории телевидение значительно активнее осуществляет свою деятельность, чем другие средства массовой коммуникации, передающие информацию 80 – 90 % населения страны [11, с. 3].

Современное телевидение имеет свои преимущества перед другими средствами массовой информации, прежде всего своей оперативностью и эффектом очевидности при просмотре телевизионных передач, когда у зрителя создается впечатление того, что эти события он видит собственными глазами, а значит, информация носит объективный характер. Условия просмотра телевизионных передач, наличие экрана телевизора, создающий контакт межличностного характера между человеком и те-

левизором создают определенный уровень доверия к просматриваемым передачам. По оперативности передачи информации телевидение может конкурировать и с интернет-изданиями, которые нужно еще искать, т. е. четко знать определенные интернет-порталы, для получения необходимой информации, а телевизор достаточно только включить и выбрать кнопку нужного канала. Следует отметить, что в настоящее время «дискуссионным представляется ранее неоспариваемое утверждение о том, что телевидение является основным источником получения информации о происходящем в мире» [12, с. 57].

Одним из направлений государственной политики по сохранению и укреплению семьи является формирование семейной информационной культуры, обеспечивающей предоставление своевременной и объективной информации. Заметим, что такая информационная культура должна развиваться в ряде направлений, имеющих актуальный статус, способствующий поиску ответов на самые злободневные вопросы. В условиях трансформации традиционных ценностей семьи происходит формирование новых форм и моделей современной семьи, связанных с серьезными изменениями в обществе, которые нашли свое отражение в средствах массовой коммуникации, представляющих свое отношение к происходящим процессам института современной семьи, способствуя формированию определенного образа современной семьи у подрастающего поколения.

Таким образом, современное телевидение формирует свой информационный контент, который создает определенные пристрастия зрительской аудитории. Являясь одним из прогрессивных носителей информации, телевидение имеет точную адресность в каждой передаче и определенный зрительский контингент. Формирование положительного образа семьи, способной решать сложные семейные проблемы, является еще одной задачей современной, информационной культу-

ры, которая будет способствовать сохранению и укреплению социокультурных ценностей семьи нашего общества.

Решение многочисленных проблем современной семьи необходимо искать в плоскости социально-нравственных установок. Именно поэтому понимание и осознание перспектив важности семейных ценностей так необходимо человеку, чтобы создать и сохранить свою семью.

Демонстрация западноевропейских ценностей семьи, которые все чаще стали заполнять наше информационное пространство, не могла дать ответ на многочисленные вопросы, о сохранении традиционных российских ценностей семьи. Принципы и подходы к созданию «образа современной семьи» теперь напрямую зависели от конкретных каналов СМИ, которые могли в произвольной форме и самостоятельно определять социальные установки и нормы в транслировании социокультурных и нравственных ценностей общества при минимальной обратной связи от граждан страны.

Следует отметить, что во многих случаях характер и содержание информации не соответствуют социально значимым потребностям и мышлению общества. Несмотря на транслируемые ценности и нравственные приоритеты современного западноевропейского общества, как показывают исследования, в нашей стране приверженность к традиционным социокультурным и семейным ценностям не утратила своей значимости. Поэтому есть все основания утверждать, что тема семейных ценностей на современном этапе еще долгое время будет одной из самых актуальных в системе изучения социальных институтов общества.

В настоящее время в отечественной науке значительное количество исследовательских работ в области семьи и брака выявили процесс активного воздействия средств и каналов массовой коммуникации на традиционные ценности семьи, связанные с искажением социокультурной значимости института семейных отноше-

ний, формируя положительные образы новых форм и моделей семейно-брачных отношений, выраженные в альтернативных формах брака, набирающих популярность в современных условиях. Многие телевизионные каналы, а также печатные и рекламные издания средств массовой информации сознательно размывают традиционные представления о добре и зле, что в свою очередь способствует появлению серьезных противоречий в принятии общепринятых ценностных установок, отражающихся на сознании подрастающего поколения, для которых «очень важно выстроить правильную систему ценностей, определяющих основное содержание их внутреннего мира» [13, с. 99].

В современных представлениях о семейных ценностях все больше граждан нашей страны высказываются о преимуществе традиционных форм семьи и брака, основанных на союзе мужчины и женщины в статусе официального брака, принципы уважительного отношения к старшим. Все большее распространение получают тенденции, связанные с рождением двух и более детей, которые получают достаточно широкое одобрение со стороны общества. Наряду с этим появление таких новых форм семейных взаимоотношений, как однополые браки и свободные отношения, встречают протест со стороны общественного мнения [14, с. 83].

Чаще всего молодые люди активно используют современные интернет-технологии и рекламные издания, на основе которых формируется отношение к современной семейной культуре, которая не всегда объективно выполняет функции трансляции традиционных семейных ценностей, отдавая предпочтение «новомодным» западным ценностям. Важно отметить, что современные рекламные издания подходят комплексно к изучению и исследованию основных форм традиционной семьи, основанных на устоявшихся ценностных установках, на основе которых выполняется формирование современного образа семьи с доминированием

индивидуальных ценностей над семейными, получивших широкое распространение в молодежной среде. Использование общепринятых норм поведения и ценностей современного общества в рекламной деятельности позволяет сделать вывод о наиболее популярных ценностных предпочтениях в социуме. Особо следует подчеркнуть, что популяризация антисемейной рекламы в условиях современного общества чревато серьезными социальными последствиями, связанными с искажением имиджа современной семьи в глазах подрастающего поколения.

Сегодня в нашем обществе наметилась благоприятная тенденция передачи детей, оставшихся без попечения родителей, в приемные семьи, которые призваны воспитывать детей в семье у приемного родителя-воспитателя [15, с. 49]

В условиях современной приемной семьи оказываются дети, которые в силу определенных причин не удалось усыновить и ли передать под опеку родственникам. Дети, оказавшиеся в приемных семьях, могут испытать чувство принадлежности к семье и свою социальную значимость после пребывания в условиях детского дома, где они были лишены семейного тепла и внимания со стороны родителей. Очень важно на этом этапе создать максимально комфортные взаимоотношения между всеми членами семьи, чтобы восстановить утерянные семейные ценности у ребенка, способствуя формированию положительных эмоций в межличностных взаимоотношениях в семье, способствующие появлению ценности и значимости традиционной семьи у приемных детей. Примечательно, что по состоянию 2020 г. 73 тыс. детей уже находятся в приемных семьях [16, с. 2].

Но существует и другая сторона этой семейной практики. Нередко опекунами детей-сирот становятся люди, чей семейный доход строится исключительно в выплатах опекунам, которых явно недостаточно для воспитания детей в семье.

Следует отдать должное средствам массовой информации, которые часто транслируют по федеральным каналам недобросовестных приемных родителей, которые жестоко обращались с приемными детьми и были лишены опекуна по этой причине. Поэтому одними из важных условий эмоционального благополучия детей в семье являются индивидуальное изучение особенностей каждой семьи и возможность проявления всесторонней заботы о приемном ребенке.

Одной из серьезных проблем современного общества являются семейные конфликты, в основе которых лежат алкоголизм, аморальное поведение членов семьи, отсутствие постоянного места жительства и безработица. Подобные конфликтные ситуации имеют всегда негативные последствия как для семьи, так и для конкретной личности. Неблагоприятная обстановка в семье может передаваться из поколения в поколение как модель и форма поведения в отдельно взятой семье.

Поэтому современная семья, в основе которой лежат традиционные семейные ценности, является барометром социального благополучия нашего общества.

В настоящее время в связи с активным ростом современных интернет-коммуникаций получает широкую популярность информатизация творческих функций человека и эмоционально-личностных отношений, связанных с увеличением количества людей, предпочитающих знакомство и последующее общение посредством современных социальных сетей, свидетельствующих о субкультурном пространстве Интернета [17, с. 269].

В основе таких межличностных коммуникаций лежат определенные цели по созданию современной модели семьи в виртуальном пространстве. «Аудитория Интернета, вступая в сетевое взаимодействие друг с другом, находит реальный общий предмет для приложения общих усилий, образуя реально-виртуальное сообщество» [18, с. 9]. При этом важно от-

метить, что «сетевые, межличностные отношения не являются произведением абстракции и фантастики, за компьютером находится реальный человек, существующий, переживающий и именно его эмоции и мысли создают содержание общения» [19, с. 171].

Важнейшим качественным показателем семьи является уровень межличностных взаимоотношений между супругами. В этом случае польза интернет-общения имеет свои плюсы, выражающиеся в мгновенном обмене информацией посредством виртуального общения, чаще всего через социальные сети. Однако подобный вариант общения во многих случаях становится нормой, в результате чего люди избегают реальности, предпочитая живому общению виртуальный вариант диалог, разрушающий элементарные человеческие качества. Следует отметить, что виртуальное общение способствует отсутствию личного контакта в процессе общения, приводя к формированию асоциального человека [20, с. 16].

Во многих социальных сетях активно показывается жизнь известных людей из мира шоу-бизнеса, известных моделей со всеми атрибутами их насыщенной, красивой жизни, сопровождающимися фотографиями и видеофайлами, которые чаще всего не соответствуют обыденной действительности других участников социальных сетей. Постоянные просмотры подобных аккаунтов ведут к необоснованным и завышенным требованиям к своей внешности, что негативно может отразиться на психическом состоянии человека.

Другим негативным фактором влияния ценности современной семьи является увлечение компьютерными играми, где участники таких виртуальных игр намного активнее общаются с виртуальным человеком, чем с членами своей собственной семьи, что зачастую становится основной причиной серьезных семейных конфликтов. «В широком понимании к проявлениям интернет-аддикции относится не только зависимость от виртуального общения в социальных сетях, но

и пристрастие к азартным Интернет играм, электронным покупкам, пристрастие к сексуальному использованию Интернет» [18, с. 10].

Существенно изменилось и отношение к женщине в средствах массовой информации. Если раньше в массовом сознании был отчетливо закреплён образ женщины как несамостоятельной и зависимой от мужчины, то трансляция по различным телевизионным каналам иностранных сериалов способствовала появлению новых гендерных стереотипов в отношении сильной и самодостаточной женщины.

Часть современных исследователей в области гендерных взаимоотношений уверены, что образ женщины, транслируемый различными каналами и средствами массовой коммуникации, способствует изменениям в системе ценностей российского общества, задает определенный вектор развития культуры, влияет на формирование национального самосознания. Во многих случаях образ современной, успешной женщины связан с осознанной бездетностью, вызванной приоритетом личных интересов и потребностей над ценностью деторождения или рождения ребенка «для себя», формируя образ неполной, материнской модели семьи [21, с. 18].

Выводы

Таким образом, анализ механизмов влияния СМИ на социокультурные ценности семьи позволяет выявить новые тенденции в освещении проблем современной российской семьи, связанные с формированием определенного образа семьи, в средствах массовой коммуникации, которые не всегда носят объективный характер, следуя определенным правилам, сложившимся в современных условиях.

Эти процессы стали не только закономерным результатом в условиях повышенного внимания к проблемам семьи со стороны государства, но и ростом активности самих граждан и объединения усилий по укреплению традиционных семейных ценностей.

Современные средства массовой коммуникации оказывают серьезное воздействие на ценностные установки современной семьи через формирование образов, вызывающих размывание устоявшихся традиционных ценностей семьи. В связи с этим одним из необходимых условий формирования коммуникативной культуры общества в сложившейся ситуации является информационная грамотность, которая призвана в доступной форме показывать гражданам страны, и особенно подросткам и детям, эффективность традиционных форм семьи и семейных ценностей, основанных на нравственно-духовных ценностях.

Следует отметить, что в современных условиях процесс формирования государственной информационной политики должен отражать традиционные семейные ценности, направленные на укрепление и сохранение социокультурных ценностей семьи, пропаганду здорового образа жизни и семейных праздников. Необходимо осуществлять меры, направленные на повышение качества и оптимизации времени трансляции на федеральных и региональных каналах телевидения и радиовещания семейных программ, включая передачи для детей и подростков, направленные на воспитание

семейных ценностей. Отметим, что семья призвана стать местом психологического комфорта, вдохновения, уверенности в себе и завтрашнем дне, поскольку необходимые человеку воспитательные функции семьи невозможно заменить другим социальным институтом

Важной государственной программой должна стать современная семейно-информационная культура, основной задачей которой станет формирование своей собственной информационной среды в контексте укрепления и сохранения семейных ценностей на современном этапе. Одним из направлений такой информационной культуры должен стать поиск ответов на самые злободневные вопросы в сфере ценностных отношений общества и семьи.

Как известно, ценности института семьи невозможно сформировать автоматически в виртуальном пространстве, учитывая характер современных изменений, связанных с трансформацией ценностей современной семьи. Появляется особая необходимость в разработке и создании семейно ориентированной информационной политики государства, которая будет способствовать сохранению традиционных ценностей семьи и формированию положительного образа и социокультурной значимости современной семьи.

Список литературы

1. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие: [пер. с нем.]. СПб.: Наука, 2000. 377 с.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.
3. Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи. М.: Издательство Московского университета, 1996. 302 с.
4. Синельников А. Б. Трансформация семьи и развитие общества. М.: КДУ, 2008. 319 с.
5. Усова Г. А. Радиовещание и телевидение как факторы формирования ценностных ориентаций подростков: дис. ... канд. пед. наук. М., 1981. 175 с.
6. Короткова А. В. Формирование имиджа семьи под влиянием средств массовой информации (социологический аспект): дис. ... канд. социол. наук. М., 2007. 27 с.
7. Бодров А. В., Штейман-Шихмартова О. М. Образ семьи, создаваемый средствами массовой информации Пензенской области // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2014. № 4 (12). С. 182–189.
8. Скобелев В. Л. Применение методологии оптимизации отношений обмена с согласованными экономическими интересами субъектов рынка на примере отрасли телевидения // Петербургский экономический журнал. 2017. № 3. С. 127–139.

9. Ильченко С. С. Аксиология «массовой культуры» отечественного телеэфира // Аксиология журналистики: опыт становления новой дисциплины / под общ. ред. В. А. Сидорова. СПб., 2009. С. 118-119.
10. Евменов А. Д., Морщагина Н. А. Состояние и перспективы развития телевизионного рекламного рынка в России // Петербургский экономический журнал. 2019. № 4. С. 88-96.
11. Mediascope опубликовала отчет по исследованию объема зрительской аудитории за 2018 год. URL: <https://mediascope.net/news/1024611/> (дата обращения: 05.02.2021).
12. Корнилова Е. Е., Ревенко А. А. Трансформация предпочтений зрителей в условиях интенсивного развития интернет-технологий и политизации телевидения // Челябинский гуманитарий. 2020. № 2(51). С. 56-68.
13. Гурко Т. А. Трансформация института семьи: постановка проблемы // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 99-100.
14. Лебедь О. Л., Мищенко В. А. СМИ и общественное мнение о современных образах семьи и брака // Вестник Института социологии. 2015. № 4(15). С. 72-92.
15. Семенкова Т. Н. Проблема социализации детей-сирот и пути ее решения на региональном уровне // Психолого-педагогическая и социальная поддержка детей и молодежи «группы риска»: состояние, проблемы, перспективы. Кемерово: КРИМК и ПРО, 2006. С. 48-59.
16. Сводные отчеты по форме федерального статистического наблюдения № 103 за 2020 год по России и субъектам Российской Федерации. URL: <http://www.docs.edu.gov.ru> (дата обращения: 09.02.2021).
17. Ажгихина Н. Гендерные стереотипы в современных массмедиа // Гендерные исследования. 2000. № 5. С. 261-273.
18. Хуторной С. Н. Сетевое виртуальное общение и его влияние на межличностные отношения // Современные исследования социальных проблем. 2013. № 6. С. 9.
19. Kuligowski P. Antropologia wspczesnosci. Wiele, wiatw, jedno miejsce. Krakow, 2007. 171 p.
20. Брылевская А. А. Философские аспекты проблемы восприятия образов компьютерной виртуальной реальности // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2009. Т. 2, № 3-1. С. 147-156.
21. Куприянова О. В. Образ женщины в средствах массовой информации в контексте гармонизации российского общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Улан-Удэ, 2009. 24 с.

References

1. Habermas Yu. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie [Moral consciousness and communicative action]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000. 377 p.
2. Castels M. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [The Information Age: Economy, Society and Culture]; ed. by O. I. Shkaratan. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2000. 606 p.
3. Antonov A. I., Medkov V. M. Sotsiologiya semey [The sociology of the family]. Moscow, Moscow University Press Publ., 1996. 302 p.
4. Sinelnikov A. B. Transformatsiya sem'i i razvitie obshchestva [Transformation of the family and the development of society]. Moscow, KDU Publ., 2008. 319 p.
5. Usova G. A. Radioveshchanie i televidenie kak faktory formirovaniya tsennostnykh orientatsii podrostkov. Diss. kand. ped. nauk [Radio and television as factors of formation of value orientations of teenagers. Cand. ped. sci. diss.]. Moscow, 1981. 175 p.
6. Korotkova A. V. Formirovanie imidzha sem'i pod vliyaniem sredstv massovoi informatsii (sotsiologicheskii aspekt). Diss. kand. sotsiol. nauk [Formation of the family image under the influence of mass media (sociological aspect). Cand. social sci. diss.]. Moscow, 2007. 27 p.
7. Bodrov A. V. Shteiman-Shikhmartova O. M. Obraz sem'i, sozdavaemyi sredstvami massovoi informatsii Penzenskoi oblasti [The image of the family created by the mass media of the Penza region]. *Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve = Models, Systems, and Networks in Economics, Technology, Nature, and Society*, 2014, no. 4 (12), pp. 182-189.
8. Skobelev V. L. Primenenie metodologii optimizatsii otnoshenii obmena s soglasovannymi ekonomicheskimi interesami sub"ektov rynka na primere otrasli televeshchaniya [Application of the

methodology for optimizing the relations of exchange with the agreed economic interests of market subjects on the example of the television broadcasting industry]. *Peterburgskii ekonomicheskii zhurnal = St. Petersburg Economic Journal*, 2017, no. 3, pp. 127-139.

9. Ilchenko S. S. Aksiologiya «massovoi kul'tury» otechestvennogo teleefira [Axiology of "mass culture" of the domestic television]. Aksiologiya zhurnalistiki: opyt stanovleniya novoi distsipliny [Axiology of journalism: the experience of the formation of a new discipline]; ed. by V. A. Sidorov. St. Petersburg, 2009, pp. 118-119.

10. Evmenov A. D., Morshagina N. A. Sostoyanie i perspektivy razvitiya televizionnogo reklamnogo rynka v Rossii [The state and prospects of the development of the television advertising market in Russia]. *Peterburgskii ekonomicheskii zhurnal = St. Petersburg Economic Journal*, 2019, no. 4, pp. 88-96.

11. Mediascope opublikovala otchet po issledovaniyu ob "ema zritel'skoi auditorii za 2018 god [Mediascope published a report on the study of the volume of the audience for 2018]. Available at: <https://mediascope.net/news/1024611/>. (accessed 05.05.2019)

12. Kornilova E. E., Revenko A. A. Transformatsiya predpochtenii zritelei v usloviyakh intensivnogo razvitiya interent-tehnologii i politizatsii televideniya [Transformation of audience preferences in the conditions of intensive development of Internet technologies and politicization of television]. *Chelyabinskii gumanitarii = Chelyabinsk Humanitarian*, 2020, no. 2(51), p. 56-68.

13. Gurko T. A. Transformatsiya instituta sem'i: postanovka problemy [Transformation of the family institute: problem statement]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*, 1995, no. 10, pp. 99-100.

14. Lebed O. L., Mishchenko V. A. SMI i obshchestvennoe mnenie o sovremennykh obrazakh sem'i [Mass media and public opinion on modern images of the family]. *Vestnik Instituta sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology*, 2015, no. 4(15), pp. 72-92.

15. Semenkov T. N. Problema sotsializatsii detei-sirot i puti ee resheniya na regional'nom urovne [The problem of socialization of orphaned children and ways of its solution at the regional level]. Psikhologo-pedagogicheskaya i sotsial'naya podderzhka detei i molodezhi "gruppy riska": sostoyanie, problemy, perspektivy [Psychological-pedagogical and social support for children and youth of the "risk group": state, problems, prospects]. Kemerovo, KRIMK i PRO Publ., 2006, pp. 48-59.

16. Svodnye otchety po forme federal'nogo statisticheskogo nablyudeniya № 103 za 2020 god po Rossii i sub'ektam Rossiiskoi Federatsii [Summary reports on the form of federal statistical observation No. 103 for 2020 for Russia and the subjects of the Russian Federation]. Available at: <http://www.docs.edu.gov.ru>. (accessed 09.02.2021)

17. Azhgikhina N. Gendernye stereotipy v sovremennykh mass-media [Gender stereotypes in modern mass media]. *Gendernye issledovaniya = Gender Studies*, 2000, no. 5, pp. 261-273.

18. Khutornoi S. N. Setevoe virtual'noe obshchenie i ego vliyanie na mezhlchnostnye otnosheniya [Network virtual communication and its influence on interpersonal relations]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem = Modern Studies of Social Problems*, 2013, no. 6 (26), p. 9.

19. Kuligowski P. Antropologia wspczesnoci. Wiele, wiatw, jedno miejsce. Krakow, 2007. 171 p.

20. Brylevskaya A. A. Filosofskie aspekty problemy vospriyatiya obrazov komp'yuternoi virtual'noi real'nosti [Philosophical aspects of the problem of perception of images of computer virtual reality]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina = Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin*, 2009, vol. 1, no. 3-1, pp. 147-156.

21. Kupriyanova O. V. Obraz zhenshchiny v sredstvakh massovoi informatsii v kontekste harmonizatsii rossiiskogo obshchestva. Avtoref. diss. kand. philos. nauk [The image of a woman in the mass media in the context of the harmonization of Russian society. Cand. philos. sci. abstract diss.]. Ulan-Ude, 2009. 24 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Коблева Зурет Халидовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и педагогики, Майкопский государственный технологический университет, г. Майкоп, Российская Федерация, e-mail zureta01@mail.ru

Kobleva Zuret Halidovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Philosophy, Sociology and Pedagogics, Maykop State Technological University, Maykop, Russian Federation, e-mail zureta_01@mail.ru

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

SCIENTIFIC RESEARCHES OF YOUNG SCIENTISTS

Оригинальная статья / Original article

УДК 332.05

Актуальные вопросы региональной цифровой трансформации экономики

О. С. Приходченко¹ ✉, А. И. Пияльцев¹

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: olgaprikhodchenko@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Сегодня переход к цифровой экономике является стратегическим вектором развития регионов России. Экономический рост в современных условиях возможен при условии эффективного использования цифровых технологий.

Цифровая трансформация социально-экономической деятельности позволит обеспечить инновационное развитие экономики регионального уровня. При этом одновременно влечет ряд угроз, особенно это касается информационной и экономической безопасности, как на уровне государства, отдельно взятого региона, так и на уровне хозяйствующего субъекта.

В динамично изменяющихся условиях способность обеспечить экономическую безопасность на всех уровнях от воздействия внутренних и внешних угроз характеризует конкурентный потенциал и возможность социально-экономического роста. Особую актуальность данный вопрос приобретает в условиях активного развития процессов цифровой трансформации.

Цель исследования – выявить направления цифрового развития региональной экономики на основе цифровой трансформации хозяйствующих субъектов.

Задачи исследования: определить уровни цифровизации экономики; выявить направления обеспечения экономической безопасности каждого уровня цифровизации; определить особенности цифровой трансформации системы обеспечения экономической безопасности экономических субъектов (управление конкурентоспособностью, система управления предприятием, управление кадрами, обеспечение информационной безопасности).

Методология. При подготовке статьи использовались общелогические методы познания (наблюдение, анализ, синтез, обобщение, системный подход), метод теоретического анализа источников исследуемой проблемы, иллюстративно-графический метод.

Результаты. В данной статье рассмотрены уровни цифровизации экономики, хозяйствующие субъекты определены как ключевые участники цифровой трансформации региональных экономических систем.

Авторами выявлены особенности цифровой трансформации системы обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов в разрезе элементов (управление конкурентоспособностью, система управления предприятием, управление кадрами, обеспечение информационной безопасности).

Выводы. Цифровая трансформация региона невозможна без активного участия субъектов хозяйствования. Цифровая трансформация на уровне хозяйствующих элементов должна реализовываться в современных условиях исходя из минимизации угроз экономической безопасности.

Ключевые слова: региональное управление; цифровая трансформация; цифровая экономика; уровни цифровизации экономики.

© Приходченко О. С., Пияльцев А. И., 2021

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Приходченко О. С., Пияльцев А. И. Актуальные вопросы региональной цифровой трансформации экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 3. С. 241–251.

Поступила в редакцию 30.03.2021

Принята к публикации 24.04.2021

Опубликована 30.06.2021

Topical Issues of Regional Digital Transformation of the Economy

Olga S. Prikhodchenko¹ ✉, Alexander I. Pialcev¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: olgaprihodchenko@yandex.ru

Abstract

Relevance. Today, the transition to a digital economy is a strategic vector for the development of Russian regions. Economic growth in modern conditions is possible provided the effective use of digital technologies.

The digital transformation of socio-economic activity will ensure the innovative development of the regional economy. At the same time, it simultaneously entails a number of threats, especially with regard to information and economic security, both at the level of the state, a separate region, and at the level of an economic entity.

In a dynamically changing environment, the ability to ensure economic security at all levels from the impact of internal and external threats characterizes the competitive potential and the possibility of socio - economic growth. This issue is of particular relevance in the context of the active development of digital transformation processes.

The purpose of the study is to identify areas of digital development of the regional economy based on the digital transformation of business entities.

Objectives: to determine the levels of digitalization of the economy, to identify directions for ensuring the economic security of each level of digitalization; to determine the features of digital transformation of the system for ensuring the economic security of economic entities: competitiveness management, enterprise management system, personnel management, information security.

Methodology. In preparing the article, general logical methods of cognition (observation, analysis, synthesis, generalization, systematic approach), the method of theoretical analysis of the sources of the problem under study, and the illustrative-graphic method were used.

Results. This article examines the levels of digitalization of the economy, economic entities are identified as key participants in the digital transformation of regional economic systems.

The authors identified the features of the digital transformation of the system for ensuring the economic security of business entities in the context of elements: competitiveness management, enterprise management system, personnel management, information security.

Conclusions. The digital transformation of the region is impossible without the active participation of business entities. Digital transformation at the level of economic elements should be implemented in modern conditions based on minimizing threats to economic security.

Keywords: regional governance; digital transformation; digital economy; levels of digitalization of the economy.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Prikhodchenko O. S., Pialcev A. I. Topical Issues of Regional Digital Transformation of the Economy. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(3): 241–251. (In Russ.)

Received 30.03.2021

Accepted 24.04.2021

Published 30.06.2021

Введение

На сегодняшний день развитие экономики неразрывно связано с такими понятиями, как «цифровая экономика», «цифровизация», «цифровая трансформация». Цифровые технологии стремительно проникают в повседневную жизнь каждого человека, изменяя и дополняя ее. Происходящие изменения определяют траекторию развития мировой экономики, приводят к формированию «интеллектуального» общества, перед которым открываются новые перспективы роста, ресурсы, пути решения актуальных проблем.

Вопросы цифровизации экономики, цифровой трансформации на всех уровнях, развития экономики на основе современных цифровых технологий исследуются в трудах современных ученых, экономистов [1; 2; 3; 4; 5].

Задавая направления глобальным экономическим трендам, цифровые преобразования являются одним из ключевых факторов конкурентоспособности и экономического роста. Однако для успешного развития цифровой экономики требуется наличие большого объема инвестиций и «благоприятных» условий: становление цифровой экономики сопровождается трансформацией существующих экономических процессов, принципов и направ-

ленности их функционирования, возникновением новых рынков и ниш.

Материалы и методы

Информационную базу исследования составили аналитические материалы исследовательской и консультационной компании Gartner (<https://www.gartner.com>), журнала Forbes (<https://www.forbes.ru>), Бюро трансформации бизнеса Smart Architects (<https://smartarchitects.ru>), аналитической компании CB Insights (<https://www.cbinsights.com>), а также научные публикации, статистические данные.

Исследование базируется на использовании общелогических методов познания (наблюдение, анализ, синтез, обобщение, системный подход), методе теоретического анализа источников исследуемой проблемы, иллюстративно-графический методе.

Результаты и их обсуждение

Процесс цифровизации экономики можно подразделить на три уровня: цифровизация хозяйствующих субъектов, цифровизация регионов государства, цифровизация экономики страны в целом (рис. 1).

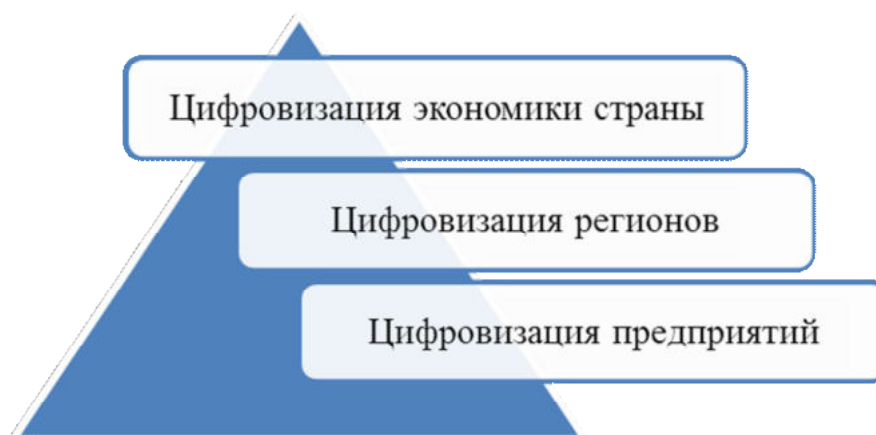

Рис. 1. Уровни цифровизации экономики

«Передовыми» с точки зрения внедрения инноваций принято считать пред-

приятия и организации. Эффективность применения информационных и цифро-

вых технологий рассматривается как один из ключевых факторов обеспечения конкурентоспособности. Однако стремительное внедрение инноваций и новых технологий требует быстрой адаптации операционной структуры к новым экономическим условиям, в которых информация выступает в роли самого ценного актива.

Несмотря на различия между каждым уровнем цифровизации, можно выделить четыре ключевых аспекта обеспечения экономической безопасности в данной области:

- 1) управление конкурентоспособностью;
- 2) система управления;
- 3) кадровый аспект;
- 4) обеспечение информационной безопасности.

В связи с этим представляется актуальным исследование вопросов обеспечения экономической безопасности предприятий в контексте развития цифровой трансформации. Рассмотрим особенности цифровой трансформации системы обеспечения экономической безопасности экономических субъектов: управление конкурентоспособностью, система управления предприятием, управление

кадрами, обеспечение информационной безопасности.

1. Управление конкурентоспособностью. Эффективное управление конкурентоспособностью в период цифровой трансформации экономических процессов выступает как один из важнейших аспектов обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов. Исследователи отмечают, что основу обеспечения и поддержания высокого уровня конкурентоспособности составляют готовность и способность использовать инновационные тренды, адаптироваться к ним [1, с. 101]. Цифровизация экономики существенно влияет на структуру экономической деятельности: распространяется внедрение и использование новых инновационных бизнес-моделей, новых подходов к ведению экономической деятельности, изменяются ключевые приоритеты и ценности.

Одним из популярных инструментов бизнес-моделирования является шаблон бизнес-модели А. Остервальдера и И. Пинье (Business Model Canvas), структура которого представлена девятью блоками, отражающими ключевые экономические процессы (рис. 2).

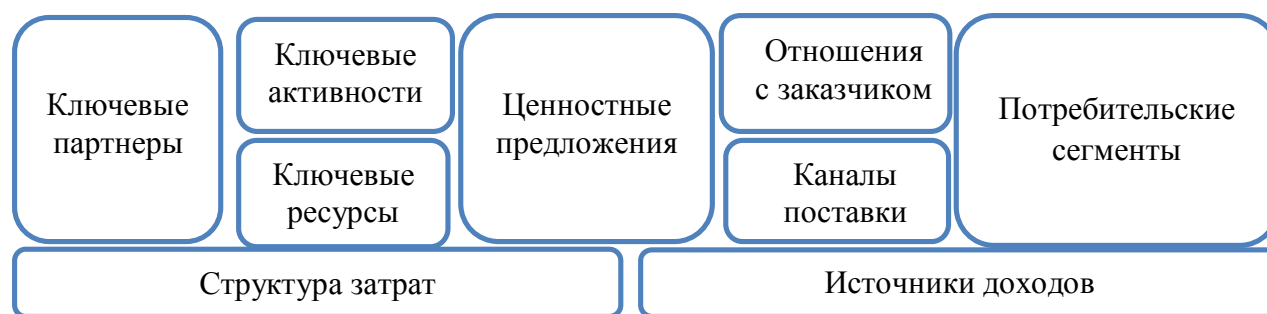

Рис. 2. Компоненты бизнес-модели А. Остервальдера и И. Пинье [6]

Такая модель позволяет рассмотреть и проанализировать собственную деятельность, выявить ключевых партнеров, конкурентов, определить преимущества/недостатки, в сравнении с ними определить наиболее перспективные направления развития. Построение бизнес-модели предприятия по данному

шаблону позволяет структурировать экономическую деятельность, произвести сегментацию потребителей, определить набор ценностных предложений, меры и условия для их реализации на рынке.

Business Model Canvas можно использовать в качестве одной из мер поддержания и развития конкурентоспособ-

ности предприятия в условиях цифровизации экономики.

Другим направлением обеспечения конкурентоспособности предприятия выступает уровень интеграции передовых цифровых технологий в экономическую деятельность [2, с. 45]. Определением и изучением технологических трендов и перспективных направлений занимается большое число международных организаций, аналитических и консалтинговых

агентств. Такого рода мониторинг и исследования определяют траектории дальнейшего развития организаций и предприятий. Так, под конец каждого года аналитическая компания Gartner публикует отчет о стратегических технологических трендах на следующий год. Согласно результатам проведенных исследований, был составлен топ-9 технологических трендов на 2021 г. (рис. 3).

Рис. 3. Топ-9 стратегических технологических трендов на 2021 г. [7]

Сегодня своевременное и успешное внедрение инновационных технологий является залогом экономической эффективности и конкурентоспособности предприятия. По данным опроса руководителей и управленцев, около 78% инновационного бюджета организации и предприятия тратят на модернизацию и совершенствование уже существующего продукта, а не на создание качественно нового. Как правило, это обусловлено не только большими финансовыми затратами, но и временными – 60% опрошенных руководителей компаний заявили, что для создания и разработки инновационного продукта требуется не менее года [8]. Ярким примером последствий игнорирования цифровых и технологических реалий является фирма Kodak. По мнению профессора Клейтона Кристенсена, руководство Kodak столкнулось с «дилеммой иннова-

тора»: отказ от признания новых технологий, которые так или иначе противоречат действующей бизнес-модели. В 1975 г. инженером этой фирмы был разработан цифровой фотоаппарат, но руководство Kodak не приняло этот проект из-за необходимости использования пленки, продажи которой были одним из основных источников прибыли [9].

2. Система управления предприятием. Переход к новому экономическому укладу сопровождается также качественно новыми изменениями в системе управления организационно-экономическими процессами предприятия. Большое количество технологических инноваций требуют модификации систем управления. Аппарат управления предприятием должен анализировать экономическую обстановку, следить за трендами, быстро реагировать на происходящие

изменения. Цифровизация экономики порождает «умные предприятия», которые отличаются высокой развитостью инфраструктуры с осуществлением «кастомизированного» производства конкурентоспособной продукции [10, с. 10].

Развитие процессов цифровой трансформации связано с созданием новых цифровых продуктов, сервисов и услуг, информационных технологий, цифровых платформ [11, с. 231].

Процесс трансформации классической системы управления предприятием в цифровую означает объединение всех элементов системы посредством цифровой платформы и информационных технологий. Переход к системе управления предприятием на базе цифровой платформы является сложным и последовательным процессом, который можно разбить на 4 этапа (рис. 4).

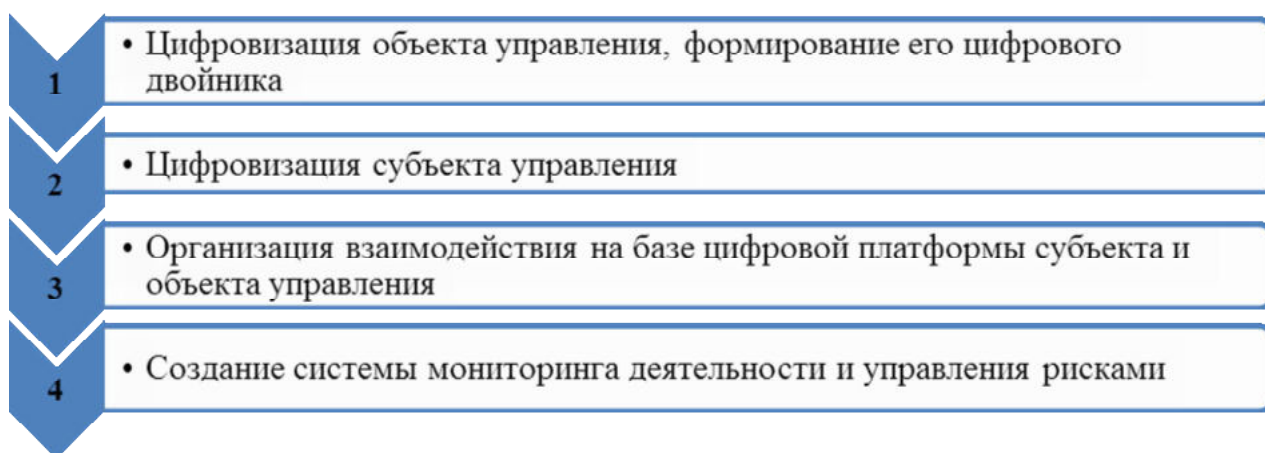

Рис. 4. Этапы перехода к цифровой модели управления предприятием [12]

Для повышения качества и эффективности работы цифровой модели управления предприятием используется такая методика, как управление жизненным циклом продукта (product lifecycle management – PLM). Данная концепция имеет направленность на управление информацией об изделии и связанными с ним процессами на протяжении всего его жизненного цикла. Внедрение и использование такой методики в цифровую модель управления предприятием осуществляется в 3 этапа:

1) цифровизация всей имеющейся о продукте информации, создание электронного документооборота;

2) создание единой информационной базы о продукте;

3) структуризация имеющейся информации для прослеживания взаимосвязи и взаимозависимости процессов [13].

Одной из ключевых задач руководства предприятия для реализации плана цифровой трансформации и повышения эффективности использования инноваций является создание эффективного организационного механизма управления и взаимодействия сотрудников. По данным исследования McKinsey [14], фундамент инновационной организации составляют 3 принципа:

1) инновации – неотъемлемая часть стратегического планирования;

2) менеджеры создают необходимые условия для появления и развития инновационных сетей без применения новых программ изменений;

3) руководство предприятия поощряет культуру инноваций, где креативные и новаторские идеи поощряются и ценятся.

3. Кадровый аспект. Внедряемые технологии, в частности искусственный интеллект, внесли значительные измене-

ния в мировой рынок труда: с одной стороны, автоматизация «освобождает» рабочую силу и одной отрасли, при этом создавая новые возможности и перспективы в других отраслях. Нередко цифровую экономику называют «экономикой знаний», где ключевым ресурсом становится информация, а к работнику предъявляют новый набор навыков и компетенций. Новые профессии и специальности приходят на смену старым, утратившим свою востребованность на рынке труда. Цифровые компетенции становятся жизненно необходимыми не только работникам информаци-

онно-коммуникационной сферы, но и кадрам из других областей. Одним из ключевых мер по обеспечению конкурентоспособного цифрового производства является увеличение численности работников категории «Знание».

Представители категории «Знание» обладают высоким уровнем подготовки, качественным образованием, большим кругозором и всесторонним развитием [15].

Большие изменения претерпевает сфера социально-трудовых отношений. Радикальные изменения происходят в трех направлениях (рис. 5).

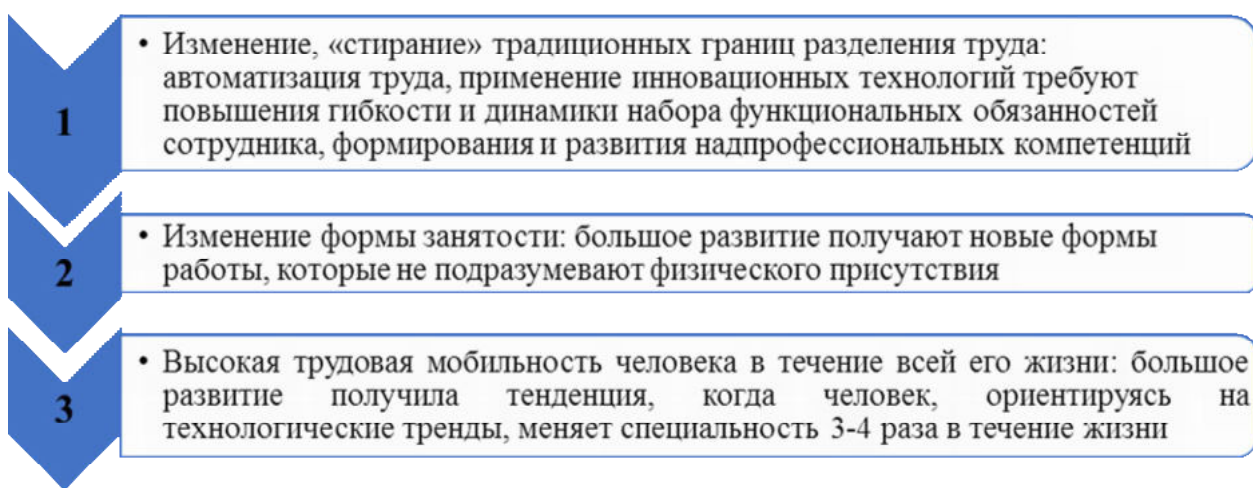

Рис. 5. Направления изменения социально-трудовых отношений в цифровой экономике [16]

К основным проблемам цифровизации в области кадров предприятия относят нежелание сотрудников осваивать новые технологии, получать новые компетенции, менять свою специальность и род деятельности, нехватку новых специалистов на рынке труда с цифровыми компетенциями [17, с. 69].

Иначе говоря, конкурентные преимущества от реализации интеллектуального и творческого потенциала предприятия будут получать, если:

а) будут использованы инновационные и эффективные методы организации работы персонала предприятия;

б) сотрудники будут иметь необходимый уровень профессиональной подготовки, набор навыков и компетенций;

в) созданы необходимые и комфортные условия для работы всех сотрудников;

г) будет обеспечено информационная безопасность.

4. Информационная безопасность. В эпоху цифровизации знания и информация становятся ключевым активом предприятий, которые характеризуются более высокой экономической ценностью и неисчерпаемостью. Между цифровым уровнем развития предприятия и его экономической безопасностью наблюдается прямая зависимость: именно слаженная и эффективная работа системы экономической безопасности предприятия, которая обеспечивает необходимый уровень защиты от информационных угроз, являет-

ся залогом успешного функционирования цифрового предприятия [18, с. 163-164]. Новые технологии приносят не только новые возможности, но и риски, которыми необходимо управлять.

Функционирование системы информационной безопасности предприятия базируется на трех принципах:

- 1) обеспечение конфиденциальности информационной среды предприятия;
- 2) доступность информации для внутренних пользователей, круг которых формально установлен и определен;
- 3) целостность системы обеспечения информационной безопасности предприятия.

Традиционно самыми опасными угрозами для предприятия в сфере информации считаются искусственные преднамеренные угрозы (информационные атаки). В условиях развития информационных и цифровых технологий количество и степень опасности таких угроз только растет. Информационные атаки оказывают негативное влияние не только на состояние информационной среды, но и на все другие сферы деятельности предприятия.

- кража конфиденциальной информации предприятия;
- снижение или утрата конкурентоспособности;
- финансовые потери;
- потеря деловой репутации;
- распространение уникальной технологии
- сокращение клиентской базы.

Одной из самых известных информационных атак является атака хакеров на базу данных бюро кредитных историй Equifax в июле 2017 г., в результате чего, по приблизительным оценкам, злоумышленники заполучили личные сведения 145,5 млн человек и номера 209 000 кредитных карт. Следствием этого стало падение стоимости акций бюро более чем на 10% [19].

Такого рода преступления имеют определенную специфику и свои отличительные особенности. Как правило, они характеризуются сложностью обнаружения и высокой степенью опасности. Уже сегодня преступления в информационной сфере являются одними из самых часто происходящих – каждое седьмое преступление в РФ происходит с применением ИКТ (табл.).

Таблица. Анализ преступлений с использованием ИКТ или в сфере компьютерной информации в РФ [20]

Анализируемый промежуток	Число преступлений с использованием ИКТ или в сфере компьютерной информации	Удельный вес от общего числа зарегистрированных преступлений, %
Январь-декабрь 2018 г.	174 674	8,8
Январь-декабрь 2019 г.	294 409	14,5
Январь-март 2020 г.	101 537	19,9

Наблюдаемая тенденция к росту такого рода преступлений требует развития не только системы информационной безопасности предприятий, но и нормативно-правовой базы, которая будет отвечать всем вызовам и требованиям, регулировать новые общественные отношения.

По мере появления и развития новых технологий появляются новые угрозы, из-за чего традиционные формы защиты информации утрачивают свою функцио-

нальность и необходимость. Именно поэтому в целях обеспечения информационной безопасности на предприятиях необходимо проведение таких мероприятий, как:

- регулярный аудит и анализ информационной среды;
- совершенствование и развитие программной среды предприятия, отвечающей за обеспечение информационной безопасности;

– повышение готовности к быстрому реагированию на возникающие информационные угрозы и ликвидацию возможных последствий;

– обучение сотрудников необходимым цифровым и информационным навыкам, постоянное их совершенствование.

Выводы

Процесс цифровизации региона невозможен без активного участия субъектов хозяйствования. Доступ к информации, технологиям и инфраструктуре на территории региона является необходимым условием успешной реализации «цифровых» проектов.

Цифровая трансформация на уровне хозяйствующих элементов должна реализовываться в современных условиях исходя из минимизации угроз экономической безопасности по таким направлениям, как управление конкурентоспособностью, система управления предприятием, управление кадрами, обеспечение информационной безопасности.

В современных условиях использование цифровых технологий в различных секторах экономики региона – это не только главный технологический тренд, но и необходимое условие обеспечения экономической безопасности.

Список литературы

1. Исaiченкова В. В. Обеспечение повышения конкурентоспособности промышленного предприятия в условиях цифровой экономики // Век качества. 2019. № 2. С. 91–105.
2. Савич Ю. А. Цифровая трансформация и влияние ее на конкурентоспособность промышленных предприятий // ЭКОНОМИНФО. 2018. Т. 15, № 4. С. 44–48.
3. Миролюбова Т. В., Радионова М. В. Роль сектора ИКТ и факторы цифровой трансформации региональной экономики в контексте государственного управления // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2020. Т. 15, № 2. С. 253–270.
4. Вертакова Ю. В., Крыжановская О. А., Степанова А. Р. Цифровая трансформация социально-экономических и производственных процессов на основе цифровой платформы интернета вещей // Вестник ОрелГИЭТ. 2019. № 4(50). С. 130–135.
5. Плотников В. А., Пирогова О. Е. Устойчивое развитие цифровых предприятий на основе баланса интересов стейкхолдеров // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10, № 2. С. 94–105.
6. Шаблон бизнес-модели Александра Остервальдера и Ива Пинье. URL: <https://smartarchitects.ru/business-model-canvas> (дата обращения: 26.02.2021).
7. Gartner Identifies the Top Strategic Technology Trends for 2021. URL: <https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2020-10-19-gartner-identifies-the-top-strategic-technology-trends-for-2021> (дата обращения: 26.02.2021).
8. State of Innovation. URL: <https://www.cbinsights.com/research-state-of-innovation-report> (дата обращения: 10.03.2021).
9. Шесть жертв технического прогресса. URL: <https://www.forbes.ru/tehnno/tehnologii/78533-shest-zhertv-tehnicheskogo-progressa> (дата обращения: 10.03.2021).
10. Амелин С. В., Щетинина И. В. Организация производства в условиях цифровой экономики // Организатор производства. 2018. Т. 26, № 4. С. 7–18.
11. Приходченко О. С. Цифровые платформы в региональной системе проектно-целевого управления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10, № 2. С. 228–238.
12. Масленников В. В., Ляндау Ю. В., Калинина И. А. Формирование системы цифрового управления организацией // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2019. № 6 (108). С. 116–123.
13. Группа компаний «ПЛМ Урал». URL: <https://www.plm-ural.ru/resheniya/upravlenie-zhiznennym-ciklom-izdeliya-koncepciya-plm> (дата обращения: 11.03.2021).

14. Барш Д., Дэвидсон Д., Капоцци М. Лидерство и инновации. URL: <http://vestnikmckinsey.ru/strategic-planning/liderstvo-i-innovacii> (дата обращения: 17.03.2021).
15. Россия 2025: от кадров к талантам. URL: <https://www.bcg.com/ru-ru/russia-2025-from-staff-to-talent> (дата обращения: 04.03.2021).
16. Гретченко А. И. Труд в цифровой экономике. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trud-v-tsifrovooy-ekonomike> (дата обращения: 05.03.2021).
17. Одегов Ю. Г., Павлова В. В. Новые технологии и их влияние на рынок труда // Уровень жизни населения регионов России. 2018. № 2(208). С. 60-70.
18. Луговкина О. А., Козлов В. Д. Экономическая безопасность предприятия в условиях цифровой экономики // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6, № 4(21). С. 163-166.
19. Информационная безопасность предприятия: ключевые угрозы и средства защиты. URL: <https://www.kp.ru/guide/informatsionnaja-bezopasnost-predpriyatija.html> (дата обращения: 07.03.2021).
20. Основные статистические данные о деятельности органов прокуратуры. URL: https://genproc.gov.ru/stat/data/?SHOWALL_1=1 (дата обращения: 08.03.2021).

References

1. Isajchenkova V. V. Obespechenie povysheniya konkurentosposobnosti promyshlennogo predpriyatiya v usloviyakh cifrovoj ekonomiki [Ensuring the competitiveness of an industrial enterprise in the digital economy]. *Vek kachestva = The Age of Quality*, 2019, no. 2, pp. 91–105.
2. Savich Yu. A. Cifrovaya transformaciya i vliyanie ee na konkurentosposobnost' promyshlennykh predpriyatij [Digital transformation and its impact on the competitiveness of industrial enterprises]. *EKONOMINFO = EKONOMINFO*, 2018, vol. 15, no. 4, pp. 44-48.
3. Mirolyubova T. V., Radionova M. V. Rol' sektora IKT i faktory cifrovoj transformacii regional'noj ekonomiki v kontekste gosudarstvennogo upravleniya [The role of the ICT sector and the factors of digital transformation of the regional economy in the context of public administration]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Ekonomika = Bulletin of the Perm University. Series: Economics*, 2020, vol. 15, no. 2, pp. 253–270.
4. Vertakova Yu. V., Kryzhanovskaya O. A., Stepanova A. R. Cifrovaya transformaciya social'no-ekonomicheskikh i proizvodstvennykh processov na osnove cifrovoj platformy interneta veshchej [Digital transformation of socio-economic and production processes based on the digital platform of the Internet of Things]. *Vestnik OrelGIET = Bulletin of OrelGIET*, 2019, no. 4(50), pp. 130–135.
5. Plotnikov V. A., Pirogova O. E. Ustojchivoe razvitie cifrovyykh predpriyatij na osnove balansa interesov stejkkholderov [Sustainable development of digital enterprises based on the balance of Stakeholders' interests]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2020, vol. 10, no. 2, pp. 94–105.
6. Shablon biznes-modeli Aleksandra Osterval'dera i Iva Pin'e [Business model template by Alexander Osterwalder and Yves Pinier]. Available at: <https://smartarchitects.ru/business-model-canvas>. (accessed 26.02.2021)
7. Gartner Identifies the Top Strategic Technology Trends for 2021. Available at: <https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2020-10-19-gartner-identifies-the-top-strategic-technology-trends-for-2021>. (accessed 10.03.2021)
8. State of Innovation. Available at: <https://www.cbinsights.com/research-state-of-innovation-report>. (accessed 10.03.2021)
9. Shest' zhertv tekhnicheskogo progressa [Six victims of technological progress]. Available at: <https://www.forbes.ru/tehn/tehnologii/78533-shest-zhertv-tehnicheskogo-progressa>. (accessed 10.03.2021)
10. Amelin S. V., Shchetinina I. V. Organizaciya proizvodstva v usloviyakh cifrovoj ekonomiki [Organization of production in the conditions of digital economy]. *Organizator proizvodstva = Production Organizer*, 2018, vol. 26, no. 4, pp. 7-18.
11. Prihodchenko O. S. Cifrovye platformy v regional'noj sisteme proektno-celevogo upravleniya [Digital platforms in the regional system of project-target management]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(3): 241–251

darstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2020, vol. 10, no. 2, pp. 228–238.

12. Maslennikov V. V., Lyandau Yu. V., Kalinina I. A. Formirovanie sistemy cifrovogo upravleniya organizaciej [Formation of the organization's digital management system]. *Vestnik REU im. G. V. Plekhanova = Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics*, 2019, no. 6 (108), pp. 116–123.

13. Gruppa kompanij "PLM Ural" [PLM Ural Group of Companies]. Available at: <https://www.plm-ural.ru/resheniya/upravlenie-zhiznennym-ciklom-izdeliya-koncepciya-plm>. (accessed 11.03.2021)

14. Barsh D., Davidson D., Kapocci M. Liderstvo i innovacii [Leadership and innovation]. Available at: <http://vestnikmckinsey.ru/strategic-planning/liderstvo-i-innovacii>. (accessed 17.03.2021)

15. Rossiya 2025: ot kadrov k talantom [Russia 2025: from cadres to talents]. Available at: <https://www.bcg.com/ru-ru/russia-2025-from-staff-to-talent>. (accessed 04.03.2021)

16. Gretchenko A. I. Trud v cifrovoj ekonomike [Labor in the digital economy]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/trud-v-tsifrovoy-ekonomike>. (accessed 05.03.2021)

17. Odegov Yu. G., Pavlova V. V. Novye tekhnologii i ih vliyanie na rynek truda [New technologies and their impact on the labor market]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Standard of Living of the Population of the Regions of Russia*, 2018, no. 2(208), pp. 60–70.

18. Lugovkina O. A., Kozlov V. D. Ekonomicheskaya bezopasnost' predpriyatiya v usloviyah cifrovoy ekonomiki [Economic security of the enterprise in the conditions of the digital economy]. *Azimut nauchnykh issledovanij: ekonomika i upravlenie = Azimut of Scientific Research: Economics and Management*, 2017, vol. 6, no. 4(21), pp. 163–166.

19. Informacionnaya bezopasnost' predpriyatiya: klyuchevye ugrozy i sredstva zashchity [Enterprise information security: key threats and means of protection]. Available at: <https://www.kp.ru/guide/informatsionnaya-bezopasnost-predpriyatija.html>. (accessed 07.03.2021)

20. Osnovnye statisticheskie dannye o deyatelnosti organov prokuratury [Basic statistical data on the activities of the Prosecutor's Office]. Available at: https://genproc.gov.ru/stat/data/?SHOWALL_1=1. (accessed 08.03.2021)

Информация об авторах / Information about the Authors

Приходченко Ольга Сергеевна, старший преподаватель кафедры экономической безопасности и налогообложения, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: olgaprikhodchenko@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-1053-8317,
Researcher ID: AAC-5361-2019

Olga S. Prikhodchenko, Senior Lecturer of the Department of Economic Security and Taxation, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: olgaprikhodchenko@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-1053-8317,
Researcher ID: AAC-5361-2019

Пияльцев Александр Игоревич, студент, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: pialcevaleksandr8@gmail.com

Alexander I. Pialecev, Student, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: pialcevaleksandr8@gmail.com

УДК 330.322.01

Оценка инвестиционной активности регионов ЦФО

М. К. Колесник¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: marina.11.08@mail.ru

Резюме

Актуальность. В настоящее время инвестиционная активность регионов становится все более значимым фактором как для развития самого региона, так и страны в целом. В условиях современного экономического развития каждый регион самостоятельно определяет и корректирует направление и виды инвестиционной активности в зависимости от индивидуальных особенностей, целей, поставленных на краткосрочный и долгосрочный периоды, и желаемых результатов.

Цель – проведение анализа инвестиционной активности регионов ЦФО за период 2016-2018 гг. при помощи разработанного комплексного интегрального показателя инвестиционной активности.

Задачи: проведение исследования инвестиционной активности регионов ЦФО; изучение динамики инвестиционной активности в рассматриваемый период; выбор и обоснование исходных величин для расчета комплексного интегрального показателя; разработка комплексного интегрального показателя; оценка регионов ЦФО при помощи предложенного показателя в рассматриваемый период.

Методология. В процессе разработки данной темы были использованы метод ранжирования, методы анализа, дедукии, расчет средневзвешенного значения и интегрального показателя.

Результаты. Проведенное исследование позволило просчитать средний показатель инвестиционной активности на примере регионов ЦФО, ранжировать регионы по степени инвестиционной активности и уточнить направление дальнейшего движения и развития.

Выводы. Общая динамика снижения инвестиционной активности в регионах ЦФО связана с ограничениями по привлечению заемного капитала, сокращением объемов финансирования инвестиционных проектов, сокращением поддержки малого и среднего бизнеса, увеличением инвестиционных рисков, недостаточностью ресурсов, сложной экономической ситуацией в регионах и неготовностью предприятий к реновациям в условиях современного рынка. Изучив полученные данные, предложены мероприятия по повышению уровня инвестиционной активности регионов в целом и Курской области в частности.

Ключевые слова: инвестиционная активность региона; инвестиционная деятельность; индикаторы активности; оценка инвестиционной активности; комплексный интегральный показатель.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Колесник М. К. Оценка инвестиционной активности регионов ЦФО // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 3. С. 252–261.

Поступила в редакцию 10.04.2021

Принята к публикации 05.05.2021

Опубликована 30.06.2021

Assessment of Investment Activity in the Central Federal District Regions

Marina K. Kolesnik ¹✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: marina.11.08@mail.ru

Abstract

Relevance. Currently, the investment activity of the regions is becoming an increasingly important factor, both for the development of the region itself and the country as a whole. In the conditions of modern economic development, each region independently determines and adjusts the direction and types of investment activity, depending on individual characteristics, goals set for the short and long-term periods, and the desired results.

The purpose is analysis of the investment activity of the Central Federal District regions for the period 2016-2018 using the developed integrated indicator of investment activity.

Objectives: the study of investment activity of regions of the Central Federal district; the study of the dynamics of investment activity in the reporting period; selection and justification of initial values to calculate the complex integral index; development of a comprehensive integrated indicator; evaluation of CFD regions using the proposed index during the period under review.

Methodology. In the process of developing this topic, the ranking method, methods of analysis, deduction, calculation of the weighted average and integral indicator were used.

Results. The study made it possible to calculate the average indicator of investment activity on the example of the regions of the Central Federal District, to rank the regions by the degree of investment activity and to clarify the direction of further movement and development.

Conclusions. The overall dynamics of a decrease in investment activity in the regions of the Central Federal District is associated with restrictions on attracting borrowed capital, a decrease in the volume of financing for investment projects, a decrease in support for small and medium-sized businesses, an increase in investment risks, a lack of resources, a difficult economic situation in the regions and the reluctance of enterprises to renovate in a modern market. After studying the data obtained, measures are proposed to increase the level of investment activity of the regions in general and the Kursk region in particular.

Keywords: investment activity of the region; investment activity; activity indicators; assessment of investment activity; complex integral indicator.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Kolesnik M. K. Assessment of Investment Activity in the Central Federal District Regions. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2021; 11(3): 252–261. (In Russ.)

Received 10.04.2021

Accepted 05.05.2021

Published 30.06.2021

Введение

Достижение необходимого в современных реалиях мирового рынка уровня экономического развития России может быть обеспечено в большей степени улучшением инвестиционного климата в регионах страны в общем и увеличением инвестиционной активности и привлекательности каждого региона в отдельности с учетом их индивидуальной специфики и особенностей экономического пути. инве-

стиционная активность является комплексным и обширным понятием, она отражает реальное развитие инвестиционной деятельности региона в виде капиталовложений в основной капитал [1, с. 382], характеризует интенсивность реализации инвестиционных проектов, может быть измерена объемами, темпами роста и эффективности использования инвестиционных ресурсов, размерами и структурой инвестиций, а также динамикой уровня допу-

стимых рисков и степени реализации инвестиционных проектов. Инвестиционная активность – неотъемлемая составляющая региональной инвестиционной деятельности, характеризующая наличие и полноту необходимых условий и обстоятельств для интенсивного использования активов региона в целях улучшения качественных и количественных показателей его благосостояния и развития [2; 3].

В целях изучения инвестиционной активности субъектов применяют качественные и количественные показатели, характеризующие ее с разных сторон и с разной глубиной [4; 5; 6; 7; 8]. Используя численные показатели, возможно определение степени инвестиционной активности изучаемого субъекта в интересующий временной интервал и проведение анализа динамики развития самого субъекта в отдельности или в сравнении с другими, схожими по имеющимся ресурсам или территориальному расположению. На сегодняшний день большее внимание уделено инвестиционной привлекательности или инвестиционному климату региона. Существует целый спектр показателей для их определения, а также разрабатывается ряд рейтингов: рейтинг инвестиционной привлекательности субъектов РФ (Национальное рейтинговое агентство), инвестиционный рейтинг регионов России (РА «Эксперт») и ведущий на сегодняшний день – национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ (Агентство стратегических инициатив). Показателей же, используемых для измерения инвестиционной активности, значительно меньше, и они менее известны.

Материалы и методы

В связи с многовариативностью трактовки понятия «инвестиционная активность» методы ее изучения и анализа также имеют иногда абсолютно противоположную направленность. Инвестиционную активность можно изучать, просчитывая величину полученного дохода [9; 10], интенсивность и затратности са-

мой деятельности, а также способность к инвестиционной деятельности и инвестиционную привлекательность [11; 12; 13; 14; 15]. В зависимости от желаемого результата исследования выбирают и вектор ее изучения. Однако большинство методик основывается на коэффициентном методе. Данный подход можно проследить в работах Д. А. Ендовицкого, Н. П. Любушкина, А. Д. Шеремета, М. И. Баканова, М. Н. Крейниной, Р. С. Сайфулина, В. В. Ковалева, Г. В. Савицкой, Д. Б. Крутских, В. И. Стражева, А. И. Алексеевой, О. В. Ефимовой, И. А. Бланка, К. В. Щиборщ, Л. А. Головиной, О. А. Жигуновой и др. [16; 17; 18; 19]. При исследовании данной темы были изучены статистические данные финансовой деятельности регионов, данные рейтинговых агентств и открытых источников (интернет-ресурсы) [20; 21].

Результаты и их обсуждение

В целях определения уровня инвестиционной активности и ранжирования субъектов ЦФО РФ предлагается просчитать рейтинговую оценку инвестиционной активности региона. Для ее расчета были определены две группы показателей, характеризующие инвестиционную активность региона.

К первой группе относятся прямые показатели инвестиционной активности и деятельности субъекта, такие как: объем инвестиций в основной капитал, объем инвестиций в основной капитал в расчете на душу населения, объем прямых иностранных инвестиций в экономику региона. Данные показатели напрямую характеризуют уровень инвестиционной активности региона находящихся на его территории организаций, проживающих в нем жителей, и степень заинтересованности в нем сторонних инвесторов, как государственных, так и частных.

Ко второй группе относятся косвенные показатели инвестиционной активности и деятельности субъекта или, другими словами, показатели использования инве-

стиций и их влияние на уровень жизни в регионе и степень инвестирования полученных средств, такие как: валовой региональный продукт (ВРП), ВРП на душу населения, среднедушевые доходы населения в месяц, стоимость основных фондов и число предприятий и организаций в каждом регионе. Данные показатели позволяют оценить влияние инвестиционной активности на социально-экономический уровень развития региона.

Формирование данных групп показателей обосновано тенденциями современного экономического развития регионов, направленностью проводимого исследования, необходимостью выявления взаимосвязи уровня инвестиционной активности региона и его социально-экономического развития и проведено на основе статистических выборок, данных

экспертных оценок и мониторинга исследуемых данных.

Расчет выбранных показателей будем производить на основании данных Федеральной службы государственной статистики [20, с.232-598].

Для начала просчитаем каждый показатель в отдельности по каждому региону. Для стандартизации расчетов и упрощения сравнения данных просчитаем удельную долю каждого показателя по выбранным регионам в общем значении по ЦФО за период 2017-2019 гг. Для получения более корректных и наглядных данных из общего массива были вычлениены данные по г. Москва и Московской области, так как их показатели имеют максимальный удельный вес в общих статистических данных. Просчитанные показатели приведены ниже (табл. 1).

Таблица 1. Показатели инвестиционной активности по субъектам ЦФО за 2017-2019 гг. (доля в общем значении за ЦФО), руб.

Показатели инвестиционной активности	Курская область			Белгородская область			Брянская область			Орловская область			Липецкая область		
	2017	2018	2019	2017	2018	2019	2017	2018	2019	2017	2018	2019	2017	2018	2019
Период, год															
Объем инвестиций в основной капитал	0,066	0,077	0,082	0,093	0,086	0,095	0,036	0,038	0,036	0,028	0,031	0,032	0,093	0,082	0,088
Объем инвестиций в основной капитал в расчете на душу населения	0,835	0,855	0,912	0,851	0,684	0,752	0,420	0,385	0,372	0,538	0,509	0,528	1,143	0,882	0,945
Объем прямых иностранных инвестиций	0,004	0,031	0,001	0,118	0,005	0,007	0,001	0,003	0,001	0,001	0,006	0,005	0,310	0,388	0,422
ВРП	0,058	0,058	0,061	0,118	0,118	0,117	0,046	0,045	0,049	0,032	0,031	0,033	0,076	0,079	0,070
ВРП на душу населения	0,520	0,516	0,538	0,761	0,748	0,739	0,377	0,365	0,398	0,431	0,415	0,432	0,660	0,677	0,598
Среднедушевые доходы населения в месяц	0,623	0,624	0,621	0,724	0,705	0,689	0,599	0,609	0,605	0,572	0,570	0,555	0,691	0,687	0,692
Стоимость основных фондов	0,055	0,055	0,049	0,094	0,091	0,088	0,050	0,049	0,056	0,031	0,030	0,034	0,079	0,079	0,065
Число предприятий и организаций	0,047	0,047	0,048	0,081	0,080	0,080	0,043	0,043	0,043	0,032	0,032	0,031	0,047	0,047	0,048

Анализируя данные таблицы 1, можно говорить о том, что показатели инвестиционной активности по разным регионам имеют различный, а иногда и противоположный вектор развития за исследуемый период. Так Курская область, хотя и находится на третьем месте в 2017 г. по объемам инвестирования, валовому региональному продукту и доходу на душу населения, в среднем за исследуемый период показывает рост большинства показателей и к 2019 г. практически догоняет первоначальных лидеров – Белгородскую и Липецкую области. Произошло сокращение разрывов по объему инвестиций в основной капитал до 0,006 по сравнению с Липецкой областью и до 0,013 – с Белгородской, также сокращена разница в

среднедушевом доходе населения по сравнению с Липецкой областью до 0,071, а с Белгородской – до 0,068. И хотя позиции лидеров Белгородской и Липецкой областям все же удается удерживать, показатели инвестиционной деятельности показывают отрицательную динамику развития данных регионов за исследуемый период. Брянская и Орловская области также показывают отрицательную динамику исследуемых показателей, но за исследуемый период также остаются на своих четвертом и пятом месте соответственно.

Используя полученные показатели, рассчитаем общие значения по каждой из ранее определенных групп путем нахождения средневзвешенного показателя (табл. 2).

Таблица 2. Средние значения показателей по группам показателей инвестиционной активности по субъектам ЦФО за 2017 – 2019 гг.

Группы	Курская область			Белгородская область			Брянская область			Орловская область			Липецкая область		
Период, год	2017	2018	2019	2017	2018	2019	2017	2018	2019	2017	2018	2019	2017	2018	2019
Прямые показатели инвестиционной активности	0,301	0,321	0,332	0,354	0,258	0,285	0,152	0,142	0,136	0,189	0,182	0,188	0,515	0,451	0,485
Косвенные показатели инвестиционной активности	0,261	0,260	0,263	0,356	0,348	0,343	0,223	0,222	0,230	0,220	0,216	0,217	0,311	0,314	0,295

Полученные данные (см. табл. 2) подтверждают сделанные ранее общие выводы, однако если оценивать общие показатели по сформированным группам, то можно уточнить, что общее значение по группе косвенных показателей по Курской области за рассматриваемый период практически не изменилось, показывая незначительное снижение в 2018 г. и рост в 2019 г., что позволило ей показать небольшую положительную динамику, значение по группе прямых показате-

лей также показывает положительную динамику – увеличение по сравнению с 2017 г. Полученные данные говорят об активной региональной инвестиционной политике Курской области, что впоследствии дало возможность выровнять и косвенные показатели. Орловская, Липецкая и Белгородская области показывают отрицательную динамику значений по обеим группам показателей в сравнении 2017 и 2018 гг., однако к 2019 г. наметились положительные изменения,

что даже позволило Орловской области вернуться на первоначальный уровень. Брянская область показывает отрицательную динамику показателя первой группы, т. е. ухудшение инвестиционной активности по прямым показателям, однако ей удастся удержать уровень значения косвенных показателей и даже немного улучшить показатели 2017 г.

Рассчитаем рейтинговую оценку по каждому региону за рассматриваемый период, вычислив среднее арифметическое значение двух предложенных групп показателей инвестиционной активности (табл. 3).

Представим полученные данные в виде графика (рис.).

Таблица 3. Оценка инвестиционной активности субъектов ЦФО за период 2017-2019 гг.

Область	Среднее арифметическое значение показателей инвестиционной активности		
	2017	2018	2019
Курская область	0,281	0,291	0,2976
Белгородская область	0,355	0,303	0,3136
Брянская область	0,188	0,182	0,1832
Орловская область	0,205	0,199	0,2025
Липецкая область	0,413	0,382	0,3897

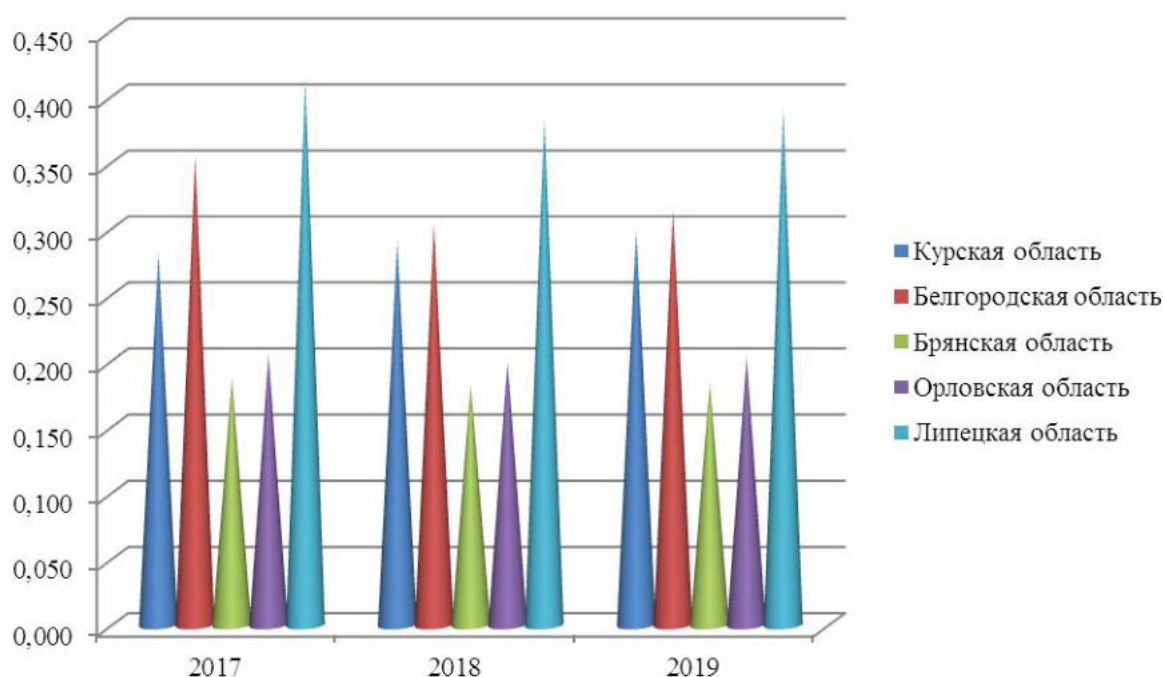

Рис. Оценка регионов ЦФО по инвестиционной активности за 2017-2019 гг.

На основании проведенного анализа можно судить о том, что на протяжении рассматриваемого периода во всех областях произошло незначительное, но все же снижение расчетного показателя, а

именно снижение инвестиционной активности, так в Орловской и Брянской областях инвестиционная активность сократилась в 1,01 раза, в Белгородской – в 1,13 раза, в Липецкой – 1,06 раза, а Кур-

ская область, несмотря на снижение инвестиционной активности в середине рассматриваемого периода, увеличила показатель своей инвестиционной активности в 1,06 раза. Курская область – единственная из представленных смогла к концу 2019 г. не только вернуться к первоначальному уровню, но и увеличить показатели своей инвестиционной активности в отличие от других областей. Однако, несмотря на все изменения, расстановка позиций между областями не изменилась на протяжении рассматриваемого периода, первое место все также удерживает Липецкая область.

Для дополнения и подтверждения полученного ранжирования регионов можно обратиться к рейтингу инвестиционной активности регионов за 2019 г. по результатам исследования журнала «Инвест-Форсайт» [20]. Полученные нами данные подтверждаются: Липецкая область по итогам 2019 г. занимает 1 место, набрав 215 баллов, Курская область занимает 12 место, набрав 75 баллов, что отражает усиление региональной инвестиционной деятельности и переориентирование региональных властей на развитие данного направления, Белгородская же область занимает 9 место, набрав 79 баллов, что свидетельствует об ослаблении региональной инвестиционной политики, хотя она все еще занимает 2 место по полученному нами показателю, темпы развития в данном направлении снижаются, что дает вероятность скорой смены позиций в исследуемой области. Брянская и Орловская области остаются по-прежнему на своих позициях, получив 26 место (40 баллов) и 35 место (32 балла) соответственно.

Проведя анализ по данной методике и сравнив его с ранжированными оценками рейтинговых агентств, можно сделать вывод, что предложенный автором набор показателей и метод расчета являются жизнеспособными и могут быть использованы для оценки показателей региональной активности любых регионов

страны и позволят выявить, динамика каких показателей и в какой степени влияет на инвестиционную активность и соответственно дает возможность ее регулирования.

Выводы

Общая динамика снижения инвестиционной активности в регионах ЦФО связана с ограничениями по привлечению заемного капитала, сокращением объемов финансирования инвестиционных проектов, сокращением поддержки малого и среднего бизнеса, увеличением инвестиционных рисков, недостаточностью ресурсов, сложной экономической ситуацией в регионах и неготовностью предприятий к реновациям в условиях современного рынка.

В целях повышения уровня инвестиционной активности регионов ЦФО в общем и Курской области в частности можно рекомендовать проведение мероприятий в следующих направлениях:

- расширение сферы взаимодействия региональных органов власти и представителей малого и среднего бизнеса, организация региональных инвестиционных проектов, помощь в их реализации;
- разработка региональной нормативно-правовой базы, адаптивной современным экономическим условиям и особенностям региона;
- организация сотрудничества научного сообщества, высококвалифицированного персонала и представителей бизнеса, внедрение научно-исследовательских разработок и инноваций в повседневную практику, реализация совместных инновационных инвестиционных проектов;
- создание льготных условий налогообложения и кредитования для привлечения сторонних инвесторов, свободных экономических зон;
- снижение инвестиционных рисков путем диверсификации и муниципальной поддержки.

Важно отметить, что залогом роста инвестиционной активности служат бла-

гоприятные условия для ведения бизнеса, грамотная региональная политика по ведению инвестиционной деятельности и распределению средств между отраслями, а также государственная поддержка. Как

показывают исследования, существуют вероятность смены динамики показателя инвестиционной активности, а также возможность изменения позиций региона на общем фоне за кратчайшие сроки.

Список литературы

1. Подшиваленко Г. П., Киселева Н. В. Инвестиционная деятельность. 2-е изд. М.: КНОРУС, 2006. С. 382.
2. Трошина О. В. Зависимость социально-экономического положения региона от его инвестиционной активности // Эволюция современной науки: сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа: ОМЕГА САЙНС, 2017. С. 146–167.
3. Харченко Е. В. О механизме управления региональной экономикой с учетом рисков в развитии воспроизводственной базы региона // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 3-4 (025-026). С. 295-302.
4. Аскинадзи В. М., Максимова В. Ф. Инвестиции. М.: Юрайт, 2019. 422 с.
5. Сергеев И. В., Веретенникова И. И., Шеховцов В. В. Инвестиции. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2015. С. 234–235.
6. Крупина Н. Н. Инвестиционная стратегия региона. М.: ИНФРА-М, 2017. 179 с.
7. Михайлова Э. А., Орлова Л. Н. Экономическая оценка инвестиций. Рыбинск: РГТА, 2008. 176 с.
8. Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений: федеральный закон от 25.02.1999 г. № 39-ФЗ. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW&n=156882&req=doc> (дата обращения: 20.03.2021).
9. Киселева О. В. Анализ инвестиционной активности российских регионов // Экономика и предпринимательство. 2016. № 9 (74). С. 1020-1023.
10. Коваленко Е. В., Украинченко О. В. Оценка инвестиционной активности в России // Молодой ученый. 2019. № 37 (275). С. 118-120.
11. Бессонова Е. А., Губанова М. А. Проблемы и пути повышения инвестиционной привлекательности региона // Вопросы региональной экономики. 2017. № 30(1). С. 11-16.
12. Горбач С. А., Семинов С. А. Влияние инвестиций в основной капитал на валовой региональный продукт // Научный результат. Экономические исследования. 2019. Т. 5, № 3. С. 10–18.
13. Ковалева С. И., Воробьева Ж. Б., Литвинова В. В. Механизм управления инвестиционным климатом и инвестиционной политикой в регионе: монография / Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения. СПб., 2016. 318 с.
14. Погодина Т. В. Проблемы и перспективы повышения инвестиционной привлекательности отраслей реального сектора экономики России // Управленческие науки в современном мире. 2017. Т. 1. С. 466-470.
15. Соколов В. А. Рост инвестиций в основной капитал региона – основной фактор влияния на повышение валового регионального продукта // Инновационная экономика: материалы II Международной научной конференции (г. Казань, октябрь 2015). Казань: Бук, 2015. С. 7-8.
16. Ефимова О. В. Финансовый анализ. М.: ИНФРА-М, 2013. 630 с.
17. Крутских Д. Б. Инвестиционная активность региона: экономическое содержание и механизм управления развитием: дис. ... канд. экон. наук. Воронеж, 2011. 162 с.
18. Савицкая Г. В. Анализ финансово-хозяйственной деятельности. М.: ИНФРА-М, 2013. 430 с.
19. Шеремет А. Д. Теория экономического анализа. М.: ИНФРА-М, 2013. 417 с.
20. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 17.03.2021).
21. Рейтинг инвестиционной активности регионов. URL: <https://www.if24.ru/rejting-investaktivnosti-regionov-oktyabr-2018/> (дата обращения: 10.03.2021).

References

1. Podshivalenko G. P., Kiseleva N. V. Investitsionnaya deyatel'nost' [Investment activity]. 2th ed. Moscow, KNORUS Publ., 2006, p. 382.
2. Troshina O. V. [The dependence of the socio-economic situation of the region on its investment activity]. *Evolutsiya sovremennoi nauki. Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Evolution of modern science. Collection of articles of the international scientific and practical conference]. Ufa, OMEGA SCIENCES Publ., 2017, pp. 146–167. (In Russ.)
3. Kharchenko E. V. O mekhanizme upravleniya regional'noi ekonomikoi s ucheto riskov v razviti vosproizvodstvennoi bazy regiona [On the mechanism of managing the regional economy taking into account risks in the development of the reproductive base of the region]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy = Socio-Economic Phenomena and Processes*, 2011, no. 3-4 (025-026), pp. 295-302.
4. Askinadzi V. M., Maksimova V. F. Investitsii: uchebnik dlya bakalavrov [Investments: a textbook for bachelors]. Moscow, Yurayt Publishing House, 2019. 422 p.
5. Sergeev I. V., Veretennikova I. I., Shekhovtsov V. V. Investitsii: uchebnik i praktikum dlya prikladnogo bakalavriata [Investments: textbook and workshop for applied baccalaureate]. 3th ed. Moscow, Yurayt Publishing House, 2015, pp. 234–235.
6. Krupina N. N. Investitsionnaya strategiya regiona [Investment strategy of the region]. Moscow, INFRA-M Publ., 2017. 179 p.
7. Mikhailova E. A., Orlova L. N. Ekonomicheskaya otsenka investitsii [Economic evaluation of investments]. Rybinsk, RGATA Publ., 2008. 176 p.
8. Ob investitsionnoi deyatel'nosti v Rossiiskoi Federatsii, osushchestvlyаемой в форме kapital'nykh vlozhenii [On investment activities in the Russian Federation, carried out in the form of capital investments]. Federal Law of February 25, 1999 № 39-FZ. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?Base=LAW&n=156882&req=doc>. (accessed 20.03.2021)
9. Kiseleva O. V. Analiz investitsionnoi aktivnosti rossiiskikh regionov [Analysis of investment activity of Russian regions]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship*, 2016, no. 9 (74), pp.1020-1023.
10. Kovalenko E. V., Ukrainchenko O. V. Otsenka investitsionnoi aktivnosti v Rossii [Assessment of investment activity in Russia]. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2019, no. 37 (275), pp. 118-120.
11. Bessonova E. A., Gubanova M. A. Problemy i puti povysheniya investitsionnoi privlekatel'nosti regiona [Problems and ways of increasing the investment attractiveness of the region]. *Voprosy regional'noi ekonomiki = Regional Economic Issues*, 2017, no. 30 (1), pp. 11-16.
12. Gorbach S. A., Seminog S. A. Vliyanie investitsii v osnovnoi kapital na valovoi regional'nyi produkt [The influence of investments in fixed assets on the gross regional product]. *Nauchnyi rezul'tat. Ekonomicheskie issledovaniya scientific Result. Economic Research*, 2019, vol. 5, no. 3, pp. 10–18.
13. Kovaleva S. I., Vorobyova Zh. B., Litvinov V. V. Mekhanizm upravleniya investitsionnym klimatom i investitsionnoi politikoi v regione [Investment climate management mechanism and investment policy in the region]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation Publ., 2016. 318 p.
14. Pogodina T. V. Problemy i perspektivy povysheniya investitsionnoi privlekatel'nosti otraslei real'nogo sektora ekonomiki Rossii [Problems and prospects of increasing the investment attractiveness of the branches of the real sector of the Russian economy]. *Upravlencheskie nauki v sovremennom mire = Management Sciences in the Modern World*, 2017, vol. 1, pp. 466-470.
15. Sokolov V. A. [The growth of investments in fixed assets of the region – the main factor influencing the increase in the gross regional product]. *Innovatsionnaya ekonomika. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Kazan', oktyabr' 2015)* [Innovative economy. Materials of the II International Scientific Conference (Kazan, October 2015)]. Kazan, Buk Publ., 2015, pp. 7-8. (In Russ.)
16. Efimova O. V. Finansovyi analiz [Financial Analysis]. Moscow, INFRA-M Publ., 2013. 630 p.
17. Krutskikh D. B. Investitsionnaya aktivnost' regiona: ekonomicheskoe sodержание i mekhanizm upravleniya razvitiem. Diss. kand. econom. nauk [Investment activity of the region: economic content and development management mechanism. Cand. econom. sci. diss.]. Voronezh, 2011. 162 p.

18. Savitskaya G. V. Analiz finansovo-khozyaistvennoi deyatel'nosti [Analysis of financial and economic activities]. Moscow, INFRA-M Publ., 2013. 430 p.
19. Sheremet A. D. Teoriya ekonomicheskogo analiza [The theory of economic analysis]. Moscow, INFRA-M Publ., 2013. 417 p.
20. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki [Federal State Statistics Service]. Available at: <http://www.gks.ru>. (accessed 17.03.2021)
21. Reiting investitsionnoi aktivnosti regionov [Monitoring of investment activity of the regions]. Available at: <https://www.if24.ru/rejting-investaktivnosti-regionov-oktyabr-2018/>. (accessed 10.03.2021)

Информация об авторе / Information about the Author

Колесник Марина Константиновна, аспирант кафедры экономики, управления и аудита, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: marina.11.08@mail.ru

Marina K. Kolesnik, Post-Graduate Student of the Department of Economics, Management and Audit, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: marina.11.08@mail.ru

УДК 332.1

Профиль угроз экономической безопасности региона: алгоритм составления и цели практического применения

С. А. Носкин¹ ✉

¹ Брянский государственный инженерно-технологический университет
проспект Ленина 26, г. Брянск 241050, Российская Федерация

✉ e-mail: Noskinsergey@rambler.ru

Резюме

Актуальность. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты составления профиля угроз экономической безопасности региона на основе карты систематизации угроз и карты приоритетности угроз.

Цель исследования заключается в разработке инструментария оценки угроз экономической безопасности территории, учитывающего взаимосвязь со стратегическими приоритетами развития на основе модернизированного метода, отражающего количественную оценку угроз, экспертную оценку их важности, диагностику вызовов экономической безопасности.

Задачи исследования заключаются в уточнении понятийного аппарата в области обеспечения экономической безопасности региональных хозяйственных систем на основе базовых положений, а также разработке основных этапов аналитического исследования угроз экономической безопасности в целях качественной оценки и оперативного реагирования органов власти на процессы дестабилизации экономики.

Методология. В качестве основы выполненного исследования послужили теоретические исследования и практические разработки отечественных экономистов и практиков по данной проблематике, которые позволили провести сравнительный анализ методов оценки угроз экономической безопасности и предложить авторский подход, отличающийся универсальностью и простотой в использовании. Написание статьи сопровождалось использованием широкого арсенала методов исследования: методы балльной оценки, профиля среды, синтеза, коэффициентный, табличный, метод экспертной оценки и т. д.

Результаты. Уточнена трактовка категории «Экономическая безопасность» применительно к региональному развитию, а также представлена авторская формулировка понятия «угрозы экономической безопасности региона». Изложены основные положения предлагаемого методического подхода к анализу угроз региональной экономической безопасности, а также дополнена существующая классификация угроз. На основе модернизированного метода профиля среды предложен алгоритм составления профиля угрозы экономической безопасности региона, учитывающий ее важность для стратегических приоритетов развития, вероятность ее реализации и устранения за счет внутри региональных резервов.

Выводы. В настоящее время ввиду отсутствия четкого инструментария выявления, систематизации и комплексной оценки угроз экономической безопасности региона представленные материалы исследования дают возможность использования в практической деятельности органов власти для разработки и обоснования комплекса мероприятий, направленных на их нейтрализацию или снижение последствий для экономической системы региона.

Ключевые слова: оценка; приоритеты; регион; угроза; факторы; экономическая безопасность.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Носкин С. А. Профиль угроз экономической безопасности региона: алгоритм составления и цели практического применения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 3. С. 262–270.

Поступила в редакцию 30.03.2021

Принята к публикации 21.04.2021

Опубликована 30.06.2021

Economic Security Threat Profile Region: Compilation Algorithm and Goals Practical Application

Sergey A. Noskin¹ ✉

¹ Bryansk State University of Engineering and Technology
26 Lenin Avenue, Bryansk 241050, Russian Federation

✉ e-mail: Noskinsergey@rambler.ru

Abstract

Relevance. The article deals with the theoretical and practical aspects of drawing up a profile of threats to the economic security of the region based on the threat systematization map and the threat priority map.

The purpose of the study is to develop tools for assessing threats to the economic security of the territory, considering the relationship with strategic development priorities on the basis of a modernized method that reflects the quantitative assessment of threats, expert assessment of their importance, and diagnostics of economic security challenges.

The objectives of the study are to clarify the conceptual framework in the field of ensuring the economic security of regional economic systems based on basic provisions, as well as to develop the main stages of analytical research of threats to economic security in order to assess the quality and rapid response of authorities to the processes of economic destabilization.

Methodology. The research was based on theoretical studies and practical developments of domestic economists and practitioners on this issue, which allowed us to conduct a comparative analysis of methods for assessing threats to economic security and to propose an author's approach that is characterized by versatility and ease of use. The writing of the article was accompanied using a wide arsenal of research methods: methods of scoring, the method of the profile of the environment, synthesis, coefficient, tabular, the method of expert evaluation, etc.

Results. The interpretation of the category of "Economic security" in relation to regional development is clarified, and the author's formulation of the concept of "threats to the economic security of the region" is presented. The main provisions of the proposed methodological approach to the analysis of threats to regional economic security are outlined, as well as the existing classification of threats is supplemented. Based on the modernized method of the environment profile, the algorithm of drawing up the profile of the threat to the economic security of the region is proposed, considering its importance for strategic development priorities, the probability of its implementation and elimination at the expense of regional reserves.

Conclusions. Currently, due to the lack of a clear tool for identifying, systematizing, and comprehensively assessing threats to the economic security of the region, the presented research materials can be used in the practical activities of the authorities to develop and justify a set of measures aimed at neutralizing them or reducing the consequences for the economic system of the region.

Keywords: assessment; priorities; region; threat; factors; economic security.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Noskin S. A. Economic Security Threat Profile Region: Compilation Algorithm and Goals Practical Application. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(3): 262–270. (In Russ.)

Received 30.03.2021

Accepted 21.04.2021

Published 30.06.2021

Введение

Экономика XXI века характеризуется турбулентностью, усилением дисбаланса отношений между различными странами на мировом пространстве, возникновением новых угроз, которые влекут за собой катастрофическое последствие для эко-

номик отдельных стран. Ситуацию на мировой арене усугубила ситуация с пандемией COVID-19, которая названа в качестве главной угрозы, повлекшей стагнацию экономики, а ее последствия отразились на социально-экономическом положении всех стран и всех аспектах жизнедеятельности каждого жителя.

Реализация комплекса мер, направленных на ликвидацию экономических, политических, социальных, психологических последствий, также вызывает необходимость использования принципов приоритетности для того, чтобы обеспечить их эффективность. Обоснованию комплекса мер по обеспечению экономической безопасности отдельных стран способствует также использование разнообразных видов цифровых инструментов для повышения эффективности всех секторов экономических систем, что способствует хаотичному возникновению киберугроз, новых форм их проявления, а также угроз, ведущих к цифровой дифференциации государств.

Научная гипотеза проведенного исследования заключается в том, что для обеспечения экономической безопасности территории необходима эффективно функционирующая система мониторинга всей совокупности угроз, в круг задач которой входит своевременный анализ, классификация, систематизация угроз и разработка комплексных мер по их нейтрализации исходя из приоритетности, т. е. масштаба их влияния на стратегические приоритеты.

Исследованию различных аспектов обеспечения экономической безопасности рассмотрели в своих исследованиях С. А. Афонцев [1], В. А. Плотников [2], В. И. Сигов [3], А. В. Харламов [4] и др. Проблемам оценки и анализа угроз экономической безопасности безопасности и определяющих их факторов посвятили свои труды Е. В. Дробот [5], Н. А. Кулагина [6], Е. С. Митяков [7] и т. д.

Несмотря на достаточное количество разработок по данной проблематике, по-прежнему открытым остается вопрос четкого различия представленных понятий, определяющих их факторов, методов и методики оценки тенденций, а также анализа эффективности мероприятий по стратегическим действиям, направленным на снижение последствий различных рисков для качественного состояния со-

циально-экономической системы региона. Данное обстоятельство предполагает совершенствование инструментария оценки уровня экономической безопасности региональной хозяйственной системы на базе общеизвестных и модернизированных методов, которые дают возможность получить достоверную оценку происходящих событий.

Материалы и методы

При написании статьи были использованы теоретические исследования ученых и практиков, посвященные методам и методикам комплексной оценки уровня экономической безопасности, основным тенденциям факторов, влияющим на устойчивость хозяйственных систем, совершенствованию государственной политики в целях выявления и устранения угроз, механизмам противодействия угрозам, результаты которых опубликованы в периодической печати, а также нормативно-правовые акты в области регулирования процессов цифровой трансформации и обеспечения экономической безопасности, информация, находящаяся в открытом доступе в сети Интернет.

Методологическую базу исследования составили общеизвестные методы: дедукции, анализа, диалектический, сравнения, обобщения, функционального анализа, компаративного анализа, методы рейтинговой оценки, методы стратегического анализа, методы балльной оценки, что послужило основой для разработки авторского метода оценки угроз на основе выявления тенденций и закономерностей анализируемых процессов.

Результаты и их обсуждение

Анализ современной литературы показал, что авторы уделяют существенное внимание в своих работах роли экономической безопасности в системе национальной безопасности страны, рассматривают классификацию угроз экономической безопасности по различным систе-

матизированным признакам, предлагают методические подходы к комплексной интегрированной оценке экономической безопасности территории, а также излагают свое видение относительно построения эффективной системы экономической безопасности и механизма взаимо-

действия в ней основополагающих элементов [8; 9].

Алгоритм выявления и систематизации угроз экономической безопасности опирается, прежде всего, на базовые понятия, указанные в Стратегии экономической безопасности РФ (рис.).

Рис. Понятийный аппарат и взаимосвязь базовых элементов системы экономической безопасности РФ [10]

Применительно к региональному развитию под экономической безопасностью нами понимается устойчивое функционирование всей экономической системы, способной своевременно выявлять, систематизировать и устранять дестабилизирующие факторы развития, а также вырабатывать комплекс мер предупредительного характера для снижения последствий различного вида угроз.

По нашему мнению, угроза экономической безопасности региона представляет собой хаотичное действие, способное привести к дестабилизации хозяйственной системы и нанести ущерб его сферам деятельности (одной или нескольким), которое характеризуется набором дестабилизирующих факторов, продолжительностью их влияния по времени, различным характером возникновения и масштабом проявления. Построение автор-

ского инструментария анализа угроз экономической безопасности региона базируется на следующих положениях:

- приоритетность угроз зависит от приоритетов стратегического развития территории;

- получение качественной и количественной оценки угроз дает возможность получить адекватную информационную базу для разработки направлений устранения проблем в системе проектного управления региона, в частности служит основанием для пересмотра временных интервалов проектов, комплекса мероприятий и целевых показателей;

- для разработки действенного организационно-экономического управления угрозами экономической безопасности региона в последующем должна учитываться взаимосвязь между следующими составными элементами: «внутренняя структура экономической безопасности» – «виды угроз экономической безопасности» – «сферы деятельности региона» – «масштаб проявления угроз». В свою очередь, для определения масштаба проявления угрозы на основе метода экспертных оценок осуществляется их градация по шкале [11], что позволяет систематизировать угрозы экономической безопасности на укрупненные группы и тем самым расставить приоритеты в стратегическом развитии;

- формирование Карты приоритетности угроз является необходимым элементом системы экономической безопасности региона, так как позволяет акцентировать внимание на «узких» местах при разработке или совершенствовании стратегии социально-экономического развития.

Основные этапы предлагаемого методического подхода анализа приоритетности угроз экономической безопасности, по нашему мнению, можно представить следующим образом:

- диагностика тенденций макроэкономических показателей и индикаторов, определяющих социально-экономическое

положение региона на определенный момент времени;

- систематизация факторов, представляющих собой угрозы экономической безопасности по сферам деятельности (инновационная, социальная, финансовая, экологическая и т. д.);

- соотнесение угрозы экономической безопасности к той или иной составляющей внутренней структуры экономической безопасности и определение масштаба проявления угрозы;

- составление Карты оценки приоритетности угроз экономической безопасности территории;

- количественная оценка угроз экономической безопасности на основе составления их профиля, позволяющая учесть их относительную значимость для региона.

Применительно к проблематике цифрового развития современного общества, на наш взгляд, необходимо выделение отдельного блока угроз экономической безопасности в зависимости от их влияния на цифровое развитие. Это предопределило активность всех уровней управления в плане внедрения проектных решений, направленных на цифровизацию и необходимость выполнения целевых показателей, запланированных в региональных и федеральных проектах, входящих в состав Федеральной программы «Цифровая экономика».

Выделенные нами угрозы и примеры их проявления представлены ниже (табл. 1).

Составление Карты систематизации угроз и Карты оценки приоритетности угроз экономической безопасности с использованием метода экспертной оценки являются исходными документами, определяющими Профиль угрозы, важность которого, несомненно, очевидна ввиду необходимости совершенствования действующего инструментария обеспечения экономической безопасности региона в контексте стратегического развития.

Таблица 1. Примеры угроз экономической безопасности региона в зависимости от влияния на цифровое развитие общества

Виды угроз	Примеры угроз
Угрозы обеспечению информационной безопасности	• Неправомерное искажение информации, отражающее региональное развитие. • Неправомерный доступ к информации. • Передача полномочий третьим лицам. • Прослушивание телефонных переговоров. • Доступ к деловой переписке между ведомствами случайных лиц. • Кража персональных данных и т. д.
Угрозы внедрению цифровых технологий	• Неготовность органов власти к использованию цифровых технологий вследствие недостаточной компетенции. • Противостояние органов власти к внедрению цифровых проектов на основе систем распределенного реестра (блокчейн), искусственного интеллекта и прочих сквозных цифровых технологий. • Отсутствие банков данных, характеризующих эффективность региональной политики по отдельным сферам деятельности. • Невозможность систематизации информации из различных источников данных для использования технологий анализа больших данных. • Низкий уровень оснащения современной ПК в муниципалитетах и т. д.
Угрозы развитию умных городов	• Несовершенство законодательной базы, регламентирующей процессы в «умных городах» и приводящей к дисбалансу основных сфер развития. • Дефицит квалифицированных управленческих кадров, обладающих компетенциями в области цифрового развития. • Отсутствие стимулов к внедрению цифровых технологий. • Дефицит финансовых ресурсов на реализацию программ по цифровизации. • Высокий уровень затрат на обновление технических средств и использование цифровых технологий и т. д.
Угрозы внедрению цифрового государственного управления	• Сбои в системе электронного документооборота между ведомствами. • Проблемы с интерфейсом отдельных отчетных форм. • Отсутствие действующих систем мониторинга по сферам деятельности, позволяющих принимать управленческие решения. • Изменение системы показателей, позволяющих оценивать эффективность органов власти, программ стратегического развития. • Цифровая дифференциация ведомств и муниципалитетов и т. д.
Угрозы подготовке кадров для цифровой экономики	• Невозможность быстрой адаптации учебных программ в вузах и сузах под потребности органов власти и бизнеса. • Низкая обеспеченность образовательных учреждений современным ПО и лабораториями, позволяющими приблизить процесс обучения к реальным условиям. • Отсутствие эффективных механизмов взаимодействия между учебными заведениями в области совершенствования образовательного процесса и обмена ППС в целях повышения качества обучения и т. д.

Нами предлагается составлять Профиль угроз экономической безопасности региона на основе модификации метода профиля среды, который получил значительное распространение в системе стратегического менеджмента. Сущность предлагаемого нами модернизированного

метода заключается в том, что всю совокупность угроз экономической безопасности оценивают по важности и возможности устранения на основе экспертных оценок:

– важность для реализации стратегических региональных приоритетов по

шкале: 3 – большая, 2 – умеренное, 1 – слабая;

– вероятность реализации угрозы по шкале: 3 – высокая; 2 – средняя; 1 – низкая;

– возможность устранения за счет только внутренних резервов: +1 – имеет-

ся возможность; -1 – нет возможности устранить.

Все перечисленные виды оценок формируют интегральную оценку угрозы на основе мультипликативной зависимости (табл. 2).

Таблица 2. Профиль угроз экономической безопасности региона (фрагмент)

Угрозы экономической безопасности	Важность для реализации стратегических региональных приоритетов	Вероятность реализации угрозы	Возможность устранения за счет внутренних региональных резервов	Степень важности угрозы
Снижение инновационной активности промышленного сектора экономики	3	2	-1	-6
Уменьшение удельного веса продукции инновационного назначения от общего объема производства	2	2	-1	-4
Уменьшение числа исследователей и разработчиков от общей численности	2	2	-1	-4
...				

Как видим, полученные результаты позволяют определить степень важности каждой из всей совокупности выявленных угроз экономической безопасности и определить тем самым приоритетные, т. е. те угрозы, которым на текущий момент времени должно быть уделено первостепенное внимание. Их систематизация предполагает в дальнейшем разработку комплексных резервов для устранения текущей ситуации, обеспечения экономической безопасности региона и повышения эффективности государственной экономикой на региональном уровне.

Выводы

Таким образом, в результате представленного исследования предложен авторский взгляд на дефиниции «экономическая безопасность региона», «угроза экономической безопасности региона», а также выделен отдельный классификационный признак угроз экономической безопасности, затрагивающий процессы цифровизации общества, что дополняет

теоретические исследования по рассматриваемой проблематике.

Предлагаемый инструментарий для анализа угроз экономической безопасности региона детализирует имеющиеся методические подходы и обладает рядом преимуществ:

– позволяет сопоставлять угрозы с приоритетами регионального развития, указанными в Стратегии социально-экономического развития;

– дает возможность оценивать важность угроз, которая является основанием для систематизации угроз на группы, каждая из которых в дальнейшем требует отдельного индивидуального подхода к разработке механизмов их нейтрализации и обоснования комплекса финансирования мер;

– простота расчетов и возможность практического применения для различных типов регионов в целях совершенствования действующего комплекса мер по противодействию и нейтрализации угроз.

Перспективными направлениями развития изложенного алгоритма анализа угроз экономической безопасности региона следует назвать совершенствование нормативно-правовой базы, регламентирующей процессы экономической без-

опасности на региональном уровне; совершенствование системы статистического учета информации для анализа тенденций дестабилизирующих факторов; качественную оценку угроз и их последствий с помощью геоинформационных систем.

Список литературы

1. Афонцев С. А. Проблемы экономической безопасности России в контексте рыночной трансформации. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/020/665/1219/001.AFONTSEV.pdf> (дата обращения: 12.02.2021).
2. Плотников В. А., Ускова К. Л. Экономическая безопасность России и развитие евразийской интеграции // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2018. № 1(35). С. 5-10.
3. Сигов В. И., Песоцкий А. А. Безопасность экономического пространства региона: концептуальные основы и система показателей // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 4. С. 1236-1250.
4. Харламов А. В. Трансформация хозяйственной системы и обеспечение экономической безопасности // Петербургский экономический журнал. 2020. № 3. С. 6-14.
5. Дробот Е. В. Исследование экономического потенциала Евразийского экономического союза: факторы конкурентоспособности и угрозы экономической безопасности // Российское предпринимательство. 2016. Т. 17, № 12. С. 1407-1428.
6. Кулагина Н. А. Угрозы экономической безопасности: подходы к выявлению и методология анализа // European Social Science Journal. 2015. № 4. С. 55-58.
7. Митяков Е. С., Митяков С. Н. Оценка рисков в задачах мониторинга угроз экономической безопасности // Труды Нижегородского государственного технического университета им. П. Е. Алексеева. 2018. № 1 (120). С. 44-51.
8. Копытов А. В., Макеева Ф. С. Сравнительный анализ методик оценки экономической безопасности регионов // Интернет-журнал «Науковедение». 2014. № 1(20). С. 17.
9. Кулагина Н. А. Оценка уровня экономической безопасности региона // Инновации и инвестиции. 2011. № 1. С. 213-217.
10. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/> (дата обращения: 23.03.2021).
11. Голованов Е. Б., Борцова Е. В. Методический подход к интегральной оценке уровня экономической безопасности государств // Bulletin of the South Ural State University. Ser. Economics and Management. 2020, vol. 14, no. 2, pp. 58-72.

References

1. Afontsev S. A. Problemy ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii v kontekste rynochnoi transformatsii [Problems of economic security of Russia in the context of market transformation]. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/020/665/1219/001.AFONTSEV.pdf>. (accessed 12.02.2021)
2. Plotnikov V. A., Uskova K. L. Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii i razvitie Evraziiskoi integratsii [Economic security of Russia and the development of Eurasian integration]. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii = Theory and Practice of the Service: Economy, Social Sphere, Technology*, 2018, no. 1(35), pp. 5-10.
3. Sigov V. I., Pesotsky A. A. Bezopasnost' ekonomicheskogo prostranstva regiona: kontseptual'nye osnovy i sistema pokazatelei [Security of the economic space of the region: conceptual foundations and a system of indicators]. *Ekonomika regiona = The Economy of the Region*, 2017, vol. 13, is. 4, pp. 1236-1250.

4. Kharlamov A. V. Transformatsiya khozyaistvennoi sistemy i obespechenie ekonomicheskoi bezopasnosti [Transformation of the economic system and ensuring economic security]. *Peterburgskii ekonomicheskii zhurnal* = *St. Petersburg Economic Journal*, 2020, no. 3, pp. 6-14.
5. Drobot E. V. Issledovanie ekonomicheskogo potentsiala Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza: faktory konkurentosposobnosti i ugrozy ekonomicheskoi bezopasnosti [Research of the economic potential of the Eurasian Economic Union: factors of competitiveness and threats to economic security]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo* = *Russian Entrepreneurship*, 2016, vol. 17, no. 12, pp. 1407-1428.
6. Kulagina N. A. Ugrozy ekonomicheskoi bezopasnosti: podkhody k vyyavleniyu i metodologiya analiza [Threats to economic security: approaches to identification and methodology of analysis]. *European Social Science Journal*, 2015, no. 4, pp. 55-58.
7. Mityakov E. S., Mityakov S. N. Otsenka riskov v zadachakh monitoringa ugroz ekonomicheskoi bezopasnosti [Risk assessment in the tasks of monitoring threats to economic security]. *Trudy Nizhegorodskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. R.E. Alekseeva* = *Proceedings of the Nizhny Novgorod State Technical University named after R. E. Alekseev*, 2018, no. 1 (120), pp. 44-51.
8. Kopytov A. V., Makeeva F. S. Sravnitel'nyi analiz metodik otsenki ekonomicheskoi bezopasnosti regionov [Comparative analysis of methods for assessing the economic security of regions]. *Internet-zhurnal "Naukovedenie"* = *Online Journal "NAUKOVEDENIE"*, 2014, no. 1(20), p. 17.
9. Kulagina N. A. Otsenka urovnya ekonomicheskoi bezopasnosti regiona [Assessment of the level of economic security of the region]. *Innovatsii i investitsii* = *Innovations and Investments*, 2011, no. 1, pp. 213-217.
10. O Strategii ekonomicheskoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda [On the Strategy of economic Security of the Russian Federation for the period up to 2030]. Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2017 № 208. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/>. (accessed 23.03.2021)
11. Golovanov E. B., Bortsova E. V. Metodicheskii podkhod k integral'noi otsenke urovnya ekonomicheskoi bezopasnosti gosudarstv [Methodological approach to the integral assessment of the level of economic security of states]. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Economics and Management*, 2020, vol. 14, no. 2, pp. 58-72.

Информация об авторе / Information about the Author

Носкин Сергей Анатольевич, аспирант кафедры государственного управления, экономической и информационной безопасности, Брянский государственный инженерно-технологический университет, г. Брянск, Российская Федерация,
e-mail: Noskinsergey@rambler.ru

Sergey A. Noskin, Post-Graduate Student of the Department of Public Administration, Economic and Information Security, Bryansk State University of Engineering and Technology, Bryansk, Russian Federation,
e-mail: Noskinsergey@rambler.ru

УДК 338.24

Методический инструментарий формирования ключевых компетенций при управлении государственными закупками

А. В. Орлюк¹ ✉

¹ Московский городской университет управления Правительства Москвы имени Ю. М. Лужкова
ул. Сретенка 28, г. Москва 107045, Российская Федерация

✉ e-mail: reandm@rambler.ru

Резюме

Актуальность исследования определяется необходимостью постоянного совершенствования методического инструментария идентификации ключевых компетенций отдельных процессов, в частности процесса управления государственными закупками. Данный подход позволит одновременно учитывать как индивидуальные, так и организационные компетенции и отличается многоаспектным использованием инструментария компетентностного менеджмента, такого как профили, матрица, модели ключевых компетенций. В рамках исследования нами предлагается использовать дефиницию «ключевые компетенции» применительно к процессу управления в системе государственных закупок.

Целью исследования является разработка авторского подхода к формированию методического инструментария идентификации ключевых компетенций при управлении государственными закупками.

Задачи. Достижение поставленной цели предопределило решение следующих задач: разработка схемы формирования ключевых компетенций на основе системы сходных компетенций; исследование инструментов формирования ключевых компетенций и разработка технологии их выявления при анализе процесса управления госзакупками.

Методология. Основой исследования являются методы монографического анализа, методы анализа и синтеза и историко-логический подход, а также другие общенаучные и специфические методы и приемы.

Результаты. К полученным результатам целесообразно отнести разработанную автором систему ключевых компетенций, представляющую собой комплекс элементов, взаимосвязанных и взаимодействующих для достижения устойчивого конкурентного преимущества и синергетического эффекта, а также предложенную методику формирования ключевых компетенций при управлении процессом госзакупок, включающую четыре этапа исследовательского процесса: этап идентификации, этап разработки, этап оценки и этап углубления (развития) ключевых компетенций.

Выводы. В заключение сделаны выводы о том, что ключевые компетенции, в отличие от потенциальных, будут содействовать эффективной реализации процесса управления государственными закупками.

Ключевые слова: государственные закупки; ключевые компетенции; компетентностный подход; стратегическое управление.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Орлюк А. В. Методический инструментарий формирования ключевых компетенций при управлении государственными закупками // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 3. С. 271–280.

Поступила в редакцию 05.03.2021

Принята к публикации 02.04.2021

Опубликована 30.06.2021

© Орлюк А. В., 2021

Methodological Tools for the Formation of Key Competencies in Public Procurement Management

Aleksandr V. Orlyuk¹ ✉

¹ Moscow City University of Management of the Moscow Government named after Yu. M. Luzhkova
28 Sretenka st., Moscow 107045, Russian Federation

✉ e-mail: reandm@rambler.ru

Abstract

The relevance of the study is determined by the need to constantly improve the methodological tools for identifying key competencies of individual processes, in particular, the public procurement management process. This approach will simultaneously take into account both individual and organizational competencies and is distinguished by the multifaceted use of competence management tools, such as profiles, matrix, models of key competencies, i.e. we propose to use the definition of "core competencies" in relation to the management process in the public procurement system.

The purpose of the study is to develop the author's approach to the formation of methodological tools for identifying key competencies in public procurement management.

Objectives. Achievement of this goal predetermined the solution of the following objectives: development of a scheme for the formation of key competencies based on a system of similar competencies; research of tools for the formation of key competencies and development of technology for identifying key competencies.

Methodology. The research is based on the methods of monographic analysis, methods of analysis and synthesis and the historical-logical approach, as well as other general scientific and specific methods and techniques.

Results. The obtained results should include the system of key competencies developed by the author, which is a complex of elements interconnected and interacting to achieve sustainable competitive advantage and synergistic effect, as well as the proposed methodology for the formation of key competencies in managing the public procurement process, which includes four stages of the research process: identification stage, stage development, assessment stage and stage of deepening (development) of key competencies.

Conclusions. In conclusion, it is concluded that key competencies, as opposed to potential ones, will contribute to the effective implementation of the public procurement management process.

Keywords: public procurement; key competencies; competence-based approach; strategic management.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Orlyuk A. V. Methodological Tools for the Formation of Key Competencies in Public Procurement Management. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(3): 271–280. (In Russ.)

Received 05.03.2021

Accepted 02.04.2021

Published 30.06.2021

Введение

Несмотря на то, что в настоящий момент все большее число экономистов в области стратегического менеджмента выделяют ключевые компетенции как основу стратегического развития [1], практическое использование компетентностной концепции существенно ограничено из-за отсутствия унифицированных формализованных инструментов и методик.

Отметим, что создание ключевых компетенций целесообразно не только

для организаций, но в первую очередь и для персонала, что особенно актуально и в рамках решения такой стратегической задачи, как управление государственными закупками. Основная цель создания последних компетенций – это обеспечение долгосрочных конкурентных преимуществ того или иного процесса, организации или продукта.

В экономической литературе исследователи в большей степени акцентируют внимание на ключевых компетенциях как

основном источнике конкурентных преимуществ. При этом взаимосвязь между данными категориями применяется в различных сферах деятельности. Однако основной проблемой при исследовании ключевых компетенций является вопрос их идентификации. Сложность данного процесса связана с тем, что ключевые компетенции являются категорией, которую проблематично определить напрямую и недоступной непосредственному восприятию. При разработке инструментария и методов формирования ключевых компетенций необходимо учитывать и особенности их идентификации. Отметим, что с момента появления работ Г. Хэмела и К. К. Прахалада [2] до сих пор отсутствует универсальный подход к идентификации ключевых компетенций организации. Отдельные экономисты (В. С. Катькало [3], Д. Коллис, С. Монтгомери [4] и О. И. Уильямсон [5]) говорят о том, что необходимо проводить операционализацию данного процесса, выделять различные этапы диагностики ключевых компетенций.

Экономисты дискутируют по вопросам выявления соотношений между такими категориями, как ресурсы, возможности организации и ее ключевые компетенции [6], однако стандартного, общепризнанного определения данного термина не существует [7].

Таким образом, основной методической проблемой исследования ключевых компетенций как организаций, так и отдельных процессов является идентификация ключевых компетенций [8; 9].

Подходы различных авторов к идентификации ключевых компетенций компаний могут быть как сходны, так и существенно различаться. Однако все эти подходы имеют определенные сложности с формализацией и зачастую носят субъективный характер. Тем не менее при привлечении группы квалифицированных экспертов для выявления ключевых компетенций субъективизм можно минимизировать.

В качестве методики сбора данных выделяют следующие:

- структурированное интервью – проводят опрос руководителей компаний;
- экспертная оценка, создание фокус-групп – ведущие специалисты и ученые в исследуемой области;
- анализ «рабочего стола» – формирование ключевых компетенций на основе изучения документации (эффективных контрактов, показателей эффективности, должностных инструкций и пр.);
- внешние данные – сравнение с деятельностью и особенностями функционирования конкурирующих организаций.

Таким образом, можно говорить о том, что организации развиваются на основе своих ключевых компетенций, которые следует рассматривать как источник конкурентного преимущества. Ключевые компетенции, которые действительно приводят к конкурентному преимуществу, – это те компетенции, которые встроены в структуру и культуру организации. Следовательно, в более широком смысле ключевые компетенции могут возникать из различных функций внутри организации или процесса, что в конечном итоге приводит к его конкурентным преимуществам.

Материалы и методы

Для формирования набора компетенций можно использовать так называемые библиотеки компетенций (словари), состоящие из набора компетенций, из которых следует выбирать при разработке структуры компетенций. Сходные компетенции (система компетенций *job family*) описывает ряд различных ролей, выполняющих одинаковую работу. В частности, при анализе индивидуальных компетенций данный подход предоставит сотруднику информацию для карьерного роста и продвижения по службе. Технические и компетенции лидерства позволят сформировать ключевые компетенции организации или процесса (рис. 1).

Рис. 1. Схема формирования ключевых компетенций

Лидерские компетенции связаны с управлением организацией или отделом; технические компетенции создают эффективные механизмы контроля и показывают возможности использования инфокоммуникаций.

Нами рассмотрены отдельные подходы формирования ключевых компе-

тенций и сформирована собственная методика, которую целесообразно использовать в практической деятельности, в частности, при управлении государственными закупками.

На рисунке 2 представлена разработанная визуальная схема формирования ключевых компетенций.

Рис. 2. Среда разработки ключевых компетенций

Анализ подходов к идентификации ключевых компетенций компаний позволил нам понять их ограничения в части практического применения и предложить собственный подход, апробировав его на

примере процесса управления государственными закупками. Данная методика формирования ключевых компетенций объединяет несколько подходов и различных методик (рис. 3).

Рис. 3. Технология выявления ключевых компетенций

Результаты и их обсуждение

На основе ресурсоориентированной концепции можно сформировать два направления создания источников конкурентного преимущества или ключевых факторов успеха. Во-первых, фирма внутри отрасли может быть неоднородной по отношению к стратегическим ресурсам, которые она контролирует. Во-вторых, модель предполагает, что эти ресурсы не могут быть абсолютно мобильными в разных фирмах, и поэтому гете-

рогенность может быть длительной. Ресурсоориентированная модель фирмы исследует последствия этих двух допущений для анализа источников устойчивого конкурентного преимущества и создание компетенций.

Нами разработан механизм усиления ключевых компетенций (КК), который схематично представлен ниже (рис. 4).

Таким образом, можно отметить, что действительно большинство исследователей делают акцент на компетенциях отдельной личности, а не организации в це-

лом, т. е. экономисты, несмотря на противоречивость понятий, соглашались, что направленность компетентностного подхода на повышение потенциала субъектов деятельности в большей степени описывают ключевые характеристики знаний, умений и навыки субъектов деятельности. Новым в компетентностном подходе являются его институционализа-

ция и использование для оценки ключевых компетенций в организации компетентностных инструментов, таких как модели ключевых компетенций, профили компетенций, матрицы компетенций, оценка компетенций, а также приоритизация компетенций более широкого профиля – процессных или организационных компетенций.

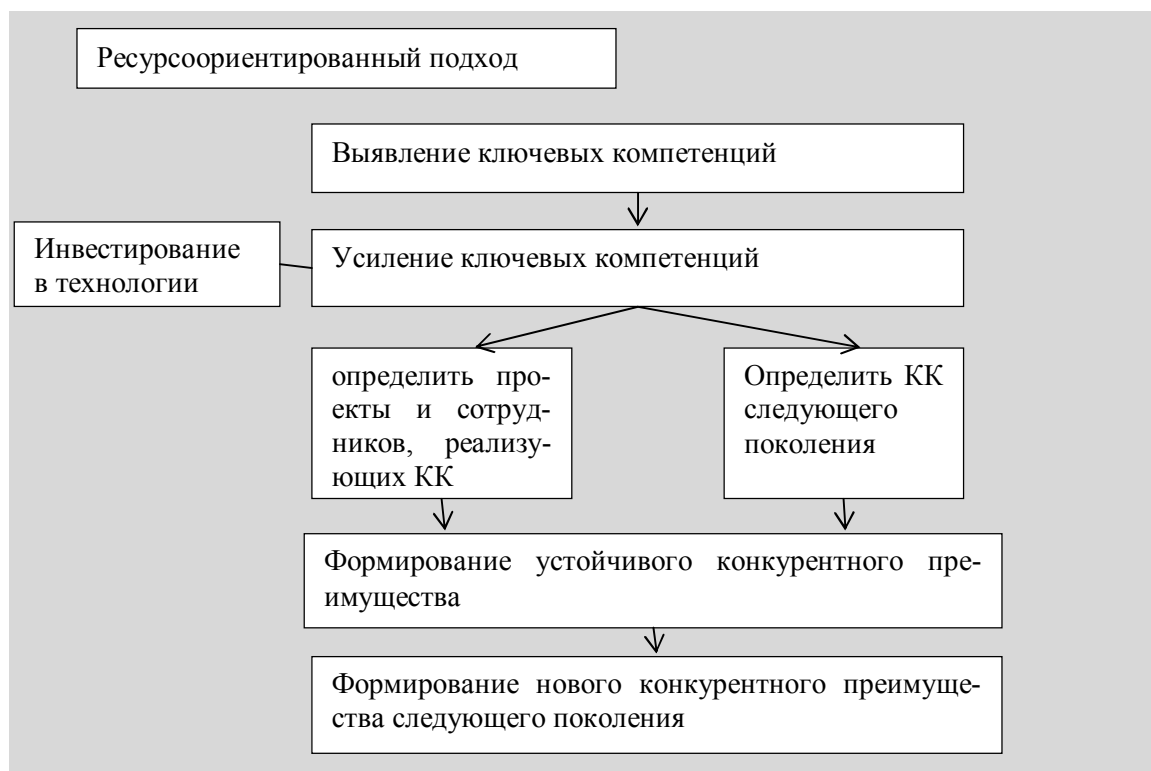

Рис. 4. Механизм усиления ключевых компетенций

Система ключевых компетенций процесса управления госзакупками, с нашей точки зрения, представляет собой комплекс элементов, взаимосвязанных и взаимодействующих для достижения устойчивого конкурентного преимущества и синергетического эффекта, а также выделения критериев развития ключевых компетенций исследуемого процесса (рис. 5).

Таким образом, на рисунке представлена внутренняя составляющая системы формирования ключевых компетенций процесса госзакупок, которая включает отдельные элементы, образующие в ре-

зультате своего взаимодействия и формирования синергетического эффекта ключевые компетенции. Подобная методика формирования ключевых компетенций позволяет решать задачи управления компетенциями на каждом выделяемом этапе: идентификации, разработки, оценки, развития – и соответствует целям стратегического управления процессом госзакупок (рис. 6).

Предложенная методика формирования ключевых компетенций при управлении процессом госзакупок состоит из 4 этапов.

Рис. 5. Система ключевых компетенций процесса госзакупок

Первый этап предполагает идентификацию ключевых компетенций на основе создание набора (библиотеки) потенциальных компетенций в результате формирования и работы специальной экспертной группы. Второй этап, этап разработки ключевых компетенций, включает такие элементы, как формирование системы потенциальных компетенций на основе их дифференциации на три группы (процессные КК, системные КК, индивидуальные КК), выявление соответствия потенциальных компетенций признакам ключевых компетенций и на этой основе сужение исследуемых компетенций, формирование группы ключевых компетенций. Третий этап предполагает оценку ключевых компетенций на основе экономического инструментария, формирование портфеля компетенций и разработку системы на основе матрицы «статус-риск». Итоговый этап включает углубление или развитие ключевых компетенций на основе формирования их профилей, построения карты компетенций, формирования итогового портфеля ключевых компетенций и построения многомерной модели развития компетенций.

Данная методика является универсальной, позволяет формировать ключевые компетенции компании или процесса

и включает помимо этапа непосредственного формирования ключевых компетенций также оценку и дальнейшее развитие ключевых компетенций, что позволит использовать механизм упреждающего управления и прогнозировать развитие ситуации в будущих периодах.

Выводы

Структура ключевых компетенций представляет собой сложную взаимосвязь методик, инструментов, навыков, технологий в рамках различного функционала (процессного, индивидуального, системного). Поэтому нецелесообразно говорить об одной ключевой компетенции при описании процессов госзакупок. Необходимо рассматривать целостную систему, включающую различные элементы. Подобный подход позволит создать условия для формирования синергетического эффекта и гармонизации отдельных элементов целостного набора ключевых компетенций.

Отметим, что именно ключевые компетенции, в отличие от потенциальных, будут содействовать эффективной реализации процесса или развитию организации. В связи с этим представляется целесообразным выделить факторы, оказывающих влияние на формирование ключевых компетенций.

Рис. 6. Методика формирования ключевых компетенций при управлении процессом госзакупок

Таким образом, анализ инструментальной базы формирования ключевых компетенций позволил выявить относительную ограниченность ее применения и сформировать собственный подход с апробацией на реализации процесса управления государственными закупка-

ми. Сформированная авторская методика выявления ключевых компетенций при управлении процессом госзакупок позволит не только регулировать процесс в текущий период, но и реализовать функции упреждающего управления за счет расширения ключевых компетенций.

Список литературы

1. Hamel G., Prahalad C. K. *Competing for the Future*. Boston: Harvard Business School Press, 1994. 327 p.
2. Прахалад К., Фэй Л., Рэнделл Р. Создание ключевых компетенций и их использованию // Курс МВА по стратегическому менеджменту. М.: Альпина Паблишер, 2002. 296 с.
3. Катькало В. С. Эволюция теории стратегического управления. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2006. 548 с.
4. Коллис Д., Монтгомери С. Корпоративная стратегия: ресурсный подход. М.: Олимп-Бизнес, 2007. 371 с.
5. Уильямсон О. И. Исследования стратегий фирм: возможности концепции механизмов управления и концепции компетенций // Российский журнал менеджмента. 2003. Т. 1, № 2. С. 79–114.
6. Ljungquist U. Core competency beyond identification: presentation of a model // *Management Decision*. 2007. N 45 (3). P. 393–402.
7. Mooney A. Core Competence, Distinctive Competence, and Competitive Advantage: What Is the Difference? // *Journal of Education for Business*. 2007. N 83 (2). P. 110–115.
8. Vertakova Yu., Klevtsova M., Babich T. Identification of the new research areas and development of the existing ones by methods of morphological analysis and synthesis // *Економічний часопис-XXI*. 2016. Т. 157, № 3-4-1. С. 4-7.
9. Вертакова Ю. В., Соколова Ю. И. Формирование поля ключевых компетенций в проектном менеджменте организации на основе анализа современных трансформационных процессов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10, № 4. С. 37-46.

References

1. Hamel G., Prahalad C. K. *Competing for the Future*. Boston, Harvard Business School Press, 1994. 327 p.
2. Prahalad K., Faej L., Rendell R. Sozdanie klyuchevykh kompetencij i ih ispol'zovanie [Creating key competencies and using them]. *Kurs MVA po strategicheskomu menedzhmentu* [MBA Course on Strategic Management]. Moscow, Al'pina Publisher, 2002. 596 p.
3. Kat'kalo V. S. Evolyuciya teorii strategicheskogo upravleniya [The evolution of strategic management theory]. St. Petersburg, Publishing House of SPSU, 2006. 548 p.
4. Kollis D., Montgomeri S. Korporativnaya strategiya: resursnyj podhod [Corporate strategy: a resource approach]. Moscow, Olimp-Biznes Publ., 2007. 371 p.
5. Uil'yamson O. I. Issledovaniya strategij firm: vozmozhnosti koncepcii mekhanizmov upravleniya i koncepcii kompetencij [Firm Strategy Research: Opportunities for Management And Competence Concepts]. *Rossiiskij zhurnal menedzhmenta = Russian Journal of Management*, 2003, vol. 1, no. 2, pp. 79–114.
6. Ljungquist U. Core competency beyond identification: presentation of a model. *Management Decision*, 2007, no. 45 (3), pp. 393–402.

7. Mooney A. Core Competence, Distinctive Competence, and Competitive Advantage: What Is the Difference? *Journal of Education for Business*, 2007, no. 83 (2), pp. 110–115.

8. Vertakova Yu., Klevtsova M., Babich T. Identification of the new research areas and development of the existing ones by methods of morphological analysis and synthesis. *Економічний часопис-XXI*, 2016, vol. 157, no. 3-4-1, pp. 4-7.

9. Vertakova Yu.V., Sokolova Yu. I. Formirovanie polya klyuchevykh kompetencij v proektnom menedzhmente organizacii na osnove analiza sovremennykh transformacionnykh processov [Creating a field of key competencies in the organization's project management based on an analysis of modern transformational processes]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2020, vol. 10, no. 4, pp. 37-46.

Информация об авторе / Information about the Author

Орлюк Александр Витальевич, аспирант кафедры управления государственными и муниципальными закупками, Московский городской университет управления Правительства Москвы имени Ю. М. Лужкова, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: reandm@rambler.ru

Aleksandr V. Orlyuk, Post-Graduate Student of the Department of State and Municipal Procurement Management, Moscow City University of Management of the Moscow Government named after Yu. M. Luzhkov, Moscow, Russian Federation, e-mail: reandm@rambler.ru

УДК 33

Удаленная работа офисов в условиях пандемии: опыт Китая

Дин Шуи¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: 87418602@qq.com

Резюме

Актуальность. Эпидемия коронавируса COVID-19 сделала работу на дому необходимостью: физического контакта можно избежать, и в то же время он не ограничен физическим местоположением. В условиях предотвращения эпидемии удаленный офис имеет огромное преимущество. В то же время удаленная работа обнажила множество проблем, связанных с домашним офисом.

Целью исследования является анализ современных тенденций развития удаленной работы офисов в условиях пандемии на примере Китая.

Задачи: выявить преимущества удаленной работы, существующие проблемы при работе на дому, проблемы информационной безопасности и проблемы с доверием в удаленном офисе; определить состояние и будущие тенденции удаленной работы в Китае; обосновать эффективность применения технологии блокчейн в развитии удаленного офиса в будущем.

Методология. В этой статье будут объединены характеристики удаленного офиса и текущая ситуация развития при использовании технологии блокчейн для решения основных существующих проблем удаленного офиса на данном этапе и устранения препятствий для развития удаленного офиса.

Результаты. На основе проведенного исследования были получены следующие результаты: выявлены преимущества удаленной работы, существующие проблемы при работе на дому, проблемы информационной безопасности и проблемы с доверием в удаленном офисе, определены состояние и будущие тенденции удаленной работы в Китае, обоснована эффективность применения технологии блокчейн в развитии удаленного офиса в будущем.

Выводы. Автором сделан вывод о том, что существуют широкие перспективы развития удаленного офиса. Технология блокчейн способствует развитию удаленного офиса в будущем. Механизм безопасности удаленного офиса следует разрабатывать на основе технологии блокчейн, поскольку блокчейн поможет эффективно решить проблему доверия в удаленном офисе.

Ключевые слова: удаленный офис; Интернет; блокчейн; управление компанией; безопасность данных.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Дин Шуи. Удаленная работа офисов в условиях пандемии: опыт Китая // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 3. С. 281–291.

Поступила в редакцию 14.04.2021

Принята к публикации 11.05.2021

Опубликована 30.06.2021

© Дин Шуи, 2021

Remote Work of Offices in a Pandemic: the Experience of China

Ding Shui¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: 87418602@qq.com

Abstract

Relevance. The COVID-19 coronavirus epidemic has made working from home a necessity: physical contact is avoidable and at the same time not limited to physical location. In the context of epidemic prevention, a remote office has a huge advantage. At the same time, telecommuting has exposed many of the challenges associated with home office.

The purpose of the study is to analyze current trends in the development of remote office work in the context of a pandemic using the example of China.

Objectives: to identify the benefits of remote work, existing problems when working at home, information security problems and trust issues in a remote office; to determine the state and future trends of remote work in China; to substantiate the effectiveness of using blockchain technology in the development of a remote office in the future.

Methodology. This article will combine the characteristics of a remote office and the current situation of development when using blockchain technology to solve the main existing problems of a remote office at this stage and remove obstacles to the development of a remote office.

Results. Based on the study, the following results were obtained: the advantages of remote work, existing problems when working at home, information security problems and problems with trust in a remote office were identified, the state and future trends of remote work in China were determined, the effectiveness of using blockchain technology in the development of remote office in the future.

Conclusions. The author concluded that there are broad prospects for the development of a remote office. Blockchain technology is driving the development of the remote office in the future. The remote office security mechanism should be developed based on blockchain technology, since blockchain will help to effectively solve the problem of trust in the remote office.

Keywords: remote office; Internet; blockchain; company management; data security.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Ding Shui. Remote Work of Offices in a Pandemic: the Experience of China. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(3): 281–291. (In Russ.)

Received 14.04.2021

Accepted 11.05.2021

Published 30.06.2021

Введение

Под дистанционной работой обычно понимают способ удовлетворения повседневных офисных потребностей пользователей с помощью современных методов связи. Использование информационных технологий для реализации режима удаленного офиса на предприятии поможет сотрудникам на всех уровнях предприятия выполнять работу в любое время и в любом месте. Для предприятий это может эффективно снизить расходы на офисных работников. Под влиянием нынешней эпидемии коронавируса COVID-19 работа

удаленного офиса становится все более популярной и актуальной для всех слоев общества.

13 марта 2020 г. Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций Гутерриш направил всем сотрудникам письмо с просьбой внедрить удаленную работу с 16 марта по 12 апреля, чтобы свести к минимуму распространение нового коронного вируса в штаб-квартире Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке [1].

Опубликованный Всемирным экономическим форумом «Отчет о буду-

щей занятости 2020» показывает, что большинство «белых воротничков» в будущем будут работать в Интернете [2].

Материалы и методы

Во время эпидемии коронавируса COVID-19 все больше и больше компа-

ний переходят на удаленную работу, что подтвердил опубликованный Китайской отраслевой информационной сетью Отчет об исследовании данного явления в 2020 г. На рисунке 1 представлены результаты исследования, отражающего восприятие людьми преимуществ удаленной работы.

Рис. 1. Новое исследование восприятия преимуществ удаленной работы в Китае в 2020 г. (по данным Китайской отраслевой информационной сети)

Из приведенной выше информации в сочетании с другой общедоступной информацией в Интернете видно, что удаленный офис в настоящее время имеет следующие преимущества:

1) снижает операционные расходы компании. Имея удаленный офис, компании не нужно покупать или арендовать офисные здания и офисные помещения, не покупать офисное оборудование и не оплачивать расходы на обслуживание помещений и оборудования, канцелярские товары, воду и электричество, плату за недвижимость и многие другие расходы, связанные с офисной работой;

2) экономит время и повышает эффективность. В традиционном офисе сотрудники работают вместе в фиксированном месте в фиксированное время. Сотрудники должны спешить на работу и

обратно каждый день, и много времени тратится на дорогу. Благодаря удаленному офису рабочее время становится гибким, что не только экономит время, но и позволяет избежать несчастных случаев по дороге на работу и обратно. В офисе сотрудники будут обеспокоены внешней средой, их мышление будет прервано, и потребуется определенное время, чтобы просматривать последний мысленный узел каждый раз, что неизбежно приведет к неэффективности. Поэтому некоторые технические задания и другие задачи, требующие концентрации, нужно отложить до вечера или выходных. Используя удаленную работу, сотрудники могут избежать помех, сократить перебои в мышлении, сосредоточиться на работе и значительно повысить эффективность работы;

3) легко приобрести и сохранить выдающиеся таланты. Используя удаленный офис, набор сотрудников компании не будет ограничен географическим регионом, а будет иметь непосредственный контакт со всей страной и даже со всем миром. В то же время удаленная работа может привлекать и удерживать наиболее полезных сотрудников для компании. Традиционный офисный надзор и методы работы уменьшают контроль сотрудников над работой, а удаленный офис может полностью раскрыть субъективную инициативу сотрудников и сделать команду более динамичной. Работа на дому также способствует удобству некоторых особых социальных групп. Кроме того, некоторые работники с физическими недостатками могут найти работу дистанционно;

4) экономия энергии и защита окружающей среды. Если будет поощряться удаленная работа, это значительно сократит частоту использования частных автомобилей, автобусов, метро и электромобилей, снизит потребление энергии и сыграет положительную роль в защите окружающей среды. В определенной степени это решит или смягчит ряд социальных проблем, таких как смог и пробки на дорогах.

Результаты и их обсуждение

Хотя технология удаленного офиса развивается день ото дня, она также будет иметь очень заметную эффективность в эпидемии коронавируса COVID-19 2020 г., но нельзя отрицать, что эта форма не стала основным методом работы в офисе в Китае или других странах. Некоторые люди думают, что удаленная работа – это лишь мера экстренного реагирования для предприятий, чтобы продолжить работу, которая носит временный характер. Причина, по

которой у людей есть эти идеи, заключается в том, что технология удаленного офиса все еще имеет следующие недостатки.

Проблемы информационной безопасности

В некоторых отраслях, связанных с секретами или с секретными аспектами деятельности компании, модель удаленного офиса трудно реализовать. Конфиденциальные материалы являются особым активом предприятий, поэтому управление и контроль в работе будут усилены. Технологии интернет-безопасности внедрены не везде, а текущим основным методом управления по-прежнему в основном является автономное управление [3].

В настоящее время для решения проблемы контроля киберпространства многие крупные предприятия будут строить виртуальные сетевые VPN во внутренней сети организации и решать проблемы безопасности в процессе передачи с помощью зашифрованных каналов. Однако у этого подхода есть еще два недостатка:

- пропускная способность интрасети, как правило, невелика, и в коллективном офисе могут возникать аномальные проблемы, такие как сбои, что влияет на плавность работы и своевременность обработки информации.

- среда удаленного доступа не является полностью закрытой и управляемой. Есть еще много неконтролируемых факторов и риск утечки информации.

Проблемы с доверием в удаленном офисе

В дистанционной работе цифровые технологии смогли решить проблемы взаимодействия людей и информационных технологий. Однако общение между людьми по-прежнему сталкивается с некоторыми трудностями, в основном проявляющимися в отсутствии доверия меж-

ду сотрудниками или между сотрудниками и руководителями компании. Исследования показали, что возможность осуществлять удаленную работу, обычно зависит от желания менеджера. Очень часто менеджеры компании получают отказ из-за риска потери контроля над служащими в режиме удаленной работы [4].

Удаленная работа ломает традиционную модель кредитования между компанией и ее сотрудниками. Сотрудники работают на фиксированном месте. Компания устанавливает ряд систем для единого управления. Работа на дому изменила эту модель, и компании не могут отслеживать динамику сотрудников в любое время и в любом месте. Чтобы отслеживать, серьезно ли сотрудники относятся к работе, некоторые компании увеличили количество проверок и регулярных встреч, потребовав обратной связи (видеосвязи) в рабочее время.

Компании не верят, что сотрудники будут серьезно работать дома, и беспокоятся о том, что сотрудники ленивы. Регулярные встречи, которые сотрудники считают бессмысленными, будут только влиять на темп работы и тратить время впустую. Видеонаблюдение нарушает личную жизнь. В этой ситуации противоречие доверия между двумя сторонами обострилось.

Отсутствие синхронизации информации при работе на дому также является основной причиной проблем с доверием. При работе в команде все должны сотрудничать для достижения общей цели, а обмен информацией между участниками может задерживаться или передаваться неадекватно. В то же время в режиме удаленного офиса члены команды расфокусированы, что может привести к отсутствию чувства ответственности. Как только проблема возникает в определенном звене, затраты на подотчетность высоки, и добиваться подотчетности слож-

но, что приводит к снижению качества совместных задач.

Состояние развития и будущие тенденции удаленной работы в Китае

Согласно опросу GlobalLaborIndex (KGWI), проведенному кадровой компанией KellyServices, более четверти респондентов (29%) во всем мире заявили, что они используют удаленный офис каждую неделю независимо от времени. Доля респондентов, работающих на дому, в Азиатско-Тихоокеанском регионе (37%) намного выше, чем в Северной и Южной Америке (24%), а также в Европе, на Ближнем Востоке и в Африке (23%). В результате удаленная работа постепенно стала тенденцией, по крайней мере, в Азиатско-Тихоокеанском регионе [5].

С 2020 г. по настоящее время рынок удаленной работы продолжает расти. В некоторых странах и регионах модель удаленной работы изменилась с «необязательной» на «обязательную». В частности, количество пользователей удаленных офисов в Китае испытало очень резкий «взрывной» рост. Количество пользователей в 2020 г. увеличилось на 193 млн по сравнению с 2019 г., что составляет 34,98% от общего числа пользователей Интернета (рис. 2).

В 2020 г., столкнувшись с новым витком профилактики эпидемий, многие компании заранее осознали важность развертывания удаленного офиса. По состоянию на январь 2021 г. в Китае насчитывалось 1,235 млн компаний, занимающихся разработкой офисного программного обеспечения. В 2020 г. в Китае было зарегистрировано 392 000 новых компаний, занимающихся разработкой офисного программного обеспечения, что на 68,97% больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (рис. 3).

Рис. 2. Масштаб пользователей удаленных офисов в Китае с 2005 по 2020 гг.: один миллион (по данным Китайского интернет-информационного центра, Китайской отраслевой информационной сети)

Рис. 3. Количество регистраций китайских компаний, занимающихся разработкой офисного программного обеспечения, с 2010 по 2020 гг. (по данным Zhiyan Consulting)

С постоянным совершенствованием индустрии удаленных офисов, информатизацией бизнес-процессов спрос на приложения и оборудование для удаленных

офисов со стороны предприятий также продолжал расти, и масштабы рынка удаленных офисов в Китае также сохранили тенденцию быстрого роста. В 2017 г.

размер рынка удаленных офисов в Китае составлял около 21,2 млрд юаней, а в 2018 г. он достиг примерно 25,6 млрд юаней, что на 20,7% больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. В 2019 г. размер рынка индустрии умных мобильных офисов в Китае составлял около 30,7 млрд юаней, что на 19,9% больше, чем годом ранее. Из-за воздействия эпидемии коронавируса COVID-19 количество пользователей

удаленных офисов в декабре 2020 г. составило 34,98% от общего числа 989 млн китайских пользователей Интернета в 2020 г. В ответ на это рынок капитала Китая начал уделять особое внимание удаленному офису (из 47-го статистического отчета о развитии Интернета, подготовленного Китайским информационным центром Интернета). В 2020 г. он увеличился до 44 млрд юаней, что на 43,3% больше, чем годом ранее (рис. 4).

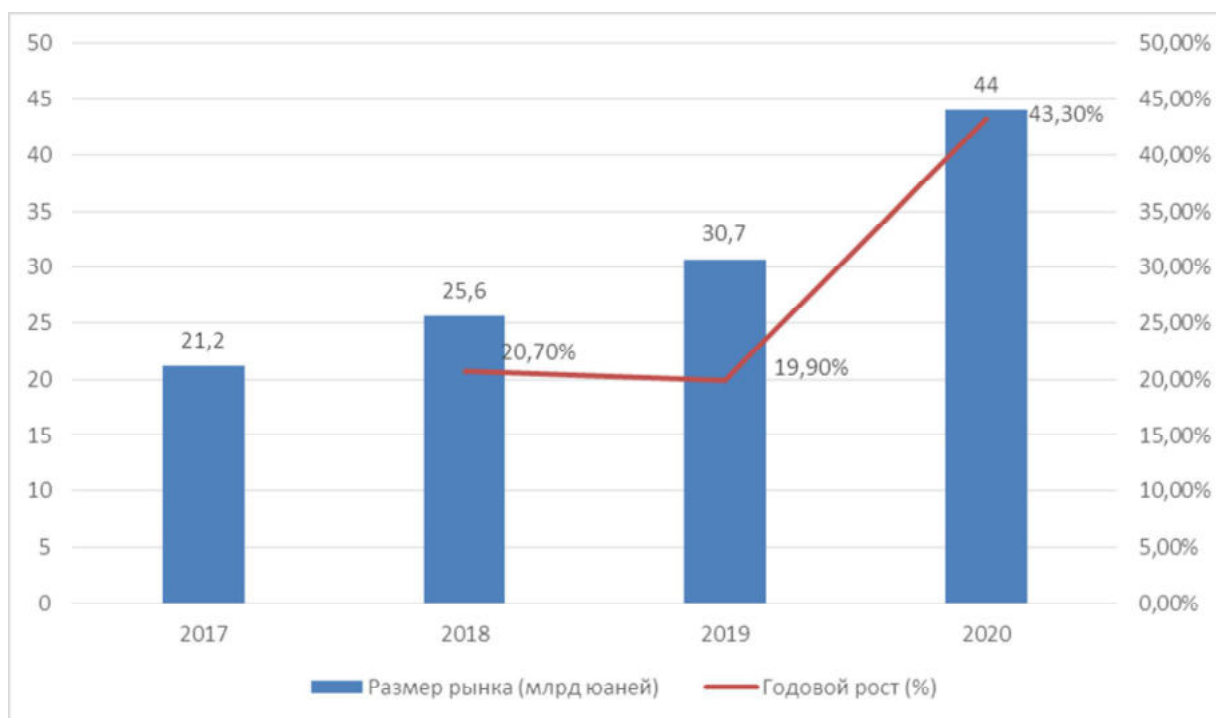

Рис. 4. Масштаб китайского рынка офисных помещений для совместной работы с 2017 по 2020 гг. (по данным iiMediaResearch)

Во время эпидемии коронавируса COVID-19 рынок удаленных офисов пережил взрывной рост, будь то рост числа пользователей или промышленное развитие, рост масштабов рынка очень шокирует.

В дополнение к краткосрочному росту рынка, индустрия удаленных офисов в Китае также имеет долгосрочную динамику роста. С технической точки зрения постоянный прогресс электронных информационных технологий и постоянное обновление моделей приложений программного обеспечения, а также

структура Интернета и технологических гигантов будут испытывать постоянное повышение технического уровня индустрии удаленной работы, тем самым непрерывно совершенствуя функции и повышая производительность. Более совершенные новые продукты способствовали устойчивому развитию отрасли.

Несмотря на бурный рост удаленной работы, она также вызвала множество неодобрительных голосов. Многие люди думают, что удаленная работа — это лишь временная потребность офиса. Нельзя отрицать, что особый период эпидемии по-

родил большое количество текущих потребностей в дистанционной работе; есть также много людей, которые устали работать на дому из-за того, что так долго остаются дома, и даже чувствуют, что они устали еще больше, чем на обычной работе; больше владельцев бизнеса обеспечены дистанционной работой, думая, что они потеряли контроль над своими сотрудниками.

Фактически многие компании уже внедрили эту модель удаленного офиса, особенно во время командировок. После эпидемии вероятность использования этого метода удаленного офиса только возрастет.

Во-первых, в прошлом многие компании и многие сотрудники очень мало знали о программном обеспечении для удаленного офиса. Эта эпидемия заставила все больше людей понять удаленный офис. Поскольку такие интернет-компании, как Alibaba и Tencent, увеличили свои официальные часы работы, удаленная работа в условиях эпидемии будет продолжаться в течение некоторого времени и далее. Этот период является прекрасной возможностью для внедрения программного обеспечения и активизации удаленной работы для формирования привычки у сотрудников. Как только пользовательские привычки будут сформированы, все будет постепенно привыкать к офисному программному обеспечению.

Во-вторых, внезапное увеличение числа пользователей, сбои серверов и проблемы в удаленном офисе вполне объяснимы, но нельзя игнорировать тот факт, что это программное обеспечение для удаленного офиса действительно может в определенной степени повысить эффективность офиса даже во время повседневной работы. Офисное программное обеспечение позволяет большему количеству компаний перемещать офис в любое время и в любое место.

В-третьих, с появлением все большего количества внештатных рабочих мест

удаленная работа обязательно станет выбором этих людей. С помощью программного обеспечения для мобильного офиса это не только экономит аренду офиса, имущества и другие расходы, но также обеспечивает эффективное общение и контроль за работой подчиненных.

В-четвертых, онлайн-образование сопровождалось всплеском онлайн-офисов во время эпидемии, и индустрия онлайн-образования давно проверена. Будущее – это тенденция объединения онлайн-образования и офлайн-обучения. Будущая тенденция офиса будет такой же: онлайн-офис и офлайн-офис будут постепенно двигаться в сторону синергии, что является неизбежной тенденцией времени [6; 7].

Следовательно, удаленный офис – это не псевдоспрос, а реальный спрос, и он будет лучше интегрирован с офлайн-офисом.

С точки зрения рыночного спроса растущая тенденция к межрегиональному и глобальному разделению труда в производственной цепочке, с одной стороны, привела к усилению необходимости межрегиональной координации работы, с другой – с углубленным развитием в рыночной экономике организации начали требовать «прибыли» от менеджмента и начали меняться. Многие полагаются на эффективную работу и оптимизированное управление, чтобы построить ядро конкуренции от «маркетинга для победы» до «управления для победы», тем самым увеличивая спрос на разнообразные функции программного обеспечения удаленного офиса. В целом рынок удаленного офиса имеет широкие перспективы развития (по данным Отчета об исследовании отрасли удаленных офисов Китая Китайского научно-исследовательского института инвестиционной индустрии, 2021 г.).

Технология блокчейн способствует развитию удаленного офиса в будущем

Удаленный офис во время эпидемии COVID-19 даже спас многие компании,

ему отдают предпочтение как рынок капитала, так и частный рынок. В то же время многие компании также выявили множество проблем в процессе его использования. В постэпидемическую эпоху после окончания эпидемии COVID-19 развитие технологии удаленного офиса неизбежно будет зависеть от проблем, присущих удаленному офису. По этой причине технология блокчейн может обеспечить техническую поддержку для улучшения и развития технологий удаленного офиса.

Как основная технология Интернета нового поколения технология блокчейн обладает характеристиками децентрализации, открытости и прозрачности, коллективного обслуживания и отслеживания, а также имеет естественные преимущества в групповом сотрудничестве в Интернете. Как развивающаяся технология обмена данными, которая ведет к изменениям в новую эру, мы можем использовать ее структуру данных «блок + цепочка» для хранения и проверки информации и решения проблем удаленного офиса. Используйте механизмы асимметричного шифрования для передачи данных и обеспечения безопасности данных, используйте алгоритмы консенсуса и механизмы стимулирования для обновления данных и обеспечения нормальной работы системы, а также используйте смарт-контракты для автоматического выполнения и управления протоколами данных.

Механизм безопасности удаленного офиса на основе технологии блокчейн

В настоящее время основные типы блокчейнов в технологии блокчейнов делятся на общедоступные блокчейны, частные блокчейны и совместные (отраслевые) блокчейны. Частный блокчейн в этой сети не является публичной. Владелец частной цепочки может быть компания или физическое лицо с эксклюзивным доступом на запись в цепочку блоков. Однако для присоединения к узлу требуется строгая авторизация. Права за-

писи каждого узла в частной цепочке блоков строго контролируются, а разрешения на чтение могут быть выборочно открыты для внешнего мира в зависимости от потребностей [8; 9; 10; 11]. Технология асимметричного шифрования в блокчейне может более полно обеспечить безопасность данных пользователей.

В то же время блокчейн также обладает такими характеристиками, как невмешательство, отслеживание повсюду и обслуживаемость. Блокчейн использует хеш-алгоритм для хранения данных, и блоки данных связаны друг с другом. Фальсификация данных в определенном месте приведет к изменению значения последовательности блока. Независимо от размера сети источник взлома может быть легко найденным. Таким образом, в случае утечки или злонамеренного изменения конфиденциальных данных компании в процессе удаленного офиса источник взлома может быть обнаружен с первого раза, что значительно снижает влияние утечки на компанию [12].

Выводы

Блокчейн может эффективно решить проблему доверия в удаленном офисе.

Во-первых, блокчейн обладает характеристиками открытости. В основе технологии блокчейн лежит открытый исходный код. За исключением того, что личная информация всех сторон транзакции зашифрована, данные блокчейна открыты для всех. Любой может запрашивать данные блокчейна и разрабатывать соответствующие приложения через общедоступный интерфейс. Поэтому вся системная информация очень прозрачна.

Функция информационной прозрачности технологии блокчейн может повысить эффективность обмена информацией внутри команды. После появления новой информации узлы цепочки блоков будут транслировать информацию каждому узлу для проверки, а затем обновлять информацию. Все записи данных основаны на доверии, что позволяет эффективно

избежать злонамеренного вмешательства в информацию или получения неверной информации.

Во-вторых, блокчейн имеет уникальную функцию отметки времени. Отметка времени – это данные, созданные с использованием технологии цифровой подписи. Объект подписи включает информацию об исходном файле, параметры подписи, время подписи и другую информацию. Система отметок времени используется для создания отметок времени и управления ими, а также для создания цифровых подписей объектов подписи для создания отметок времени, подтверждающих, что исходный документ уже

существует до момента подписания. Таким образом, временная метка может формировать хронологическую цепочку в процессе удаленного офиса, так что информация в цепочке является подлинной, надежной и отслеживаемой. Как только возникает проблема в определенном звене работы, он может быстро отследить источник и обеспечить подотчетность. Менеджеры также могут использовать временные метки, чтобы понять, как работают сотрудники, исключить возможность мошенничества с информацией, избежать проблем с доверием и предоставить техническую основу для построения новой модели доверия.

Список литературы

1. Гутерриш попросил всех сотрудников ООН работать удаленно. URL: http://www.russian.news.cn/2020-03/14/c_138876189.htm (дата обращения: 20.03.2021).
2. Отчет о занятости в будущем 2020. URL: <http://www.weforum.org/reports/the-future-of-jobs-report-2020> (дата обращения: 17.03.2021).
3. Лю Линьпин. Управление и проблемы удаленной работы (на китайском языке) // Народный форум Середина. 2020. № 12. С. 68-81.
4. Brittany Harker Martin, Rhiannon MacDonnell Mesler. Is Telework Effective for Organizations? A Meta – Analysis of Empirical Research on Perceptions of Telework and Organizational Outcomes // Management Research Review. 2012. № 35(7). P. 602–616.
5. Kelly Global Work force Index 2014. URL: <http://www.kellyservices.com> (дата обращения: 11.03.2021).
6. Крыжановская О. А., Бойко В. С., Каминская О. С. Развитие информационных технологий в России и мировом пространстве // Проблемы теории и практики управления развитием социально-экономических систем: сборник материалов XIV Всероссийской научно-практической конференции / Дагестанский государственный технический университет. Махачкала, 2017. С. 165-168.
7. Вертакова Ю. В., Клевцова М. Г., Положенцева Ю. С. Индикаторы оценки цифровой трансформации экономики // Экономика и управление. 2018. № 10 (156). С. 14-20.
8. Ли Синь. Технология Hyperledger Fabric: принципы проектирования и реализации архитектуры. Пекин: Machinery Industry Press, 2019.
9. Вертакова Ю. В., Крыжановская О. А., Степанова А. Р. Цифровая трансформация социально-экономических и производственных процессов на основе цифровой платформы интернета вещей // Вестник ОрелГИЭТ. 2019. № 4 (50). С. 130-135.
10. Крыжановская О. А., Некипелова А. С., Рушкова А. В. Развитие интеллектуального капитала в условиях структурных трансформаций экономики // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2018. № 2 (36). С. 21-27.
11. Bodrunov S., Plotnikov V., Vertakova Y. Technological development as a factor of ensuring the national security // Proceedings of the 30th International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2017 – Vision 2020: Sustainable Economic development, Innovation Management, and Global Growth. Madrid: IBIMA, 2017. P. 2666-2674.
12. Яо Чжунцзян, Гэ Цзинго. Краткое изложение принципов и приложений блокчейна (на китайском языке) // Исследование технологий и приложений информатизации. 2017. № 8. С. 3-17.

References

1. Guterrish poprosil vseh sotrudnikov OON rabotat' udalennno [Guterres asked all UN staff to work remotely]. Available at: http://www.russian.news.cn>2020-03/14/c_138876189.htm. (accessed 20.03.2021)
2. Otchet o zanyatosti v budushchem 2020 [Future Employment Report 2020]. Available at: <http://www.weforum.org>reports/the-future-of-jobs-report-2020>. (accessed 17.03.2021)
3. Liu Linping. Upravlenie i problemy udalennoi raboty (na kitaiskom yazyke) [Management and problems of remote work (in Chinese)]. *Narodnyi forum Seredina = People's Forum Mid*, 2020, no. 12, pp. 68-81.
4. Brittany Harker Martin, Rhiannon MacDonnell Mesler. Is Telework Effective for Organizations? A Meta – Analysis of Empirical Research on Perceptions of Telework and Organizational Outcomes. *Management Research Review*, 2012, no. 35(7), pp. 602–616.
5. Kelly Global Work force Index 2014. Available at: <http://www.kellyservices.com>. (accessed 11.03.2021)
6. Kryzhanovskaya O. A., Boyko V. S., Kaminskaya O. S. [Development of information technologies in Russia and the world space]. Problemy teorii i praktiki upravleniya razvitiem sotsial'no-ekonomicheskikh system. Sbornik materialov XIV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Problems of theory and practice of managing the development of socio-economic systems. Collection of materials of the XIV All-Russian scientific-practical conference]. Makhachkala, Dagestanskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet Publ., 2017, pp. 165-168. (In Russ.)
7. Vertakova Yu. V., Klevtsova M. G., Polozhentseva Yu. S. Indikatory otsenki tsifrovoi transformatsii ekonomiki [Indicators for assessing the digital transformation of the economy]. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*, 2018, no. 10 (156), pp. 14-20.
8. Li Xin. HyperledgerFabric Technology: Principles of Design and Implementation of Architecture. Beijing, Machinery Industry Press, 2019.
9. Vertakova Y. V., Kryzhanovskaya O. A., Stepanova A. R. Tsifrovaya transformatsiya sotsial'no-ekonomicheskikh i proizvodstvennykh protsessov na osnove tsifrovoi platformy interneta veshchei [Digital transformation of socio-economic and production processes based on the digital platform of the Internet of Things]. *Vestnik OrelGIET = Vestnik OrelGIET*, 2019, no. 4 (50), pp. 130-135.
10. Kryzhanovskaya O. A., Nekipelova A. S., Rushkova A. V. Razvitie intellektual'nogo kapitala v usloviyakh strukturnykh transformatsii ekonomiki [Development of intellectual capital in the context of structural transformations of the economy]. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii = Theory and Practice of Service: Economics, Social Sphere, Technologies*, 2018, no. 2 (36), pp. 21-27.
11. Bodrunov S., Plotnikov V., Vertakova Y. Technological development as a factor of ensuring the national security. Proceedings of the 30th International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2017 – Vision 2020: Sustainable Economic development, Innovation Management, and Global Growth. Madrid, IBIMA, 2017, pp. 2666-2674.
12. Yao Zhongjiang, Ge Jingguo. Kratkoe izlozhenie printsipov i prilozhenii blokcheina (na kitaiskom yazyke) [A summary of the principles and applications of the blockchain (in Chinese)]. *Issledovanie tekhnologii i prilozhenii informatizatsii = Research of Technologies and Applications of Informatization*, 2017, no. 8, pp. 3-17.

Информация об авторе / Information about the Author

Дин Шуй, аспирант, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: 87418602@qq.com

Ding Shui, Post-Graduate Student, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: 87418602@qq.com

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2 Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;

- разрешение на опубликование в открытой печати статьи от учреждения, в котором выполнена работа.

- сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);

- лицензионный договор.

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. **Публикация бесплатная.**

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов), места работы (полностью), почтового адреса места работы, электронного адреса (телефона), название (полужирный), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, список литературы. Авторы, название, аннотация и ключевые слова, список литературы приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200-250 слов), отражающая краткое содержание статьи. Аннотация должна быть рубрицирована (актуальность, цель, задачи, методология, результаты, выводы). Текст статьи должен иметь следующую структуру: введение, материалы и методы, результаты и их обсуждение, выводы (рекомендации).

Например:

УДК 004.9:519.8

**Построение модели прогнозирования обеспеченности кадрами
градообразующего предприятия**

А.Л. Иванов¹ ✉

¹ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Российская Федерация, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94

✉ e-mail: ivanov@gmail.com

Актуальность. В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.

...

Ключевые слова: агентное моделирование; градообразующее предприятие; событие.

В конце статьи приводятся сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество полностью, ученое звание, ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

12. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 10). Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

13. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г.Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieconom/>.